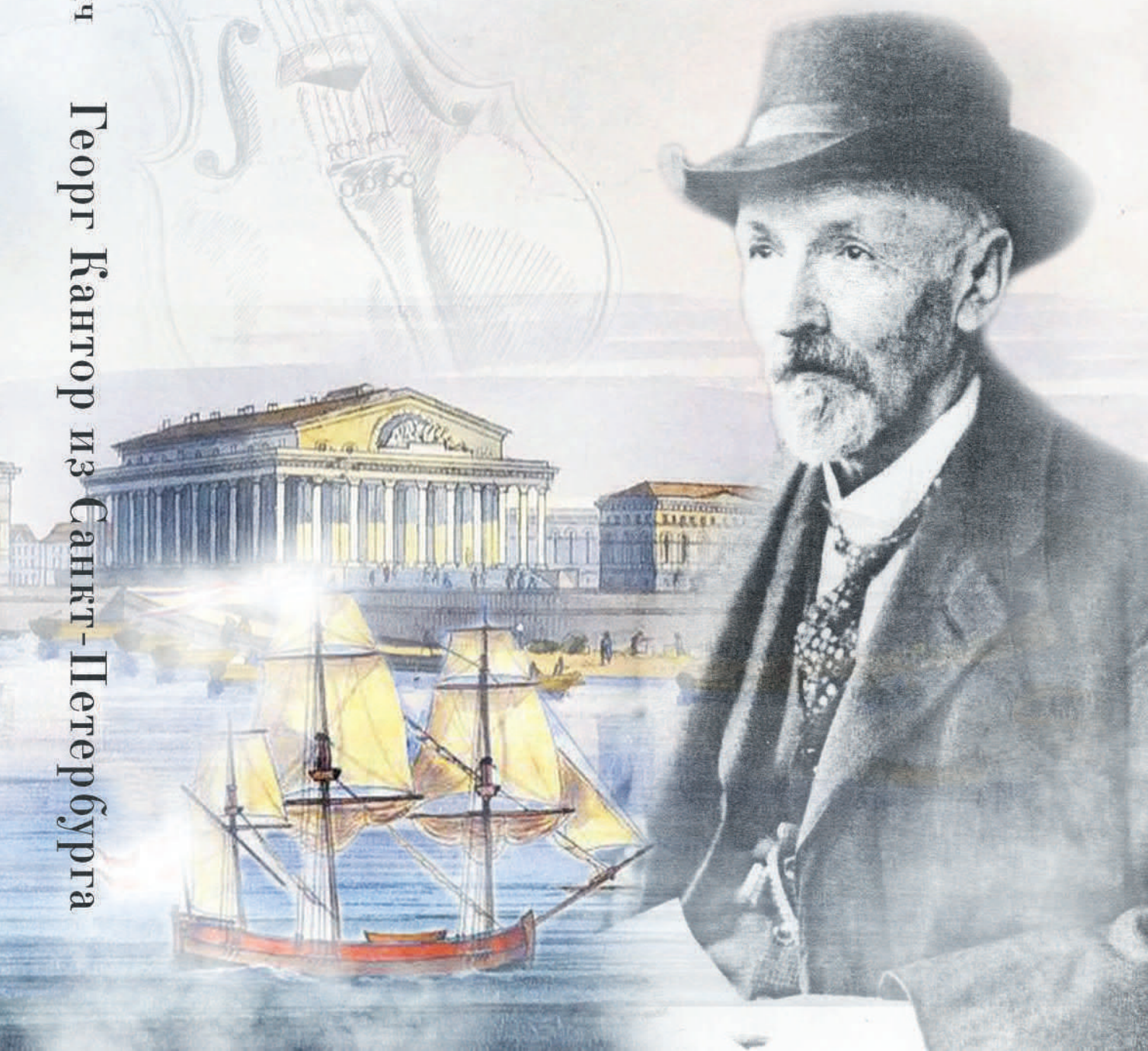

Г. И. Синкевич

Георг Кантор из Санкт-Петербурга

Г. И. Синкевич

Георг Кантор из Санкт-Петербурга

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет

Г. И. Синкевич

**ГЕОРГ КАНТОР
ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
(С КОММЕНТАРИЯМИ
ГЕОРГА ЗИНГЕРА)**

Монография

Санкт-Петербург
2023

УДК 510.22(78):51(091)(8):001(091)(6):947.0

ББК 63.3 (2-2 Санкт-Петербург)

Рецензенты:

д-р техн. наук, профессор *М. М. Воронина* (Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I);

канд. ист. наук, доцент, проректор по учебной работе *С. В. Михайлов*
(Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

Научный редактор

д-р физ.-мат. наук, профессор *С. С. Демидов*
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Синкевич, Г. И.

Георг Кантор из Санкт-Петербурга (с комментариями Георга Зингера) : монография / Г. И. Синкевич ; Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : СПбГАСУ, 2023. – 372 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-9227-1284-2

Посвящена научной биографии великого немецкого математика Георга Кантора и является дополненным и переработанным переизданием первой части книги «Георг Кантор & Польская школа теории множеств» (издана в СПбГАСУ в 2012 году). В ней впервые, благодаря архивным документам, приведена подлинная история семьи и детства Г. Кантора в Петербурге. Особенное внимание уделено его деду, первому солисту-скрипачу Императорских театров Санкт-Петербурга Францу Бёму. Изложен жизненный путь Кантора, рассказано о его становлении как математика и его работах по теории множеств. Книга дополнена обширными комментариями немецкого исследователя Георга Зингера, который нашел множество архивных материалов, проливающих свет на неизвестные страницы биографии Георга Кантора и истории его семьи.

Предназначена для историков математики XIX и XX веков, а также историков Петербурга XIX века.

В цитируемом тексте сохранены орфография и пунктуация подлинников.

Ил. 140. Библиогр.: 145 назв.

Печатается по решению Научно-технического совета СПбГАСУ

ISBN 978-5-9227-1284-2

© Синкевич Г. И., 2023

© Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет, 2023

© Дизайн обложки: Алексеев Н. В., 2023

Вступительное слово

Книга посвящена истории теории множеств, появившейся на свет в 70-е годы XIX века и совершенно преобразившей математику, начиная с её оснований вплоть до прикладных разделов, повлиявшей на сам стиль математического изложения. С появлением теории множеств на сцену математического действия вышла бесконечность – нерв всей математики, чаще всего скрытый и глубинно связанный логикой и философией. С ней в математику вторглись парадоксы, а на авансцену из тёмных подвалов математического подсознания вырвались проблемы её оснований. Вызывавшая поначалу реакцию неприятия со стороны многих (в том числе и очень крупных) математиков, к концу его она оказалась включённой в программы средней школы. Из скрытых до поры глубин математики она вытащила на поверхность её связи с глубинами философской (и даже богословской!) мысли.

Интересно, что при такой значимости теории множеств творческая биография её создателя Георга Кантора (1845–1918) изучена недостаточно.

И хотя о его жизни и творчестве написано уже немало – назовём здесь книги Дж. Даубена (Dauben J.W. *Georg Cantor. His Mathematics and Philosophy of the Infinite*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1979), В. Пуркерт и Г. Илгаудса (Purkert W., Ilgauds H. *J. Georg Cantor (1845–1918)*, Basel-Boston-Stuttgart: Birkhäuser Verlag. 1987), замечательные исследования Ф. А. Медведева, в том числе подготовленное им русское издание трудов Кантора в серии «Классики науки», – слишком многое в его жизни и творчестве остаётся пока неизвестным.

Основу данной монографии составляет проведённое Г. И. Синкевич исследование двух вопросов, до сих пор не становившихся предметом систематического изучения, – детства Кантора (его происхождения, обучения в столичной Петришуле и т. д.) и его происхождения.

Выявление национальных и религиозных корней семейства Г. Кантора (испанско-португальские иудеи, лютеране из Копенгагена – со стороны отца, венгерские и чешские католики – со стороны матери, натурализовавшиеся в Северной столице и ставшие органической частью её многочисленной «немецкой колонии»), рода их занятий (предприниматели, музыканты, университетская профессура), жизненных обстоятельств его близких и его самого, в том числе его школьных занятий, – всё это потребовало от автора чрезвычайной по объёму работы в архивах

Санкт-Петербурга и других городов и стран. В результате нам представилась возможность, во-первых, представить ту культурную атмосферу (родственные связи, окружение, интересы), в которой рос великий математик и философ, во-вторых, реконструировать (хотя бы в некоторых чертах) то первоначальное, во многом определяющее образование, которое он получил. Это, безо всякого сомнения, позволит лучше понять процесс дальнейшего развития его идей как в плане общего мировоззрения, так и в самой математике. Некоторые замечания на сей счёт делает автор, но теоретическое раскрытие этих факторов в творчестве Кантора – отдельная и достаточно сложная задача, ещё ждущая своих исследователей.

Текст написан хорошим русским языком, живо и с неподдельным авторским увлечением, передающимся читателю, на добротном научном уровне. Считаю, что монография заслуживает публикации. Книга, безусловно, будет интересна специалистам и более широкому кругу читателей, интересующихся историей научных идей, а также культурной историей России и Санкт-Петербурга.

Надеюсь, что автор продолжит свои исследования и на русском языке появится книга, посвящённая жизни и творчеству великого учёного Георга Кантора.

*Доктор физико-математических наук, профессор МГУ,
старший научный сотрудник отделения истории математики и физики
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Российской академии наук
С. С. Демидов*

Благодарности

Работа над этой книгой продолжалась много лет, и мне помогали многие люди из разных стран.

Приношу искреннюю благодарность пану Ежи Медушевскому (Польша), пану Витольду Венславу (Польша); профессору Дж. У. Даубену (США), ответившему на многие мои вопросы; профессору Мартину Веберу (Германия); завсектором истории математики Института истории естествознания и техники С. С. Демидову; Н. С. Ермолаевой, доценту Санкт-Петербургского архитектурно-строительного университета, помогавшей мне в редактировании этой рукописи; Г. В. Петровой, старшему научному сотруднику Санкт-Петербургского института истории искусств, которая поделилась со мной сведениями о музыкальной жизни Петербурга XIX века; Эсконен Сату, сотруднице архива Лаппеенранты (Финляндия); В. В. Берсеневу, сотруднику Российского государственного исторического архива; М. М. Перекалиной, сотруднице Центрального государственного архива Петербурга; Е. В. Хаздан, старшему научному сотруднику Института истории искусств; А. З. Харьковскому, музыковеду, старшему преподавателю Санкт-Петербургской консерватории; А. А. Алексееву-Борецкому, директору музея Санкт-Петербургской консерватории; светлой памяти Ф. А. Медведеву, историку математики, старшему научному сотруднику Института истории естествознания и техники, заинтересовавшему меня этой темой и бывшего моим первым научным руководителем; светлой памяти А. П. Юшкевичу, академику Международной академии истории науки; моим сыновьям Станиславу и Андрею, а также Любви Набережной, помогавшим мне в работе над рукописью. Приношу благодарность редактору О. Д. Камневой, чей труд значительно улучшил образ книги.

Особенную благодарность приношу немецкому исследователю Георгу Зингеру, переведившему эту книгу на немецкий язык и нашедшего в архивах Германии, Дании, Австрии, Венгрии и России множество бесценных сведений, проливающих свет на неизвестные страницы биографии Кантора и его семьи. В книге опубликована статья Г. Зингера «Новые сведения о происхождении Георга Кантора». Комментарии Георга Зингера приведены в концевых сносках.

Принятые сокращения

- РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург.
- ЦГИА – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.
- ОЭ РНБ – Отдел эстампов Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Санкт-Петербург.

Глава I. ДЕТСТВО В ПЕТЕРБУРГЕ

Георг Фердинанд Луи Филипп Кантор родился в Петербурге 3 марта (19 февраля по старому стилю) 1845 года в семье Георга Вольдемара Кантора и Марии Кантор, урождённой Бём. Стояла холодная погода – минус 8–10 градусов по Реомюру (10–13 по Цельсию), дул слабый ветер, небо было закрыто облаками. 20 мая 1845 года его окрестил дома пастор из лютеранской церкви Св. Екатерины¹.

Георг был первым долгожданным ребёнком, родившимся на третий год после свадьбы родителей. Вот что пишет о нём отец в 1851 году: «Старшего, семилетнего, зовут Георг Фердинанд Луи Филипп, он одарён от природы стремлением к порядку, преобладающим надо всем остальным, по характеру сангвиник»¹.

Его отец, Георг Вольдемар Кантор, купец и маклер, приехал в Петербург из Копенгагена. Его мать, Мария Кантор-Бём, родилась в Петербурге в семье скрипачей.

Семья жила на Васильевском острове, на 11-й линии в доме купца Траншеля². 10 октября 2011 года на доме установлена мемориальная доска (рис. 1, 2).

В доме был сад, разбитый садовником Гердесом, и в саду играли дети Канторов.

Дом имел три этажа, в 1877–1878 годах был надстроен. На участке расположено три корпуса с разными фасадами и ещё один корпус – во дворе. Сейчас эта территория занята домами № 22 (был построен в 1830-е годы), № 24 и 26. На месте дома № 24 с 1800-х годов было небольшое каменное здание в два этажа, а в 1835–1836 годах появилось трёхэтажное здание. Позже, в 1877–1878-м, архитектор Я. К. Хофер (тот самый, который построил здание Бестужевских курсов – позже матмех Университета) включил их в четырёхэтажный массив, занявший территорию во всю ширину участка.

Из этого дома отец семейства Георг Вольдемар Кантор ходил на стрелку Васильевского острова, где он был маклером на Бирже, и по Благовещенскому мосту к Исаакиевской площади в Торговый дом Сарептского общества³, с которым он сотрудничал. В Отделе рукописей РНБ сохранилось

---

¹ ОР РНБ. Ф. 476. Д. 54. Л. 4.

² Георг Кантор, купец, биржевой маклер на 11-й линии, 19, дом Траншеля [71]. Современный адрес: Санкт-Петербург, 11-я линия Васильевского острова, д. 24.

³ Современный адрес: ул. Якубовича, д. 24.

письмо Георга Вольдемара Кантора⁴ 1851 года, в котором он описывает «суровую суматоху своей жизни», изматывающую конкуренцию, свою апатию, своих детей, гостей дома, холодные зимние вечера, отварную говядину на ужин и кипящий самовар⁵.

Рис. 1. Дом Кантора на 11-й линии
Васильевского острова

Рис. 2. Мемориальная доска на доме Кантора

---

⁴ ОР РНБ. Ф. 476. Д. 54. Л. 4.

⁵ Полный текст письма см. в прил. 1.

В 1846 году родился второй мальчик – Луи Густав (Лёля)ⁱⁱ.

Из письма Георга Вольдемара Кантора кузену Дмитрию Мейеру в 1851 году: «Лёля, или собственно Луи Густаф, второй мальчик шести лет от роду, обладает необычайной бойкостью языка (зачастую не лишенной логики), темпераментом холерика и бывает порой до отчаяния упрямым».

В 1847 году у Георга Вольдемара Кантора обострилась чахотка⁶, и он с супругой отправился на лечение в Италиюⁱⁱⁱ. Детей они оставили на попечение живших рядом Анастасии и Осипа Гримм – тётки Георга Вольдемара Кантора и её мужа, скрипача. Вернулись они 5 августа 1847 года на почтовом пароходе «Владимир» из Штеттина⁷. Это был самый популярный маршрут, соединяющий Петербург с Европой.

Как пишет Георг Вольдемар своему кузену: «После того как я в сопровождении моей супруги предпринял длительное путешествие по Южной Европе для обуздания приобретённой в трудах (а не врождённой) чахотки, после долгого пребывания в Пизе и „бэлла Венеции“, я осенью 47-го, истощённый, ещё более чем до поездки, спешно возвратился в Петербург для того лишь, чтобы принять благословение и испустить последний вздох в окружении своих двух детей».

Характерная деталь: несмотря на то что Георг Вольдемар Кантор по своей деятельности имеет дело с точными числами, в письме он называл даты и сроки приближённо. В письме Мейеру он говорит, что они вернулись в Россию осенью, хотя было 5 августа, а возраст старшего сына – шесть с половиной лет – округляет до семилетнего.

В 1848 году в семье Канторов родилась дочь София^{iv}. В конце 1849 года родился четвёртый ребёнок – Константин Карл⁸. Из цитируемого письма Георга Вольдемара Кантора кузену: «Девочку, которой скоро исполнится 4 года, зовут Софией, она нежное, прелестное и к тому же интеллигентное создание. Константин Карл – последний мальчик 2-х лет; его характер пока не определился».

Впоследствии София прекрасно рисовала, и именно она увлекла взрослого Георга Кантора изучением Шекспира^v. Константин Карл стал хорошим пианистом и капитаном кавалерии^{vi}.

---

⁶ Заметим, что тогда не было известно об инфекционной природе чахотки. Первая публикация Н. И. Пирогова на эту тему появилась в 1852 году.

⁷ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург, 1847 (5 августа). – С. 372.

⁸ Даубен пишет, что: «The couple's six children, of which Georg was the eldest» [107, с. 274]. Исследование архива Кантора показало, что в семье было четверо детей.

В этом же доме в 1850 году поселился П. Л. Чебышёв (рис. 3), позже – его друг О. И. Сомов (рис. 4), университетские профессора-математики [60]. В 1847 году Сомов был назначен экстраординарным профессором, а Чебышёв адъюнктом⁹.

Рис. 3. П. Л. Чебышёв

Рис. 4. О. И. Сомов

После защиты докторской диссертации «Теория сравнений»¹⁰ Чебышёв в 1850 году был назначен экстраординарным профессором¹¹.

Выходя из дома, Чебышёв и Сомов могли видеть, как в саду играли дети Канторов, и слышать, как из их окон доносится музыка.

Жена Георга Вольдемара Кантора, Мария Кантор, урождённая Бём, происходила из семьи музыкантов. Она была обаятельна, приветлива и артистична, играла на скрипке. Их дом был открыт для гостей. К ним приходили друзья-музыканты, звучала музыка. Дети учились у неё игре на скрипке и фортепиано. Георг Кантор сохранил любовь к скрипичной музыке на всю жизнь, а в студенческие годы со своими друзьями даже организовал струнный квартет [107, с. 278].

Впоследствии Георг Кантор сожалел, что отец не позволил ему стать скрипачом [108, с. 278].

---

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5070.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5176.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5439, 5529.

В гости приходил брат Марии скрипач Людвиг Бём, тётя Георга Вольдемара Анастасия Гримм со своим мужем скрипачом Осипом, дядя Георга Вольдемара скрипач Гартвиг Мейер, который в гостях у племянника любил выкурить гаванскую сигару. Приходили его дочери, кузины Георга Вольдемара, Маша и Мила, Анна, сестра Марии, и её тётя Юстина Моравек, служившие камер-юнгферами¹² при дворе великой княгини Марии Николаевны. Бывали у них тётя Марии Кантор-Бём, Анна Гиделло-Моравек, со своими дочерьми-двойняшками Катариной и Каролиной; скрипач и композитор Людвиг Маурер, друг покойного отца Марии Кантор-Бём; друг Георга Вольдемара Кантора маклер Чарльз Моберли.

Георга и его брата отдали учиться в Петришуле (Невский пр., д. 22, рис. 5), Главное немецкое училище при лютеранской церкви Св. Петра. Оно было основано в 1709 году для многочисленного немецкоязычного населения Петербурга. Лютеранская церковь Св. Петра с домами находилась по адресу: 2-я Адмиралтейская часть, 1-й квартал, Невский пр., д. 25–27, современный адрес: Невский проспект, д. 22–24. Здание сохранилось в перестроенном в 1830-е годы виде. За зданием церкви находится школа.

Преподавание было на высоком уровне, многие, не только немцы, старались отдать детей туда учиться. В школе было 15 классов, в каждом классе от 20 до 70 человек, существовали классы для мальчиков и классы для девочек. Класс Кантора насчитывал 67 учеников.

В первом классе изучали религию, русский, немецкий, французский, арифметику, каллиграфию, географию, рисование; по желанию – английский и латынь¹³; во втором классе – религию, русский, немецкий, французский, арифметику, каллиграфию, рисование.

Первый семестр Георг Кантор учился очень хорошо, у него были прекрасные отметки: религия – 4, русский язык – 5, французский – 4, арифметика – 5¹⁴. Но во втором (весеннем) семестре 1853 года всё стало очень плохо: религия – 3, 2, 2, русский – 3, 2, 2, арифметика – 4, 3, 3, 2, другие предметы – 3, 2, 2, 2. Средний балл 2,2¹⁵. Возможно, это было связано

---

¹² Камер-юнгфера – младшая фрейлина, девушка, присутствующая при одевании царственных особ. В штат великих княжён выбирались юные дочери музыкантов и купцов, способные участвовать в играх и музыкальных занятиях.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. ДД. 182–214.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 196.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 197.

с болезнью отца или другими семейными проблемами, а быть может, это был первый эпизод депрессии.

Рис. 5. Петришуле

В классе, где учился Георг Кантор, чистописание (каллиграфию) вёл Иван Иванович Лагузен, сын нарвского барона, и отметки Кантора были 3,5 и 4; французский – Густав Федорович Лаланс, закончивший это же училище, он ставил Кантору отметки от 3 до 4,5; Казимир Казимирович Лиммерих, закончивший Йенский и Кильский университеты, вёл географию, и по ней у Кантора были одни пятёрки. Рисованию обучал Вильгельм (Василий Иванович) Папé из соборного училища в Риге, и оценки у Кантора были 4 и 5. Грамматику немецкого языка вёл Рейнгольд Васильевич Шульце, отметки 4,5 и 5. Русский язык преподавал Дмитрий Иванович Ульянов, учившийся в Петербургском университете, но не окончивший курса¹⁶. По этому предмету отметки у Кантора были от 3 до 4,5. Иверсен преподавал в его классе латынь, но Кантор не посещал этот предмет.

---

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 211.

Математику в первом и втором классе вёл Фридрих (Фёдор Константинович) Фейхтнер, сын придворного музыканта, сам окончивший курс в Главном немецком училище. Он составил для учеников таблицу российских монет, мер и весов. Георг Кантор имел по математике пятёрки, изредка четвёрки.

В списке учеников 1854 года¹⁷ второго класса – Георг Кантор, девяти лет; религия семьи – лютеранская и католическая; из купеческой семьи, родился в Петербурге, проживает у себя; в первом классе – его младший брат Людвиг Кантор, 8 лет.

В эти годы семья переехала на Большую Конюшенную улицу в четырёхэтажный дом Жадимировского (рис. 6), поближе к школе¹⁸. Современный адрес: Большая Конюшенная ул., д. 1.

Рис. 6. Дом № 1 по Большой Конюшенной улице, где семья Канторов жила до весны 1856 года

Многие преподаватели имели университетское образование. Директором был Фридрих Лоренц, доктор философии из Гейдельбергского университета. Географию и историю преподавал Генрих Мелин из Университета Упсала, чистописание – И. И. Лагузен, географию, всеобщую и естественную историю – Генрих Витте, французский – Г. Ф. Лаланс, Закон Божий – Ф. Ф. Рихтер из Дерптского университета, английский – Э. Ф. Вистингаузен из Итона¹⁹.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 204. Л. 8.

¹⁸ St.Peterburgische Zeitung. – 1856. – 15 (27) Mai. – S. 506.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 192.

В третьем классе математику у Георга Кантора стал вести Василий Фёдорович (Вильгельм) Зарнов (из иностранцев), Мекленбург (шверинский подданный). В курс математики входили арифметика, наука о торговле и бухгалтерия. Зарнов окончил Дерптский университет в 1837 году с аттестатом домашнего учителя, т. е. мог обучать детей только в частных домах, потом работал учителем немецкого языка при Ларинской гимназии, затем в Санкт-Петербургском коммерческом училище²⁰. Он был известен как составитель таблиц для вычисления процентов по банковским билетам²¹. Оценки Кантора по математике заметно улучшились²².

К концу 1-го семестра 1856 года у Кантора самым успешным предметом была география, затем математика и немецкая грамматика, потом религия, французский, каллиграфия и менее всего – русский язык (рис. 7)²³.

Gr. Tordis	Religion	Phys.	Math.	German	French	English	History	Geography	Art	Music	Physical Education	Other
Pavlov		5	4	5	4	5	4	5	5	5	5	5
...		3	3	4	2	3	3	5	5	5	5	5
...		4	2	4	2	3	2	5	5	5	5	5
...		3	3	2	1	1	1	5	5	5	5	5
...		3	0	2	2	1	1	5	5	5	5	5
Cantor	5	5	5	4	5	5	5	5	5	5	5	5
...	4	3	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
...	4	3	3	4	4	4	4	4	4	4	4	4
...	4	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
...	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5

Рис. 7. Классный журнал с успехами Кантора (фрагмент)

К сожалению, чахотка, которой был болен отец Георга, Георг Вольдемар Кантор, сделала невозможным его пребывание в суровом климате Петербурга. Удручающее впечатление произвела на него и смерть от чахотки его любимого кузена, профессора Петербургского университета Дмитрия Мейера, в январе 1856 года. В России начинался финансовый кризис, с воцарением Александра II усложнились условия торговли в России.

²⁰ РГИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1127. 7 л. 1837.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 197.

²² ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 224.

²³ Там же.

4 мая 1856 года Георг Вольдемар Кантор просит год отпуска для отъезда за границу: «Вследствие просьбы биржевого маклера Георга Кантора, имеющего надобность отправиться на один год за границу, Биржевой комитет, не находя, со своей стороны, препятствия к увольнению Кантора в отпуск, имеет честь донести о том Департаменту внешней торговли»²⁴.

В 1856 году семья Канторов уехала из Петербурга в Германию.

В газете *St. Peterburgische Zeitung* от 15(17) мая 1856 года в списке отъезжающих за границу²⁵: «Георг Кантор, вильманстрандский купец, с женой Марией Кантор и несовершеннолетними детьми Георгом, Людвигом, Константином и Софией, с Лаурой Зундштрём, шведской подданной, проживающий по Большой Конюшенной в доме Жадимировского 1».

Георг Вольдемар не планировал отъезд навсегда – он взял отпуск на год. Но переезд оказался окончательным.

Сначала они поселились во Франкфурте-на-Майне^{vii}. К этому времени семья уже была богата. В 1871 году после воссоединения Германии и появления рейхсмарок их состояние оценивалось более чем в полмиллиона рейхсмарок²⁶.

Отец хотел, чтобы Георг стал инженером, но сын выбрал математику, для изучения которой поступил в Политехникум в Цюрихе. Георг Вольдемар Кантор умер в 1863 году в Гейдельберге^{viii}. Мария Кантор до самой смерти получала за мужа пенсию 195 рублей ежегодно от кассы вдов и сирот Санкт-Петербургских биржевых маклеров^{ix}. Она умерла в 1896 году^x в Берлине²⁷. Георг Кантор после смерти отца в 1863 году стал учиться в Берлинском университете, который и закончил в 1867 году.

Георг Кантор тепло вспоминал детские годы в Петербурге [113] и даже рассматривал возможность поступления на русскую дипломатическую службу как российский подданный [122]^{xi}. В 1894 году он писал в одном из писем: «Мои первые чудесные 11 лет, проведённые в прекрасном городе над Невой, к сожалению, никогда не повторятся» [122, с. 16].

²⁴ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 786, 163 л., л. 57. 1856 г.

²⁵ *St. Peterburgische Zeitung*. – 1856. – 15(27) Mai. – S. 506.

²⁶ При пересчёте этих денег на русские серебряные рубли капитал Канторов был приблизительно равен стоимости товаров затонувшего галеота «Ди Фрау Мария». (Исходя из того, что серебряный рубль содержал 18 граммов серебра, марка – 5 граммов, рублёвое выражение наследства – 138 889 рублей – для петербургских купцов не очень большая сумма.) Кстати, заметим, что посмертный долг Пушкина был 140 000 рублей (100 000 – частные и 40 000 – царю).

²⁷ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 2. Д. 773. ЛЛ. 102–134.

Глава II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Какова же была история семьи Кантора, как оказались в Петербурге его отец и мать? О происхождении Кантора сложены легенды, переходящие из одной книги в другую, но не подтверждённые документально. Недавно найдены некоторые письма Георга Кантора [108], в которых он рассказывал о себе и своей семье, но многого не знал и он сам.

А семья была замечательной (рис. 8). Один его дядя – профессор права Казанского и Петербургского университетов, другой дядя – профессор Петербургской консерватории. Дедушка – первый скрипач Петербурга, бабушка – скрипачка-виртуоз, двоюродный дедушка – профессор Венской консерватории. Один прадедушка – любимый метрдомель Екатерины II и Павла I. Другой прадедушка, купец из Копенгагена, проживавший в Петербурге, после гибели корабля «Ди Фрау Мария» упросил Павла I определить своих детей музыкантами при императорском дворе. В этой семье были и профессора, и придворные музыканты, и фрейлины, и купцы.

Три поколения его семьи тесно были связаны с историей и культурой Петербурга.

2.1. Линия отца. Купцы из Копенгагена

2.1.1. Петербург к началу XIX века

В 1703 году Петр I заложил Петербург, чтобы закрепить выход к морю. Основу населения составили пленные шведы и присланные по приказу Петра жители Новгородской, Олонецкой губерний, татары, калмыки, малороссы. Город-порт стал столицей России. Строились дома, корабли, город нуждался в рабочих руках. Для привлечения российских и иностранных купцов создавались торговые и налоговые льготы, декларировалась веротерпимость. Представители христианских конфессий могли строить свои церкви. Купцы из Голландии и Англии, побывав в Петербурге, возвращались в него вновь с семьями на постоянное жительство. По их примеру стали переселяться с семьями немцы, французы и итальянцы. Они открывали мануфактуры, фабрики, лавки и мастерские, вели торговлю, обучали искусствам и ремёслам. В Петербурге постоянно было более 20 иностранных представительств.

Население Петербурга выросло с 80 000 в 1750 году до 451 000 человек в 1836-м, причём росло оно не за счёт рождаемости, а за счёт внешнего притока.

Городу нужны были знающие специалисты. Приглашением иностранцев на работу по контракту занимались специальные агенты государственной службы, посланники и даже купцы. Приезжали строители, архитекторы, художники, учёные, садовники, плотники, моряки, корабельщики, морские и сухопутные офицеры, администраторы, повара, врачи, музыканты, учителя.

В 1697 году Пётр I знакомится с Лейбницем, который впоследствии консультировал его по самым разным вопросам. Так, Пётр I неоднократно обсуждал с ним план создания Академии наук и реформы образования. Лейбниц писал Петру I, что для поощрения деятельности профессоров и учителей их следует наделять чинами, которые имеют придворные и служащие городских учреждений [92].

Вся наука России начиналась на Васильевском острове.

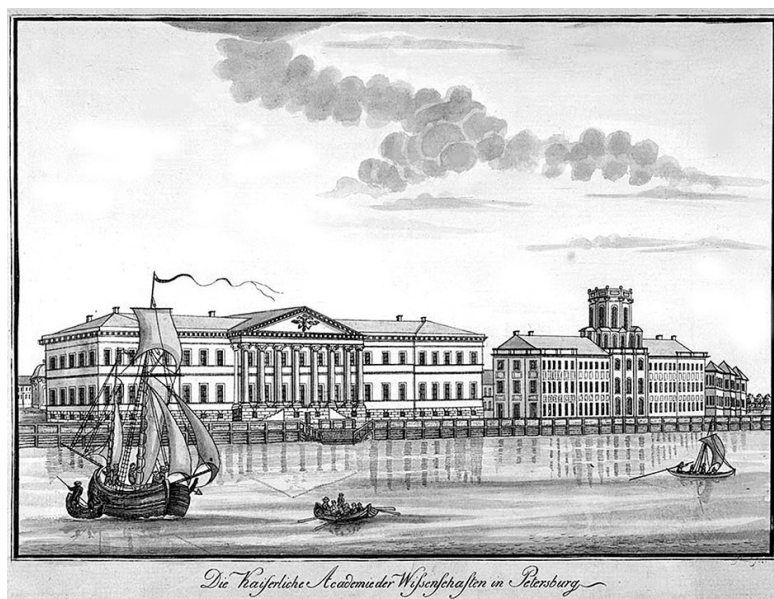

Рис. 9. Петербургская академия наук в XVIII веке

В Академии наук (рис. 9), основанной в 1725 году, работали швейцарские, немецкие и французские учёные, в их числе математики Эйлер

и братья Бернулли. Они жили на Васильевском острове и посещали лютеранскую церковь Св. Екатерины, в которой венчались и крестили своих детей Канторы, жившие неподалёку.

2.1.2. Датчане в Петербурге

Большой заботой Петра был флот. Многих датчан рекрутировал на работу по контракту в Россию сам Пётр. По большей части они служили во флоте либо строили корабли.

При Петре I роль вербовщика исполнял адмирал норвежского происхождения К. Крюйс, благодаря которому в Петербурге на Васильевском острове поселилось много выходцев из Скандинавии. Крюйс основал Немецкое училище – школу, которая впоследствии получила название Петришуле (St. Petri-Schule). В этой школе потом учился юный математик Георг Кантор.

В 1703 году по приглашению Крюйса поступил на русскую службу в чине подпоручика датчанин Витус Беринг, известный мореплаватель.

Императрица Анна Иоанновна вызывала по контракту в Россию военных и гражданских специалистов. Например, в 1834 году она разослала русским послам в Голландию, Англию и Данию рескрипт о приискании двух искусных флагманов для принятия на русскую службу адмиралами или вице-адмиралами²⁸.

По приглашению Екатерины II библиотекарем стал датчанин Иоганн Христиан фон Даль, богослов и врач, отец В. И. Даля [52]. Селились датчане преимущественно на 6–13-й линиях Васильевского острова. Среди них были купцы, шкиперы, ремесленники.

Мы знаем, что отцом Георга Кантора был выходец из Дании, купец Георг Вольдемар Кантор (рис. 10), чья мать, т. е. бабушка математика, принадлежала к датской семье купцов Мейеров. Это была распространённая в Европе фамилия. В Петербурге было очень много Мейеров из Дании. Связаны они с героями нашей истории или нет, не всегда можно сказать.

Рис. 10. Георг Вольдемар Кантор

²⁸ РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 67. Л. 352.

Но так как в этом исследовании есть не только документально подтверждённые события, но и гипотезы, перечислим Мейеров, возможно связанных с нашими героями и с датским галеотом «Ди Фрау Мария», с крушения которого и начинается вся история.

Имена иностранцев в России часто изменялись, и иногда один и тот же персонаж фигурирует под разными именами, либо встречаются тёзки-однофамильцы. Вот и здесь нельзя с уверенностью утверждать, что речь пойдёт о родственниках.

При дворе служили плотники и столяры из Копенгагена. Был купец Мейер из Вильманстранда, купец Мейер из Фридрихсгама (города Выборгской губернии, ныне финские города Лаппеенранта и Хамина).

А. С. Пушкин в набросках к «Истории Петра I» писал: «Петр I, когда призывал купца Мейера в Сенат, то всегда приказывал ставить для него стул». Вот что писал Якоб фон Штелин об этом купце: «Мейер, Герман, знатный купец и банкир в Москве и Петербурге, которой, как прежде отец его и тесть Лют, был Петром Великим употребляем в вексельных делах, денежных пересылках, больших поставках и других торговленных делах. Царь удостоивал его столь отменною милостию, что, когда призывали его к нему в Сенат, приказывал ставить ему позади себя стул и ближе с ним разговаривать. Кредит его в государстве и вне онаго, а особливо в Голландии и Англии столь был велик, что его всегда называли богатым Мейером. Чрез частое его обхождение с царём, который во всех коммерческих делах с ним советовался, имел он счастье быть у монарха ходатаем за внутренних и иностранных. Он умер в 1749 году, оставя по себе сына, находящегося еще вживе, Мейера, искуснаго купца в Петербурге [97]».

С купцом И. Мейером был заключён в 1722 году контракт на экспорт казённого железа [66].

Фрегат «Апостол Петр» в 1696 году для Азовского флота строил датчанин Август Мейер.

В 1769 году упоминается Мейер из Копенгагена, поставщик досок. Столяром работает датчанин Юстус Мейер («дацкой нации», умер в 1801-м).

С 1773 года во дворцах работал столярный мастер Христиан (Кристиан) Мейер из Копенгагена. Вот перевод с датского его паспорта 1774 года: «Его королевского величества Короля Датского и Норвежского Назначенный президент в Столичном городе Копенгагене, Конференции советник и Кавалер Даннеборгского ордена Готгард Алберт Брем. Объявляю есьм кому о сем ведать надлежит, что показатель сего нынешний столярного

дела подмастерье Христьян Мейер, который намерен ехать из сего города в Санктпетербург и дальше; никакой болезнью не отягощен; то прошу всех Господ командирующих над Заставами вышесказанного Христьяна Мейера пропускать без задержания. Июня 28 дня 1774 года²⁹».

Он делал мебель для Екатерины II, поправлял полы нового Зимнего дворца, в 1776 году исправлял шкафы на половине его императорского высочества государя цесаревича великого князя Павла Петровича, в 1798-м делал ящики к составлению минералогических кабинетов для великого князя Александра Павловича и великого княжича и выполнял многие другие работы. В 1798 и 1799 годах делал мебель для великих княжён – 14-летней Елены Павловны и 16-летней Александры Павловны³⁰. В 1783 году именным указом Екатерины II Христиан Мейер был определён в тафель-декеры (накрывающий на стол – придворный чин, соответствующий губернскому секретарю)³¹.

Столяр Христиан Мейер в 1784 году обучал столярному мастерству великих князей: семилетнего Александра Павловича и пятилетнего Константина Павловича. В 1806 году Александр I приказал выплатить Христиану Мейеру 500 рублей за «показывание мне столярного рукоделия во время младенчества моего» [94].

Высокое мастерство Мейера в изготовлении наборной мебели в технике маркетри, а потом в стиле русский жакоб и большой спрос на эту мебель позволило ему открыть собственную мастерскую, в которой работало до 50 человек, и перейти в купцы III гильдии. В 1807 году он пишет о себе: «Жительство в России я имею 35 лет и более 6 лет состою записанным в Санкт-Петербургском купечестве, а так как я ныне желаю вступить в вечное России подданство, то по силе всемилостивейшего сего года генваря 1-го дня манифеста 3-го отделения 9 статьи покорнейше прошу о допущении меня к присяге на вечное России подданство»³². В 1804, 1808, 1810-м Мейер «исполнял службу по Императорским Дворцам и другим казённым местам»³³. Проживал в III части 4-го квартала по Большой Подьяческой улице в доме тайного советника барона Николаи № 267 [77].

---

²⁹ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 630. № 14.

³⁰ РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 871. Оп. 4 (531/1537). Д. 9.

³¹ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 154.

³² РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 630. № 14.

³³ РГИА. Ф. 470. Оп. 4 (539/1546). Д. 50.

В начале XIX века при дворе служит штаб-лекарь Иван Мейер³⁴.

Некий Е. Мейер в первой четверти XIX века содержал на Васильевском острове пансион, в котором преподавали профессора Раупах и Герман.

Несколько человек с фамилией Мейер были датскими торговыми консулами. Имеется рапорт 1807 года действительного статского советника Литке, что: «Датский консул, не вступая в звание гостя, просит позволения производить торговлю»³⁵. Имеется дело о признании Н. Л. Мейера датским консулом в Санкт-Петербурге³⁶. В 1809 году адрес И. А. Мейера, датского консула, указан по Васильевской части, по 13-й линии в доме Мануйлова № 67 [77]. В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 31.12.1812 назван Мейер, королевско-датский консул, проживающий на Василеостровской набережной, в угловом доме по 16-й линии. В 1823 году в Санкт-Петербурге датским консулом назван Фридрих Мейер. Имеется документ о продаже его вдовой Анной Лаврентьевной дачи на Каменном острове в 1824 году.

В 1830-е и 1840-е годы в Петербурге: «Иоганн (Иоганн Мартынович) из города Вильмонстранд и временно СПбургский купец I гильдии живёт у Певческого моста, в доме Калугина. Фирма И. Мейер, J. Meyer» [3].

Профессором и ректором (1806–1808) Дерптского университета был Карл Фридрих Мейер, ординарный профессор римского и немецкого права³⁷.

Членом-корреспондентом Российской АН в 1833 году был избран выпускник Дерптского университета ботаник К. А. Мейер, в 1839–1855 годах — академик.

В 1852 году в Казани свидетелем при составлении завещания Дмитрия Ивановича Мейера был тайный советник Петр Андреевич Мейер³⁸.

Таким образом, мы видим, что в Петербурге было немало Мейеров, в том числе и из Копенгагена, и «престарелый копенгагенский купец Мейер, проживающий в Петербурге» в 1799 году, несомненно, был связан с ними.

---

³⁴ РГИА. Ф. 470. Оп. 4. (122/556). Д. 9, Л. 28.

³⁵ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 543.

³⁶ РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 292.

³⁷ В 1816–1817 гг. был под судом по причине осуществленных юридическим факультетом противозаконных производств в учёные степени. (РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 229. 9 Л.)

³⁸ ОР РНБ. Ф. 476. Д. 4.

2.1.3. Немцы в Петербурге. Сарептское общество

Георг Вольдемар Кантор, родившийся в Копенгагене, и его кузен Дмитрий Мейер переписывались по-немецки, а не по-датски или по-русски. В семье его жены Марии Бём, в которой есть венгерские и чешские корни, происходившей из Австро-Венгрии, тоже говорили по-немецки. Отец Марии, скрипач Франц Бём, даже по-французски говорил с сильным немецким акцентом, о чём упоминает его ученик Михаил Иванович Глинка.

Население Петербурга начала XIX века было на 10 % немецкоязычным.

С 1728 года в Петербурге начинают выходить газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и немецкоязычная «St. Petersburgische Zeitung», дублирующая её.

Золотым веком для России были 1762–1796 годы – период правления Екатерины II. При ней в Петербурге появились Эрмитаж и Публичная библиотека. Императрица покровительствовала искусствам – архитектуре, музыке, живописи и театру. По её поручениям в Россию призывались учёные, музыканты, архитекторы.

Одной из причин, по которой в Россию охотно переселялись, была религиозная толерантность. Все ветви христианской церкви могли строить свои храмы. Как правило, государство оплачивало половину расходов на строительство.

Благодаря Екатерине были приглашены поселенцы в Поволжье и на Кавказ. Придя к власти в 1762 году, Екатерина II издала два манифеста о приглашении в Россию колонистов для поселения в Поволжье на выгодных условиях и с освобождением от налогов на 30 лет (при поселении в городах на пять лет). Поселенцам гарантировалось общинное самоуправление, свобода исповеданий, право на сооружение своих церквей, освобождение от военной службы, предоставление беспроцентных ссуд на 10-летний срок на постройку дома и обзаведение хозяйством, возмещение путевых и кормовых расходов на переезд в Россию.

Первыми откликнулись на манифест члены общества моравских братьев – гернгутеры. В 1865 году между Астраханью и Царицыном (ныне Волгоград), в устье реки Сарпы, впадавшей в Волгу, они основали поселение. Название реки напомнило им слова из Библии, обращённые к Илие, 3-я Книга Царств, глава 17: «8. И было к нему слово Господне: 9. Встань, и пойдя в Сарепту Сидонскую, и оставайся там. Я повелел там женщине вдове кормить тебя. 10. И встал он и пошёл в Сарепту».

И Екатерина II была вдовой, и река называлась Сарпа, поэтому своё поселение гернгутеры назвали Сарептой.

Вслед за гернгутерами приехали и другие поселенцы. За пять лет начиная с 1763 года в Нижнее Поволжье перебралось 8 тысяч немецких семей общей численностью 27 тысяч человек. На правом берегу Волги они основали 45 колоний, а на левом – 57. Гернгутеры, как первые гости, имели ещё более льготные условия. Они назывались также «моравские братья», «богемские братья», или «чешские братья».

2.1.4. Гернгутеры

Деятельность Георга Вольдемара Кантора была связана с Сарептским обществом. Не исключено, что мировоззрение гернгутеров оказало своё влияние на его внутренний мир и отношение к сыну. В его переписке с сыном видна восторженная религиозность, пиетизм, характерный для гернгутеров, о которых расскажем подробнее.

Родоначальниками чешских братьев были табориты, последователи Яна Гуса, изгнанные из Богемии (Чехии) и Моравии. В 1456 году они перешли в Польшу, где образовали евангелическое братство, назвав себя богемскими братьями. Тридцатилетняя война 1618–1648 годов привела почти к полному их истреблению. О них упоминает Жорж Санд в романе «Консуэло».

В начале XVIII века идея богемских братьев получила развитие в Германии, где они нашли сильного покровителя в лице сына саксонского министра Николауса Людвига Цинцендорфа (1700–1760). В 1722 году он предоставил им для поселения в Саксонии 17 га земли и имение Бертельсдорф. Они называли это место Herrnhut («Господь указал», «Град небесный», хотя можно перевести и как «Господь-хранитель»), а себя стали называть гернгутерами. Здесь они прославились своей честностью, трудолюбием и нравственным образом жизни. На своей новой родине они занимались преимущественно производством хорошего тонкого полотна, которое продавали далеко за пределы Саксонии.

С 1508 года в Вене существовала полотняная торговля в доме, называемом с 1750 года Zum Herrnhuter – «К гернгутеру» (рис. 11). Дом находился на Нойер-Маркт, № 17, его фасад был украшен каменной фигурой гернгутера, словно говорящей: «Строго честные правила гернгутеров в жизни и торговле – также и мои. Здесь можно получить хорошие, прочные полотняные товары» [94].

Рис. 11. Фото из книги «Фельбермейер и К°, поставщики двора его И. и К. Величества». Магазин «К Гернгутеру» (Вена, 1902)

Екатерина II издала несколько указов в пользу гернгутеров-переселенцев, а после Павел I, Александр I и Николай I своими указами подтвердили их льготы и право владения домом в Петербурге [55] (прил. 3).

Прекрасные мастера, сарептяне привезли с собой навыки разнообразных ремёсел и создали из небольшой колонии довольно крупный центр Нижнего Поволжья. Из Сарепты по всему региону распространились впоследствии ткацкое и табачное производства. Первые в Поволжье свечной и мыльный заводы были сарептскими. А производимая здесь горчица была известна всей стране.

Интересна история сарептской горчицы, давшей название дому гернгутеров в Петербурге.

В XVIII веке Россия покупала горчицу в Англии. Но в начале XIX века поставки затруднились из-за того, что Наполеон установил континентальную блокаду, английские корабли не могли совершать торговые рейсы. В Сарепте же дикая горчица росла в изобилии. Конрад Найц, талантливый селекционер, вывел новый сорт горчицы, используя английские и французские сорта. В 1802 году он построил ручную мельницу и на ней занимался производством горчицы. Но возрастающие с каждым годом потребности в горчице побудили его построить в 1810 году мельницу, действующую с помощью лошадей. В этом же году он подал горчицу к императорскому

столу, за что Александр I наградил его золотыми часами. Позднее унаследовавший фабрику Иван Глич, зять Конрада Найца, расширил производство и стал поставщиком его величества.

Горчицу продавали по всей России и за границей.

С 1785 года они имели торговый дом в Елохово под Москвой. Вся Москва ездила в «Сарептскую лавку» за покупками [79].

В 1766 году Екатерина II подарила гернгутерам дом в Петербурге (рис. 12).

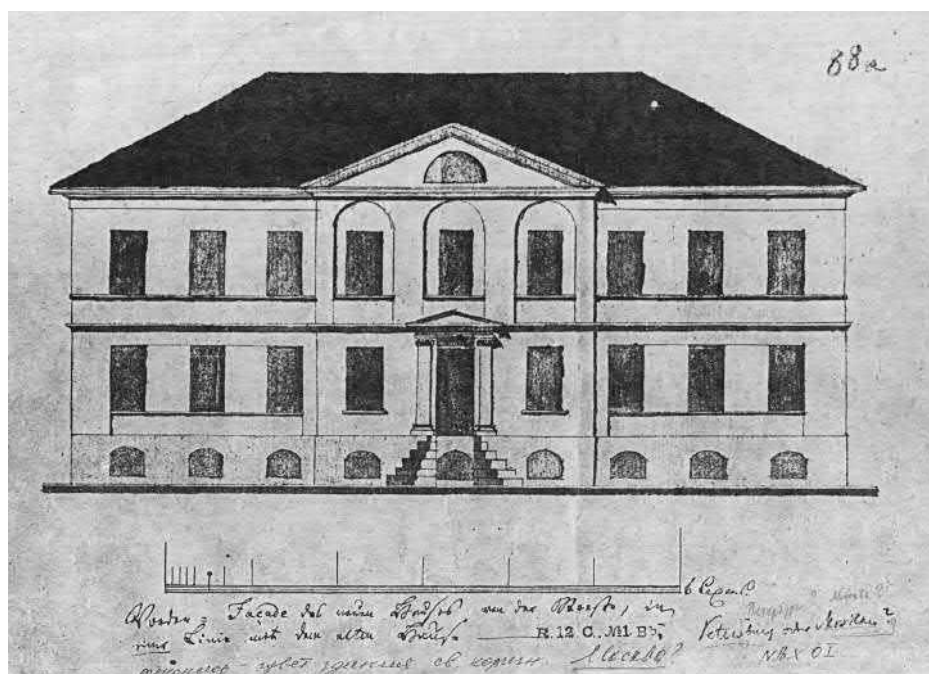

Рис. 12. Сарептский дом в Петербурге при Екатерине II

Этот дом был выкуплен у надворного советника, бывшего военного хирурга Ф. Кёлера (ум. в 1768-м) за 6000 рублей и вместе с земельным участком подарен Сарептскому обществу. В манифесте указан адрес – у Адмиралтейского канала в Малой Морской [слободе]. Современный адрес этого дома: ул. Якубовича, д. 24, или Конногвардейский переулок, д. 4. Дом (а фактически комплекс зданий с земельным участком) получил статус церковного здания с правом проведения богослужений и освобождения от постоев, сборов. Предназначался для проживания агента общины,

пастора (литурга) и торговца и приема переселенцев. Торговый дом «Сарептская лавка» выходил на Конногвардейский переулок. Жилой дом стоял отдельно. Перед лавкой был Сарептский рынок. Там продавались товары из Сарепты: курительный и нюхательный табак, сигары, кондитерские товары (пряники, коврижки, пирожные, сухари, крендели), столовый виноград и кишмиш, сухофрукты, восковые и сальные свечи, мыло, мука, горчица в порошке и масло, солодковый корень, полушелковая и льняная ткань сарпинка, полушелковые платки и шапки, шелковые чулки и прочая пряжа. Там же продавались и привозные товары из тех стран, с которыми через Петербургский порт торговала Сарептская колония: Дания, Норвегия, Англия, Голландия, Шлезвиг-Гольштейн, Силезия, Саксония, Италия, Вест-Индия, – ткани, текстильные изделия, хлопок-сырец, шелк-сырец, табак-сырец, фарфоровая и стеклянная посуда, окрашенная пряжа, краски, норвежская сельдь, ткацкие и другие станки, инструменты, кофе, сахар, пряности и др. [55].

С 1810 года при доме были пекарня и кондитерская с выпечкой сарептских (саксонских) пряников.

Благодаря успешной торговле Сарептское общество смогло перестроить и увеличить свой дом в Петербурге. При Екатерине II этот небольшой трёхэтажный дом стоял на продолжении Малой Морской улицы, на берегу Мастерского канала (продолжение Адмиралтейского канала), впоследствии засыпанного. Вокруг жили матросы и мастера корабельного дела – это была Адмиралтейская часть. Улица многократно меняла своё название – с 20 апреля 1738-го по 1753-й она называлась Адмиралтейской линией, в 1776–1798 годах – Большая улица, с 1806 по 1850 год – Ново-Исаакиевская (иногда Ново-Исаакиевская – церковный вариант написания по названию собора), при этом в 1804–1817 годах она же упоминается как Большой проспект. После 1850 года до 6 октября 1923 года установилось название Ново-Исаакиевская, Новоисаакиевская (так как рядом находилась Исаакиевская площадь и Исаакиевская улица – Галёрная, после реформы алфавита 1917 года – Ново-Исаакиевская). В 1854-м рынок Сарептского общества указан на углу Конногвардейского переулка и Новоисаакиевской улицы [71]. В части первой названного путеводителя на с. 193 указан Симонсен Асмус, торговля под фирмою «А. Симонсен и К^о», Новоисаакиевская улица, в доме Сарептского общества. С 6 октября 1923 года до конца 1920-х годов называлась улицей Декабриста Якубовича, затем просто улицей Якубовича. Конногвардейский переулок с 1769 года назывался Провиантской улицей,

с 1776 по 1822 год – Провіантским переулком (ї как вариант написания десятичной буквы і постепенно вытеснялся за недостатком заказываемого шрифта и сохранился в церковном языке), а в обиходе – Сарептским переулком. После 1822 года стал называться Конно-Гвардейским переулком [23].

Петербургский дом Сарептского общества назывался Горчичным домом. Совпало два обстоятельства – первоначальная окраска дома была горчичного цвета и самый знаменитый товар из Сарепты был именно горчицей. Об этом доме упоминает Лесков в своей повести «Железная воля». Зять Лескова, англичанин Мори, работал агентом в торговом доме Сарептского общества в 1859–1865 годах.

С 1773 года в доме был очень красивый молитвенный зал с хорами (рис. 13), окнами выходивший в Конногвардейский переулок. Кованые детали украшали колонны, строгая чистота линий создавала спокойствие и сосредоточенность.

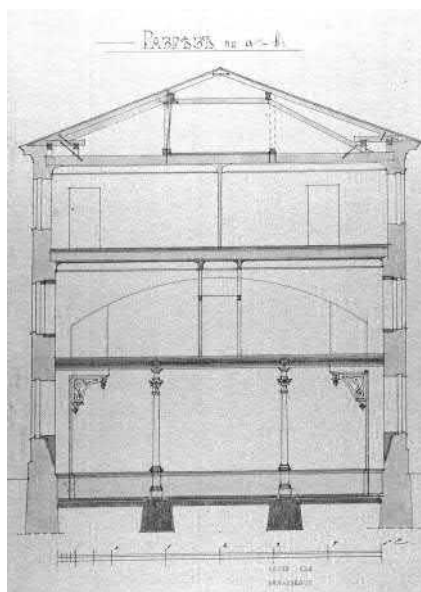

Рис. 13. Сарептский дом.
Рисунок молитвенного зала

В 1810 году в Конногвардейских казармах, окружавших дом, был большой пожар, отчего едва не пострадал дом.

В 1822, 1824 и 1831 годах в Петербурге были наводнения, особенно сильное – в 1824 году (рис. 14), в результате чего здания были затоплены. Высота воды в районе Сарептского дома была около 5 футов [4].

Рис. 14. Наводнение 1824 года

В 1841–1842 годах рядом был выстроен новый дом, трёхэтажный флигель, выходящий на Конногвардейский переулок, на фасаде которого была укреплена чёрная доска «Дом Сарептского общества». Старое здание в 1849–1850 годах перестроил архитектор Я. Хофер, он же был автором здания Бестужевских курсов на 10-й линии Васильевского острова (матмех Университета); Хофер также перестраивал дом, в котором родился математик Георг Кантор, на 11-й линии Васильевского острова.

Дом теперь имел два жилых трёхэтажных здания, одно из которых выходило фасадом на Ново-Исаакиевскую (Якубовича) улицу, молитвенное здание, выходящее на Конногвардейский переулок, и два внутренних нежилых флигеля (рис. 15)³⁹.

С апреля 1882 года в доме было Евангелическое убежище гувернанток Санкт-Петербурга, учредителями которого были пасторы евангелическо-лютеранских церквей Св. Анны – Роберт Гессе, Св. Екатерины – д-р Валтер,

³⁹ ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 222. 37 л.

Христа-Спасителя – И. Керстен (возможно, именно он и был пастором Сарептской общины), супруга пастора Немецкой реформатской церкви Сара Далтон, подданный Великобритании Э. И. Хубарт, вдова статского советника Виктория Штунде (начальница приюта).

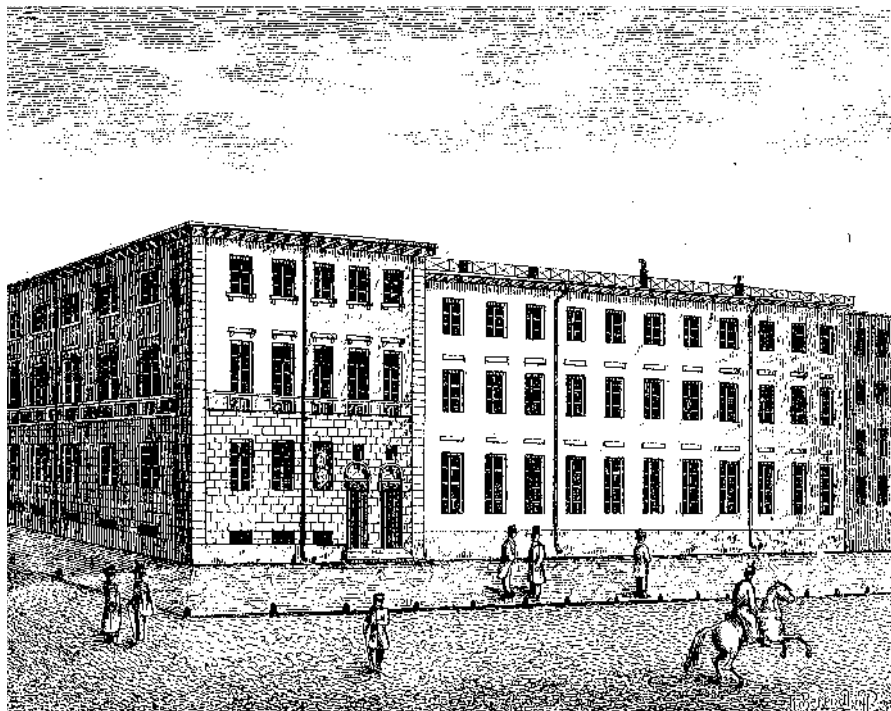

Рис. 15. Рисунок-гравюра Берендхофа с изображением Сарептского дома (церковь евангелического Братского общества)

К концу XIX века возникли серьёзные противоречия между жителями Сарепты и материнской церковью в Гернгуте, стремившейся сохранить жёсткий контроль над колонией, несмотря на изменившуюся политическую ситуацию в России. Царская администрация, принявшая сторону Сарепты, в 1892 году вывела её из подчинения братства, а в 1894 году официально санкционировала присоединение Сарепты к лютеранской церкви. В Петербурге община была немногочисленна – около сорока человек.

В 1892 году дом с землевладением был продан руководством общины Евангелическому союзу религиозного и нравственного назидания

о протестантах за 134 600 рублей. В 1893 году общество заложило дом Кредитному обществу сроком на 36 лет за 71 тысячу рублей. При этом сам дом оценён в 82 094 тысячи рублей. В доме были помещения, которые сдавались в аренду: 4 квартиры, 4 комнаты, 1 зала для собраний и надворный флигель⁴⁰.

С мая 1894 года там основалось Евангелическое общество попечения о девицах в Санкт-Петербурге.

В 1903 году архитектор Ф. Ф. Постельс перестроил дом, надстроив четвёртый этаж. При этом он разделил молитвенный зал перекрытием⁴¹.

После 1917 года богослужения на некоторое время восстановились, но затем прекратились. В доме были сделаны жилые квартиры, недавно этот дом был расселён и отреставрирован. Сейчас там находятся офисы. Восстановлена спокойная и достойная строгость дома, напоминающая о его бывших обитателях.

В Сарептском доме находилось торговое общество, носившее имя датского купца Асмуса Симонсена (родился в Дании, Vennemose ved Tønder). С этим торговым домом сотрудничал купец Георг Вольдемар Кантор, его переписка шла на адрес Асмуса Симонсена.

Сарептскому торговому дому принадлежал загородный дом в Новой деревне.

В течение XIX века много датчан, приезжавших в Петербург по купеческим и личным делам, останавливалось в Сарептском доме (в газетах публиковались объявления о приезжающих и отъезжающих, например: «Отъезжает Генриетта Банзе, Королевско-Датская подданная, живёт близ Почтамта в Сарептском доме»⁴²). Контора Сарептского общества Асмуса Симонсена вела юридические дела и жителей Петербурга, и датчан. Например, имеются письма конторы к барону Н. П. Николаи по делу о разделе наследства барона Е. К. Мейендорфа⁴³.

Дирекция общины назначала агента – главу торгового дома. Община имела тесные религиозные и деловые связи с Данией. Среди её деятелей, в том числе агентов, и рядовых членов было немало датчан. В начале XIX века агентом Сарептского общества стал датчанин Асмус Симонсен

---

⁴⁰ ЦГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 6930. 28 л.

⁴¹ ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 222. 37 л.

⁴² Санкт-Петербургские ведомости. – 1806 – С. 785.

⁴³ ОР РНБ. Ф. 519. Д. 71. 2 л.

(9.11.1756–30.05.1812). Энергичный торговец, он руководил торговлей до своей смерти в 1812 году. При нём дела торгового дома шли настолько успешно, что его имя закрепилось в названии торгового общества, хотя руководили им уже другие люди. Так было до самого закрытия и продажи дела и здания в 1890–1891 годах.

В первой трети XIX века Сарептский дом в Петербурге играл важную просветительскую роль. Библейское общество, созданное в 1813 году под покровительством Александра I, поставило своей целью распространение Библии среди народов России. Финансирование этой деятельности шло через Сарептский дом. «В 1817 через М. М. Сперанского и князя Голицына Александр I представил английским миссионерам кредит в 7000 рублей. С этого времени Сарептский торговый дом в Петербурге стал единственным банковским учреждением, через который направлялись средства в Забайкалье, поскольку никто в Восточной Сибири банковских кредитов не давал [89, с. 21]».

Большое участие в работе Сарептского общества принимал Я. Шмидт, гернгутер, первый востоковед России, создатель грамматики монгольского языка, адъюнкт-академик Петербургской академии наук. В разные годы с Сарептским домом сотрудничали академики Петербургской академии наук: Карл Бэр, натуралист, основоположник эмбриологии и сравнительной анатомии, энтомолог, один из основателей Географического общества; Карл Габлиц, натуралист, исследователь Крыма, попечитель Анненкирхе; Иосиф Христианович Гамель, химик и технолог. Были связаны с Сарептским домом и писатель Николай Лесков, баронесса Варвара Юлия Крюденер; граф Карл Ливен, министр просвещения; художники Григорий и Никанор Чернецовы; Дитрих Тапе, учитель русского языка в Петришуле, популяризатор Карамзина.

В XIX веке Сарептское общество стало играть значительную роль в морской международной торговле Петербурга. Ввозились горные машины, вывозилось листовое железо. Контора Асмуса Симонсена вела правовые международные дела, приглашала специалистов из-за границы для работы на российских мануфактурах. Один такой эпизод описан в повести Лескова «Железная воля».

О том, какие крупные дела вёл Сарептский дом, подтверждает и забавное газетное объявление. В апреле 1804 года в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁴⁴ напечатали: «Идучи из дома Сарептского общества на Васильевский

---

⁴⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1804. – С. 883.

остров по Исакиевскому мосту (рис. 16), потерял 1470 рублей разными купюрами. Нашедшего обратиться к купцу Попову Андрею Ивановичу». Большими суммами оперировали в Сарептском доме при Асмусе Симонсене. На соседней странице – встречное объявление: «На Исакиевской площади найдены денежные купюры. Потерявшего прошу обратиться...»

Рис. 16. Исаакиевский мост

В журнале «Купец» за 1832 год о торговом доме «Асмус Симонсен» сказано: «Вообще привоз и отправление товаров – в особенности коммерческие дела по отношению к Сарептскому обществу – американский табак – железные и стальные изделия. Оптовый сбыт металлов. По Почтамтской улице в доме Сарептского общества»⁴⁵.

В 1836 году он повторно назван среди больших «торговых контор ввоза и вывоза господ первостатейных негоциантов» с тем же описанием торговой деятельности.

---

⁴⁵ Купец. – Санкт-Петербург. – 1832. – № 4. – С. 16.

В 1844 году в Адрес-календаре Санкт-Петербургских жителей [1] указан «Асмус Симонсен и Комп., в Ново-Исакиевской ул., 1-я Адмиралтейская часть, в доме Сареפטского общества».

В 1845 году в Нюрнберге была издана Адресная книга для иностранных купцов, торгующих в России, на немецком языке [98]. На с. 26 читаем информацию о торговом доме Асмуса Симонсена: «Simonsen et Comp., Asmus Ugent der Sarepta Handels. Gesectchaft». В этой серии выходили справочные торговые материалы по разным странам.

Ежегодно газеты Петербурга публиковали торговые итоги по экспорту и импорту 100 крупнейших купцов Петербургского порта. Вот обороты Асмуса Симонсена (приблизительно 12–24-е место) и для сравнения обороты ещё нескольких крупных купцов Петербурга – Людвига Штиглица, «Томсона и К°» (английская торговая фирма, имевшая самый большой оборот по нашему порту).

В 1838 году: «Асмус Симонсен и К°» – привоз 1 329 878 серебряных рублей, отпуск 947 043; Штиглиц – привоз 15 829 633, отпуск 6 385 018; Томсон – привоз 5 720 139, отпуск 9 424 060. Весь оборот Петербургского порта за 1838 год: привоз 188 65 842, отпуск 13 752 583 846⁴⁶.

За 1839 год Асмус Симонсен вывез 158 бочек сала, т. е 3889 пудов⁴⁷.

В 1844 году: «Асмус Симонсен и К°» – привоз на 538 321 серебряный рубль, отпуск 364 230 рублей; «Штиглиц и К°» – привоз 4 573 381, отпуск 672 685 рублей, а всего по Санкт-Петербургскому порту: привоз 59 010 530, отпуск 34 063 571 серебряный рубль⁴⁸.

За 1845 год: Асмус Симонсен принял 53 корабля, отправил 38 кораблей; Штиглиц принял 117, отправил 41 корабль. За год: Асмус Симонсен – привоз на 603 605 серебряных рублей, отпуск на 316 333; Штиглиц – привоз на 6 174 874 рубля, отпуск на 1 247 687 рублей⁴⁹.

За 1846 год: Асмус Симонсен принял 60 кораблей, отправил 43; Штиглиц принял 57 кораблей, отправил 10⁵⁰. За год: Асмус Симонсен – привоз на 424 610 рублей серебром, отпуск на 344 510 рублей серебром; Штиглиц – привоз на 5 391 000, отпуск на 3 546 366. Всего

---

⁴⁶ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург. – 1839. – 7 февраля. – С. 61.

⁴⁷ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург. – 1839. – 9 декабря. – С. 592.

⁴⁸ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург, 1845. – 3 февраля.

⁴⁹ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург, 1846. – 1 января.

⁵⁰ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург, 1847. – 2 января.

по Санкт-Петербургскому порту: привоз на 48 912 960 рублей, отпуск на 44 819 426 серебряных рублей⁵¹.

За 1847 год: Асмус Симонсен – привоз на 617 237 рублей, отпуск на 970 767; Штиглиц – привоз на 6 555 730, отпуск на 6 873 191⁵². Немного иначе в другой газете: в 1847 году торговый оборот доходил до 300 000 рублей и более, привоз на 617 237 рублей серебром, отпуск на 970 762 рубля⁵³.

За 1848 год: Асмус Симонсен – привоз на 961 345, отпуск на 579 990; Штиглиц – привоз на 5 364 950, отпуск на 2 091 716 серебряных рублей⁵⁴.

В 1856 году⁵⁵: «...корабли от Симонсена – пшеница в Лондон, рожь 980 кулей, рогож 200 штук в Штеттин, семени льняного 239 кулей, рогож 50 штук, железа листового 120 пуд, семени тминного 1036, пряжи пеньковой 306 в Гамбург и в Амстердам⁵⁶. Привоз полотна и красок 3 ящика, музыкальных инструментов и пр. 2 ящика, миндаля 15 циб. При подведении итогов за 1856 год Асмус Симонсен: сало 1060 бочек, пенька 37 479 пуд».

В навигацию 1856 года Асмус Симонсен отправил за границу пшеницы 39 203 четверти, семени льняного 28 405 четвертей, ржи 69 269 четвертей, овса 34 659 четвертей, ячменя 172 четверти, муки ржаной 11 870 кулей, муки пшеничной 3884 куля, поташа 1078 + 102 бочки. В навигацию 1856 года в Петербургский порт пришло 3432 корабля, из них 543 датских, в том числе 119 по приходу и 202 по отходу с товарами Асмуса Симонсена⁵⁷. Итого за 1856 год «Асмус Симонсен и К^о» осуществила привоз на 622 786 серебряных рублей, отпуск на 1 614 289 рублей, а всего по Петербургскому порту за 1856 год привоз был на 88 726 808 рублей, отпуск на 54 926 091 рубль⁵⁸.

В навигацию 1857 года к Асмусу Симонсену пришли 68 кораблей с товарами, ушли 75 кораблей. За год привоз составил 1 177 439, отпуск 765 917 рублей⁵⁹.

В 1864 году торговый дом Сарептского общества участвовал в создании Частного коммерческого банка – первого частного банка России.

---

⁵¹ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург, 1847. – 5 марта.

⁵² Коммерческая газета. – Санкт-Петербург, 1848. – 15 января.

⁵³ Санктпетербургские ведомости, 1848. – 17 января.

⁵⁴ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург, 1849. – 12 марта.

⁵⁵ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург, 1856. – 25 сентября. – С. 452.

⁵⁶ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург, 1856. – 29 сентября. – С. 456.

⁵⁷ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург. – 1857. – 5 января. – С. 5.

⁵⁸ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург. – 1857. – 28 февраля. – С. 97.

⁵⁹ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург. – 1858. – 19 марта. – С. 155.

Среди основателей этого банка были Штиглиц и Елисеев, а представителем Асмуса Симонсена был Брандт, проработавший в этом банке 27 лет.

С Сарептским домом сотрудничал купец Георг Вольдемар Кантор, что следует из его письма 1851 года. Своими финансовыми успехами последних петербургских лет он, несомненно, обязан торговому дому Асмуса Симонсена.

2.1.5. 1799 год. Крушение датского галеота «Ди Фрау Мария»

Французская революция вызвала осложнение отношений России с Данией. Капризный и непредсказуемый характер Павла I (рис. 17) создавал дипломатические, а следовательно, и экономические трудности. Предпринятые им шаги к блокаде Франции сменились ухудшением отношений с Австрией и Англией. Противоречивые приказы создавали трудности военачальникам и дипломатам. «Самая щедрость его не может почитаться добродетелью, ибо он полагал, что ему всё принадлежит и что он сегодня дал, может завтра отнять. В людях видел он бесчувственных автоматов, движимых единою его волею, и он как будто тешился тем, что беспрестанно может изгонять их и призывать, карать и миловать, возвышать и низвергать, мертвить и оживлять [13, с. 437]».

Рис. 17. Император Павел I

Но в истории, случившейся с нашими героями, Павел I сыграл судьбоносную роль, хотя начиналось всё очень драматически. Датский галеот задержали в порту Кронштадта, потом нечаянно утопили. Подняли, хотели просушить товары, но, пока искали место, товары испортились. Никто не виноват, а купцы разорены. Как же это случилось?

12 июля 1799 года был издан высочайший указ Павла I «О возбранении входа во все порта российские военным и коммерческим кораблям, Дании принадлежащим. По причине установления правительством в Копенгагене по всем датским королевским клубам, коих основания одинаковые с теми, которые произвели во Франции всенародное возмущение и низвергли законную королевскую власть, высочайше повелеть соизволил как военным, так и коммерческим судам, Дании принадлежащим вход во все российские порты возбранить»⁶⁰. Такой же указ Павла I был издан для кораблей из Гамбурга⁶¹.

Вскоре после выхода указа, 16 августа 1799 года, в Кронштадт пришёл датский торговый галеот (рис. 18)⁶² «Ди Фрау Мария»^{xiii}.

Рис. 18. Галеот

⁶⁰ РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 164.

⁶¹ РГИА. Ф. 1486. Оп. 2. Д. 112.

⁶² Встречалось двойное написание: галиот и галеот.

На корабле был товар 20 копенгагенских купцов, впоследствии оценённый в 130 000 рублей, – ром, кофе, кардамон, сахар, вино, выбоина (ситец).

Шкипер Тильзен, управлявший кораблём, ничего не подозревал о запрещающем указе. Войти в гавань ему не позволили, идти обратно согласно приказу Кронштадтской таможни было невозможно из-за сильного встречного ветра, и корабль встал на рейде на якорную стоянку (рис. 19). Слева и справа от него было достаточно места для прохода кораблей.

Рис. 19. Шторм на Кронштадтском рейде. И. Айвазовский

В это время из Кронштадтской гавани вышел русский военный корабль (рис. 20)⁶³. Неудачно маневрируя, случайно или намеренно он надвинулся на маленький галеот и проломил ему борт своим выступающим якорем (рис. 21)⁶⁴.

---

⁶³ Возможно, что это был линейный корабль «Богоявление» (рис. 22) с гардемаринами на борту, находившийся в это время на рейде.

⁶⁴ Такая авария типична для кораблей того времени. Высота борта военного корабля до 4,5 м, якорь весом до 5 тонн выдаётся за борт до 4,5 м; при развороте и ветре возникают крены, якорь сокрушает соседнее судно, неудачно оказавшееся рядом. (Автор благодарит Е.Д. Елизарова, сообщившего эти сведения.)

Рис. 20. Русский линейный военный корабль

Рис. 21. Якорь
военного корабля

Рис. 22. Фрегат
«Богоявление»

В течение часа галеот затонул вместе со всеми товарами, но люди не пострадали.

Владельцы товара умоляли директора Кронштадтской таможни Вирда спасти корабль и груз. По его распоряжению галеот подняли со дна. Нужно было ремонтировать корабль, а тем временем сушить промокший кофе и специи. Для этого необходимо было найти охраняемые складские помещения – пакгаузы. Такие были на Петровском острове. Товар перегрузили на перевозные суда и отправили по Малой Неве. Придя на Петровский остров, обнаружили, что свободных пакгаузов нет. Перевозные суда повернули обратно в Кронштадт. Тем временем ром и вино вытекали из бочек, мешки с кофе начали источать пар и дымиться, шёл пар и от кип ситца. Девать портящийся товар было некуда, и директор таможни Вирд написал рапорт начальству⁶⁵ (см. прил. 4).

5 сентября 1799 года следует указ Павла I: «Выгруженные с датского на Кронштадтский рейд потонувшего купеческого корабля „Ди Фрау Мария“ товары по просушении их хранить в пакгаузах и считать впредь до повеления в секвестре, а товары, собственно шкиперу принадлежащие, возвратить ему».

12 сентября шкипером Гансом Тильзенем был сделан реестр испорченных товаров, на которых были печати 20 купцов:

«2 мешка с кардамоном – за подмоченностью к употреблению не годен. 2 бочки с имбирём варёным в сахаре, в употребление годен, 17 бочек из-под сахарного песку, который от подмочения вытек, 5 бочек рому, 2 бочки с вином белым, 2 бочки водки, 2 бочки ренского вина, 1 мешок гвоздики, 2 кипы выбоины⁶⁶ – негодны».

8 октября по высочайшему повелению издаётся указ о восстановлении сношений с Датским королевством и о позволении по-прежнему входить в российские порты его судам: «Поелику король Датский требование наше удовлетворил во всём, почему и повелеваем с королевством сим восстановить есть прежде сего существовавшие сношения, позволяющие притом плавание иметь в водах наших по-прежнему и в порты наши заходить невозбранно⁶⁷».

13 октября 1799 года князь Гагарин по повелению императора распорядился отдать товары хозяевам, отметив, что кофе весь испортился и другие товары пострадали. Торговцы потерпели убытки, и в их числе Абрам Мейер.

---

⁶⁵ РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 167.

⁶⁶ Ситец с простым (выбитым) рисунком.

⁶⁷ РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 180.

2.1.6. Семья купца Мейера

При царском дворе много лет столяром служил земляк Абрама Мейера – Христиан Мейер из Копенгагена, возможно, его родственник. Делал он многие столярные работы для царской семьи, обучал великих князей своему ремеслу. Может быть, именно он и дал совет Абраму Мейеру обратиться за помощью к Павлу I. Либо мог дать совет и составить протекцию Мейер – датский консул. Может быть, Павлу I напомнили об услугах купца Мейера Петру I. Может быть, Павел повиновался внезапному импульсу симпатии, что отмечали его приближённые, сожалея, что милость и дружба его не сохраняются надолго.

С царской аудиенции начинается покровительство царской семьи Мейерам.

О чём же мог попросить императора разорённый престарелый купец Абрам Мейер? Исходя из документов о происшествии, денежной компенсации ему не полагалось. Он попросил устроить судьбу детей – взять сыновей на службу. А государственная служба обеспечивала на всю жизнь.

У Абрама Мейера было два сына-подростка – Осип и Гартвиг Иоганн и две дочери – Эстер⁶⁸ и Настасья. Семья была иудейского исповедания, и для того, чтобы дети могли жить и работать в Петербурге, сыновей окрестили в лютеранскую веру. Имеется документ о переходе Настасьи из иудейской веры в православную в связи с замужеством⁶⁹.

Сыновей в сентябре 1799 года Павел I определяет придворными музыкантами в театральную дирекцию, причём утверждают их в этой должности через пять месяцев. Вот текст указа: «21 января 1800 года. Его Императорское Величество высочайше указать соизволил престарелого копенгагенского купца Меера Абрамова, проживающего ныне здесь на Санкт Петербурге, детей его на службу никуда не определённых Осипа и Гартвига Меера определить на службу по Его Величества на театральной дирекции музыкантами с жалованьем каждому по пятьсот рублей на год, кое и начать им дачу с отправлением ими должности, то есть с начала сентября месяца прошлого 1799 года, делая им платье официантское»^{70, 71}.

Двое сыновей престарелого копенгагенского купца остались служить при дворе⁷². По возрасту они, вероятно, были юношами, а не детьми. Изве-

⁶⁸ Это имя установил Г. Зингер, см. его примечания.

⁶⁹ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 223. 23 Л., Л. 22.

⁷⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 4212/646 Д. 498; Ф. 466. Оп. 1. Д. 204. Л. 27.

⁷¹ То есть полагающееся музыкантам для игры при дворе.

⁷² РГИА. Ф. 497. Оп. 17. Д. 82. Л. 18.

стен факт, когда девятилетнему мальчику, сыну капельмейстера, отказали в принятии в камер-музыканты – «чтоб он дожидался достижения совершенных лет»⁷³.

Для придворных камер-музыкантов было много работы – в царских комнатах должна была звучать музыка во время обедов и приёмов, за ужином. Сам Павел I играл на флейте-траверсо, его дочерей учил музыке Джузеппе Сарти. Дмитрий Бортнянский и Джузеппе Сарти, придворные капельмейстеры, писали оперы и концертную музыку для придворного исполнения. Директором канторы Императорских театров был любимец Павла I Александр Львович Нарышкин (рис. 23).

Рис. 23. А. Л. Нарышкин.
А. Х. Ритт. 1790 г.

Наследник огромного состояния, он устраивал пышные праздники с фейерверками и музыкой на воде. Благодаря ему возобновились популярные ещё при Екатерине II «петербургские серенады» – многочасовые концерты роговой и духовой музыки. Летними вечерами по Неве вдоль Английской набережной разъезжали музыканты его крепостного оркестра

---

⁷³ Санкт-Петербургские ведомости. – 1801. – 1 июля. – С. 1975.

(рис. 24) и прославленного нарышкинского хора, услаждая слух обитателей особняка Нарышкина. Роговая музыка звучала так громко, что в безветренную погоду ее звуки были слышны в Коломягах и Лесном. Ночью же звуки рогов, в особенности если играли на возвышении, разносились на 7–8 верст от столицы.

Рис. 24. Роговая музыка. В. Ермолаев

Ценитель изящного, остроумец, покровитель актёров, Нарышкин очень много сделал для русского театра. Именно он в 1809 году отличил талант скрипача Франца Бёма, заключив с ним контракт. Но, послушав игру братьев Мейеров, Нарышкин понял, что они не достойны играть государю.

Гофмейстер двора граф Гурьев писал: «Означенные Мейеры такого рода музыканты, которые прежде сего таскались по улицам, талантами своими доставали себе пропитание»⁷⁴. Но приказ выполнялся – они числились по двору и получали своё жалованье.

В 1801 году после смерти Павла I на престол вступает Александр I (рис. 25), объявивший о сохранении всех пенсий и выплат, данных его отцом. Ежемесячно он выдаёт деньги по прошениям, всё это строго учитывается.

⁷⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 34. Д. 225. 14 л.

Рис. 25. Император Александр I

26 июня 1801 года к нему приходит вдова только что умершего копенгагенского купца Мейера. Видимо, она в сильной нужде, потому что следует такой указ кабинета: «Снисходя на прошение вдовы Мейер, всемилостивейше повелеваем выдать ей заимообразно две тысячи рублей, вычтя оные в четыре года из жалованья двух её сыновей камер-музыкантов Мейеров. Александр»⁷⁵.

Немногим более месяца спустя, в августе того же года, в «Ведомости о выданных в течение августа месяца разным бедным просителям и другим особам, вследствие изустных указов объявленных» появляется запись: «Дочери иностранца Мейер 100 рублей»⁷⁶. Это немалые деньги – годовое жалованье рабочего. Сравните: вдове шкипера выписывают 15 рублей. Вероятно, дочь иностранца Мейера – это Эстер Мейер, будущая мать Георга Вольдемара Кантора и будущая бабушка математика Георга Кантора либо её сестра, в православии Настасья. Возможно, деньги выданы на нужду, возможно, за крещение после выхода из иудейской веры, что было в обычае с указа Петра 1720 года.

---

⁷⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 1 ч. 2. Д. 154. Л. 317.

⁷⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 1 ч. 2. Д. 154. Л. 416.

В октябре 1803 года один из братьев-музыкантов, Осип, умер. Его брату Гартвигу выдают его жалованье и прощают часть долга, приходящуюся на Осипа⁷⁷. Заметим, что ни о ком из артистов, даже более крупных, такой императорской заботы не было.

2.1.7. Гартвиг Иоганн Мейер, придворный музыкант

Гартвиг Иоганн Мейер, лютеранин, продолжает службу скрипачом в оркестре⁷⁸. После службы придворным музыкантом с 1806 года он начал служить в театре с определением половинного жалованья по 500 рублей в год (долг за мать ещё не выплачен)⁷⁹. Ещё холостой, не очень умелый музыкант, на своё небольшое жалованье содержит престарелую мать и сестру – овдовевшую Анастасию с четырёхлетним ребёнком (год спустя она выйдет замуж за его коллегу скрипача Осипа Гримма).

В 1804 году Мейер задолжал лавочнику 150 рублей, у него вычли из жалованья⁸⁰. В 1807 году капельмейстер Катерино Кавос (рис. 26) составил список музыкантов, которых хотел бы отправить в Московские театры, и включил в него Мейера⁸¹.

Рис. 26. Катерино Кавос

---

⁷⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 72.

⁷⁸ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1463.

⁷⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 34. Д. 225, 14 Л.

⁸⁰ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 75.

⁸¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 55. Л. 113.

Помимо 500 рублей жалованья, Гартвиг Мейер получал 200 рублей в год квартирных, на 4–5 членов семьи приходилось немногим больше рубля в день. Цены росли, и Мейер обратился к Александру I с просьбой о прибавке: «А как от некоторого времени цена на все жизненные припасы весьма возвысилась и день от дня ещё более возвышается и обязан будучи прокармливать престарелую мать с прочими моими родственниками одним только жалованьем, не имея никаких других средств по причине всегдашнего моего занятия по должности – от чего впал в бедность и долги, ведя умеренную жизнь, – то осмеливаюсь повергнуть низжайше моё прошение Вашему Императорскому Величеству, прося Высочайшего милосердия о назначении мне достаточного жалованья на продовольствие моего семейства, сверх получаемого пансиона и квартирных денег, или прошу Ваше Императорское Величество уволить меня от настоящей должности, дабы я мог содержать себя в сей столице получаемым пенсионом и трудами своих способностей. Всемиловитейший государь! Воззри на бедное состояние твоего верноподданного, который со всем своим семейством ежедневно молит Всевышнего о благоденствии Твоего царствования. Июль 1808. Верноподданный Гартвиг Меер» (полная переписка по прошению в прил. 6).

Секретарь для принятия прошений Кабинета его величества Александра I Михаил Никитич Муравьев приложил справку о том, что по таланту своему Гартвиг Мейер прибавки не заслуживает. Граф Дмитрий Александрович Гурьев отвечает Муравьеву, что по недостаточному мастерству братья Мейеры «ни при дворе, ни по театральной дирекции никогда не употреблялись, хотя жалованье и получали».

После этой переписки 14 ноября 1808 года появляется Указ № 227 о просьбе музыканта Меера: «Так как цена на все жизненные припасы возросла, то он будучи не в состоянии пропитать этим своего семейства, впал в долги и бедность, а потому и просит Монаршего милосердия. В прибавке жалованья отказать. Выдать единовременно 200 рублей. Д. Гурьев, 14 ноября 1808 года»⁸².

В 1814 году Гартвиг женился на Шарлотте Вульф из купеческой семьи. Венчались и крестили детей они в евангелической церкви Св. Екатерины (Большой пр. Васильевского острова, д. 1). Это та самая церковь, прихожанином которой был Леонард Эйлер, братья Бернулли и в которой, вероятно, венчались и крестили детей Канторы.

---

⁸² РГИА. Ф. 468. Оп. 34. Д. 225. 14 л.

У Мейеров было пятеро детей. 27 сентября 1815 года родилась Гелена-Эмилия, 20 августа 1818 года – Наталья Мария, 1 сентября 1819 года – Дмитрий Иосиф, 29 января 1824 года – Александр, 18 апреля 1826 года – Адольф.

В 1820 году жалование Гартвига составляло 400 рублей плюс 400 рублей на квартиру. Адрес Мейера в 1822 году: дом аптекаря Трота по Екатерининскому каналу, 3-я Адмиралтейская часть, № 234 [5].

В 1826 году Мейер отдал в школу при театральной дирекции 11-летнюю дочь Елену (Гелену-Эмилию) с оплатой по 20 рублей в месяц. Капельмейстер Кавос и балетмейстер Дидло (рис. 27) свидетельствовали о здоровом сложении, хорошем голосе и приличных способностях к танцам. Но спустя год Гартвиг подал прошение: «Дочь моя Елена Мейер по слабости здоровья не может продолжать обучение театральному искусству... Прошу возвратить мне обратно»⁸³.

Рис. 27. Шарль-Луи Дидло

В 1851 году Георг Вольдемар Кантор упоминает Елену-Эмилию в письме к своему кузену Дмитрию Мейеру: «Мила Калинина вполне

---

⁸³ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 3073.

освоилась, у неё двое милейших детей, её старшая девочка воистину славное, ласковое и умное дитя»⁸⁴.

Когда второй дочери Мейера, Наталье Марии, исполнилось 18 лет (1836), он подает прошение о выдаче ей свидетельства для прокормления трудами своими. В 1851 году она уже замужем, и как пишет Георг Вольдемар Кантор в том же письме: «Маша Моллериус прекрасно устроилась... Машина Соня тоже славная девочка».

Сын Мейера Дмитрий Иосиф – Дмитрий Иванович Мейер, «фамильное сокровище», закончил Главный педагогический институт и стал профессором права. О нём ниже.

Восприемником Александра, сына Гартвига Мейера, был император Александр I (это нередкое явление для служащих при дворе, император таким образом брал на себя обязательства определить мальчика в службу, а девочке дать приданое). Правда, характерно это лишь для приближённых к императору. Но Гартвиг Мейер не был близок ко двору, к тому же был лютеранином. Многолетняя протекция сопровождала семью Мейеров с крушения галиота «Ди Фрау Мария» и закончилась со смертью Александра I.

В 1838 году Александр Мейер, сын Гартвига, был определён в учебную межевую роту Лесного института.

Гартвиг Мейер в 1828 году был уволен, но по недостатку скрипачей в оркестре в 1829 году был взят обратно с жалованьем 1200 рублей в год, помимо пенсионера 600 рублей.

В 1844 году адрес Мейеров указан в Средней Мещанской в доме Кузьмина (ныне Садовая улица у площади Тургенева, дом не сохранился [15, т. 2, с. 351]).

В 1850 году во время летних спектаклей на Каменном острове Гартвиг Мейер с женой Шарлоттой жили на казённой даче на Островах, в 4-й части 2-го квартала дома № 125.

Любовь, заботу и внимание в семье Мейеров описывает Георг Вольдемар Кантор в письме своему кузену Дмитрию Мейеру в Казань: «Твоя матушка в последнее время часто хворала и очень мучилась от сильных болей в желудке. Обе сестры по очереди сидели с ней по ночам; теперь ей стало лучше, и она снова встала на ноги... Твой старый папа тоже уже не выглядит молодым, однако притом обладает отменным аппетитом и время

---

⁸⁴ Письмо Георга Кантора к Дмитрию Мейеру 24 октября 1851. ОР РНБ. Ф. 476. Д. 45. 6 л.

от времени с большим наслаждением выкуривает у нас настоящую Гавану, но я бы хотел, чтобы ты сам своими глазами смог это увидеть»⁸⁵.

Умер Гартвиг Мейер^{xiii} 26 марта 1867 года⁸⁶.

В литературе о Канторе Гартвиг Мейер упоминается как образец благополучия и стабильности, опора для других членов семьи [107, 122]. Как видим, это благополучие было призрачно. Гартвиг с трудом мог их прокормить. Но при всей своей слабости Гартвиг на протяжении многих лет был опорой своей семье, и дети его – тому доказательство.

2.1.8. Дмитрий Иванович Мейер (1819–1856), профессор права

Прославил семью сын Иоганна Гартвига Дмитрий Мейер (рис. 28). Его называют отцом русской цивилистики – гражданского права.

Рис. 28. Дмитрий Мейер [21]

Дмитрий Иосиф Мейер родился в семье придворного музыканта Гартвига Мейера и Шарлотты Мейер, урождённой Вульф. Его домашнее имя

---

⁸⁵ Письмо Георга Кантора к Дмитрию Мейеру 24 октября 1851. ОР РНБ. Ф. 476. Д. 45. 6 л.

⁸⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 4. Д. 692, 2122.

было Осса. Он был третьим из пятерых детей. Крещён в евангелической лютеранской церкви Св. Екатерины (Большой пр. Васильевского острова, д. 1).

Он не проявил желания пойти по стопам отца. «Моё ухо вовсе не музыкально», – писал он в 1842 году в дневнике, который вёл на русском языке⁸⁷.

Закончил Вторую городскую гимназию, в 1834 году стал студентом Главного педагогического института. В «Ведомостях Главного педагогического института за 1834–35 год»: «Дмитрий Мейер, сын придворного музыканта, обучается в младшем отделении»⁸⁸, где всего было 42 человека.

В Главном педагогическом институте на подготовительном отделении математика преподавалась в объёме арифметики, алгебры по курсу Лакруа до уравнений второй степени включительно; геометрия по тому же курсу до круга (из записки адъютанта математики Фёдора Буше директору Педагогического института от 9 октября 1830-го). Отметки ставились так: fa, mi, re, ut с подчёркиванием и без подчёркивания⁸⁹. (Заметим, что поступавшие из духовных семинарий в Медико-хирургическую академию имели иную градацию оценок по предметам: «имеет хорошие сведения», «имеет нужные сведения», «имеет порядочные сведения», «не имеет достаточных сведений»⁹⁰.) Ранее, в 1819 году, в Главном педагогическом институте на экзаменах оценки ставились так: А и а – «весьма хорошо», В – «хорошо», в – «довольно хорошо», С – «слабо», о – «ничего», с – «очень слабо»⁹¹.

В эти годы Главный педагогический институт располагался на Васильевском острове в здании Двенадцати коллегий (рис. 29), ныне принадлежащем университету.

6 августа 1809 года Александр I подписал указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники». Указ действовал до 1843 года. Для производства необходимо было иметь высшее образование или сдать экзамены комиссии при университетах по следующим предметам: русский язык, один иностранный язык, естественное право, римское право, гражданское право, уголовное право, всеобщая история,

---

⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 476. Д. 20.

⁸⁸ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2018, Л. 4 об.

⁸⁹ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1937. 33 Л.

⁹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 99. Д. 199. 20 Л.

⁹¹ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1909. 5 Л.

русская история, государственная экономия, арифметика, геометрия, физика, география, статистика России [34]. Открытые ранее университеты были незаполнены, и указ должен был стимулировать поступление в них. В некоторых высших учебных заведениях (на педагогических, медицинских отделениях университетов) было казённое содержание, что делало их доступнее.

Рис. 29. Здание Двенадцати коллегий

«Начало основанию Педагогического института положено было в царствование Екатерины II, под названием учительской семинарии. В 1828 году Всемилостивейше даровано институту настоящее образование. Императорский С.-Петербургский университет на Васильевском острове в здании 12 коллегий основан в 1819 году. Составлен из двух факультетов: философского и юридического» [70].

Главный педагогический институт готовил учителей для гимназий, пансионов, а также для высших учебных заведений. Учебный курс был рассчитан на шесть лет с возможной стажировкой в европейских университетах. В институте было три отделения: 1) философских и юридических наук; 2) физических и математических наук; 3) исторических и словесных наук.

В Главный педагогический институт могли поступать разночинцы. С 1819 по 1828 год он был преобразован в Петербургский университет, затем вновь отделён. В отличие от университета, студенты педагогического института находились на казённом содержании [16].

Дмитрий Мейер в 1841 году закончил его с золотой медалью по курсу юридических наук. С марта 1842 до осени 1844 года слушал лекции в Берлинском университете. В конце осени 1844 года вернулся в Петербург, а в 1845-м назначен в Казанский университет (рис. 30) на должность адъюнкта.

Рис. 30. Казанский университет

В 1846 году он защитил магистерскую диссертацию «Опыт о праве казны по действующему законодательству», в 1848 году – докторскую диссертацию «О древнем русском праве залога». В 1855 году написал монографию «О значении практики в системе юридического образования». В 1853-м был избран деканом юридического факультета Казанского университета. В 1855 году перевёлся в Санкт-Петербургский университет на кафедры гражданского права и истории русского права. «Побуждает меня к тому желание служить в Петербурге как сосредоточии нашей умственной жизни, с которым я притом связан родственными отношениями» [21, с. 13].

«Профессор, пользовавшийся глубоким уважением слушателей и явившийся в мрачное время русской жизни глашатаем начал свободы и независимости человеческой личности. Не только выдающийся юрист практического направления, но и широко образованный человек. Ни одно сочинение по русскому гражданскому праву не избегло влияния Мейера. Дмитрий Иванович был олицетворённая честность; вся его жизнь представляла служение одной идее» (Белов В. А. [56]).

П. И. Стучка пишет: «Отцом русской науки гражданского права называют профессора Мейера, представителя немецкой юриспруденции середины 40-х гг. Он преподавал гражданское право в Казани, а потом короткое время в Петербурге. Его курс составляют записки студентов, вышедшие после его смерти... Мейер начинает изложение своего курса с лиц, вещей, сделок юридических, условных сделок и т. п. Ничего подобного ещё не было в нашем Гражданском кодексе. Вместо гражданского субъекта права у нас были сословность, звание, чин, а наш Х т., ч. I [т. X, ч. I], свода законов начинается с семьи; на первом месте стояла у нас церковь. Вместо учения об объектах права, вещах у нас – статьи о родовом, сословном имуществе. Мейер имел большой успех. Под влиянием его работы находилась „вся гражданская правовая мысль“ того периода» [87].

Вот некоторые воспоминания современников⁹².

Осенью 1844 года Л. Н. Толстой поступил в Казанский университет студентом своекоштного содержания по разделу арабо-турецкой словесности. Его решение перейти на юридический факультет было принято в связи с появлением в Казанском университете весной 1845 года нового профессора гражданского права – Дмитрия Ивановича Мейера. Во всём Казанском университете, пишет биограф Толстого Левенфельд, был только один симпатичный Толстому профессор гражданского права Мейер, имевший сильное влияние на Льва Николаевича. Мейер предложил Толстому столь интересную тему для сочинения, что Толстой весь ушёл в эту работу, перестал заниматься остальными факультетскими предметами и не готовился к экзаменам. Сравнение проекта екатерининского «Наказа» с «Духом законов» Монтескье – такова была тема, которой в течение года Толстой посвящал всё своё время. Толстой не принадлежал к числу близких учеников Мейера, но это не помешало Мейеру обратить на него пристальное внимание и заинтересоваться им. П. Пекарский приводит слова, сказанные

---

⁹² Изложено по статье Эйхенбаума [99].

Мейером о Толстом: «Сегодня я его экзаменовал и заметил, что у него вообще нет охоты заниматься, а это жаль: у него такие выразительные черты лица и такие умные глаза, что я убеждён, что, при доброй воле и самостоятельности, он мог бы сделаться замечательным человеком» [64] (рис. 31).

Рис. 31. Студент Л. Толстой

В 1904 году Толстой, просматривая составленную П. И. Бирюковым биографию, сделал ряд вставок и исправлений, в главу о казанской жизни он вписал несколько слов о заданной Мейером работе («...эта работа очень заняла меня»), а в беседе с А. Б. Гольденвейзером (26 июня 1904 года) сказал: «Когда я был в Казани в университете, я первый год действительно ничего не делал. На второй год я стал заниматься. Тогда там был профессор Мейер, который заинтересовался мною и дал мне работу – сравнение „Наказа“ Екатерины с „Esprit des lois“ Монтескье. И я помню, меня эта работа увлекла, я уехал в деревню (летом 1846 года), стал читать Монтескье, это чтение открыло мне бесконечные горизонты; я стал читать Руссо и бросил университет именно потому, что хотел заниматься» [20].

Мейер был немногим старше своих казанских учеников, но влияние его было огромно. Г. Ф. Шершеневич говорит: «Студенты Казанского университета выносили из его лекций такую массу знаний, какой не получали в ту эпоху нигде слушатели. Кроме обширного материала, расположенного в строгой научной системе, лекции Мейера были проникнуты тем гуманным характером, тою смелостью чувства, которые должны были увлекательным образом действовать на учеников. Когда в 40-х годах с кафедры раздаётся голос протеста против крепостничества, чиновничьего взяточничества, против различия в правах по сословиям и вероисповеданиям – приходится заключить, что профессор обладал значительным гражданским мужеством. Смелое слово учителя не оставалось без влияния на учеников: известен случай, когда один из учеников Мейера отказался от выгодной покупки крепостных именно под влиянием впечатления, вынесенного из университета» [96].

К этой характеристике, сделанной на основе чужих воспоминаний, надо добавить другую, написанную А. Н. Пыпиным (будущим историком литературы), поступившим в 1849 году на словесный факультет Казанского университета: «Среди своих сотоварищей это был профессор нового типа: как говорят, талантливый и тонкий юрист, он был также очень образованный человек, и на его лекции студенты шли толпами, между прочим, из других факультетов: изложение своей науки он соединял с объяснениями, взятыми из современной европейской и русской жизни и литературы, его юридическое учение было вместе учение нравственное; лично мягкий в своей манере, он был строгим в своих принципах, – характер, к сожалению, довольно редкий в тогдашних университетах» [73, с. 31].

Пыпин, будучи двоюродным братом Н. Г. Чернышевского, распространял идеи Мейера в революционно-демократических кругах. По воспоминаниям его дочери В. А. Ляцкой, Пыпин говорил о Казанском университете: «...на каждом факультете можно было назвать людей знающих, талантливых, а иногда и замечательных. Таким был юрист Д. И. Мейер, отличавшийся кроме специальных познаний и широким образованием, что привлекало на его лекции студентов и из других факультетов».

Прибавим сюда слова о Мейере, сказанные товарищем Толстого по Казанскому университету В. Н. Назарьевым: «В высшей степени нервный и болезненный, он был одним из тех мечтателей, которых не исправляют неудачи и жизненный опыт. Его вера в лучшее, в торжество правды, доходившая до фанатизма, была искренна и не лишена какого-то поэтического оттенка. В этом хилом теле жила сильная и выносливая натура, решительно

не способная отделять своё личное благо от блага общего. Он жил ожиданием близкого обновления нашей общественной жизни, неизбежной полнотой миллионов русских людей и пророчил множество благ от свободного труда и упразднения крепостного права».

Соколовский, слушатель Казанского университета: «Впрочем, есть одно имя, святое для каждого слушателя. Д. И. Мейер был высокая личность; ни одного пятна не лежит на нём; он многих выдвинул на прочную дорогу, указав им, куда идти. Я уверен, что не⁹³ один из слушателей донесёт до гроба воспоминание о нём, не один в трудные минуты искушения обязан ему своим спасением. Дмитрий Иванович был олицетворённая честность; вся его жизнь представляла служение одной идее; несмотря на невзгоды, на физические и нравственные страдания, он твёрдо, безуклонно шёл к своей цели, ни разу не отступая, ни разу не погнувшись перед бурями... С кафедры он, в связи с непосредственным предметом преподавания, высказывал такие мысли, которые находили живой отклик в юных умах и сердцах его слушателей. Читая, например, об объекте права собственности и исключая из числа этих объектов человека, он доказывал всю несправедливость крепостного права; говоря о суде и судьях, клеймил взяточничество, доказывая всю гнусность его и т. п. Эти лекции, или, вернее, необходимые отступления, глубоко западали в души слушателей. Когда случалось делать такие отступления, все студенты оставляли перья и, будто по уговору, начинали с напряженным вниманием следить за словами профессора, боясь проронить каждый звук их. В эти минуты речь молодого профессора, до того тихая и спокойная, раздавалась громко по аудитории, добродушное лицо делалось задумчивым и серьезным, голос дрожал и вместо обычной бледности на лице показывался болезненный румянец» [58, 63].

Мейер был близок к кругу Чернышевского и Белинского. В 1857 году в Казани вышло посмертное издание лекций Мейера, записанных студентами, – «Очерки русского вексельного права». Чернышевский в сопроводительном тексте назвал Мейера «одним из героев гражданской жизни – тех героев, о которых не вспоминает без благоговения ни один знавший их человек, на какое бы поприще деятельности ни поставила судьба».

Интересен был метод преподавания Мейера. Чтобы облегчить будущим юристам вхождение в профессию, он на занятиях консультировал обращающихся к нему по юридическим вопросам людей. В своей работе

---

⁹³ Орфография оригинала.

«О значении практики в системе современного юридического образования» Мейер пишет: «Знание односторонне, и человек нелегко убеждается, что сверх знания требуется ещё умение применить его» [57].

Известный русский юрист Анатолий Фёдорович Кони сначала хотел изучать математику, но книга Д. И. Мейера «Русское гражданское право», купленная им в маленькой книжной лавке Попова на Невском, так увлекла его, что он пошёл на юридический.

О честности Мейера много написано в воспоминаниях. В завещании он оставил свою библиотеку Петербургскому университету⁹⁴.

Заметим, что родным языком Д. Мейера был русский – он ведёт на русском свой юношеский дневник⁹⁵.

Георг Вольдемар Кантор, его кузен, нежно его любивший, знал о его чухотке, которой и сам был болен, и делился с ним своим опытом борьбы с болезнью: «Скажи мне, дорогой друг, впрямь ли была такая нужда тревожить твоих старых родителей признаниями и известиями такого рода?

Правда ли, что с твоей грудью все настолько опасно? Пострадала ли твоя телесная конституция из-за столь долго не проходящего коклюша – или Ты чувствуешь, что избавился от сего телесного недуга? Напиши мне, убедительно прошу Тебя об этом.

Остается надеяться, что все не так серьезно, и тогда Ты очень не прав, столь глубоко огорчив своими неосторожными рассуждениями твоих старых, боготворящих Тебя родителей! Надеюсь, что мне Ты можешь и сможешь в дальнейшем сказать чистую правду, оттого что я сам 1½ года глядел в разверстый зев смерти, но не лишился рассудка и одолел чудище. А посему позволю себе теперь преподнести Тебе несколько практических советов...

В конце концов, советую и прошу Тебя: беги из Казани, ежели не навсегда, то хоть на время, для укрепления твоего здоровья поезжай в путешествие в Италию, Германию или Швейцарию, но непременно через Петербург или, если Ты так уж заостенел для совершения столь героических поступков, устрой так, чтобы Твои старые родители приехали бы на несколько месяцев к Тебе. Старики, старые люди, пребывают в постоянной тоске по Тебе – их фамильному сокровищу.

Разумно было бы, ежели бы Ты получил место в должности приват-доцента и переехал в Дорпат⁹⁶. Оттуда представилась бы возможность

---

⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 476. Д. 4; ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5770. 34 л.

⁹⁵ ОР РНБ. Ф. 476. Д. 20.

⁹⁶ Дерпт, в настоящее время Тарту.

каждый год посещать их. Но в любом случае приезжай к нам погостить. Чего только не произошло в наших краях за время твоего отсутствия! Однако об этом только при встрече! Твоим сёстрам здесь очень нравится...

В заключение хотел бы пожелать из чисто эгоистических соображений пожить некоторое время здесь, дабы воспользоваться Твоими воззрениями, опытом, знаниями, методами и советами и изначально воспитывать моих двух прекрасных мальчиков должным образом»⁹⁷.

21 декабря 1855 года Мейер прочёл первую лекцию в Санкт-Петербургском университете, а 18 января 1856 года умер от чахотки. Похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. (Семьи Мейеров и Бёмов хоронили там близких.)

Сочинения Мейера переиздаются и поныне, его читают и изучают.

2.1.9. Скрипач и капельмейстер Йозеф Гримм

Осип Гримм вместе со своей женой Анастасией, тётёй Георга Вольдемара Кантора, заботился о нём и сделал его своим наследником.

С 1780 года в Петербурге камер-музыкантом служил кларнетист Йозеф Гримм-старший. Он приехал из Карлсбада^{xiv} (Карловы Вары) с женой Луизой-Людовикой, урождённой Агрикола. Католик. Присягнул на подданство России в 1807 году, а присягу на вечное подданство принёс в 1814-м. Жалованье получал 2000 рублей в год. Уволен от службы в 1816 году, умер в возрасте 77 лет в 1831-м⁹⁸. У него были две дочери, Шарлотта и Вильгельмина, и сын, тоже музыкант-скрипач, Йозеф, связанный с героями нашей истории родственными отношениями.

На каких инструментах играл Йозеф Гримм-старший, неизвестно. Императорские театры старались в оркестранты брать музыкантов, владеющих 2–3 инструментами. После увольнения Гримма-старшего и ещё двоих музыкантов в оркестре появились вакансии одного валторниста, двоих гобоистов, одного альтиста и одного контрабасиста⁹⁹. 1 апреля 1789 года состоялся концерт кларнетиста И. Гримма [86, с. 12]. Возможно, что это был как раз Гримм-старший.

Йозеф Гримм-младший родился в России около 1786 года, с 19 марта 1803 года служил в немецком оркестре, 28 мая 1808 года по прошению

---

⁹⁷ ОР РНБ. Ф. 476. Д. 54. См. прил. 1.

⁹⁸ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 5189. 11 л.

⁹⁹ ЦГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1291. 14 л., л. 3.

уволен со службы. Служил в ставке Аракчеева капельмейстером оркестра и для обучения собственных, Аракчеева, музыкантов два года¹⁰⁰.

Аракчеев (рис. 32) ещё в 1803 году искал себе капельмейстера: «Потребен в дом графа Аракчеева капельмейстер для духовой и скрипичной музыки. Желаящие вступить в оную должность могут являться каждый день поутру в дом его, что возле Зимнего дворца на Мойке под № 46»¹⁰¹. (Первый дом Аракчеева сохранился, современный адрес: набережная Мойки, д. 35.)

Рис. 32. А. А. Аракчеев

Тяжёлый и жестокий характер Аракчеева делал службу у него тяжёлым испытанием. Много лет прослужил у него А. Ф. Львов. Фаворитка Аракчеева, Настасья Минкина (рис. 33), из простых крестьян, отличалась особой жестокостью к крепостным. Но положение её в доме Аракчеева было так значительно, что её внимания заискивали придворные ради благосклонности Аракчеева.

---

¹⁰⁰ Заметим, что в энциклопедии «Немцы России» на с. 632 дана ошибочная информация о времени службы Осипа Гримма у Аракчеева.

¹⁰¹ Санкт-Петербургские ведомости. – 1803. – 12 февраля. – С. 363.

Рис. 33. Настасья Минкина

В 1825 году она была убита своими дворовыми. Аракчеев был сокрушен её убийством, более сотни крестьян были наказаны. Об этом рассказывает Герцен в романе «Былое и думы». После смерти Минкиной Аракчеев стал разбирать её вещи и обнаружил множество подарков с письмами придворных, гражданских и военных просителей. Аракчеев вернул все письма с подарками дарителям, пригрозив, что иначе он их опубликует. В архиве осталось несколько её писем к Аракчееву, посвящённых хозяйственным вопросам, и единственное письмо, обращённое к ней.

Это было письмо Йозефа Гримма от 8 сентября 1809 года. В тот день Аракчеева не было в Петербурге, он был в действующей армии. Только что закончилась Русско-шведская война. Награждение Аракчеева орденом Андрея Первозванного произошло 6 сентября. Аракчеев отказался от ордена, так как не принимал участия в боевых действиях. После этого Александр I повелел войскам отдавать ему почести.

Вот как пишет об этом Половцов: «5-го сентября 1809 г. был заключен с Швециею мир в Фридрихсгаме¹⁰²; на другой день Государь препроводил

---

¹⁰² Ныне финский город Хамина.

Аракчееву собственный орден Св. Андрея Первозванного, при милостивом рескрипте, но граф упросил его взять орден обратно. 7-го сентября последовал Высочайший указ: „В воздаяние ревностной и усердной службы военного министра графа Аракчеева войскам отдавать следующие ему почести и в местах пребывания Его Императорского Величества“» [68].

К этому времени Аракчеев, вероятно, уже жил в казённом одноэтажном доме на углу Литейного и Кирочной (дом не сохранился, участок Дома офицеров, Литейный пр., д. 20). Прохожие, и прежде всего офицеры, старались обходить и объезжать этот дом стороной.

Гримм, служивший у Аракчеева капельмейстером, приехал в дом Аракчеева, возможно зная, что хозяев нет дома, и написал письмо Настасье Минкиной¹⁰³.

«Милостивая государыня Настасья Фёдоровна! Я был у вас в доме, но не имел счастья ни графа, ни вас видеть. Прошу вас покорнейше извинить, что я не в состоянии повторить свой приход, чтоб оказать вам своё почтение. Я имею несчастье быть мучим (химороическим припадкам), но как скоро я только могу без принуждения ходить, то не премину вам доказать, сколько я вас почитаю. Арина Ивановна велела вам кланяться и также просит не сердиться, что прямо к вам не явилась, но ночь была тому причиною, в которой прибыли в Питербург, она осталась у одной знакомой, а мать её выехала не знаю куда. С того время я её не видал. Как разлучились, ежели вам сударыня угодно видеть её, то дайте то писменно знать, и я непременно пошлю за ней; ибо она отсюда не [неразб.]). Остаюсь с искренним почтением и покорностью ваш Осип Гримм»¹⁰⁴.

Настасья Минкина была известна огромным влиянием на Аракчеева. Можно высоко оценить дипломатичность Гримма, вежливо уклонившегося от общения с ней, а также выведя за пределы её внимания неизвестную Арину Ивановну с матерью. Язык его письма согласован с нормами переписки Аракчеева, но в результате достигается цель избежать общения с хозяевами.

Как удавалось Гримму быть капельмейстером в ставке Аракчеева, учить музыкантов и при этом ладить с военным министром! Львов вспоминал, как непросто было и уволиться от этой службы, если этого не желал Аракчеев.

---

¹⁰³ Орфография оригинала.

¹⁰⁴ ОР РНБ. Ф. 29. Д. 11. Л. 335–336.

В 1810 году Аракчеев был чрезвычайно занят хлопотами об устройстве военных поселений. Идея поселений пришла Александру I, Аракчеев сначала не был её сторонником. Но император поручил Аракчееву сделать поселения по образцу собственного имения Аракчеева в Грузии, и Аракчеев погрузился в эту работу. При этом он писал подробнейшие регламентации для слуг, крестьян, крестьянок. Например, молодым матерям предписывалось, как смотреть за детьми. Дети с шести лет должны были носить мундиры.

У Аракчеева было 10 крепостных мальчиков-музыкантов, и он решил обучить их полезным специальностям: пятерых портняжному ремеслу, двоих – сапожному, двоих – каллиграфии, одного – слесарному делу. Ответственность за их обучение он возложил на старшего официанта. «Бедный официант получил от своего хозяина приказ из более чем десяти пунктов. Один из них, к примеру, гласил: „Еженедельно присылать ко мне рапорты, прописывая в оных всё, что случится по твоему ведению. Опрятность в платье и обуви у всех мальчиков остаётся на твоей ответственности, за чем ты и обязан ежедневно смотреть. Для обучения портному мастерству позволяю тебе употребить на нитки, иглы и на холстину и на другие надобности собственные мои деньги, кои будут мною заплачены“. Вместе с тем Аракчеев приказал отчитываться рапортами и каждому из мальчиков [90]».

Возможно, это произошло после того, как оказалось, что в военных поселениях не нужны музыканты, либо Гримму удалось уволиться под каким-то иным предлогом, но в 1810 году Йозеф Гримм оставил службу у Аракчеева, с 1 сентября 1810-го вернулся на службу в театр.

Жалованье получал 1800 рублей в год. В 1821 году награждён директором Императорских театров Аполлоном Майковым¹⁰⁵ бриллиантовым перстнем. В 1822 году за исправление должности капельмейстера награждён 1000 рублей единовременно. Дирижировал с 1818 года. 30 сентября 1822 года представлен к должности дирижёра театральных зрелищ и просил пожаловать пенсион, ибо всей службы имел 17 лет и 3 месяца. Но Гримму пришлось отслужить ещё два года, чтобы заслужить пенсион 1200 рублей¹⁰⁶.

В очередном контракте Гримм обязуется «играть в оркестре на скрипке, где дирекции приказано будет, окромя балов, маскарадов и Антрактов. Также по моим способностям в случае надобности дирижировать мне

---

¹⁰⁵ Аполлон Александрович Майков (1761–1838), дед поэта Аполлона Николаевича Майкова, директор Императорских театров.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 2268. 12 л.

оркестрами, во всех операх, водевилях, трагедиях с большими хорами, балетах и концертах, даваемых как в городе, так и при дворе также и при столовых музыкантах в городе и за городом»¹⁰⁷. В контракте 1824 года Гримму поручено играть «первую скрипку в больших немецких операх, дирижировать малыми операми, водевилями, мелодрамами»¹⁰⁸. В 1830 году, состоя на службе без контракта в итальянском оркестре при вторых скрипках с жалованием по 3000 рублей, сверх коего получал пансион 1200 рублей¹⁰⁹, уезжает на четыре месяца в отпуск в чужие края для поправления здоровья. Имея большое семейство, просит доставить им средства сохранения получаемого жалования¹¹⁰. По возвращении приступил к отправлению своей должности в итальянском оркестре¹¹¹, как записал Катерино Кавос, капельмейстер русской и итальянской оперных трупп.

В 1840 году Осип Гримм пишет «Прошение. Для поправки крайне расстроенного на службе здоровья моего и по советам врачей покорнейше прошу Дирекцию уволить меня на 29 дней для пользования морскими водами в Эстляндскую и Лифляндскую губернии и в Финляндию»¹¹².

В ноябре 1809 года Осип Гримм, ещё будучи капельмейстером военного министра, женился на Анастасии Михайловой, сестре скрипача Гартвига Мейера.

Дж. Даубен упоминает о тёте Георга Вольдемара Кантора, которая в Петербурге вышла замуж за скрипача Йозефа (Осипа) Гримма [107, с. 272]. Это был её второй брак.

Сначала, приехав из Копенгагена, она приняла православие с именем Анастасия (Настасья) Михайлова, вышла замуж и 8 мая 1804 года родила сына Александра Самойлова¹¹³, потом овдовела. Вторично вышла замуж за скрипача Осипа Гримма в 1809 году. 3 ноября 1809 года в Сергиевском соборе состоялось их венчание. «Капельмейстер Его Сиятельства господина военного Министра Графа Алексея Андреевича Аракчеева Осип Гримм, состоящий в католическом законе без перемены онаго, с еврейскаго во святом крещении наречённую Анастасию Михайловой, венчаны по указу

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 1 Д. 223. 23 Л., Л. 4.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 497. Оп. 1 Д. 223. 23 Л., Л. 7.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 497. Оп. 1 Д. 4883. 15 Л.

¹¹⁰ Стандартная формулировка.

¹¹¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 1 Д. 223. 23 Л., Л. 9-9 об.

¹¹² РГИА. Ф. 497. Оп. 1 Д. 223. 23 Л., Л. 13.

¹¹³ РГИА. Ф. 497. Оп. 1 Д. 223. 23 Л., Л. 22.

С.Петербургской Духовной Консистории под № 3115 в Сергиевском всей Артиллерии Соборе 1809 года ноября 3 числа, жених первым, а невеста вторым браком»¹¹⁴. (Сергиевский всей артиллерии собор (рис. 34) находился на углу Литейного проспекта и Сергиевской улицы (ныне улицы Чайковского). В 1934 году частично разобран, частично передан под нужды ОГПУ.)

Рис. 34. Сергиевский собор

С 1819 года Гримм вновь вернулся в театральный оркестр, играл первую скрипку в больших немецких операх и дирижировал малыми операми¹¹⁵, а с 1830-го – в оркестре итальянской оперы. Закончил служить в 1840 году в связи с уменьшением состава труппы.

---

¹¹⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 223, л. 15.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 223. 23 л., л. 7.

Интересен запрос 1853 года Санкт-Петербургской духовной консистории в контору Императорских театров о сыне Анастасии Гримм от первого брака Александре Самойлове от начальника Вятской губернии «отобрать показания от жены театрального музыканта Грина, Анастасьи Михайловой, в какой именно церкви в СПбурге¹¹⁶ крещён Александр Самойлов, родившийся 8 мая 1804 года, и показания её доставить в Консисторию немедленно. Свидетельство её нужно к делу производящегося в Консистории о родопроисхождении канцелярского служителя Александра Самойлова» и весьма невежливый ответ: «По данным, Александр Самойлов родился 8 мая 1804 года. Фамилия музыканта не Грин, а Гримм. Музыкант Гримм от службы уволен. Жительство имеет по Малому проспекту на углу 12 линии в доме Третьякова № 148»¹¹⁷.

Йозеф и Анастасия жили на Васильевском острове недалеко от дома Канторов. Брак их был бездетным, сын Анастасии от первого брака из Петербурга уехал.

Очень возможно, что семья Гриммов приняла на себя заботу о юном Георге Вольдемаре Канторе – отце математика Георга Кантора. В пользу этого говорят следующие аргументы. Георг Вольдемар Кантор ребёнком был привезён в Петербург матерью и сразу окрещён в лютеранскую веру. Отец его, Якоб Кантор, возможно, остался в Копенгагене. О роли матери в жизни Георга Вольдемара нет никакой информации. Видимо, он рано осиротел. А вот её родная сестра Анастасия Гримм, вероятно, заботилась о мальчике. Возможно, мальчик воспитывался в её семье.

После женитьбы Георг Вольдемар Кантор с молодой женой поселился рядом с Гриммами, в доме неподалёку. Он передаёт привет от супруги и тётки Гримм своему кузену Дмитрию Мейеру в письме к нему *«особые приветы от моей супруги и тётки Гримм»*. Это детское именование – «тётя Гримм» в одном ряду с супругой говорит о том, что и в семье Канторов они играли роли одного ряда. В 1847 году Георг Вольдемар, заболев чахоткой, едет с женой за границу, а двух малолетних детей – годовалого Густава и двухлетнего Георга – они оставляют в Петербурге. Кому? Наверное, тёте Гримм.

В пользу близких отношений говорит и завещание Осипа Гримма Георгу Вольдемару Кантору, «вильманstrandскому и временному петербургскому купцу Егору Яковлеву сыну Кантору»¹¹⁸, составленное 30 января 1854 года (прил. 7).

¹¹⁶ Орфография оригинала.

¹¹⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 223. 23 л., л. 22.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 4. Д. 356. 13 л., л. 5.

На следующий день после написания завещания, 31 января 1854 года, Осип Гримм умер от водяной болезни в возрасте 68 лет. Похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге, о чём записано в метрической книге римско-католической церкви под № 17.

В этом же деле¹¹⁹ имеется прошение Георга Вольдемара Кантора («Вильмаstrandский и временно Ст.-Петербургский 3 гильдии купец Егор Яковлев Кантор»), написанное по-русски 26 мая 1854 года в Кабинет его императорского величества о выдаче оставшегося жалованья Осипа Гримма (см. прил. 7).

Размер этого остатка пенсионера был 57 рублей 39 копеек серебром. Кроме того, Кантор получил движимое имущество на 350 рублей, капитала наличного 33 рубля, 6 акций Страхового от огня общества по 690 рублей каждая на 4140 рублей серебром, акции Общества застрахования пожизненных доходов каждая по 81 рублю серебром на 648 рублей серебром, итого 5171 рубль серебром¹²⁰.

Анастасия Гримм умерла между 1851 и 1854 годом. И она сама, и Йозеф Гримм опекали Георга Вольдемара, а он заботился о них в старости, что видно из рассказанного.

2.1.10. Великое княжество Финляндское. Купечество

Георг Вольдемар Кантор, начав торговлю в Петербурге как иностранный гость из Копенгагена, с 1835 года приписал себя к Великому княжеству Финляндскому как купец города Вильманстранда (ныне Лаппеенранта). Это делало его подданным Российской империи и давало немалые льготы в торговле. Здесь мы расскажем об особом статусе такого положения.

С 1809 года по Фридрихгамскому мирному договору территории Финляндии на правах автономии перешли к Российской империи, Выборгская губерния вошла в состав Финляндского княжества в 1811 году. Население России начало переселяться на эти территории, несмотря на суровые географические условия. Для Финляндского княжества были установлены торговые и таможенные льготы, обеспечивавшие большую свободу предпринимательству и торговле. В Финляндию ехали свободные крестьяне, отставные солдаты, купцы. Многие открывали новые производства.

---

¹¹⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 4. Д. 356. 13 л., л. 4.

¹²⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 4. Д. 356. Л. 6.

Иностранные купцы быстро поняли выгоды приписки к финляндским городам. Кроме того, для получения права на торговлю не нужно было предъявлять начальный капитал, что значительно облегчало вступление в гильдию. В Финляндии это было пожизненное право, не отменяемое при изменении финансового состояния. Сюда входило и право проживания на территории Финляндии, и право на получение паспорта для пребывания в России.

В 1825 году министр финансов Егор Канкрин издал указ о даровании Финляндии прав, в котором говорится и о купцах: «Ничто не препятствует им, оставаясь записанными в Финляндии, пользоваться правами заезжих купцов или иностранных гостей или же причисляться в Российское купечество и прочие торговые разряды по собственному их желанию. Не взимать денег акцизных с финляндских купцов. Рассчитывать подати только с гостей, а не с купцов»¹²¹.

Многие русские и иностранные купцы поспешили приписаться к Финляндии, стать «ложными бюргерами» ради этих льгот.

Товар, пришедший из Англии или других стран Европы, часто регистрировался как финский ради меньших пошлин. С этим боролись русские таможи, даже рассылали по всем пограничным таможням образцы финских товаров, дабы не пропустить английские перчатки или голландские кружева как финские.

Малое количество таможен не могло препятствовать контрабанде населения, которое по Ладожскому озеру и Финскому заливу на лодках перевозило продукты и товары. Собственно финских купцов было немного.

В 1831 году появился закон «Об определении соответственного акцизного сбора с разного звания торгующих людей в пользу Санкт-Петербургской и Московской Столиц. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 31 октября 1831 года», определявший размеры торговых сборов с иностранных купцов. В нем предлагается означенный сбор производить «с иногородних купцов I и II гильдий, одних, не имеющих в столице собственности и производящих оптовую торговлю, – по полупроценту с гильдейского капитала; с иногородних купцов III гильдии, доставляющих съестные припасы, – по 50 руб. с лица; с иногородних купцов I и II гильдий, записанных для мелочного торга в III гильдию, – на сем же основании. Если они производят и оптовую торговлю, то обязаны платить особо по полупроценту с гильдейского капитала». Как видим, иностранные купцы здесь

---

¹²¹ РГИА. Ф. 571. Оп. 5. Д. 743. 76 л., л. 29.

получали значительные налоговые льготы (налог на иностранных купцов I, II гильдий составлял 0,5 % против 6,5–6,7 % у российских купцов I, II гильдий). Акт 1831 года фактически дискредитировал российское купечество. Он отталкивал новых потенциальных членов от вступления в ряды российского купечества и открывал широкие возможности для уклонения от налогов за счёт причисления к «иностранным гостям» иностранцам, даже долгое время живущим в том или ином российском городе.

Приписка к тому или иному роду купечества и размер капитала при этом записывались «по совести каждого», что при определённых условиях открывало широкий простор как для приписок, так и для ухода от налогообложения. Все указы Министерства финансов были направлены на уменьшение махинаций и злоупотреблений.

В 1835 году этими выгодами финского гражданства воспользовались Георг Кантор и купец из Копенгагена Иоганн Мейер, возможно, его родственник. Начиная с 1835 года Георг Вольдемар Кантор фигурирует в документах как Вильманстрандский и временно Санкт-Петербургский купец II гильдии [85, с. 32], а затем III гильдии в 1854-м¹²². Так как существовал возрастной ценз (маклеру должно быть не менее 30 лет), двадцатилетний Георг Вольдемар Кантор имел поддельный возраст в паспорте.

В 1847 году в Петербурге торговали три купца Мейера из Вильманстранда: Иоганн Мейер, I гильдии¹²³, Август Мейер¹²⁴ и Эдуард М. Мейер¹²⁵. Возможно, между ними были родственные связи.

В 1835 году министр финансов граф Канкрин издал новое положение о торговых сношениях империи с Великим княжеством Финляндским¹²⁶, по которому увеличивались таможенные пошлины (для купцов III гильдии в 1,5 раза).

В 1836 году были введены некоторые новые таможенные правила, облегчающие торговлю с Финляндией¹²⁷.

В 1838 году вышло «Высочайшее Его Императорского Величества постановление о взимании пошлин и прочих поборов с приписывающихся в Финляндии к торговому, промышленному или рабочему классу народа,

---

¹²² РГИА. Ф. 468. Оп. 4. Д. 356. 13 л., л. 4.

¹²³ St.Peterburgische Zeitung. – 1847. – S. 700.

¹²⁴ Там же, с. 444.

¹²⁵ Там же, с. 284.

¹²⁶ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 451. 485 л., л. 212–217.

¹²⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 930. 31 л.

иностранцев и российских подданных. Издано в Гельсингфорсе», по которому уменьшились льготы для купцов, приписанных к финляндским городам (прил. 8).

Возможно, это постановление и послужило препятствием деятельности Кантора в период 1838–1841 годов. Все упоминания о нём исчезли, только в 1841 году он вновь упоминается как маклер.

Вильманstrand (ныне Лаппеенранта, Финляндия, рис. 35), город в 220 км от Петербурга, входил в состав Выборгской губернии Великого княжества Финляндского. В этом маленьком городе легко было получить купеческие документы, а его принадлежность Великому княжеству Финляндскому сначала (в 1835–1838 годах) обеспечивала таможенные льготы (рис. 36). Этой же причиной можно объяснить переход Георга Вольдемара из II гильдии в III – налоги меньше, а своим основным капиталом он участвовал в оборотах одной из торговых компаний.

Рис. 35. Вильманstrand в XIX веке

Плотность населения в Финляндии была небольшой. Преобладали хутора и небольшие посёлки. В начале XIX века Вильманstrand был центром муниципального округа Ларрее, население которого было рассредоточено

вокруг центра. Город входил в состав Выборгской губернии (т. е. Российской империи) с 1743 года. Но сама Выборгская губерния (так называемая Старая Финляндия) была включена Александром I в 1811 году в состав Финляндии. Таким образом Вильманstrand перешёл под управление Великого княжества Финляндского.

Рис. 36. Фото дома купца Волкова в Лаппеенранте

Крепость, оставшаяся от шведов, перестраивалась под надзором А. В. Суворова, который жил там в 1791 году. В городе стоял небольшой русский гарнизон, хотя стратегического значения крепость уже не имела.

Население Вильманstrandа в начале XIX века составляло 350 человек, в 1830 году оно было уже 700 человек, в 1835-м – 900 человек. При этом в 1835 году было более 250 фиктивных купцов, а в 1850-м – 730¹²⁸.

---

¹²⁸ Информация получена от сотрудницы архива Лаппеенранты Эйсконен Сату.

2.1.11. Торговая жизнь Петербурга. Биржа

Приехав в Петербург, молодой Георг Вольдемар Кантор с 1833 или 1834 года начал работать на Бирже (рис. 37). Ему было 19 лет, а маклером можно было стать лишь с 30 лет. Поэтому он пользовался паспортом с фальшивой датой рождения [107, с. 272].

Рис. 37. Здание Биржи

С 1816 года Биржа располагалась в новом здании на стрелке Васильевского острова (рис. 38–40).

Просторный зал Биржи был предназначен для работы купцов, регламентации заключения сделок. Деятельность Биржи была курсовая (обмен валюты) и товарная, с ценными бумагами начали работать к середине XIX века. Маклеры после сдачи испытаний становились курсовыми маклерами, товарными маклерами или, проявив знания и по курсовой, и по товарной части, допускались к обоим видам деятельности.

С 1803 года в Петербурге выходит «Коммерческая газета», в которой публиковались биржевые объявления об аукционах, пришедших кораблях, аналитические статьи по российской и мировой экономике.

Рис. 38. Корабли на Неве

Рис. 39. Торговые корабли у причала на правом берегу Невы

Рис. 40. Торговые корабли у Английской набережной

Помимо организации движения финансовых и товарных потоков, Биржа занималась финансированием строительства и эксплуатации портов и мостов города, обеспечивала порядок судоходства. Например, определялись места швартовки, качество причаливания¹²⁹, особенно на зимней стоянке: «О предохранении Благовещенского моста от повреждений во время весеннего ледохода строжайше подтверждается всем судопромышленникам, имеющим суда по берегам Невы, чтобы они причаливали эти суда, в особенности мачтовые, к берегу совершенно надёжно, на хороших канатах или железных цепях и в безопасных от льда местах»¹³⁰.

Биржа учреждала различные виды страхования, например страхование скота¹³¹, страхование от огня¹³².

Биржевое время отмечалось колоколом, который был «столь оглушителен, что вреден для слуха». Поэтому в 1846 году по распоряжению председателя Биржевого комитета Л. Штиглица его заменили маленьким колокольчиком¹³³.

¹²⁹ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 658. 177 л., л. 20.

¹³⁰ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 707. л. 54.

¹³¹ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 658. 177 л., л. 31–38.

¹³² Там же, л. 111.

¹³³ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 569. 74 л., л. 63.

В 1853 году был устроен подземельный электромагнетический телеграф между Санкт-Петербургом и Кронштадтом, позволявший на Бирже иметь информацию о приходе кораблей с товарами¹³⁴.

В Петербурге в 1843 году через Большую Неву было три моста: Исаакиевский (плашкот¹³⁵ с подъёмными местами, рис. 41), Петербургский, или Троицкий (против Суворовской площади), – соединял Адмиралтейскую сторону с Петербургским островом, плашкоутный, и Воскресенский¹³⁶, против Воскресенского проспекта, соединял Литейную часть с Выборгской стороной [70].

Рис. 41. Исаакиевский плашкоутный мост до 1853 года

Первый постоянный мост через Неву – Благовещенский (рис. 42) был открыт в 1850 году. «Министр финансов дал знать Биржевому Комитету

¹³⁴ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 740, 745.

¹³⁵ Наплавной.

¹³⁶ В створе современного проспекта Чернышевского.

предписание от 18 ноября, что Государь Император изволил изъявить Высочайшую волю, чтобы при открытии постоянного чрез Неву моста находились члены сего Комитета вместе с известнейшими лицами из Биржевого купечества.

Рис. 42. Благовещенский мост. Шарлемань

Во исполнение сего Биржевой Комитет покорнейше просит вас пожаловать завтра, 21 ноября, в 11 часов утра, в дом Коммерческого Собрания на Английской набережной (рис. 43, 44), дабы оттуда следовать на мост по назначению.

Имеющим мундир следует быть в парадной форме.

Подписал Председатель Биржевого Комитета Барон Штиглиц»¹³⁷.

Среди приглашённых – иностранные гости: Карл Дмитриевич Моберли, Фома Матвеевич Андерсон¹³⁸, Вильгельм Брандт¹³⁹, коммерции советник Иван Алексеевич Жадимировский, Моберли – маклер, друг Георга Вольдемара Кантора, Брандт – компаньон торгового дома Асмуса Симонсена, Жадимировский – владелец дома на Большой Конюшенной, где будет жить семья Канторов незадолго до отъезда из России.

¹³⁷ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 658. 177 л., л. 141.

¹³⁸ Агент торгового дома Сарептского общества.

¹³⁹ Член торгового дома Сарептского общества.

Рис. 43. Английская набережная

Рис. 44. Дом Коммерческого собрания. Особняк Штиглица
на Английской набережной

Сбор пошлины с кораблей в пользу города осуществлялся в конторе на Исаакиевском мосту. «В начале лета до самого замерзания реки открывается ежегодно на Исаакиевском мосту в караульном Домике», о чём ежегодно извещали «хозяев шкиперов, на судах в Санкт-Петербург приходящих. С купеческих

кораблей по 10 рублей, с Гальотов, Шмаков, Бриков, Кофъ, Шкоутов, Гальясов и Романовок по 5 рублей, а с Яхт, Ботов, Шунтов и Шмепов по 2 рубля с каждого»¹⁴⁰. В 1853 году Исаакиевский плавучий мост было решено перенести ближе к Зимнему дворцу¹⁴¹ наравне с Румянцевской площадью¹⁴².

Глубоко сидящие суда (больше 9 футов) в Неву не входили, а разгружались в Кронштадте. Грузы перевозили в пакгаузы на Петровском острове.

Навигация в Петербурге была недолгой, всего пять месяцев, но за это время через город проходил большой поток товаров, до полутора тысяч кораблей. Те товары, которые не находили оптового покупателя либо были подпорчены, продавались на аукционах или на площади перед Биржей (рис. 45, 46). По воскресеньям стрелка Васильевского острова превращалась в экзотическую ярмарку, на которой можно было увидеть чай, вино, лошадей, обезьянок. Продавались тропические растения, экзотические животные, фрукты, вина, гаванские сигары, английские перчатки, финские кружева, виноград, устрицы, анчоусы, сельдь, сардели и сардины в жестяных банках, шёлк, гравюры и многое другое¹⁴³.

Рис. 45. Биржевая площадь. К. Беггров

¹⁴⁰ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 89. 40 Л., Л. 27.

¹⁴¹ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 734.

¹⁴² ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 631. 181 Л., Л. 150.

¹⁴³ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 531. 89 Л.

Рис. 46. Биржа в 1820 году. Гравюра Тозелли

В архиве есть интересное письмо: «Министр финансов, по встретившейся надобности, покорнейше просит Биржевой Комитет о доставлении сведения: какая разница существует в торговле между рыбами сардинами и сарделями? – На отношение оной канцелярии от сего числа С. Петербургский Биржевой Комитет имеет честь донести, что в торговле между рыбами сардинами и сарделями, привозимыми в масле и жестянках, разницы никакой не имеется, сардели же и анчоусы привозятся и солёные в бочках и горшках, которые и продаются ценою гораздо ниже первых. Сардели название немецкое, сардины же французское. В торговле эта рыбка является по разному способу приготовленная. Той же породы, но мельче анчоус – сырые солёные рыбки привозят в бочках в рассоле. Цена в Голландии и Франции около 20 гульденов или 40 франков за 50 килограмм. На коих чешуя неприметна, мясо мягкое. В малом количестве развозятся в стеклянных банках в оливковом масле или приправленные пряными кореньями, в каком виде цена определяется смотря по роскоши приготовления. Сардины,

особенным способом на огне приготовленные и солёные, сохраняются в оливковом масле и являются в торговле в плоских, целых, половинных и четвертных жестянках. Цена во Франции около 3 франков за целую жестянку, в коей около 40 штук, на коих чешуя, мясо суше и твёрже»¹⁴⁴.

Биржа среди других расходов на государственные нужды оплачивала поставку книг и иностранных журналов в университеты. Например, в 1844 году – «О поставке книг и иностранных журналов в Казанский университет», большой список, включающий журнал Крелле *Journal für die Mathematik*, 1840, № 15, за 8 рублей 24 копейки¹⁴⁵.

Работа маклеров на Бирже заключалась в посредничестве между купцами, желающими продать товар, и купцами, желающими его купить (рис. 47). Маклеры занимались товарами либо векселями. Самим вести торговлю им запрещалось. Согласно указу Павла I от 1800 года, маклеров определяли по выборам от купечества [38, с. 117]. На Бирже постоянно было около 100 маклеров, назначаемых бессрочно и состоящих в III гильдии. Кандидаты в маклеры должны быть русскими подданными (иностранцы допускались особым распоряжением¹⁴⁶) и иметь не менее 30 лет от роду. Товарные маклеры составляли расписки о сделке, в которых описывались количество, качества товара (доброта товара), цена, имена участников. Курсовые маклеры осуществляли обмен валюты по текущему курсу. Каждый участник сделки получал расписку от маклера, сделка записывалась в шнурованную маклерскую книгу. Эта расписка носила характер нотариальной. Вознаграждение (куртаж) маклера в начале XIX века составляло 1,125 % суммы сделки от каждой участвующей стороны. Размер куртажа со временем менялся (был и 1/4 %, и 1/8 %), но был фиксирован. Маклеров на Бирже узнавали по шнуровой книге и серебряному знаку в петлице. Нагрудный знак был окончательно утверждён в 1907 году¹⁴⁷. Богатые маклерские конторы абонировали ложи в помещении Биржи [47]. Ежегодно маклеры платили акциз в пользу города по семи разрядам в зависимости от своих доходов, причём последний, седьмой разряд предназначался для тех, кто работал, но был неплатежеспособен. Уплата сопровождалась подписью маклера.

¹⁴⁴ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 707. 147 л., л. 22–29.

¹⁴⁵ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 524. 72 л., л. 47–48.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 560. Д. 43. Л. 2.

¹⁴⁷ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 2. Д. 217.

Рис. 47. Торговый зал Биржи в конце XIX века

Благодаря знанию языков, энергии и деловым качествам самые удачливые маклеры ежедневно успевали обслуживать одно судно, и среди них были весьма состоятельные, хотя имелись и весьма нуждающиеся.

Ежегодно во время навигации, продолжавшейся пять месяцев, в порт Кронштадта приходило до полутора тысяч кораблей (рис. 48, 49).

Рис. 48. Панорама Петербурга начала XIX века

Рис. 49. Петербург зимой. К. Бегров

Состояния купцов росли быстро, за несколько лет можно было десятикратно увеличить капитал. Известны состояния барона Штиглица, братьев Елисеевых, торгового дома «Асмус Симонсен и К^о». Среди быстро разбогатевших купцов – открыватель Трои Генрих Шлиман. Он приехал в Петербург в 1846-м как представитель голландской фирмы, был приведён к присяге на подданство России в 1847 году. В 1856-м «Нарвский I гильдии купец Генрих Шлиман имеет жительство на Васильевском острове по 1 линии в доме Эрнста»¹⁴⁸. Он же упоминается в Книге квитанций Санкт-Петербургской биржи за 1857 год¹⁴⁹. На фоне остальных купцов – а их число росло от 30 до 160 за период 1833–1850 годов – оборот Кантора самый скромный. Состояния торговцев возрастали с каждым годом. Например, Иоганн Мейер в 1833 году имел оборот менее 200 тысяч рублей, а в 1838-м – уже 1 676 737 рублей¹⁵⁰.

В 1833 году на Санкт-Петербургской бирже было 267 купцов трёх гильдий; 99 биржевых маклеров, заводчиков, фабрикантов, прочих торгующих по свидетельству первых трёх родов и подрядчики на привоз и отвоз

¹⁴⁸ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 786. 163 л., л. 135.

¹⁴⁹ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 2. Д. 831. 78 л.

¹⁵⁰ Коммерческая газета. – Санкт Петербург. – 1838. – 15 февраля.

товаров – 57 человек; лиц, адресованных к купцам и не производящих никаких дел, – 45 человек¹⁵¹.

Купечество I гильдии объявляло капитал от 50 000 рублей и более, купечество II гильдии – от 20 000 рублей и более, купечество III гильдии – от 8000 рублей. Состояния многих купцов, начинавших со II гильдии, достигло нескольких миллионов. Среди них Иоганн Мейер, торговавший шерстью, «Асмус Симонсен и К^о», барон Штиглиц. Людвиг Штиглиц начинал со 100 тысяч рублей (первая найденная расписка Stieglitz & С^о от 1806 года, в фонде церкви Св. Михаила¹⁵²), в 1837 году Штиглиц стал первым по торговым оборотам Петербургского порта: его привоз составлял 20 210 305, отпуск 12 820 728 рублей¹⁵³, далее несколько меньше, но к 1860 году его состояние уже было 55 млн рублей серебром.

2.1.12. Георг Вольдемар Кантор, отец Георга Кантора

Георг Вольдемар Кантор – самая таинственная фигура нашего повествования (рис. 50).

О других героях нет противоречивых сведений, а о нём есть. Даже его близкие мало знали о нём, сын не знал его возраста. Георг Вольдемар никогда не называл имя своей матери. Он пользовался фальшивым паспортом, уклонялся от налогов, скрывал свои доходы. Не имея возможности заплатить акциз и называя себя купцом III гильдии, он оставил своим детям огромное наследство. Его отличала восторженная религиозность. Возможно, был близок к общине гернгутеров, чей призыв «Смирение и радость» соответствует тональности его писем сыну. Возможно, именно он нёс в своей крови наследственную депрессию, лишившую математика Георга Кантора способности творить к концу жизни. Возможно, именно он создал в письмах к сыну те самые страхи, которые привели Георга Кантора к депрессии. В прил. 10 приводятся основные гипотезы биографов Кантора.

Математик Георг Кантор писал к Полю Таннери^{xv} 6 января 1896 года: «Мой покойный отец, умерший в Германии в 1863 г., Георг Вольдемар Кантор, ребёнком приехал с матерью в Санкт-Петербург и сразу же был окрещён в лютеранство. Но родился он в Копенгагене (я не знаю точно, в каком

---

¹⁵¹ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 98. 2 л.

¹⁵² ЦГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.

¹⁵³ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург. – 1838. – 15 февраля.

году, приблизительно между 1810 и 1815), родился у еврейских родителей, принадлежавших там к португальской еврейской общине, и, следовательно, видимо, испано-португальского происхождения»^{xvi} [108, с. 241].

Рис. 50. Георг Вольдемар Кантор

В скандинавском сводном биографическом словаре [14] упоминаются двое Канторов из Дании.

Теодор Эдвард Кантор, ботаник. Врач, зоолог и ботаник Кантор Теодор Эдвард (родился в Копенгагене в 1809 году, умер в 1860 (возм. 1854) году в Индии), сын купца Levin Isaak Cantor и Nanine Wallich^{xvii}. В 1833 году стал доктором медицины в Галле, а в 1835-м поступил сверхштатным сотрудником в Бенгальскую медицинскую службу. С 1835 или 1838 года работал хирургом в Бенгальском морском госпитале. Добровольно отправился ассистентом хирурга в Китай во время «опиумных войн». Пребывал в Чузане (Chusan) с июля 1840 по март 1841 года. В это же время собирал растения в Малайе и Китае. Они хранятся в India Office Library. В 1844 году служил в Penang. Работал со своим дядей Nathanael Wallich, медиком и ботаником, в Калькутте, был служащим Британской Ост-Индской морской компании с обязанностями естественно-исторического исследователя (рис. 51, 52). Автор трёх книг: Notes respecting some Indian fishes (1839), General features

of Chusan (1842), Catalogue of Malayan fishes (1850). В его честь назван вид бамбука *Vambusa cantori* MUNRO¹⁵⁴. В Индии заболел психическим заболеванием и умер в психиатрической клинике в Калькутте.

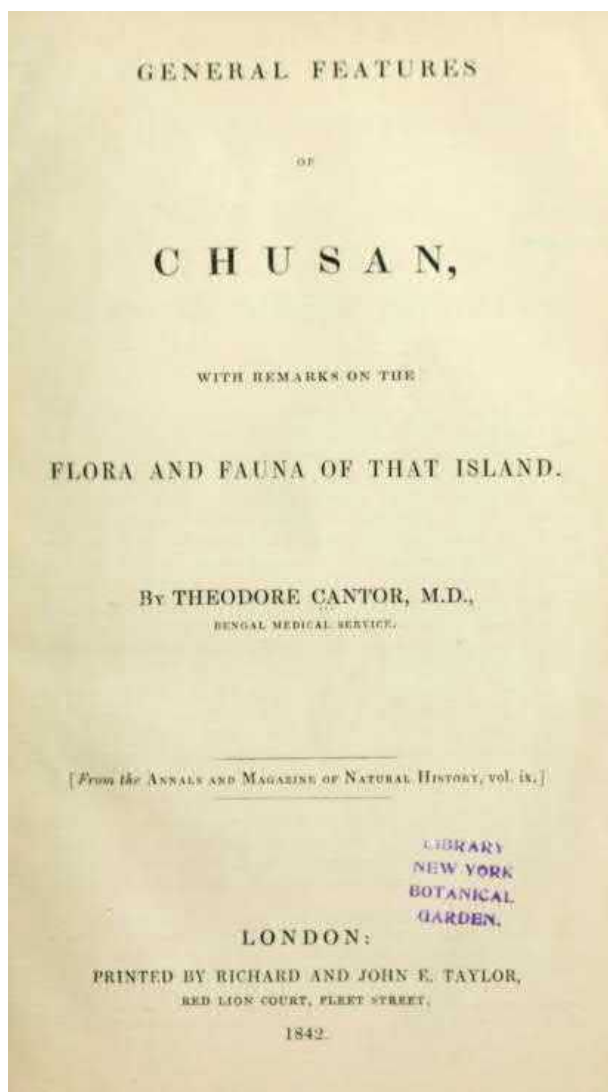

Рис. 51. Обложка книги Т. Э. Кантора, 1842 год

---

¹⁵⁴ <http://www.nationaalherbarium.nl/FMCollectors/C/CantorTE.htm>

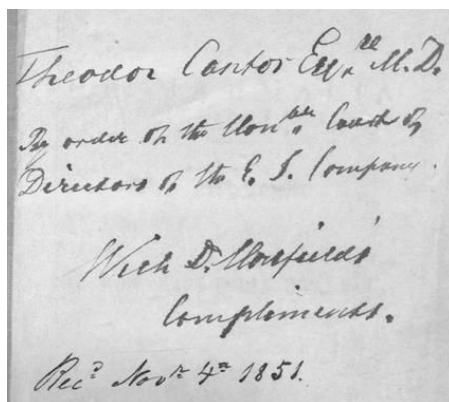

Рис. 52. Факсимиле Теодора Кантора

Исаак Натан Кантор, медик. Второй датский Кантор из того же словаря – Кантор Исаак Натан, сын купца Israel Cantor, родился в 1806 году в Helsingør (Хельсингёр, Дания), умер в 1872-м в Nørresundby. Был медицинским служащим в датских городах Kjellerup, Norre Sundby^{xviii}.

К сожалению, не удалось подтвердить или опровергнуть родственные связи Теодора Кантора и Исаака Кантора с Якобом Кантором и его сыном Георгом Вольдемаром Кантором; коллеги из датских архивов не смогли предоставить информацию^{xix}.

Георг Вольдемар Кантор, купец. Год рождения Георга Вольдемара Кантора можно установить по брачной записи от 22 апреля 1842 года: «Георг Вольдемар Кантор 28 лет, купец из Вильманстранда, и Мария Бём, 22 лет, дочь Франца Бёма...»¹⁵⁵ Следовательно, он родился около 1814 года, этот же год написан и на его надгробии^{xx}.

Сведений о пребывании Георга Вольдемара Кантора в приютах Петербурга не обнаружено. Он получил где-то неплохое образование, возможно медицинское, что подтверждает единственная опубликованная им статья в Medicinische Zeitung Russlands. St-Petersburg [104]. В Петербурге жил постоянно с 1834 или 1835 года как купец копенгагенский, затем вильманстрандский. Ревностный лютеранин. Фамилия его матери была Мейер (Meÿer). В статье Граттан-Гиннесса [113] упоминается работа датского генеалога о происхождении Кантора, но найти её не удалось^{xxi}.

¹⁵⁵ ЦГИА. Ф. 347. Оп. 1. Д. 64. Л. 118.

Возможны такие гипотезы. В конце XV века Испанию и Португалию покинула большая группа преследуемых инквизицией иноверцев и новообращённых католиков. Среди них были мусульмане, иудеи, морраны – крестившиеся евреи, мориски – крестившиеся мусульмане, лютеране. Помимо них, из Испании и Португалии в Европу переселилось большое количество музыкантов, чье искусство было востребовано в городах Северной Европы [25]. В 1534 году Португалия примкнула к антипротестантскому блоку, и одновременно с Францией в ней начались репрессии. В 1531 году Жуан III попросил у папы разрешения для организации в Португалии инквизиции [78, с. 163]. От инквизиции старались убежать все (рис. 53).

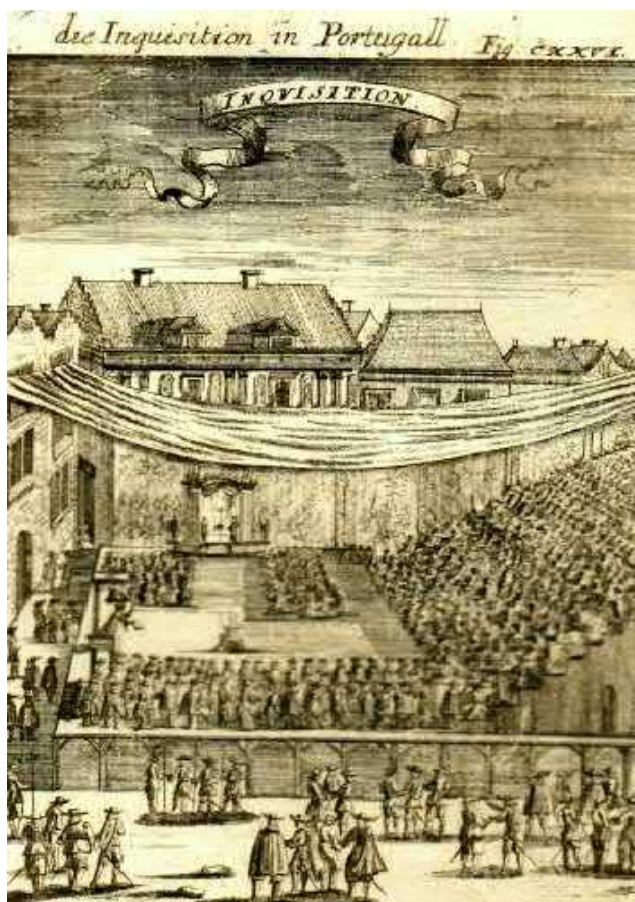

Рис. 53. Инквизиция в Португалии

Эмиграция продолжалась несколько веков, направляясь в Бразилию и Европу. Большинство оседало в городах Северной Европы, главным образом в Голландии [110], затем постепенно распространялось в немецкие и скандинавские земли, смешиваясь с местным населением. В Амстердаме в 1675 году была португальско-израильская синагога [105], сохранились списки кладбища общины, но фамилии Cantor там нет^{xxii}.

Фамилия Cantor имеет латинизированное написание (от cantare – петь). На любом из языков Северной Европы это слово было бы написано Kantor, через «К». В Новое время среди студентов Европы – а в Португалии особенно – была популярна латинизация имён [78, с. 161]. Закончив обучение, студент переводил своё имя на латынь, например Ковен – Кальвин, Декарт – Картезий. Возможно, так поступил и носитель фамилии Кантор. Возможно, он был одним из шести тысяч музыкантов Испании и Португалии, чьё искусство стало востребованным в Нидерландах на городских празднествах [25]^{xxiii}.

Несмотря на генеалогическое исследование, на которое ссылается Граттан-Гиннесс [106], мало известно о его родителях (Якоб и Эстер), был неизвестен год рождения Георга Вольдемара. Граттан-Гиннесс пишет: «Результаты новейших исследований показали, что все домыслы о религиозной принадлежности Кантора, в частности о его еврейском происхождении, лишены всякого основания» [113, с. 351]^{xxiv}. Но мы уже знаем, что Анастасия Мейер (Михайлова, в замужестве Гримм), тётка Георга Вольдемара Кантора, крестилась в православие, а сам математик Георг Кантор писал, что его родители происходили из общины португальских евреев Копенгагена.

Граттан-Гиннесс пишет, что Георг Вольдемар родился в Копенгагене. «Тот факт, что ему дали христианское имя, подразумевает, что Кантор не был евреем. Фамилия его матери была Мейер, и её родственники занимали прочное положение в России – в частности, один из её племянников был профессором права в Казанском университете (во времена Лобачевского) и учил романиста Л. Толстого.

Таким образом, с точки зрения сильного антисемитизма, практиковавшегося в России в то время, было весьма маловероятно, чтобы Мейеры были евреями» [113, с. 351].

Хотя в России действовал указ Екатерины I от 20 апреля 1727 года о черте оседлости, он относился не к национальности, а к исповеданию. При условии принятия крещения запрет снимался. Среди сподвижников Петра I были евреи. В их числе вице-канцлер Петр Шафиров и первый

генерал-полицмейстер Петербурга Антуан Девиер (1682–1745). Потомок португальских крещёных евреев, Антуан Девиер был отмечен Петром I за участие в морских манёврах в Амстердаме, включён им в штат прислуги, был денщиком, с 1718-го – генерал-адъютант при царе [17, с.12]. Португальским евреем был шут Петра I Ян д’Акоста. С 1802 года в лютеранской части Волкова кладбища был приобретён участок для еврейского кладбища. Возможно, там и был похоронен копенгагенский купец Абрам Мейер, проживавший в Петербурге. К сожалению, записей того времени не сохранилось.

Напряжённый антисемитизм мог проявляться в юго-западных областях России, где было значительное число евреев, в Петербурге же, который был портовым торговым городом, проживали представители всех национальностей Европы, толерантность поддерживалась молодостью многонациональной столицы.

Прочное положение, занимаемое семьёй Мейеров в Петербурге, обеспечивал придворный музыкант Гартвиг Мейер, в должности скрипача получавший всего 500 рублей в год и содержавший на эти деньги престарелую мать и сестёр. Его «фамильное сокровище», сын Дмитрий Иванович Мейер, родился в 1819 году и стал профессором в 1848 году.

В России для постоянного проживания в Петербурге нужно было принадлежать к какой-либо христианской конфессии – православной, католической, лютеранской. Иностранные гости, платившие специальный налог, могли быть любого исповедания – мусульманского, иудейского, буддистского, конфуцианского. Религиозная целостность гарантировала целостность культуры столицы. Приняв крещение в любой из христианских конфессий, можно было принести присягу на подданство России и жить в Петербурге беспрепятственно.

Иудеи жили в Петербурге как иностранные гости, как жил, например, в конце XVIII века Абрам Мейер. Людвиг Штиглиц, после банкира Раля придворный банкир и председатель Биржевого комитета, с 1802 года жил в Петербурге, с 1807 года стал подданным России, в 1812 году перешёл из иудаизма в лютеранство.

В России большое количество евреев появилось лишь после присоединения царства Польского к Российской империи, тогда и активизировали ограничительные меры.

Дети Абрама Мейера – придворные музыканты Гартвиг и Осип – при поселении в Петербурге приняли лютеранство, Анастасия приняла православие, мать Георга Вольдемара Кантора, предположительно, приняла с сыном

лютеранство. К сожалению, метрических книг лютеранской церкви Св. Екатерины, прихожанами которой были Мейеры, за первые годы XIX века не сохранилось. Имеется лишь упоминание о крещении Анастасии Мейер из иудейского закона в православный в записи о её венчании с Осипом Гриммом в 1809 году.

В 1815 году был заключён мирный договор между Россией и Данией. Возможно, это повлияло на приезд матери Кантора с сыном.

Предположительно, Георг Вольдемар ребёнком приехал с матерью и, возможно, с отцом в Санкт-Петербург и оказался в евангелическом лютеранском приюте. Об этом написано у Даубена [107, с. 272–274] со ссылкой на Граттан-Гиннесса [113 с. 348] на доклад Датского генеалогического общества [106]: «Хотя история семьи туманна, несомненно, что отец Кантора, Якоб, жил в Копенгагене. Как и у его отца, дата рождения Георга Вольдемара Кантора неизвестна, хотя, когда он умер в Гейдельберге, дата его рождения в Копенгагене была официально записана как 24 марта 1814. Но это совсем не согласуется с принятой семейной историей, по которой семья Кантора находилась в Копенгагене во время английской бомбардировки 1807 года (рис. 54).

Рис. 54. Осада Копенгагена 1807 года

В соответствии с этой историей семья лишилась всего во время штурма и переехала в Петербург, где мать Георга Вольдемара имела родню.

Вследствие семейного бегства в Петербург воспитание и образование маленького Георга Вольдемара было вверено евангелической лютеранской миссии. Что стало с его родителями тогда, неизвестно, хотя семья его матери (семья Мейер) была, по некоторым сведениям, успешной и уважаемой в Петербурге. Сестра была замужем за Йозефом Гриммом (католиком), который был придворным камер-музыкантом, а у племянника было прочное положение профессора права в Казани. Очевидно, он способствовал правовому регулированию освобождения крепостных крестьян в 1861 году, и, как любили вспоминать в его семье, Толстому довелось быть его студентом. Что касается родителей Георга Вольдемара, о них больше ничего не известно, кроме того факта (упомянутого в докладе Датского генеалогического института), что Якоб Кантор в 1841 году был ещё жив, прислав своему сыну поздравление с помолвкой».

Военные действия велись в Копенгагене в 1801 (рис. 55) и 1807 годах (см. рис. 54).

Рис. 55. Копенгагенское сражение 1801 года

Обе баталии вызвали большие разрушения города и бегство населения. В Петербурге в 1801 году появился некий И. Кантор.

Вероятно, сначала Якоб Кантор был членом португальско-еврейской общины Копенгагена, но, приняв лютеранство в Петербурге, он перестал быть членом общины. Георг Вольдемар Кантор в русских документах именуется «Егор Яковлев сын Кантор». При переходе из иудейской веры в лютеранскую еврейское имя отца исчезало, крестившийся считался сиротой. Следовательно, и отец Георга Вольдемара тоже был окрещён. Бывал он в Петербурге или нет, установить не удалось. Но механики (слесари) с фамилией Кантор в Петербурге были, и проживали они недалеко от Литейного двора.

В адресных книгах Петербурга до 1850 года нет Канторов, кроме маклера Георга Кантора в 1837 году (правда, избежать попадания в адресную книгу при желании тоже было несложно). В «Городском указателе на 1850 год» [24] есть два слесаря Кантора, проживающих около лютеранской церкви Св. Анны: Кантор на Сергиевской улице, в доме Жилина (Литейная часть, 16 участок, 1-й квартал), и Кантор, Литейная часть, 6-й участок, 4-й квартал, в доме Лермонтова, третий дом перед лютеранской церковью Св. Анны (ленинградцы вспомнят Анненшуле, 239-ю школу, и кинотеатр «Спартак» на Кирочной улице, д. 8).

Рядом находился Литейный двор – Новый арсенал, который обслуживали литейщики и оружейники. В 1854 году адрес слесаря Карла Кантора указан в Московской части, Невский проспект, в доме Паскова [71] (на углу Невского и Садовой). Связаны ли они с героями нашей истории, неизвестно.

Даубен говорит о паспорте 1833 года, в котором указан возраст Георга Вольдемара – 24 года. Заметим, что Георг Вольдемар в 1833 году начал заниматься купеческой деятельностью, а в России существовал возрастной ценз. Реально (по свадебной церковной записи, которая обуславливает достоверность) ему было 19 лет, что делало невозможным торговую и маклерскую деятельность. Следовательно, паспорт он себе сделал поддельный.

В архивах Императорских театров имеется один загадочный документ 1825 года, возможно имеющий отношение к матери Георга Вольдемара: «По жалобе иностранки Кантер на придворного музыканта Дробиша в невозвращении задолженных ему умершим сыном её вещей, за которые она ныне вносит ему взятые от него деньги»¹⁵⁶ (прил. 9). Если этот документ

---

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 2866.

относится к матери Георга Вольдемара Кантора, это подтверждает гипотезу о бегстве из Копенгагена в 1801 или в 1807 году^{xxv}.

О присутствии Канторов в Петербурге в первые годы XIX века говорит ещё один документ. В фонде лютеранской церкви Св. Михаила имеется расписка¹⁵⁷ от 02.05.1806, возможно, о крещении или займе (написано неразборчиво), в которой упоминается John. Cantor, von Neustadt, подписанная J.W. Tode¹⁵⁸.

К сожалению, помимо утраты многих метрических книг, трудность поиска составляет ещё одно обстоятельство. Если при крещении в православие из другой веры, помимо метрической записи, составлялся ещё и документ в консисторию, благодаря чему удалось найти информацию о крещении Анастасии Мейер «из еврейского закона в православный», то в лютеранской церкви, как церкви миссионерской, при крещении пользовались упрощённой процедурой и дублирующих документов тогда не составляли.

Наши попытки найти информацию о пребывании Георга Вольдемара Кантора в детских приютах лютеранских миссий не увенчались успехом, равно как и поиски его матери в приютах и больницах Петербурга.

В Петербурге в это время существовал большой (в разные годы от 7 до 50–100 мальчиков) приют для мальчиков от 9–10 лет при Петрикирхе¹⁵⁹, среди фамилий воспитанников нет Кантора (см. протоколы Сиротского комитета¹⁶⁰ 1817–1863 годов, список воспитанников до 1835 года). При лютеранской церкви Св. Екатерины тоже был приют на 4–8 мальчиков¹⁶¹. Фамилий воспитанников в документах этого приюта не содержится. При лютеранской церкви Св. Анны в годы возможного пребывания там Георга Вольдемара был приют только для девочек.

Повзрослев, Георг Вольдемар, вероятно, уехал из Петербурга, так как ни в одном учебном заведении Петербурга его фамилии нет в списках. В частности, нет в Коммерческом училище [42]. Возможно, он получил полное или неполное образование в учебном заведении Германии, Скандинавии или Прибалтики. Возможно, что это было фармацевтическое или медицинское образование, судя по его единственной опубликованной медицинской статье. Возможно, он учился в одном из частных пансионов

---

¹⁵⁷ ЦГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

¹⁵⁸ Иоганн Вильгельм Тоде, купец из Либавы.

¹⁵⁹ ЦГИА. Ф. 708. Оп. 1. Д. 56. 83 Л., Л. 62; Д. 70. 129 Л., Л. 89; Д. 83, Д. 93.

¹⁶⁰ ЦГИА. Ф. 708. Оп. 1. Д. 81. 162 Л.

¹⁶¹ ЦГИА. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 62, Л. 16.

в Петербурге. Такие пансионы давали хорошее образование, в них часто преподавали университетские профессора (например, в пансионе Е. Мейера на Васильевском острове преподавали профессора Э. Раупах, К. Ф. Герман). В 1821 году было открыто училище для детей бедных иностранцев¹⁶². Но частные пансионы не были обязаны подавать списки учеников в Министерство народного просвещения.

Так как в 1837 году он упомянут как маклер Егор Кантор [61], а маклером можно было стать по достижении 30-летнего возраста, можно предположить год его рождения – 1807-й, либо его паспорт имел фальсифицированную дату. На его могиле стоит год рождения – 1814-й. В его брачной записи от 22 апреля 1842 года назван возраст 28 лет, следовательно, год рождения приблизительно 1814-й. Где прошло его детство, в Дании или России, пока неизвестно. Хочется надеяться, что это удастся выяснить после того, как откроются некоторые фонды в РГИА.

До 1833 года Кантора нет в списках купцов. Его нет и в списках купцов, принятых в подданство в период 1812–1864 годов¹⁶³.

Первая торговая операция Кантора по итогам года отражена в «Коммерческой газете» 22 ноября 1834 года: «Кантор и компания – отпуск пеньки 1855 пудов, конопляного масла 175 бочек; Егор Кантор отпуск поташа 31 бочка». В 1834 году он не упомянут в списке экспортно-импортных торговых операций.

В 1835 году «Датскаго подданного, пользующегося правом здешнего II гильдии купца Егора Кантора, отпущено поташа 6 бочек = 153 пуда 25 фунтов». За 1835 год Кантор Г. пенькой не торговал, привоз на 223 396 рублей 50 копеек, отпуск на 5509 рублей 0 копеек.

За 1836 год «Кантор и компания»: привоз на 12 200 рублей, отпуск на 149 784 рубля¹⁶⁴.

За 1837 год «Кантор и компания» осуществили привоз на 114 700 рублей, отпуск на 60 394 рубля¹⁶⁵. Как видите, баланс очень нестабилен (у других купцов привоз и отпуск приблизительно одинаковы).

Заметим, что банковского кредитования в те времена не было, получить заём для торговой деятельности можно было лишь под залог. После 1837 года никаких коммерческих операций не зафиксировано.

¹⁶² РГИА. Ф. 759. Оп. 101. Д. 129. 16 Л.

¹⁶³ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Именной указатель.

¹⁶⁴ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург. – 1837 – 4 февраля.

¹⁶⁵ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург. – 1838 – 15 февраля.

В газетных объявлениях проявляется самолюбие Георга Вольдемара Кантора – ему явно не нравится, что данное ему имя в русском варианте пишется «Егор», и в тех случаях, когда он может назвать себя сам, пишет «Георг». В 1836 году он уже как вильманстрандский, а не датский купец может назвать себя Г. Кантор¹⁶⁶.

Но ещё в 1839 году он, как портовый маклер, должен был заплатить 7 рублей годового акциза (есть его подпись, что ознакомлен), но среди заплативших его нет¹⁶⁷. Это означает, что он не располагал 7 рублями для уплаты акциза.

В 1840 году вновь был составлен список маклеров, должных заплатить акциз за 1839 год, в их числе в последнем разряде (среди самых бедных) Егор Кантор¹⁶⁸. Имеется его подпись о том, что он читал списки и должен заплатить 14 рублей серебром, но его снова нет в числе заплативших¹⁶⁹.

За 1840¹⁷⁰ и 1841¹⁷¹ годы в списке маклеров, должных заплатить акциз городу, Кантора также нет. Это означает, что он перестал работать как маклер.

В 1842 году в списке торговых домов¹⁷², производящих отпуск пеньки и льна, т. е. товаров, которыми торговал Г. Кантор, указаны «В. Брант и К^о», «Кейли, Моберли и К^о», «М. Андерсон и К^о», «А. Симонсен и К^о». Возможно, Георг Кантор принимал долевое участие в деятельности одного из этих торговых домов.

За 1843 год Кантора нет среди заплативших акциз¹⁷³. В Биржевом комитете существовало правило, по которому «на основании 2318-й статьи тома XI Свода Законов, Устав Торговли, маклер, не являющийся к должности по болезни, по истечении года увольняется с должности маклера»¹⁷⁴.

Здесь просматривается склонность Георга Вольдемара Кантора к унынию, его подавленность грузом неудач. Он пишет в 1851 году о своих взлётах и падениях Дмитрию Мейеру: «...реальность неотложных дел, которые в суровой суматохе жизни требуют от человека, существующего за счёт

---

¹⁶⁶ Коммерческая газета. – Санкт-Петербург. – 1836 – 13 февраля.

¹⁶⁷ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 378. 15 л., л. 2.

¹⁶⁸ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 376. 15 л., л. 2.

¹⁶⁹ Там же, л. 4–10.

¹⁷⁰ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 433. 9 л.

¹⁷¹ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 467. 13 л.

¹⁷² ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 489. 1 л.

¹⁷³ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 500. 15 л.

¹⁷⁴ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 776. 128 л., л. 46.

коммерции, полной отдачи, и вдобавок к сему изошрённейшая конкуренция, изматывающая не только физически, но и морально, как бы невероятно это ни звучало, с момента твоего отъезда¹⁷⁵, не отпуская, держат меня в состоянии апатии, каковая мало располагает к дружеской или семейной переписке.

Со стороны всем кажется, что взлёты и падения меня и вправду больше не трогают, и, по-видимому, материальная сторона затмила всё»¹⁷⁶.

Из его письма известно, что в 1847 году он вернулся из Италии, а 9–19 июля 1848-го он вновь проходит испытания на вступление в должность портового маклера¹⁷⁷.

Его жена Мария Бём поддерживала его подобно тому, как в своё время её мать Мария Моравек поддерживала и вдохновляла своего мужа Франца Бёма. Благодаря Марии Георг Вольдемар справился со своей болезнью и унынием, возобновил торговую деятельность, добился успехов.

9 июля 1848 года Георг Вольдемар Кантор вновь избирается маклером: «Из Министерства финансов, Департамента внешней торговли Санкт-Петербургскому Биржевому Комитету: Из числа кандидатов, назначенных для бывшего в минувшем июне месяце выбора в Биржевые маклеры при Санкт-Петербургском Порте, должны поступить на имеющиеся четыре вакансии, получившие большинство подписей Вильманstrandский и временный Санкт-Петербургский III гильдии купец Георг Кантор, а потому Департамент Внешней торговли предписывает Биржевому Комитету проинформировать означенным четырём кандидатам испытания по должности Биржевого маклера и донести Департаменту о последующем. <...> О произведённых 9 июля купцам Кантору, Гизико, Рейхарту и Баранову испытаний по должности Биржевого маклера. Первые три способны занять означенную должность по части товарной и курсовой»¹⁷⁸.

В 1848 году (16 октября) в «Списке маклеров по поводу маклерских книг» есть Георг Кантор и его подпись: «...читаль Георг Кантор»¹⁷⁹.

В упомянутом письме 1851 года Георг Вольдемар Кантор упоминает не только об изматывающей конкуренции, но и говорит: «...моя бухгалтерия, которая всё время требует обновления, и поздний час – уже глубоко

---

¹⁷⁵ 1844 год.

¹⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 476. Д. 54.

¹⁷⁷ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 600. Л. 25, 26, 33.

¹⁷⁸ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 609. 78 Л., Л. 25–26, 33.

¹⁷⁹ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 600. 158 Л., Л. 110–112, на обороте Л. 111.

заполночь». Это подтверждает наше предположение, что он работал как маклер с долевым участием в каком-либо торговом доме, наиболее вероятно, что в торговом доме Сарептского общества Асмуса Симонсена.

За 1854 год в списке на уплату маклерами акциза среди 100 маклеров фамилия Кантора написана пятой¹⁸⁰. Председатель Биржевого комитета барон Штиглиц предлагает маклерам самим определить, «сколько они из полученных в 1854 году доходов по собственному их мнению и по совести в состоянии внести акцизных денег»¹⁸¹. К первому разряду отнёс себя только один человек, ему полагалось заплатить 200 рублей серебром. Кантор скромно отнёс себя к 4-му разряду и выразил желание внести 60 рублей¹⁸². Но в итоге распределения (комитет должен был платить городу фиксированную сумму) Кантору пришлось заплатить по 3-му разряду 80 рублей, о чём имеется его запись: «...заплатил Г. Кантор»¹⁸³.

Таким образом, видно, что молодой Георг Вольдемар Кантор начал торговать и работать маклером в Петербурге с 1833 года, в 1838 году проводит несбалансированную торговую операцию, после чего прекращает торговую деятельность. Как маклер он продолжал действовать в 1839 и 1840 годах, но был неплатежеспособен, что отражено в документах. В 1848 году вновь избирается в маклеры, и его успешность постепенно растёт; в 1854 году его имя уже на пятом месте в списках маклеров.

Несомненно, активность и оптимизм вселили в него женитьба и рождение детей. Мария Бём вышла за него замуж вопреки воле своей семьи. Это видно по тому, что её отец и родные не присутствовали на венчании. Католичка сочеталась браком с лютеранином, крещёным иудеем. Сама оставшись сиротой в годовалом возрасте, она создала прочную семью, поддерживала мужа, сопровождала его на лечение в Италию. А ведь чтобы ради сопровождения мужа на лечение оставить двух маленьких детей, годовалого и двухлетнего, требуется немалая твёрдость. Возвратившись из Италии, она родила ему ещё двоих детей и хорошо воспитала их. Её ободрение помогло Георгу Вольдемару добиться успехов в делах. А потом, овдовев в 44 года, Мария всю свою долгую жизнь (она прожила 76 лет) посвятила заботам о детях. Расскажем о ней подробнее.

---

¹⁸⁰ Это означает высокий финансовый статус.

¹⁸¹ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 779. 23 л., л. 3.

¹⁸² ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 779. 23 л., л. 8.

¹⁸³ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 779. 23 л., л. 15.

2.1.13. Женитьба и семья

Дядя Георга Вольдемара Кантора по матери, Гартвиг Мейер, был скрипачом оркестра Императорских театров, первой скрипкой которого являлся Франц Бём. Георг Вольдемар Кантор входил в семью своей тёти Анастасии и её супруга скрипача Осипа Гримма. Большинство артистов и музыкантов жили в домах, окружавших Театральную площадь. Некоторые дома полностью заселяли актёры и музыканты: «...жили семьями с многочисленными детьми, которые также участвовали в театральных представлениях: в дивертисментах играли небольшие роли, читали стихи, пели, танцевали. Артисты сливались как бы в одно семейство, милым шалостям и проказам, отличавшимся изобретением и грациозностью, не было конца» [32, с. 72]. Тогда было принято вечерами ходить друг к другу в гости со своими музыкальными инструментами и играть квартеты Шуберта.

Рис. 56. Мария-Анна Бём

Дочь Франца Бёма и Марии Моравек, Мария-Анна Бём (1819–1896, рис. 56), была приветливой и жизнерадостной девушкой, несколько

болезненной. «Музыкальность, весёлый нрав, ранимость и душевная неуравновешенность. Была женщиной хрупкого сложения и в течение всей жизни страдала от болезней» [69, с. 9]. Она осталась без матери ещё младенцем, но её мачеха приходилась ей тётей, родной сестрой матери. В семье было семеро детей, Мария была третьей. Семья Франца Бёма жила у Театральной площади. В доме Франца Бёма собирались любители музыки и профессиональные музыканты. Мария играла на скрипке, а став взрослой и выйдя замуж, свой дом сделала открытым для гостей, учила музыке своих детей.

Возможно, на одном из домашних концертов и познакомились молодые люди – Георг Вольдемар Кантор, образованный коммерсант, и Мария Бём – очаровательная скрипачка.

Венчание состоялось 21 апреля 1842 года (Пуркерт указывает дату 27 апреля) в лютеранской церкви Св. Екатерины на Большом проспекте Васильевского острова, д. 1¹⁸⁴ (рис. 57).

Рис. 57. Лютеранская церковь Св. Екатерины

---

¹⁸⁴ Прихожанином этой же церкви был и Леонард Эйлер.

Георг Вольдемар Кантор был лютеранин, а Мария Бём – католичка. Поэтому венчание должно было свершиться дважды, в церквях обеих конфессий. 22 апреля 1842 года в католической церкви (базилике) Св. Екатерины (где венчались в 1814-м родители Марии; рис. 58) было ещё и венчание по католическому обряду: «Георг Вольдемар Кантор, купец из Вильманстранда, лютеранин, 28 лет, и мадемуазель Мария Бём, дочь Франца Бёма, 22 лет. Свидетелем со стороны жениха был Чарльз Моберли, маклер; со стороны невесты – Людвиг Маурер, скрипач». Имеется на этом документе также подпись, которую с некоторой степенью достоверности можно прочесть как «Якоб Кантор» (отец Георга Вольдемара)¹⁸⁵.

Рис. 58. Базилика Св. Екатерины, Невский пр., д. 32

Судя по составу гостей, семья Марии Бём не радовалась этой свадьбе. Со стороны невесты не было никого из родни, только добряк Людвиг Маурер, скрипач и друг её отца, Франца Бёма, пришёл к ней на венчание.

¹⁸⁵ ЦГИА. Ф. 347. Оп. 1. Д. 64. Л. 118.

По утверждению Граттан-Гиннесса, Мария приняла веру мужа [113]. Но в 1854 году она названа католичкой в школьном журнале своих сыновей Георга и Людвига¹⁸⁶.

Поселились молодые в доме Траншеля № 19 на 11-й линии Васильевского острова (см. рис. 1) [71], который находился неподалёку от дома Гриммов.

При Биржевом комитете с 1825 года существовала «Касса Санкт-Петербургских биржевых маклерских вдов и сирот» (Вдовья касса), основанная Яковом Андреевичем Шредером. Членом правления был Томас Моберли. Около 1845 года в кассу вступает Георг Вольдемар Кантор, о чём имеется его подпись¹⁸⁷. Благодаря этим взносам Мария Кантор, овдовев, до конца жизни получала пенсию из России (в октябре 1885-го – выплата 50 рублей за год)¹⁸⁸. В период с 1876 по 1892 год ей выплачивалась пенсия 195 рублей в год¹⁸⁹.

Мы видим фотографию Марии Кантор (см. рис. 56) уже в зрелые годы её жизни, после смерти мужа. Она в трауре, у губ залегла горестная складка, красивы руки с музыкальными пальцами, левая рука придерживает шаль, словно держит смычок. Лицо строго, но очень нежен наклон головы, блестит серёжка в изящном ушке. Визитное атласное платье по моде конца 1870-х годов. Аристократизм дамы пушкинского Петербурга, образ полон внутреннего лиризма. Вдовой она осталась в 44 года, её четверо детей были ещё подростками: Георгу было 18 лет, Людвигу – 17, Софии – 15, Карлу Константину – 14. Мария смогла благополучно устроить жизнь своих детей, поддерживала тёплые семейные отношения, воспитала в них чувство красоты и любовь к музыке.

Георг, даже став математиком, обращался в теории множеств к музыкальным образам, приводя пример четырёхкратно упорядоченного множества в «Учении о трансфинитном» 1887 года [39, с. 307].

---

¹⁸⁶ ЦГИА. Ф. 272. Оп. 1. Д. 204.

¹⁸⁷ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 2. Д. 772. 368 л., л. 138.

¹⁸⁸ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 2. Д. 772. 368 л., л. 155.

¹⁸⁹ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 2. Д. 773. 135 л., л. 106, 110, 112, 121, 125, 130, 132, 134.

2.2. Линия матери

2.2.1. Леопольд Моравек, метрдотель Екатерины II и Павла I, и его семья

Семья Марии Кантор, урождённой Бём, с материнской стороны была чешского происхождения. Дед Марии Кантор, Леопольд Моравек^{xxvi}, был знаменитым метрдотелем и приехал из Вены для работы по контракту при дворе Екатерины II.

В [вставлен пробел] то время гастрономия стала цениться как роскошь. Изменился порядок обеда, его эстетика. Еда уже не ставилась на стол вся сразу, гости обносились блюдами по переменам. В сервировке появились изделия из цветного и расписного стекла Императорского завода – прозрачные, синие, фиолетовые, молочные, с росписью золотом и серебром, вензелями и монограммами. Ценилась тонкость кулинарных ощущений. Появились французские повара. К столу подавались редкие оранжерейные фрукты. Во время обеда играл придворный оркестр.

Вот пример одного из парадных обедов Екатерины: «...в первой подаче идет по десять супов и похлебок, затем двадцать четыре средних антрме¹⁹⁰. Например: индейки с шио [*chou (фр.)* – капуста], пироги королевские, терины с крылами и пуре зеленым, утки с соком, рулады из кроликов, пуларды с кордонани и т. д.

Затем наступает время тридцати двух ордевров, куда могли входить: маринады из цыплят, крыла с пармезаном, курицы скательные и др. А тут подоспели „большие блюда“: семга глассированная, карп с приборами, торнбут глассированный с кулисом раковым, окуни с ветчиною, курицы жирные с прибором, пуларды с трюфелями. На сцену вновь выходят тридцать два ордевра типа рябчики по-испански, черепахи разные, чирята с оливками, व्यюны с фрикандо, куропатки с трюфелями, фазаны с фисташками, голубята с раками, сальми из бекасов. Потом наступает очередь жаркого: большие антрме и салаты, ростбиф из ягненка, дикая коза, гато компьенский, зайцы молодые, 12 салатов, 8 соусов... Их сменяют двадцать восемь средних антрме горячих и холодных типа: ветчина,

---

¹⁹⁰ Антрме – кушанья, подаваемые перед основными, «фирменными» блюдами или перед десертом.

языки копченые, турты с кремом, тарталеты, пирожное, хлебцы итальянские. Затем начинается смена салатов, а также померанцы и соусы с тридцатью двумя антрме горячими: потруха по-королевски, цветная капуста, сладкое мясо ягнячье, булионы, гатлеты из устриц и пр.».

Приведенные недавно сведения о том, что сама Екатерина II в еде была весьма умеренна, относятся скорее к последним годам её правления. Вот, к примеру, перечень блюд одной из её повседневных трапез: «Индеек с шио, терины с крылами и пуре зелёным, утки с соком, маринад из цыплят, окуни с ветчиной, пулярды с трюфелями, рябчики по-испански, черепахи, чирята с оливками, гато компьенский, двенадцать салатов, семь соусов, хлебцы итальянские, пирожные, тарталеты и т. п.» [75].

Быть распорядителем такого обеда мог только опытный мастер, искусство которого подобно искусству дирижёра большого оркестра. Ценили и оплачивали службу метрдотелей выше, чем капельмейстеров. Иван Хандошкин, первый русский скрипач и придворный музыкант, имел чин мундшенка (виночерпия).

Метрдотель – это высший чин среди придворных служителей. Два человека вели церемониал обеда: обер-кухенмейстер распоряжался поварами, а метрдотель в столовой тафельдекерами (накрывающими на стол), официантами, мундшенками (виночерпиями), кофешенками. Метрдотель направлял течение обеда, согласовывал действия всех служителей. Он должен был обладать организаторской энергией, умом и тактом. Парадные обеды бывали не каждый день. Великих князей кормили очень просто: к чаю давали варенье, хлеб с маслом – деликатесами не баловали. При дворе Екатерины II в будние дни за стол садилось от трёх до девяти человек («не меньше трёх граций, но не больше девяти муз»), а на парадных обедах приглашённых бывало несколько сотен человек.

Павел I, вступив на престол после смерти Екатерины II в 1796 году, отменил все её порядки во всех областях жизни. Он любил обедать в семейном кругу, предпочитал простую пищу. «Щи, каша, жаркое, котлеты или битки – самые популярные блюда царского стола этого периода. Поразительное зрелище – простая гречневая каша с молоком в роскошной фарфоровой тарелке, поедаемая серебряными столовыми ложками. Правда, была у Павла I слабость, которая сводила на нет показной аскетизм: его стол роскошно оформлялся цветами и приборами самых изысканных видов и форм, изобиловал вазами с фруктами и изысканными десертами» [75]. Его аскетизм уравнивался изысканным вкусом его

супруги Марии Фёдоровны. Павел приказал выписать для неё из Франции семерых поваров¹⁹¹: «Француз понеже по части кухни»¹⁹².

Для двора приглашали владеющих культурой застольного протокола опытных метрдотелей из европейских столиц – Парижа и Вены. Оплачивалась такая должность очень высоко, многие метрдотели после десятка лет на русской службе покупали дома (например, Луи Жюль Бенуа, отец Николая Бенуа), земельные участки (например, Ф. И. Миллер). Их положение приближалось к положению знати – в России почти не было сословия наёмных специалистов, придворные служители большей частью были крепостные. Исключение составляли метрдотели, они ценились как иностранные знаменитости. Метрдотеля Антонена Карема в России даже приглашали на знатные обеды в качестве гостя.

Вена, как столица многонациональной империи, аккумулировала культуру Австрии, Венгрии, Чехии и Польши – не только музыкальную, но и гастрономическую. Венская кухня славилась искуснейшими поварами и лучшими рецептами немецких, славянских, итальянских и венгерских блюд^{xxvii}. В 1781 году великий князь Павел с супругой Марией Фёдоровной под именами князей Северных путешествовали по Европе и провели в Вене время с 10 ноября по 24 декабря. Император Иосиф II достойно принял наследника русского престола, угостив его знатным обедом (рис. 59). Гайдн посвятил Павлу I шесть «Русских квартетов», для него шли оперы Глюка, и царственные супруги лично посетили композитора, чтобы выразить ему свою благодарность.

Такие поездки преследовали не только ознакомительную, но и дипломатическую цель, также осуществлялось приглашение специалистов для дальнейшей работы при русском дворе. Например, во время этой поездки был приглашён архитектор Бренна.

Гастрономическая культура Вены заслуженно высоко ценилась в России.

Князь Дмитрий Михайлович Голицын (рис. 60), полномочный министр, пребывавший при венском императорском дворе, 24 февраля 1788 года заключил контракт с метрдотелем австрийцем Леопольдом Моравеком для работы при императорском дворе в Петербурге.

¹⁹¹ Имена поваров Берже, Фламман, Леконт, Жером, Шундер, Миллер, Понфис.

¹⁹² РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 355.

Рис. 59. Гравюра Лошенко «Павел с супругой в Вене»

Рис. 60. Дмитрий Михайлович Голицын

Моравек разнообразил придворное меню, добавив венские блюда: котлеты, паштеты, пудинги, протёртые супы-суфле, омлеты, компоты, бисквиты, кнедлики. Ранее в России изделия из рубленого мяса не готовились. Появились более лёгкие блюда, например любимый суп его величества Франца Иосифа Первого: «Превратить в пюре припущенные в масле картофель, сердца артишоков, сельдерей и лук-порей. Заправить сливками. Уже в тарелку нарезать мелкой соломкой копчёный язык и трюфели».

В обязанности метрдотеля входил и подбор вин. Любимым вином Екатерины II было токайское. С 1745 года в Токае была русская винная миссия, в обязанности которой входила аренда виноградника, покупка вина, охрана и транспортировка его в Петербург. Для двора привозилось также шампанские, бургундские, рейнские, португальские, испанские вина. Перед обедом подавалась водка разных сортов. Мундшенки должны были прислуживать вместе с официантами во время обеденных и вечерних столов и «собраний» – вечеров в узком кругу.

В Зимнем дворце Кухонный коридор располагался в галерее Растрелли. Там находились три десятка кладовых. Соседнее помещение (где сейчас зал Египта) было разделено на два уровня. Там располагался главный буфет и кладовые, в которых «хранились запасы провизии и чуланы с кухонной утварью, которая имела в количестве, достаточном для того, чтобы приготовить ужин для трёх тысяч гостей. Первый этаж занимали дворцовые кухни с огромными плитами, вертелами для жарки мяса и печками, в которых пекли хлеб. Там же были кофешенские и пирожные, где придворные кондитеры готовили сласти» [41]. На антресолях были маленькие квартиры для служителей. У Моравека была в Зимнем дворце квартира из двух покоев, но его большая семья жила на Невском, в Сафоновом доме^{xxviii} (рис. 61; Невский пр., д. 8, перестроен).

В Кухонном коридоре Зимнего дворца с 1788 по 1800 год было царство Моравека при Екатерине II, Павле I и после, при Александре I; он также привлекался к дежурствам.

Павел I, став императором, перевёл Моравека в штат придворной конторы, наградил придворным чином мундшенка, что давало ему право на личное дворянство.

Служил Моравек до января 1800 года, когда был по высочайшему повелению уволен с сохранением полного содержания.

Рис. 61. Дом семьи Моравек на Невском пр., д. 8 (справа)

«По Высочайшему указу производить по смерти пенсион полное жалование по 1200 в год и содержание по 1385 р. 22 $\frac{1}{2}$ к.»¹⁹³. «Да оставить квартиру из двух покоев, да сверх того выписанное к празднику Святой Пасхи выдаваемое на платье по пожалованным суммам – официальная годовая ливрея (148 р. 88 к.) и на два года сюртук (72 р. 69 к.)»¹⁹⁴.

Сумма значительная. Для сравнения: архитектурный помощник Карл Росси в это время получал 600 рублей в год.

Взошедший на престол Александр I все выплаты Леопольду Моравеку сохранил: «Метр-Дотелю Моравеку производить все то жалование и содержание, какое он ныне получает. Да сверх того выписанное к празднику Святой Пасхи выдаваемое на платье по пожалованному Его Величеством суммы. Уволенному производить выплату жалования 1200 в год. Да сверх того производить ему, когда он был на дежурстве, порционные деньги

¹⁹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 21, 1 отд., 1 стол. Д. 59. Л. 74.

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 4 (212/646). Д. 501. 5 л.

по рублю подённо, и имелась под ним обывательская квартира, состоящая в двух покоях»¹⁹⁵.

У Леопольда Моравека была большая семья – жена Анна, восемь детей, тёща Мария Махо. Семеро его дочерей родились в Петербурге.

После смерти Павла I, 2 июля 1801 года, Леопольд Моравек с семьёй уезжал из Петербурга, о чём было опубликовано в списке отъезжающих за границу: «Леопольд Моравек, с женою своею Анною, её матерью Мариєю Махо и восемью своими детьми Лудвигом, Анною, Шарлоттою, Мариєю, Катериною, Элизабетою, Йозефою и Юстиною, Римско-императорские подданные; жив. на Невском проспекте в Сафоновом доме под № 75»¹⁹⁶.

В этом доме был тогда немецкий кукольный театр, и дети семьи Моравеков, несомненно, ходили на спектакли.

В этом объявлении приведены первые имена детей, в то время все они, как правило, имели по крайней мере по два имени. Это было связано с тем, что на крестинах пришедшие давали свои имена ребенку: чем больше было приглашённых, тем больше имён.

Вскоре Леопольд Моравек вернулся в Петербург. Это было связано с образованием старшего сына Людвига.

Позже в газете было напечатано: «Метрдотелю Моравеку позволено отъехать в своё отечество с сохранением получаемого им ныне пенсион»¹⁹⁷.

Брат жены Леопольда Моравека, Анны, Йозеф Махо¹⁹⁸ тоже был метрдотелем¹⁹⁹, возможно^{xxix} служившим у графа Виельгорского, так как был упомянут среди его домохозяев²⁰⁰.

Связь семьи Моравеков с семьёй графов Виельгорских прослеживается с 1803 по 1850 год. Франц Бём часто играл у них, возможно, с женой Марией Моравек; Михаил Виельгорский протезировал Виктору Моравеку при поступлении в университет; Юстина Моравек и Анна Бём служили младшими фрейлинами у великой княгини Марии Николаевны, гофмейстером у которой был Михаил Виельгорский.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 1 ч. 2. Д. 3918. Л. 45.

¹⁹⁶ Санкт-Петербургские ведомости. – 1801 – 2 июля. – С. 2007.

¹⁹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. – 1801 – 16 июля. – С. 2115.

¹⁹⁸ «Отъезжающие: Йозеф Махо, метрдотель, живет против Адмиралтейства в Щербановом доме под № 99» (Санктпетербургские ведомости. – 1803 – 8 января. – С. 37).

¹⁹⁹ Санкт-Петербургские ведомости. – 1803 – 8 января. – С. 37.

²⁰⁰ Санкт-Петербургские ведомости. – 1804 – август. – С. 1888.

Умер Леопольд Моравек в 1808 году. Известно, что какая-то их, возможно, родственница, Анна Моравкова^{xxx}, умерла от чахотки в Петербурге в 1823 году в возрасте 76 лет²⁰¹.

О детях Моравека известно, что они получили хорошее воспитание, были музыкальны, знали иностранные языки, обладали самостоятельностью и независимостью суждений. В архивных документах, запечатлевших их речь, проявляются спокойное достоинство, жизненная стойкость в сочетании с венской лёгкостью и жизнерадостностью.

Дочь Леопольда Мария Моравек (1795–1823) училась играть на скрипке у самого Пьера Роде^{xxxi}, который жил в Петербурге с 1803 до конца 1807 года. Мария и Катарина (1795–1845) были двойняшками^{xxxii}.

Семнадцатилетней девушкой Мария начала давать скрипичные концерты в Петербурге и продолжала концерттировать почти до самой своей смерти в 1823 году. В 19 лет она вышла замуж за первого скрипача Петербурга Франца Бёма, у них было четверо детей, среди них – Мария Бём, мать Георга Кантора.

Дочь Леопольда София Моравек (1798–1863)²⁰² (вероятно, она дочь или племянница Моравека, ибо она урождённая Моравек) после смерти Марии станет заботиться о ее детях, а потом станет второй женой²⁰³ Франца Бёма и матерью их троих детей, среди которых – скрипач Людвиг Бём.

Юстина Моравек^{xxxiii} в 1835 году стала камер-фрейлиной великой княжны Марии Николаевны, самой любимой и самой музыкально одарённой из дочерей Николая I. В этом же году шталмейстером при дворе Марии Николаевны стал Матвей Виельгорский. Возможно, что это назначение Юстины было связано с его протекцией.

Известны годы жизни дочери Леопольда Моравека Шарлотты – 1791–1854 (ум. в Санкт-Петербурге).

Дочь Леопольда Моравека Анна (род. в Санкт-Петербурге)²⁰⁴ в 1805 году в Петербурге стала женой сардинского купца, с 1825-го – российского

---

²⁰¹ ЦГИА. Ф. 347. Оп. 1. Д. 33. Л. 116.

²⁰² Хотя в газетном списке отъезжающих членов семьи Моравек Софья не упомянута, можно предположить, что она имела двойное имя, как это часто бывало у католиков, и в газете названо её второе имя. По словарию Амбургера, она урождённая Моравек, её отчество Львовна, как и у её сестёр.

²⁰³ ЦГИА. Ф. 347. Оп. 1. Д. 60. Л. 78.

²⁰⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 21. Д. 59. Л. 84.

подданного Фердинанда Гиделло²⁰⁵ (он присутствовал на обеих свадьбах Франца Бёма). У них были дочери-двойняшки Катарина и Каролина, тоже российские подданные. Кто-то из женщин семьи Гиделло в 1845 году в Париже был адресатом М. И. Глинки. Его письмо к ней хранится в Отделе рукописей РНБ²⁰⁶.

Лавка купца Гиделло, мужа Анны Моравек, находилась в доме, принадлежащем католической церкви под № 1 (Нюрнбергские лавки, сейчас Невский пр., д. 32–34; рис. 58). «Фердинанд Гиделла, содержащий лавку умершего шоколадного фабриканта Иосифа Захария, состоящую в доме, принадлежащем Католической церкви под № 1, уведомляет почтенную публику, что в оной имеется следующий продажный шоколад: № 1 шоколад с двойной ванилией по 3 рубля фунт, № 2 с ванилией же по 2 рубля фунт, № 3 шоколад де санте по 1,5 рубля фунт. У него же можно каждое утро пить шоколад»²⁰⁷. Здесь же можно было купить билеты на концерты, узнать музыкальные новости. Такие лавки играли роль кондитерских, сюда заходили, чтобы полакомиться сладостями, выпить чашечку шоколада, обменяться новостями.

Анна Гиделло-Моравек, выйдя замуж, стала российской подданной. Овдовев, в 1836 году она просила об исключении из российского подданства себя и дочерей по дозволению ей иметь свободное пребывание в Санкт-Петербурге²⁰⁸.

Указ правительственного Сената от 22 июля 1808 года состоял в том, что супруги должны принимать российское подданство вместе. «Иностранцев не следует допускать в вечное подданство Российской Империи, отлучая от сей чести жён их»²⁰⁹.

В связи с этим приведём переписку министра внутренних дел (граф Блудов) и военного генерал-губернатора Петербурга (граф Эссен). 11 октября 1836 года от министра внутренних дел военному генерал-губернатору Петербурга направлен запрос: «Покорнейше прошу Вас, М. Г. [милостивый государь], приказать отобрать от вдовы купца Гиделло сведения, где именно служил в России отец её Леопольд Моравек, и не принимал ли он присяги на подданство России, и когда именно вступила она в брак

²⁰⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 21. Д. 59. Л. 17–53.

²⁰⁶ Отдел рукописей РНБ. Ф. 190. Д. 107. 2 Л.

²⁰⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1802. – Январь. – С. 125.

²⁰⁸ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 28. Кадр 259. Л. 1427.

²⁰⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 21. Д. 59. 121 Л., Л. 17.

с помянутым Гиделло». Ответ: «Копия с прошения Сардинского подданного купца Фердинанда Гиделло о приятии его в Российское подданство и присовокупить, что вдова купца Гиделло в отобранном от нея в Иностранном отделении показании объявила, что покойный родитель ея, чиновник 9 класса Леопольд Моравек, служил при Высочайшем дворе метрдотелем, но присяги на подданство России, как ей известно, не принимал; в брак же с Гиделло вступила она 30 числа ноября 1805 года. Дочери Катерина и Каролина родились 30 декабря 1810 года. Имя вдовы купца Анна Гиделло».

Прошение Анны Гиделло²¹⁰: «Отец мой Леопольд Моравек был австрийский подданный. Гиделло записан был в здешнее купечество, но уехал за границу и пребывал в Италии, заболел и там в преклонных летах по долговременной болезни умер. Тяжёлая болезнь вовсе лишила его умственной деятельности». Анна Гиделло просит освободить её от российского подданства и дозволить иметь постоянное пребывание в Санкт-Петербурге как иностранке: «Имея за границей разные семейные дела, обеспечивающие существование моё на всё время жизни моей и детей моих, не могу быть Российской подданной без потери прав гражданских в моём отечестве, где находятся и ближайшие мои родственники, от коих со временем может зависеть и благосостояние моих детей».

Здесь же²¹¹ приведён формулярный список её отца Леопольда Моравека: «В чине мундшенка 9 класса. Метрдотель. Из австрийской нации. Сведений об имении не имеется. Выписан из Вены по заключённому с ним пребывавшем при Венском Императорском Дворе полномочным министром князем Голицыным по контракту 1788 февраля 24-го. По определению конторы помещён в штат 1797 февраля 5-го. За добропорядочность и усердную службу произведён в мундшенки 9 класса 1799 декабря 6-го. По Высочайшему повелению уволен со службы 1800 января 25. По Высочайшему указу производить по смерти пенсион полное жалованье и содержание по 1385 рублей 22½ копейки. Умер 1807. Личный дворянин. Других сведений не имеется».

«В 1830 Фердинанд Гиделло исключён из Санкт-Петербургского купечества за необъявление капитала. Вдова Гиделло родилась в Санкт-Петербурге и исповедает веру римско-католическую. Ввиду затруднения выдачи

---

²¹⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 21. Д. 59. 121 л., л. 61.

²¹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 21. Д. 59. 121 л., л. 74.

её вида на жительство при исключении из подданства России признать вдову Российской подданной, а дочерей нет²¹²».

Старшим сыном Леопольда Моравека был Людвиг²¹³. «Людвиг Моравек^{xxxiv} (Логин Иванов), католического исповедания, из дворян. По окончании курса наук в С.-Петербургском Петровском училище²¹⁴ и в Венской Академии^{xxxv}, в 1814 году, был определён на службу в штат канцелярии Курляндского гражданского губернатора в г. Митава²¹⁵ и произведён в 1816 в коллежские регистраторы. В 1816 – губернский секретарь, 1821 – коллежский секретарь, 1823 – титулярный советник, 1928 – уездный казначей, 1834 – награждён орденом Святого Станислава 4 степени [ныне три степени], 1835 – отрешён от должности Митавского уездного казначея с преданием суду за растрату казённых сумм, в каковом состоянии умер в 1837^{xxxvi}. Был женат на Терезе, урождённой Штейн, имел двух сыновей Виктора и Густава и двух дочерей Александру и Генриетту».

Сын Людвиг Моравек, Густав (Густав Людвиг), родился в 1810 году в Вене, крещён в Бадене близ Вены, в 1841 году окончил Медико-хирургическую академию и в 1843-м определён уездным медиком. С 1844 года – титулярный советник, с 1850-го – коллежский ассессор, с 1853 года – надворный советник. Служил медиком в Костромской уездной конторе. В 1841-м женился на княгине Людмиле Дмитриевне Козловской, в приданое получил родовое имение (село Борщевки) и 40 душ крестьян. Дети – Владимир, Мария, Варвара и Павел. Павел Густавович Моравек (1856–1904) впоследствии стал известен как славист, преподавал в Реформатском училище историю, русский язык и словесность с 1877 по 1915 год, был инспектором Санкт-Петербургской Екатерининской женской гимназии [11].

Второй сын Людвиг Моравек, Виктор (1829–1894), в 1850 году по ходатайству Матвея Виельгорского, управляющего двором великой княгини Марии Николаевны, был принят в университет²¹⁶. Как упоминалось, при дворе великой княгини Марии Николаевны фрейлинами служили Юстина Моравек и её племянница Анна Бём. Ходатайство Виельгорского написано на бланке конторы её императорского высочества великой княгини Марии Николаевны по части гофмейстера (графа Михаила Виельгорского).

²¹² РГИА. Ф. 1284. Оп. 21. Д. 59. 121 л., л. 84 об.

²¹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 5602.

²¹⁴ ЦГИА. Ф. 239. Существовало в Петербурге с 1772 по 1924 год.

²¹⁵ Ныне Елгава.

²¹⁶ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5382. 51 л.

«Воспитывающийся во 2-й С.-Петербургской гимназии собственный пансионер Государыни Великой Княгини Марии Николаевны Виктор фон Моравек, окончивший ныне курс учения с успехом, при весьма похвальном поведении, приготовился для поступления в здешний университет студентом.

Её Императорское Высочество, принимая особенное участие в молодом Моравеке, оставшемся после смерти отца сиротой, и желая дать ему возможность усовершенствоваться в приобретённых им познаниях и науках и тем открыть ему путь к дальнейшему существованию для обеспечения сиротской будущности его, поручить соизволила мне просить Ваше Превосходительство, не изволите ли найти возможность оказать Ваше начальническое содействие принятию Виктора фон Моравека в число студентов С.-Петербургского университета». 21 июня 1850 года были проведены испытания Моравека: «Иноверец, Закон Божий не сдавал, математика – 1, французский – 5, остальные предметы – тройки и двойки; принят на юридический факультет. По окончании курса наук в Императорском Санктпетербургском университете в 1854 году определён в Красносельскую удельную контору канцелярским чиновником, откомандирован в департамент уделов. В 1856 году был коллежским секретарём, бухгалтером Придворной конторы Государыни Великой княгини Екатерины Михайловны».

Семья Моравеков была тесно связана с жизнью Петербурга в течение всего XIX века. Самая главная героиня из рода Моравеков – это скрипачка Мария, бабушка великого математика.

2.2.2. Театрально-музыкальная жизнь столицы

2.2.2.1. Павел I и Петербург

После смерти Екатерины II, покровительствовавшей искусствам и заботящейся о смягчении нравов, её сын Павел I (рис. 62) отменил многие её нововведения. Он не любил театр и светские увеселения. По его приказу был разрушен театр, располагавшийся на Царицыном лугу. Он разорил Таврический дворец, принадлежавший ненавистному ему Потёмкину, устроив там казармы. Вот текст одного из его указов, выпущенного с целью защиты от «разврата веры, гражданского закона и благонравия»: «Маскарады, балы и другие публичные увеселения прекратить. Гасить свет в 10 вечера. Запрещено надевать фраки и круглые шляпы, носить башмаки с лентами, короткие сапоги с отворотами, женщинам – платья определённых материй

и некоторых цветов. Запретить локоны и бакенбарды. Запретить танцевать вальс. Балы и маскарады проводить до 10 вечера под наблюдением частных приставов». Указ от 18 апреля 1800 года запрещал «впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке они ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыки» [80].

Рис. 62. Император Павел I

При приближении прогуливавшегося по улице Павла I кареты должны были останавливаться, пассажиры выходить из карет и совершать поклоны. Невыполнение влекло ссылку в Сибирь, а для кучера отpravку в солдаты.

Этьен Дюмон, посетивший Россию в годы правления Павла I, поражался, как русские на улицах подают друг другу знаки, предупреждая о приближении Павла I: «Взаимно друг друга предупреждали на улицах, делали друг другу знаки, все останавливались неподвижно на месте, на котором находились, когда показывался император, и можно было подумать, что эта предосторожность имела своею целью предупредить

сборище толпы вокруг него. Это было следствием страха; не разрешали собраний: необходимо было получить дозволение на танцевальный или другой увеселительный вечер, и полиция входила в дома, где замечала сильное освещение, признак сборища. Павлу часто приходилось при виде дам бросаться к их карете, подходить самому к дверцам и вежливо предлагать им не выходить из экипажа. Его вежливость составляла страшный контраст с его приказаниями. Казалось, что он их давал, чтобы иметь удовольствие отменять в виде особых исключений. У тех, которые не подчинялись этому требованию, задерживали лошадей и отводили их в полицию, где наказывали кучера; сами господа часто подвергались арестам в полицейском доме на три или четыре дня, и им приходилось много тратиться на мелкие издержки.

Важный вопрос о шляпах, прическах и галстуках ознаменовал начало царствования. Сперва не верили, чтобы каприз исходил от императора. Его приписывали полиции, старались избавиться от исполнения этого требования, но, когда увидели, что расставлены офицеры, что круглые шляпы велено рубить саблями и рвать, что людей подвергали побоям, что аресты увеличивались, нужно было подчиниться. Желание сопротивляться выразилось в маленьких обходах; надевали, например, кокарды; указы участились, и, наконец, всё подчинилось. Стали носить обыкновенную причёску, пудру, косичку, бросили носить фраки и модные сапоги; дамский туалет принял такой же однообразный вид, как мужской. Сперва эти распоряжения вызывали только смех, так как за ними не следовали строгости; но, переходя от одного каприза к другому, император стал усердствовать на этом поприще; он начал прислушиваться к доносам, и с тех пор всё затрепетало, так как за подозрением немедленно следовала ссылка, приказание уезжать приходило во всякое время, как среди ночи, так и среди дня. Карета ждала у ворот; еле-еле вам давали минуту на извещение приятеля и кое-какие необходимые распоряжения. Павел не проливал крови; что касается тайных казней, то существовало более подозрений, чем доказательств; в его характере не было обыкновения утаивать свои действия» [29].

Царствование Павла продолжалось четыре года. В марте 1801-го он был убит заговорщиками в Михайловском замке (рис. 63).

Поразительно, что на следующий же день после смерти Павла I по Невскому проспекту уже ходили дамы в локонах и мужчины в бакенбардах, во фраках, круглых шляпах и с тросточками [19].

Рис. 63. Михайловский замок

Вот воспоминания очевидца: «Следующий же день после ужасных событий 11 марта наглядно показал все легкомыслие и пустоту столичной придворной и военной публики того времени. Одной из главных жестокостей, в которых обвиняли Павла, считалась его настойчивость и строгость относительно старомодных костюмов, причёсок, экипажей и т. п. мелочей. Как только известие о кончине императора распространилось в городе, немедленно же появились причёски *a la Titus*, исчезли косы, обрезались булки и панталоны; круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись в новые костюмы, и экипажи, имевшие вид старых немецких или французских *attelages*, исчезли, уступив место русской упряжи, с кучерами в национальной одежде и с форейторами (что было строго запрещено Павлом), которые с обычной быстротою и криками понеслись по улицам. Это движение, вдруг сообщенное всем жителям столицы, внезапно освобождённым от строгостей полицейских постановлений и уличных правил, действительно заставило всех ощущать,

что с рук их, словно по волшебству, свалились цепи и что нация, как бы находившаяся в гробу, снова вызвана к жизни и движению [76]».

2.2.2.2. Александр I и Петербург. Жизнь музыкантов

Сын Павла I, Александр I (рис. 64), заняв трон, сохранил обязательства отца, но отменил его запреты, касающиеся культурной жизни. В город вновь стали поступать книги, ноты, возобновились балы, маскарады, процветали театры (рис. 65).

Рис. 64. Император Александр I

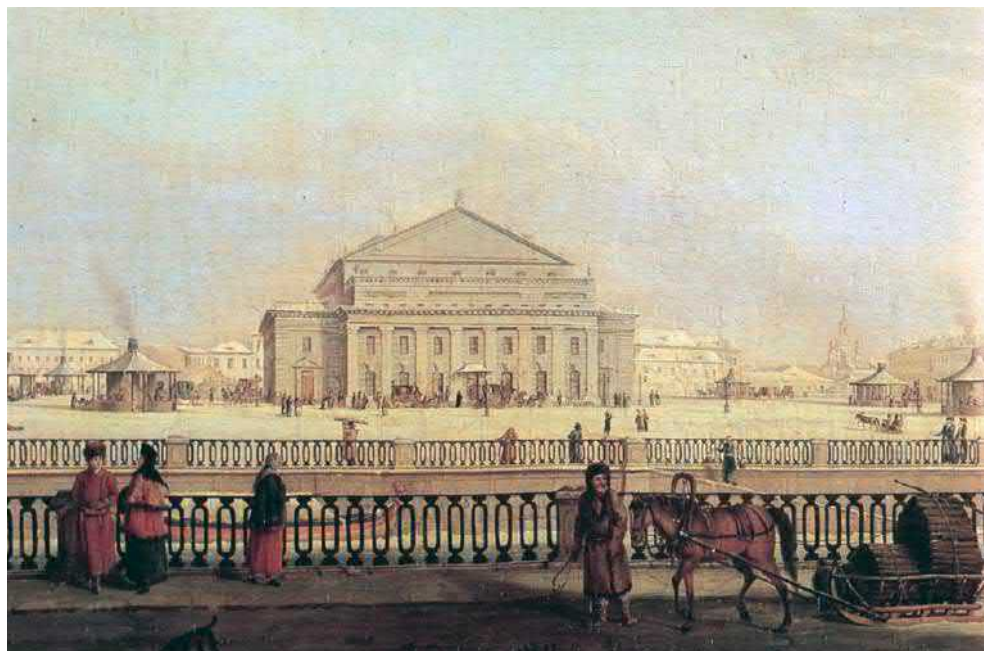

Рис. 65. Каменный театр

Из Италии, Франции, Австрии и немецких земель приглашали художников, актёров, музыкантов – солистов, оркестрантов, учителей. Например, в 1807 году «г-ну надворному советнику Карл Шмиту на пересылку в Париж для выписки французских актёров выдать 10 000 рублей ассигнациями»²¹⁷. В Петербурге было три театра – немецкий, французский и итальянский, причём в итальянском театре состав периодически заменялся – производилась ротация артистов-итальянцев, служивших в итальянских театрах в других городах Европы. В других составах артисты-иностранцы служили постоянно. Условия были таковы, что по выслуге 12 или 18 лет они получали пенсион соответственно в 1/3, 1/2 или в полное жалованье (в случае особого благоволения). Далее они могли продолжать служить, получая и жалованье, и пенсион, либо могли удовольствоваться лишь пенсионом, проживая в России или вернувшись к себе на родину, куда и перечислялся им пенсион. Например, есть документ о перечислении отслужившему

²¹⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 55. 294 л., л. 245.

кларнетисту пенсионера в Португалию. Вдовы и сироты таких служащих могли рассчитывать на пенсию в 1/2 и 1/3 жалованья кормильца. Российские музыканты за 10-летнюю службу могли получать 1/2 жалованья, за 15-летнюю службу 2/3 жалованья, за 20-летнюю – полное жалованье²¹⁸. Служба в государственном театре надёжно, хоть и небогато обеспечивала семью. Артисты и музыканты Европы охотно приезжали в Петербург, не боясь сурового климата. Несложно было также получить российское подданство – достаточно было принести присягу в церкви своей конфессии.

К 1809 году в штате театральной дирекции Петербурга было 7 трупп (балет, две русские, три французские и одна немецкая труппы) и не менее 10 театров, включая сцены загородных резиденций. На 1799 год в театральной дирекции было два оркестра. Первый состоял из 40 музыкантов: 17 скрипачей, 3 альтистов, 2 гобоистов, 4 виолончелистов, 4 контрабасистов, 2 флейт-траверсистов, 2 кларнетистов, 2 фаготистов, 4 валторнистов. Во втором оркестре было 64 музыканта: 13 скрипачей, 2 альтиста, 5 виолончелистов, 5 контрабасистов, 4 основных и ещё 4 кларнетиста, 10 флейт-траверсистов, 4 гобоиста, 6 фаготистов, 6 валторнистов, 2 трубача, 2 серпантиста, 1 литавщик и ещё 8 нотных копиистов²¹⁹. Среди них были крепостные, вольнонаёмные российские подданные и иностранцы.

В начале XIX века в Петербурге постоянно действовали, как уже было сказано, три театральные труппы: русская, французская и немецкая. Из них музыкальные спектакли давали французы (балет, комическая опера, водевиль), немцы выпускали драматические спектакли, иногда оперы. Немецкая труппа до конца 1810 года играла в театральном зале дома Кушелева на Дворцовой площади. Этот театр назывался немецким или новым. Спектакли шли пять раз в неделю. В 1820–1830-е годы немецкая труппа давала представления на сценах всех столичных театров [22]. В списке штата немецкой труппы на 1812 год на 15 листах содержится информация об их жалованье: тенорам – 6000 рублей в год, басам – 3000, первым певицам – 3500 рублей в год²²⁰.

Во многих учебных заведениях после собраний несколько раз в год бывали балы, за что музыкантам платили за приход. Например, в Московском училище Св. Екатерины в 1831 году заплатили 115 рублей²²¹.

---

²¹⁸ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 2268. 12 л., л. 1.

²¹⁹ РГИА. Ф. 497. Оп. 17. Д. 54. 19 л., л. 3–4.

²²⁰ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1124. 15 л., л. 3.

²²¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 5. Д. 473.

За игру в танцклассе Коммерческого училища в 1853 году «трём музыкантам плата за 6 приходов 10 рублей 80 копеек серебром, за 7 приходов 12 рублей 60 копеек, трём музыкантам за 5 приходов 9 рублей»²²², т. е. музыкант получал 60 копеек за приход.

В России было много частных театров и оркестров, в которых в качестве капельмейстеров, солистов, учителей и мастеров музыкальных инструментов служили приглашённые иностранцы. Известен оркестр Шереметева, в котором служило 45 музыкантов, в их числе 11 иностранцев. Сохранилось письмо Елены Васильевны Шереметевой (урожд. Голицыной) (1770–1852), вдовы Александра Владимировича Шереметева, имевшего в подмосковном селе Покровское крепостной театр, к А. Л. Нарышкину, директору конторы Императорских театров. После смерти мужа, имея долги, она хотела «продать музыку (оркестр), 36 музыкантов, из них 32 играют против прочей инструментальной и духовой музыки на рогах, а четверо на русских рожках. В течение 20 лет по охоте покойного к ней обучаемы были лучшими мастерами и ныне управляема будучи двумя своими капельмейстерами, доведена до крайнего совершенства. Прилагаются реестр музыкантам и инструментам, а также роговые ноты и пьесы разных сочинителей, в коем числе концерты, концертанты, сонаты, квартеты, симфонии, вариации и русские песни с вариациями на 69 страницах»²²³. Просила Елена Васильевна за всё 50 000 рублей. Таким образом, цена оркестрового крепостного музыканта с инструментом и нотами не превышала 1400 рублей²²⁴.

В оркестре Шереметева работал крепостной скрипичный мастер Иван Батов (1767–1841). Известно, что в 1820 году Александр I, сам неплохо игравший на скрипке, купил скрипку работы Батова за 2000 рублей²²⁵ [9, с. 71–73].

В 1806 году у помещика Столыпина для московского театра была куплена труппа из 68 актёров и музыкантов с детьми²²⁶.

²²² ЦГИА. Ф. 852. Оп. 2. Д. 956. Л. 7, 17, 27.

²²³ РГИА. Ф. 497. Оп. 17. Д. 82. Л. 58–63.

²²⁴ Карамзин продал своего повара за 1000 рублей, а выпускнице Смольного института, будущей фрейлине Шишкиной, родители подарили девку, купленную за 7 рублей. Талантливого крепостного актёра продавали за 5000 рублей, простую горничную – за 80 рублей.

²²⁵ Первым скрипичным мастером его императорского величества в 1803 году был Бертон, живший в доме Струговщикова. – Санкт-Петербургские ведомости. – 1803. – С. 996.

²²⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 17. Л. 228.

*2.2.2.3. Князь Всеволожский и скрипач Людвиг Маурер.
Крепостные оркестры*

Людвиг Маурер, скрипач и композитор, был другом Франца Бёма. Они вместе давали концерты. Он же единственный со стороны невесты присутствовал на свадьбе Марии Бём и Георга Вольдемара Кантора. Людвиг Маурер начал свою службу в России у князя Всеволожского (рис. 66).

Рис. 66. Князь В. А. Всеволожский

Помимо Императорских, было много крепостных театров. Разбогатевшие в екатерининские времена вельможи содержали собственные оркестры, хоры, театральные труппы, приглашали из-за границы капельмейстеров, учителей музыки для обучения крепостных музыкантов. Пыляев в книге «Замечательные чудачки и оригиналы» [72, с. 223–231], в главе XIX, пишет о Всеволоде Андреевиче Всеволожском (1769–1836): «Мы уже не раз

говорили о былой роскоши некоторых русских богачей начала нынешнего столетия. К числу таких петербургских крезов принадлежал В. А. В[севоложск]ий, впрочем, этот богач считался не только одним из первых в России, но даже во всей Европе. Его знаменитые железоделательные заводы и соляные промыслы давали ему годового дохода более чем миллион рублей. В[севоложск]ий был сын последнего пензенского воеводы, погибшего на службе в пугачевщину. Он первый в России устроил на Волге пароходы и первый совершил на одном из них поездку из своих заводов до Казани. Также он первый ввёл выделку железа английским способом, занялся разработкой каменного угля на Урале и открытием многих золотоносных россыпей; он не задумался рафинировать свекловичный сахар у себя на даче за Охтой и радовался, как ребенок, что в своём домашнем обиходе не употреблял ни фунта колониального сахара, сделанного из привозного песка. Когда в 1836 году в Петербурге учреждалось газовое общество, он устроил у себя на даче чугунолитейный завод, на котором отливал трубы, которые выходили наполовину дешевле выписных английских.

Купив себе имение за Охтой у обер-полицеймейстера Эртеля, он в два года привёл его в изумительный порядок, расчистил в нём рощи в виде парка и сделал в нём дорог более чем на 25 верст²²⁷. Его оранжереи стоили ему более полумиллиона рублей.

Он ежегодно поздравлял императрицу в день Нового года по русскому обычаю, поднося на золотом блюде персики, сливы, виноград и ананасы. Его барский дом состоял из 160 комнат, расположенных в двух этажах. Гостиница для приезжающих гостей помещалась в двух больших флигелях. Гостей к нему съезжалось в день его именин несколько сот человек, и для всех были устроены особые помещения, причём приняты были меры, чтобы привычки каждого гостя не встретили ни малейшего стеснения, почему предварительно собраны были самые точные сведения от прислуги о привычках их господ и что для каждого нужно. Трудно теперь поверить, что одной прислуги у В[севоложско]го было до четырехсот человек.

Конюшни его вмещали до ста двадцати породистых лошадей; экипажей тоже было не менее ста. Когда В[севоложск]ий жил на даче, за стол ежедневно садилось не менее ста человек. Крепостные музыканты, певчие, актёры и актрисы составляли у него довольно многочисленную труппу.

---

²²⁷ Сейчас это Всеволожск, пригород Петербурга.

Тогдашние драматурги – Н. И. Хмельницкий, Ф. Н. Глинка, Крылов, А. А. Шаховской, И. П. Мятлев – писали для них комедии, водевили; музыке для куплетов писали известный А. Верстовский и Л. Маурер, часто аккомпанировал на гитаре замечательный виртуоз Аксенов, кажется, чуть ли не первый автор школы для гитары».

Оркестр Всеволожского, созданный им в пермских имениях, считался одним из лучших в России, Пыляев сравнивает его с оркестром Эстергази, управлявшимся Гайдном.

Дирижировал этим оркестром с 1806 по 1817 год в пермских имениях князя и с 1832 по 1835 год в петербургском имении (ныне Всеволожск) Людвиг (Луи) Маурер (1789–1878; рис. 67), приехавший из Потсдама. В 1821 году он дирижирует в доме поэта Г. Р. Державина концертом при участии скрипача А. Ф. Львова и виолончелиста князя Н. Б. Голицына [36, с. 277].

Рис. 67. Людвиг Вильгельм Маурер

Маурер сочинял музыку, сохранились его увертюры, симфонии, квартеты, сочинения для скрипки, для духовых, Концертная симфония для

четырёх скрипок с оркестром, куплеты для водевилей, «Татарская песнь» на слова Пушкина (из поэмы «Бахчисарайский фонтан»).

Лермонтов играл фрагмент скрипичного концерта Маурера на выпускном экзамене в 1829 году.

В марте 1834 года Маурер впервые в России исполнил скрипичный концерт Бетховена, заслужив восторженный отзыв В. Ф. Одоевского в газете «Северная пчела»: «Любителям музыки едва ли удастся услышать его [концерт Бетховена] в другой раз, тем более что у нас один Маурер в состоянии сыграть сей концерт с энергией, которой требует это необыкновенное творение. Г-н Маурер присоединил к первому аллегро прелестную каденцию, составленную из бетховенских мелодий»²²⁸ [37, с. 329].

С 1835 года Маурер стал дирижёром французского театра, а с 1841 – инспектором музыки (т. е. оркестров Императорских театров). Маурер был прекрасным скрипичным солистом, много выступал. С 1819 года Маурер начал выступать с Францем Бёмом, с которым он дружил. Они играли дуэтом, исполняли произведения друг друга. К сожалению, не сохранилось произведений Бёма, но можно посмотреть произведения Маурера, предположив, что они близки стилистически (рис. 68).

Родольф Крейцер (1766–1831) посвятил ему свой тройной концерт (до 1826; рис. 69).

В. Ф. Одоевский в 1845 году писал: «Замечательный концерт г-на Маурера сегодня, в среду, 28 марта, в Большом театре. Вот концерт, какого ещё у нас никогда не бывало! Все итальянские певцы: г-жа Виардо Гарсия, гг. Рубини, Тамбурины, знаменитые братья Мюллеры, всё семейство Мауреров, Бём, Рифсталь и, наконец, все оркестры Императорских театров принимают участие в этом концерте» [62, с. 217]. В программе этого концерта была Пятая симфония Бетховена – 60 скрипок, 16 альтов, 16 виолончелей, 16 контрабасов.

Людвиг Маурер присутствовал на свадьбе Марии Бём и Георга Вольдемара Кантора. Судя по его портрету и по воспоминаниям его ученика А. Н. Верстовского²²⁹, он был мягким, добросердечным человеком, чувствительным и остроумным [81, с. 23].

²²⁸ Одоевский В. Ф. Мнение любителя музыки о скрипичном концерте Бетховена // Северная пчела. – 1834. – 14 марта.

²²⁹ Верстовский учился скрипичному мастерству у Ф. Бёма и Л. Маурера.

Два сына Маурера, Всеволод и Алексей (Александр), тоже были музыкантами. Всеволод (1819–1892) играл на скрипке в квартете Львова.

71. TATARENLIED

[Татарская песня]

Worte von A. PUSCHKIN
(Der Trauerquell)
Перевод с русского А. Вульфберга

L. MAURER
изд. 1826 г.

Andante espressivo

1. Der Him - mel spon - det mil - de Ga - le
1. Да - ру - ет не - бо че - ло - ве - ку

dem Lei - den, den, der ihm ver - irant;
за - ме - нуе - лез и ча - стых бед;

be - se - ligt ruht am Pil - ger.
бла - жен фа - кир, у - зре - в - ший

нар

Рис. 68. Обложка нотного издания Л. Маурера
«Татарская песня» на стихи Пушкина

Рис. 69. Обложка концерта Р. Крейцера
с посвящением Л. Мауреру

Этот квартет изображён на гравюре Рорбаха (рис. 70). В составе ансамбля в 1840-е годы – композитор и скрипач Алексей Львов, виолончелист Матвей Виельгорский, альтист Густав Вильде и скрипач Всеволод Маурер. Слушатели – Михаил Виельгорский, Александр Строганов и Иосиф Антреп. С 1835 года квартет собирался еженедельно у Львова, основными участниками его были сам Львов – 1-я скрипка, М. Виельгорский – виолончель, Ф. Бём, Г. Вильде, В. Маурер [37, с. 332], ставший в 1835 году первым скрипачом оркестра французского театра. Алексей Маурер был виолончелистом, в 1849–1858 преподавал в Петербургском театральном училище.

Рис. 70. Гравюра Рорбаха «Квартет у Виельгорских»

Жили Мауреры на Фонтанке у Аничкова моста, в доме Герена (3-я Адмиралтейская часть) [15, т. I, с. 350].

2.2.2.4. Графы Виельгорские

Семейство Виельгорских тесно было связано с Моравеками и Бёмом. В 1803 году Йозеф Махо, брат жены Моравека, был их метрдомом. В 1812 году юная Мария Моравек даёт свой первый концерт, вероятно, по протекции Матвея Виельгорского. Многочисленные петербургские концерты с участием Франца Бёма и Марии Моравек проходили с ведома и одобрения братьев Виельгорских. Франц Бём многократно играл у них дома на Михайловской площади. Протекцию Виктору Моравеку для поступления в университет в 1850 году составил Михаил Юрьевич Виельгорский, гофмейстер канторы великой княгини Марии Николаевны, младшими фрейлинами которой были Юстина Моравек и Анна Бём.

Юрий (Ежи) Виельгорский приехал в Россию из Польши.

Европейская аристократия охотно переселялась в Петербург. После Французской революции 1793 года в Россию хлынули эмигранты из Франции. Костёл Св. Екатерины до 1812 года обслуживал только французов. Знатные аристократы получали места при дворе. Учителя, гувернантки,

артисты, художники французского происхождения пополнили население города.

Французская революция вызвала волнения и в Польше. Восстание Костюшко повлекло прибытие поляков. Ежи (Юрий) Виельгорский (1753–1807) был польским шляхтичем, послом при дворе Екатерины II. Во время Польского восстания 1791 года он был сначала соратником, а потом врагом Тадеуша Костюшко, примкнув к противникам польской конституции 1791 года, тарговицким конфедератам. Они назначили его послом Речи Посполитой в Санкт-Петербург. За прорусскую деятельность в 1794 году Костюшко приговорил Виельгорского к смертной казни, которая и состоялась заочно в символическом виде.

Юрий Виельгорский перешёл на русскую службу. В 1788 году он женился на фрейлине Екатерины II Софье Дмитриевне Матюшкиной (1755–1796). В 1794 году с сыновьями принял православие (восприемницей была сама Екатерина). После смерти Софьи Дмитриевны в 1796 году женился на Елизавете Станиславовне Сиверс (урожд. Снарской), которая умерла в 1797 году. В этом же году просил место сенатора²³⁰ и получил его в 1800 году. В 1801 году 25 марта действительного тайного советника Г. Р. Державина назначили попечителем графам и графиням Виельгорским²³¹. Это назначение было сделано по ходатайству первой жены, Софьи Матюшкиной. Она опасалась, что детям достанутся одни долги графа. Правда, после смерти Софьи Виельгорской в 1796 году тоже остались одни долги.

В 1804 году продавали нотную библиотеку графини Виельгорской: «600 квартетов, 200 концертов, сикстит, бравурных и нежных симфоний, более 400 арий, дуэтов и триов для пения, 40 портициев французских опер, более 500 сонат для концертов и проч. для клавикордов. Все сии ноты хорошо переплетены и сие собрание составлено новейшими сочинителями, как то: Моцартом, Гайденом, Геслером, Клементием, Бетговым, Вроницким, Житовецким, Сартием, можно купить за весьма сходную цену»²³².

Юрий Виельгорский был очень образованным человеком и ценителем музыки, сам играл на скрипке. Семья подолгу жила в Париже, Вене, Риге, Вильно.

²³⁰ РГИА. Ф. 486. Оп. 43. Д. 504. 99 л., л. 58.

²³¹ Санкт-Петербургские ведомости. – 1804. – С. 523.

²³² Санкт-Петербургские ведомости. – 1804. – С. 1823.

Виельгорские стали жить в Петербурге постоянно с 1826 года, сменив несколько адресов. С начала 1830-х годов они жили в доме на площади Искусств (Михайловская площадь) в д. 3, а с 1844 года – в собственном доме по Итальянской, д. 6 (площадь Искусств, д. 4).

Среди восьмерых детей графа Юрия Виельгорского двое сыграли большую роль в музыкальной истории Петербурга. Это Матвей и Михаил.

Матвей (1787–1863; рис. 71) – виолончелист, ученик Ромберга, устраивал у себя квартетные вечера; был членом дирекции Императорских театров.

Рис. 71. Матвей Виельгорский

Михаил (1788–1856; рис. 72) играл на альте и фортепиано, сочинял – учился композиции у Керубини в Париже. В Вене он познакомился с Бетховеном и был одним из восьми первых слушателей его Пасторальной симфонии в 1808 году. Сам Михаил Виельгорский сочинял музыку, и в некоторых его квартетах чувствуется влияние Бетховена.

Михаил Виельгорский первым браком (1812 год) был женат на Екатерине Бирон (1793–1813). Овдовев, он тайно вторично женился (по разным источникам, в 1813 или 1816 году) на старшей сестре своей жены Луизе Бирон (1791–1853). Это осуждалось двором и церковью, и либо в результате этого, либо из-за начавшейся реакции на масонскую деятельность, закончившейся запретом 1822 года, Виельгорский был отправлен в своё поместье Луизино²³³ в Курскую губернию.

В имении был крепостной оркестр. За время, проведённое Виельгорским в Луизино, там были исполнены семь первых симфоний Бетховена.

Рис. 72. Михаил Виельгорский

В 1826 году Виельгорские переехали в Петербург. После окончания опалы в 1828 году Михаил стал шталмейстером великой княгини Елены Павловны (чин 3-го класса), затем членом комитета театральной дирекции. В его обязанности входила организация балов и концертов. Великий князь Михаил Павлович с супругой Еленой Павловной жили

---

²³³ Поместье было названо в честь его жены Луизы.

в Михайловском дворце (ныне Русский музей) на Михайловской площади (ныне площадь Искусств). Михаил Виельгорский должен был жить рядом, поэтому у него два петербургских адреса – площадь Искусств, д. 3, и площадь Искусств, д. 4. Теперь в доме Виельгорских «2–3 раза в неделю собирались не только известные писатели, музыканты и живописцы, но также и актёры и начинающие карьеру газетчики. Почти каждую неделю на половине самого графа, т. е. в его отдельном помещении, устраивались концерты, в которых принимали участие все находившиеся в Петербурге знаменитости», – вспоминал граф В. А. Соллогуб, зять Михаила Виельгорского [83, с. 211–212]. Для приезжих артистов это была как бы генеральная репетиция, первая апробация перед публичными концертами.

Дом Виельгорских стал музыкальным центром Петербурга (рис. 73).

Рис. 73. Второй дом Виельгорских на площади Искусств

На половине Михаила был концертный зал, позволявший расположить большой оркестр и до 400 человек гостей. Официальные симфо-

нические концерты в Петербурге проводились редко: от театральной дирекции 1–2 раза в год, благотворительные же общества могли назначать в пользу своих заведений не более как по одному публичному концерту в год, Филармоническое общество давало два концерта в год в пользу вдов и сирот музыкантов [95, с. 159]. Постепенно количество таких концертов стало больше. При Александре I произошло увеличение концертного сезона, часть концертов перенесена на глубокую осень и начало зимы (раньше – только в Великий пост). Концерты стали давать в октябре – декабре. При Николае I вошло в традицию летнее музицирование в окрестностях Петербурга.

Концерты проводились и в Демутовом трактире (дом Демута).

Увеличение количества концертов отмечено историком П. Н. Столпянским: «40 концертов в 34 музыкальных дня нашего Великого поста, в том числе частных 20, дирекции 17, Филармонического общества 2, любителей 1» [86, с. 37].

Воспитание вкуса публики происходило постепенно. Концерты, состоявшие из небольшого количества романсов и маленьких пьес танцевально-развлекательного характера конца XVIII – начала XIX века, постепенно приобретали более серьёзный характер, в них звучала инструментальная музыка венских композиторов Моцарта, Шуберта, Бетховена.

Публика не была готова к восприятию крупных форм – обычно концерт составляли из небольших частей симфонических произведений, часто случалось, что первая часть звучала в первом отделении, затем несколько других пьес, а затем во втором отделении звучал финал или вторая часть. У Виельгорских же симфонии звучали целиком, в том числе все девять симфоний Бетховена. Вопрос об увеличении оркестра решался легко – можно было привлекать полковые оркестры. В каждом полку было 22 музыканта-духовика (4 валторны, 4 фагота, 6 кларнетов, 4 флейты, 4 трубы)²³⁴. Привлекались крепостные оркестранты и солисты Императорских театров, певчие Придворной капеллы.

В 1838 году в доме братьев Виельгорских в Петербурге, где был концертный зал, прозвучала и потом исполнялась много раз Девятая симфония Бетховена [81, с. 129]. В Филармоническом обществе Петербурга впервые Девятая симфония была исполнена 7 марта 1836 года [9, с. 132–133]. (В Вене первое исполнение Девятой симфонии было в 1824 году [28, с. 27].)

²³⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 73.

У Виельгорских Р. Шуман дирижировал своей симфонией. В конце 1820-х годов в салоне на Михайловской площади играли Б. Ромберг, Дж. Фильд, К. Липиньский²³⁵, Ф. Шоберлехнер, А. Арто; в 1830-е – С. Тальберг, А. Вьетан, Л. Мейер, Ф. Бём, Ж. Гийо, А. Серве, М. Плейель. В 1840-е здесь выступали Дж. Паста, А. Тамбурины, П. Виардо, братья Мюллеры, Г. и Ю. Венявские, Г. Берлиоз, К. и Р. Шуман, Ф. Лист, А. Гензельт и др. [98, с. 24–43].

Как правило, иностранные гастролёры должны были сначала выступить у Виельгорских, а затем уже допускались к выступлению в зале Филармонического общества. Берлиоз называл дом Виельгорских «музыкальным министерством» и «маленьким храмом изящных искусств». Также в их доме происходили предварительные прослушивания музыкантов и репетиции.

Берлиоз в 1844 году вспоминал: «Я был им (Мих. Виельгорским) представлен находившимся у них замечательным лицам, виртуозам и литераторам». Шуман назвал Виельгорского «гениальнейшим дилетантом».

Внук Михаила Виельгорского, Михаил Алексеевич Веневитинов, в 1886 году вспоминал: «В 1830-х и в 1840-х гг. понимание музыки ещё составляло в Петербурге роскошь в кругу образованных людей, и, задолго до основания Филармонического и Русского музыкального общества, наслаждение произведениями Бетховена, Мендельсона, Шумана и других классиков было доступно лишь избранным посетителям знаменитых когда-то музыкальных вечеров в доме Виельгорских» [12, с. 485].

2.2.2.5. Концертные общества

Филармоническое общество было основано в 1802 году, в него принимались придворные музыканты. Их называли камер-музыкантами, т. е. комнатными музыкантами²³⁶. Первое название Филармонического общества – Касса музыкантских вдов. Учредителями общества стали камер-музыканты Д. Бахман, А. Булант, историк, литературовед и библиограф Ф. П. Аделунг и барон А. Раль²³⁷, придворный банкир. Первыми директорами были избраны скрипачи И. Мазнер и Н. Г. Поморский, виолончелист Д. Бахман, флейтист Ф. Михель и фэготист А. Булант; среди

---

²³⁵ Санкт-Петербургские ведомости. – 1825.

²³⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 4. Д. 7.

²³⁷ Прадедушка Софьи Ковалевской.

почётных директоров – Мих. Ю. Виельгорский. Фонд помощи семьям умерших и ежегодных выплат пособий вдовам и сиротам собирал ежегодно три разряда взносов: 15, 10 или 5 рублей. После смерти члена общества вдове ежегодно выплачивалась пенсия соответственно 300, 200 или 180 рублей; также выплачивалось пособие сыновьям до 18 лет, дочерям – до замужества или до 25 лет. Ежегодно общество давало от двух до пяти концертов.

Симфоническое общество было основано в 1840 году братьями Виельгорскими и пианистом Герке, в 1859 году оно было реорганизовано в Русское музыкальное общество. Большой вклад в организацию внесла великая княгиня Елена Павловна. Располагалось Филармоническое общество в 1820-е годы в 1-й Адмиралтейской части 4-го квартала, 241, дом Коммерческого общества²³⁸, а в 1830-е г – в 3-й Адмиралтейской части, 1-й квартал, 47, дом Энгельгардта²³⁹.

Концертная культура города росла постепенно. Вкусы публики развивались вместе с репертуарными и исполнительскими требованиями. В концертах исполнялись части симфоний, чередовавшиеся с вокальными, ансамблевыми и сольно-инструментальными номерами и хорами. Интерес к углублённо-напряжённой музыке Бетховена возрастал на протяжении «золотого периода» – первой трети XIX века.

Вот, например, программа концерта, состоявшегося 16 марта 1825 года: «Увертюра господина Мейера, увертюра Вебера, дуэт, спетый Булаховым и Самойловым, Адажио и Рондо соч. Франца Бендера, – исп. братья Бендеры на двух кларнетах и Карл Мейер на фортепиано, Фантазия Бетховена, Хоровые произведения сочинения Кавоса, исполняет Хор придворных певчих, Каталани – сцена и 2 арии из Россини, и за нечаянную болезнь г. Бёма, который был готов участвовать в концерте, Каталани вызвалась заменить время, для него назначенное, и пела *la Placida Campagna*. Дирижировал Кавос»²⁴⁰.

Играли с одной репетиции [33, с. 223].

Как писал в 1827 году Одоевский об исполнении 4-й симфонии Бетховена, «утомлённая наслаждением публика, по обыкновению, до начала финала поднялась и ушла».

²³⁸ Современный адрес: Английская наб., д. 20.

²³⁹ Современный адрес: Невский пр., д. 30. Здание сохранилось в перестроенном виде [22].

²⁴⁰ Санкт-Петербургские ведомости. – 1825. – 31 марта.

В Петербурге бывали многие известные музыканты – Луи Шпор²⁴¹, Муцио Клементи²⁴², сочинитель музыки. После 1830 года их число увеличилось, среди них были такие знаменитости, как Ференц Лист, Клара и Роберт Шуман, Гектор Берлиоз.

Но приезжали и такие гастролёры-музыканты, кто стремился поразить публику своими трюками. Так, журнал «Невский зритель»²⁴³ сообщает о двух итальянцах, «которые играют на скрипках руками, привязанными ниже локтя к телу, и даже кисть и пальцы завёрнуты у них в сукно».

Вкусы публики делились на бетховенистов и россинистов – как писал Одоевский, «надо угодить всем». Классическая школа соперничала с виртуозной. Защищавший классическую манеру исполнения В. Ф. Одоевский приводил в пример «Ф. Бёма, выдающегося скрипача, виртуоза и ансамблиста, концертмейстера Петербургского оперного театра, художника, подчинившего технику задаче раскрытия образного содержания музыки» [19, с. 159]. Приверженцем классической школы был и А. Ф. Львов, скрипач-любитель, ученик Франца Бёма: «Обольщённые славой Паганини, весьма многие артисты, бывшие на пути игры правильной и сознательной, стали подражать ему, не размыслив о возможности такого подражания». «Классическая школа открывает возможность интерпретациям произведения любого стиля, позволяет идти по какому угодно направлению». «Главный характер скрипки – певучесть» [19, с. 173].

А. О. Смирнова-Россет вспоминала: «Тогда давали концерты в Певческой капелле. В первом ряду сидели граф Нессельрод, который от восторга всё поправлял свои очки и мигал соседу князю Лариону Васильевичу Васильчикову, потом сидел генерал Шуберт²⁴⁴, искусный скрипач и математик. Все математики любят музыку. Это весьма естественно, потому что музыка есть созвучие цифр. Во втором ряду сидела я и Карл Брюллов. Когда четыре брата Миллера приехали в Петербург, восхищению не было конца. Они дали восемь концертов в Певческой капелле, играли самые трудные квартеты Бетховена. Никогда не били такт, а только смотрели друг на друга

---

²⁴¹ Санкт-Петербургские ведомости. – 1803. – С. 1366.

²⁴² Санкт-Петербургские ведомости. – 1803. – С. 1472, 1806. – С. 797.

²⁴³ Невский зритель. – 1820. – 3 сентября – С. 279.

²⁴⁴ Фёдор Фёдорович (Теодор Фридрих фон) Шуберт (1789–1865), математик и геодезист, был женат на Софье Александровне Раль, дочери придворного банкира и мецената. Дом Ралей, как и дом Шубертов, был одним из музыкальных центров Петербурга. Математик Софья Ковалевская была внучкой Ф. Шуберта.

и всегда играли в темпо. Казалось, что был один колоссальный смычок... Это был праздник наших ушей» [22, с. 277–278].

Заметим, что Бетховен (рис. 74) уже в 1804 году был популярен в России. Например, из газетной заметки²⁴⁵: «Л. Бетовен, живущий ныне в Вене, и многие славные немецкие музыканты поедут в будущем году в Италию. В Венеции ожидают славную первую художницу Гармоники девицу Марианну Кирхгеснер, куда приехали уже девица Фишер и учителя ея г. Ричини».

Рис. 74. Людвиг ван Бетховен

В июле 1818 году журнал «Благонамеренный» писал: «Известный всей Европе Венский композитор Людвиг фон Бетгофен получил недавно из Лондона, от одного из тамошних почитателей его сочинений, в подарок редкое и драгоценное фортепьяно. Австрийское правительство, уважая достоинства г. Бетгофена, позволило ввести оное без всяких пошлин, которые в подобных случаях бывают довольно значительны»²⁴⁶.

²⁴⁵ Санкт-Петербургские ведомости. – 1804 – 5 декабря. – С. 3080.

²⁴⁶ Благонамеренный. – Санкт-Петербург. – 1818. – № 7. – С. 245.

Михаил Виельгорский был знаком в Вене с Бетховеном, присутствовал на репетиции его Пасторальной симфонии [81, с. 168].

Князь Николай Борисович Голицын (1794–1866), большой любитель и пропагандист музыки Бетховена, сам замечательный виолончелист, во многом способствовал исполнению музыки Бетховена в России. Благодаря Голицыну 7 апреля 1824 года в Петербурге была исполнена Торжественная месса Бетховена – раньше, чем в Вене. Кроме того, Голицын заказал Бетховену написать три квартета (1822–1826). Бетховен посвятил ему увертюру «Освящение дома» [9, с.132–133]. Голицын сделал переложение бетховенских сонат для квартета.

Большую роль в распространении музыки Бетховена в России сыграл первый солист Петербурга скрипач Франц Бём.

2.2.2.6. Музыкальные салоны Петербурга

В этот период в Петербурге складывается новая форма общения – салоны и кружки. Сначала они были литературными, например кружок Державина, а потом и музыкальными. В них слушали и исполняли любителей и профессионалов. Репертуар развивался от незатейливых фортепианных пьес и романсов до серьёзной камерной, хоровой и симфонической музыки. Расцвета своего салоны достигли к двадцатым годам XIX века. Музыкантами-любителями были многие дворяне, в том числе очень высокопоставленные, но им не позволялись публичные выступления. Поэтому они устраивали неофициальные концерты в частных домах, на которые собиралось от нескольких человек до нескольких сотен слушателей.

В Петербурге наиболее крупными салонами, в которых постоянно звучала музыка, были салоны президента Академии художеств А. Н. Оленина, Г. Р. Державина (1743–1816), А. С. Шишкова, графа А. С. Хвостова, барона Ф. А. Раля, директора Придворной капеллы Ф. П. Львова, П. И. Юшкова. Музыкальные вечера проводил у себя поэт В. А. Жуковский, на его знаменитых субботах бывали А. С. Пушкин, А. А. Плещеев, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский и многие другие. Одним из самых примечательных в 1830-е годы был салон австрийского посла Фикельмона. Его жена Дарья Фёдоровна была внучкой Кутузова, в этом салоне также бывал Пушкин.

Популярны были салоны француза И. С. Лаваля, А. А. Дельвига, которые посещал М. И. Глинка.

В салоне-кабинете князя Одоевского «Львиная пещера», где часто играл Ф. Бём, завсегдатаями были графиня Е. П. Ростопчина, А. С. Пушкин, М. И. Глинка, М. Ю. Лермонтов, А. Н. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, среди гостей – Гектор Берлиоз и Ференц Лист [81, с. 147]. Владимир Фёдорович Одоевский – литератор, знаток и ценитель музыки, первый музыкальный критик в русской журналистике. Он и сам талантливо исполнял клавирную и органную музыку Баха [98]. Другом Одоевского был Василий (Вильгельм) Фёдорович Ленц (1809–1883) – петербургский литератор и музыкальный обозреватель, исследователь творчества Бетховена. В доме Одоевского в Петербурге «сходились весёлый Пушкин и отец Иакинф с китайскими сузившимися глазками, толстый путешественник, тяжёлый немец – барон Шиллинг, возвратившийся из Сибири, и живая, миловидная графиня Ростопчина, Глинка и профессор химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий, но много знающий археолог Сахаров. Крылов, Жуковский, Вяземский были постоянными посетителями. Здесь впервые появился на сцену большого света и Гоголь» [84, с. 96]. Бывали у Одоевского Берлиоз, Лист, Шуман, Виардо. Берлиоз с женой приезжал и в 1847 году²⁴⁷. Очень возможно, что здесь встречались Бём и Пушкин.

Образование первого и, по существу, крупнейшего музыкального салона относится к 1816 году. Это салон графов Виельгорских, существовавший в их имении Луизино, а затем в Москве.

С 1822 года музыкальные утра устраивала знаменитая польская пианистка М. Шимановская. В этих концертах участвовал молодой Глинка, чья слава пианиста и композитора утвердилась в Петербурге. Постоянными участниками её концертов были певица А. Гебгард, певец Д. Този, скрипач Ф. Бём. Игру Шимановской отличала нежность и мягкость звука, ажурная техника, поэтичность и проникновенность исполнительской манеры, мягкий фильдовский стиль. В 1827 году Марии Шимановской было пожаловано звание придворной пианистки их величеств императриц [19, с. 44].

А. А. Берс вспоминал, что музыкальные вечера были у его отца, Александра Евстафьевича Берса, у А. И. Фицтума, О. И. Фишера, И. И. Гаврушкевича. «В то время не было ни консерватории, ни концертов, так что артисты были рады проводить вечера в дружеском музыкальном кружке. К исполнению относились не строго, наслаждались музыкой молча, вопросов о вдохновении, о глубине музыки даже избегали; одним словом, всем было

²⁴⁷ St.Peterburgische Zeitung. – 1847. – № 75.

приятно слушать Музыку, курить сигары, обмениваться мыслями. Затем, после самого скромного ужина, все расходились по домам пешком и в духе, неся свои инструменты кто в руках, а кто и на приспособленных для носки ремнях через плечо. Про нашу музыку можно было сказать, что она была *Gemüthliche*²⁴⁸ Musik; к Львовским же собраниям скорее применимо выражение: *Gemüth*²⁴⁹ Musik – там совершалось нечто в роде священнодействия с художественным оттенком. У нас бывали больше мастеровые музыки, у Львова же мастера; к нам редко залетала приезжая музыкальная звезда, и то её кто-нибудь приводил с собой, а к Львову, стоявшему близко ко двору, музыкальные звёзды появлялись сами» [10, с. 160–161].

Домашний музыкальный кружок Львовых, называвшийся «Музыкальная академия», располагался с 1800 по 1870 год по адресу: 4-я Адмиралтейская часть, 1-й квартал, д. 39–40; Офицерская улица, д. 37–39; Большая Мастерская улица, д. 1, современный адрес: ул. Декабристов, участок д. 42, Лермонтовский проспект, участок д. 2; здание не сохранилось [22].

2.2.3. Ученик Франца Бёма А. Ф. Львов. Служба у Аракчеева

А. Ф. Львов был учеником Франца Бёма. Его жизнь, как и жизнь скрипача Осипа Гримма, родственника Мейеров, связана со службой у Аракчеева (в рассказе об Аракчееве использован материал книги [90]).

Алексей Фёдорович Львов (1798–1870; рис. 75) был сыном Ф. П. Львова, директора Певческой капеллы и музыканта-любителя. После окончания Института путей сообщения в 1818 году он был произведён в поручики и откомандирован к работам по военным поселениям, которыми заведовал граф Аракчеев (рис. 76). Там Львов восемь лет прослужил инженером-строителем. Служба, по словам его, была невероятно тяжела: лишённые самого необходимого, надсмотрщики работ должны были находиться безотлучно на службе с трёх часов утра до двенадцати часов дня и с часа до девяти часов вечера, причем взыскания начальства были жестоки и безграничны.

«В скором времени усердие и покорность притупились, – пишет в своих записках Львов, – и меры жестокости были единым средством к выполнению требований начальства. Во время работ молчание общее, на лицах страдание, горе! Так протекали дни, месяцы без всякого отдохновения,

---

²⁴⁸ Уютной, приятной.

²⁴⁹ Нравственной.

кроме воскресных дней, в которые обыкновенно наказывались провинившиеся во время недели. Я помню, что, ехав однажды в воскресенье верхом верст 15, я не проехал ни одной деревни, где бы не слышал побоев и криков. Мы сами лишены были самого необходимого для жизни и спокойствия... От начальников ни малейшего внимания, никогда ласкового слова, всё это от подражания верхнему начальнику и желания угодить ему» [48].

Рис. 75. А. Ф. Львов

Рис. 76. Граф А. А. Аракчеев

С 1808 года военный министр А. А. Аракчеев (1769–1834) становится правой рукой Александра I. Выходец из бедной дворянской семьи, он с трудом попал в Артиллерийский кадетский корпус, затем оказался на службе Павла I, тогда ещё великого князя. Честный, преданный и старательный офицер дослужился до полковника и начальника всех сухопутных войск наследника. По воцарении Павла I он стал комендантом Петербурга и генерал-лейтенантом. Но переменчивый характер Павла I повлёк отставку в 1798 году, хотя спустя несколько месяцев Аракчеев вновь был принят на службу генерал-квартирмейстером. Он служил инспектором всей артиллерии, был пожалован большим имением в Новгородской области

и титулом графа. В 1799 году Павел I отправил его в отставку. Одна из его отставок при Павле I связана с доведением офицера до самоубийства.

Вновь Аракчеев стал служить с 1803 года, уже при Александре I. В 1808 году он был назначен военным министром. Его умение досконально входить во все военные дела, проследить выполнение всех распоряжений, реорганизация управления армией способствовали успехам военных действий в Русско-шведской войне, в результате которой к России присоединилось Великое княжество Финляндское. Во время Отечественной войны с Наполеоном Аракчеев занимался снабжением армии, организацией резервов. Особенно заботился он об артиллерии. Все распоряжения Александра I шли через Аракчеева, он принял на себя все армейские дела, что позволило императору чувствовать надёжную опору и при этом сохранять образ гуманного государя в глазах общества.

Именно Аракчеев ввёл в армии правило отдания чести офицерами друг другу поднятием левой руки к головному убору. Его старательность, исполнительность и стремление к наведению порядка в армии, особенно в артиллерии, сыграли свою положительную роль – он наладил снабжение, улучшил схему управления, ввёл столовые и библиотеки для офицеров. В то же время он мог жестоко унижить и оскорбить офицера.

Александр I, не обладая энергией и решительностью Аракчеева, высоко ценил такого надёжного помощника. Аракчеев стал председателем Департамента военных дел в Государственном совете, фактически его первым лицом. Это отражают журналы заседаний Государственного совета.

С 1810 года Александр I задумался над проблемой существования армии в мирное время, а также обеспечения вышедших в отставку старых солдат. Он поручил Аракчееву создать военные поселения, где солдаты занимались бы сельским хозяйством, проживая с семьями. Первый опыт был неудачен, но Аракчеев, взявшись за это, настолько детально продумал всё существование поселян, что они стали бунтовать не от лишений, а от избыточной регламентации всей жизни. Вдоль чистых улиц стояли одинаковые дома, красивые, но неудобные. Ради чистоты свиней держать было запрещено. Детей с 6 лет одевали в мундиры (были пошиты мундиры на возраст 6, 12 и 18 лет – на вырост). Ежегодно составлялись списки юношей, могущих вступить в брак, каждому по списку подбиралась жена по принципу: один супруг из бедной семьи, другой из зажиточной – для уравнивания. Каждая баба должна была ежегодно рожать, желательнее мальчика (иначе – штраф). Сам Аракчеев писал множественные

инструкции, в том числе и бабам, как растить детей. Даже кошки сидели на привязи: «...чтобы птицам садовым дать свободы». Среди приказов Аракчеева по военным поселениям бывали, например, такие: «Отпустить 100 ударов розгами по собрании всех жён роты Акулине Григорьевой за то, что в доме ее ночью обнаружен подпоручик Иванов, а того подпоручика посадить на гауптвахту и оштрафовать». За все нарушения многочисленных правил следовали наказания, которые и наблюдал Львов во время службы в военных поселениях.

В более подробном виде свои правила обращения с подчиненными Аракчеев изложил в письме к управляющему новгородскими военными поселениями генералу С. И. Маевскому от 12 мая 1824 года: «Прошу вас покорно не спускать, и строгость нужна более для штаб- и обер-офицеров, нежели для военных поселян, и оное требую, ибо мои правила не сходятся с правилами, в армии употребляемыми; я полагаю, что когда строгость – разумеется, справедливая, без интриг (коих я не терплю, и всякий тот у меня всё потеряет, которой начнет интриговать) – употребляется на начальников, то всё пойдет хорошо и солдаты будут хороши; а у вас в обыкновенной службе с командирами обхождение бывает приятельское, церемонное, что никогда по службе не годится, ибо у вас всегда считается за стыд обнаружить какое-нибудь преступление или злоупотребление, сделанное батальонным или ротным; а я, напротив того, думаю, что без подобных случаев не может в свете существовать, а должно только строго взыскивать, а стыда в оном не должно полагать, ибо как можно онаго требовать, чтобы у вас все люди ваши, то есть штаб- и обер-офицеры, были святые? Онаго чуда не было на свете; следовательно, есть хорошие, а есть и худые. У вас еще есть правило и хвастовство, чтобы подчинённые любили командира; мое же правило, дабы подчинённые делали своё дело и боялись бы начальника, а любовниц так много иметь невозможно. Ныне и одну любовницу мудрено сыскать, кольми паче много».

Если к офицерам, служившим в военных поселениях, Аракчеев был строг и придирчив, старался держать их в страхе, то к специалистам – механикам, инженерам, архитекторам – относился с необыкновенной вежливостью и снисходительностью, внимательно слушал их советы, стремился создать им самые благоприятные условия для работы: и зарплату давал немалую, и жилье предоставлял приличное. Специалисты были нужны графу, поскольку в военных поселениях шло бурное строительство. Граф явно имел намерение создать из них нечто небывалое в России – своего рода

оазис непревзойдённого порядка, чистоты и культуры. Здесь возводились особой конструкции здания, устраивались особой планировки населённые пункты, устанавливались различные новые механизмы и т. п. [90].

Как ни тяготился Львов службой у Аракчеева, отставки ему не давали. Уволиться от службы ему помогла трагедия, случившаяся у Аракчеева.

Личная жизнь Аракчеева не была согрета семейным счастьем. Жена недолго жила с ним, убежав к матери. Наложницы сменяли одна другую. С 1800 года у Аракчеева в имении Грузино поселилась новая управительница, ставшая фавориткой, – Настасья Минкина, дочь кузнеца Фёдора и наполовину цыганка (см. рис. 33). Неизвестно, была ли она его крепостной или вольнонаёмной. Её твёрдый характер и энергичный ум позволили Настасье выучиться грамоте, во время отъездов Аракчеева вести хозяйство и управлять имением Грузино. Сохранились её нежные письма к нему, полные заботливого внимания о его здоровье, питании и одежде.

Поскольку возможности иметь детей у Настасьи не было, она имитировала беременность, а потом убедила Аракчеева, что новорождённый мальчик, тайно взятый у другой женщины, – это его сын. Аракчеев признал ребёнка и приказал раздобыть Настасье и сыну Мишеньке дворянские документы на имя дворян Шумских.

Но к крепостным Настасья была очень жестока, наказывала и истязала их. Её упоминает М. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита», в сцене бала у Воланда: «Госпожа Минкина, ах, как хороша! Немного нервозна. Зачем же было жечь горничной лицо щипцами для завивки! Конечно, при этих условиях зарежут!» Так и случилось. 10 сентября 1825 года доведённые до отчаяния крестьяне зарезали её. Горе Аракчеева было безгранично. Его не могла утешить ни жестокая расправа над виноватыми, ни необходимость заниматься государственными делами.

19 ноября 1825 года в Таганроге умер Александр I, в декабре в Петербурге на Сенатской площади было восстание – безутешный Аракчеев не приступил к службе. Рассерженный Николай I (рис. 77) отправил его в отставку в апреле 1826 года. И в свете этой опалы Львов переводится от Аракчеева адъютантом к Бенкендорфу, а после становится флигель-адъютантом Николая I.

В 1833 году Николай I попросил Львова написать новый гимн Российской империи. В торжественных случаях исполнялись различные гимны. На международных церемониях исполнялся английский гимн *God Save the King* со словами Жуковского «Боже, царя храни». Львов быстро справился

с этой задачей. Первое (непубличное) исполнение состоялось 23 ноября 1833 года в Певческой капелле.

Рис. 77. Портрет Николая I работы Крюгера

А. Ф. Львов в 1834 году вспоминал, как участвовал в домашних концертах при дворе: «По зимам неоднократно бывали у Императрицы концерты, в которых я участвовал всегда с большим успехом. В один из этих концертов Государь подзывает меня и говорит: „Что, если ты бы попробовал составить из нас домашний концерт и сочинил для нас музыку? Мы могли бы кое-что сыграть. Императрица играет на фортепиано, я на трубе, Матвей Виельгорский на виолончели, Апраксин на басу, ты на скрипке, Михаил Виельгорский, Волконский Григорий, Бартенева, Бороздина могут петь, и дети могли бы участвовать на чём-нибудь. Право, можно было бы что-нибудь составить, попробуй“»²⁵⁰.

250 Отдел рукописей РНБ. Ф. 446. Д. 4. Л. 246.

Музыкой были заняты вечера и в знатных, и в скромных домах. Атмосфера Петербурга первой половины XIX века была удивительно творческой. Если не исполняли, то собирались, чтобы слушать. Ходили друг другу в гости с нотами и инструментами.

В 1835 году Львов организовал квартет, в котором постоянно играли Густав Вильде, Всеволод Маурер (сын), Матвей Виельгорский и он сам. Часто к ним присоединялся и Франц Бём. В их репертуаре главное место занимала музыка Бетховена, которую очень любил слушать И. А. Крылов. В. Ф. Ленц вспоминал: «Крылов любил слушать квартеты Гайдна и Моцарта, но еще больше любил бетховенские квартеты. „В Бетховене слышны голоса природы, но нужно уметь их слышать“, – сказал однажды этот старик с мощной головой мыслителя. Когда Бём или генерал Львов играли его любимый квартет (C-dur с фугой), Крылов погружался в глубочайшее раздумье» [46, № 7, с. 390–391].

Детей в дворянских семьях музыке обучали частные учителя, в пансионах в программу входило музыкальное образование. Например, М. Ю. Лермонтов в Московском благородном пансионе обучался игре на скрипке, флейте и фортепиано, а на выпускных испытаниях исполнял фрагмент скрипичного концерта Маурера.

2.2.4. Ученик Франца Бёма Н. И. Бахметев

Многие офицеры были хорошими музыкантами-любителями. Среди них – яркая фигура ученика Франца Бёма (в 1830-х) полковника Николая Бахметева (1807–1891; рис. 78), впоследствии директора Певческой капеллы. Службу в кавалерии он сочетал с исполнительством, участвуя в любительских концертах.

В воспоминаниях Бахметева остался рассказ об интересном эпизоде совместной репетиции с Францем Бёмом и Людвигом Маурером перед концертом в Дворянском собрании: «Возвратившись в 1837 году, фронтовая моя служба продолжалась по-прежнему, но я принялся за любимый мой инструмент, купив очень дешево, за 600 рублей, скрипку Гваданини, а дешево она мне пришлась оттого, что она была кем-то заложена, и я её выкупил. В то время, как бывший ученик нашего первого скрипача Бёма, я играл одни сочинения разных авторов, как то: Роде, Виотти, Лафона, Липиньского, Маурера, сам же я ещё не писал для скрипки, а как фундаментально изучивший теорию и контрапункт у Шванке и Шрейнцера,

я более занимался сочинением церковной музыки, к которой имел особенную любовь.

В 1838 году я сошёлся с Серве (виолончелист), так что мы виделись ежедневно и играли вместе; а как в казармах, в моей квартире была большая зала, и у меня можно было играть полному оркестру, который состоял из духовых инструментов полка, а струнные инструменты были исполнены аматёрами (любителями) и первыми артистами, как Ромберг²⁵¹ (рис. 79), Маурер, Бём (скрипачи), Шуберт, Кнехт и Гросс (виолончелисты); и тут мы пробовали наши сочинения, как Вьетан, Серве и я, что было удобно, так как оркестр для этого нельзя иначе собирать.

Рис. 78. Н. И. Бахметев

Рис. 79. Бернхард Ромберг

В 1839, 1840 и 1841 мне особенно много приходилось играть в публичных концертах. В 1840 г. для меня были очень лестны два концерта, а именно: возвратившись раз очень поздно домой, я нашёл следующую записку графа Михаила Юрьевича Виельгорского: „De ce pas je reviens de chez la Grande Duchesse Elene, qui désiré que vous jouiez demain un solo au Concert patriotique. Pas de refus, car uniquement pour vous l’orchestre est commande pour les 2 h. dans la salle de la Grande Noblesse“. („Я только что вернулся от Великой

²⁵¹ Бернхард Ромберг (1767–1841) – немецкий виолончелист; жил в России в 1811–1812 и 1822–1827 годах.

княгини Елены, которая желает, чтобы завтра Вы солировали в Патриотическом концерте, отказаться нельзя, потому что исключительно для Вас оркестр был командирован на 2 часа в зал Дворянского собрания“.)

Вот это сюрприз! К этому же времени пришёл и другой сюрприз – читаю в полковом приказе, что завтра полковой плац от 12 до 1 часа назначен для учения моего эскадрона. Вот ещё второй сюрприз! Как быть? А ведь надо исполнять и то и другое. Ничего, Бог милостив, и исполню всё, зная твёрдую мою натуру. Это было в апреле, холод был ещё порядочный. На другой день в 12 часов я уже учил эскадрон, от палаша руки закоченели, и, кончив ученье, возвратился домой, натёр себе руки спиртом и, взяв скрипку, отправился на репетицию. Тут, в зале, я уже нашел 2-х братьев Виельгорских, Серве, Глинку и Бёма. На счастье мое, как все мои пьесы более или менее, что называется, под пальцами, я и выбрал из них мою *Fantasie elegante*, которая для публики была эффектна и ею любима. Я тут не чувствовал никакого последствия от утреннего конного увечья. Фантазию мою мы повторили два раза, а оркестром дирижировал Ромберг, и, невзирая на то, что он был закоренелый сухой классик, пьеса ему понравилась, так же как и всем присутствовавшим, а Серве все восхищался моим *staccato*, который называл всегда *polisson de staccato*²⁵².

Граф Виельгорский пожелал еще раз послушать мою „элегантную“, пригласил всех нас к себе (на углу Михайловской площади и Большой Итальянской), и там, под аккомпанемент фортепьян, с Фальвейтером, я ещё сыграл эту пьесу. После этого меня заставили пропеть несколько моих романсов, где, между прочим, пропел мой „Перситский булат“, который они все в первый раз узнали. Этот страстный романс написан в 5/4, каковой ритм никому еще в голову не приходил, я же этим ритмом хотел придать более страсти. Тут Маурер и Бём возмутились против этого нововведения, говоря, что 5/4 не может существовать, так как это неделимо и в теории нет такого указания. Только граф Виельгорский не нашёл в нём ничего неприятного и неприличного, а Глинка, сидя в углу комнаты, призадумался и не высказал никакого мнения, только при разъезде сказал мне: „Мы об этом подумаем“, – и действительно подумал и впоследствии написал в „Жизни за царя“ хор женщин в 5/4, который прежде был написан другим размером, кажется в 3/8» [8, с. 279–282].

---

²⁵² Орфография Бахметева.

2.2.5. Семья Бём. Братья Франц и Йозеф

Фамилия скрипачей Бём была известна в России с XVIII века. Эта весьма распространённая фамилия означала, что её носитель является уроженцем Богемии. В Москве жил некий Иван Бём, скрипач и композитор (родился в Москве в 1723 году, в России же учился; умер в 1760 году) [68, т. 2].

В 1782 году в Петербурге некий музыкант Бём отменяет свой концерт: «Бём сим почтенно публику уведомляет, что обещанный им концерт по некоторым препятствующим в том обстоятельствам не может быть дан, почему все те особы, кои взяли уже билеты, могут получать обратно свои деньги»²⁵³.

В 1807 году в Императорские театры был принят скрипач Александр Бём с жалованьем 800 рублей в год²⁵⁴. Был ли он связан с нашими героями, неизвестно. Точно установить это не удаётся, так как многие документы тех лет (за XVIII и первое десятилетие XIX века) из архива театральной дирекции утрачены после пожара в Большом театре в ночь на 1 января 1811 года [26, с.153–182].

История братьев Бём начинается в Песте (Пеште) – венгерском городе на берегу Дуная, городе, который в 1898 году объединился с соседними Будой и Обудой и стал Будапештом. Венгерское происхождение семьи наложило громадный отпечаток на её таланты: искусство игры на скрипке присуще венгерскому народу как никакое другое. Кажется, что венгры рождаются со скрипкой в руках.

О венгерских корнях семьи скрипачей нам известно немного. В городе Песте проживали Михаэлис (Йозеф) Бём, капельмейстер театра в Песте, с женой Анной, урожденной Дорфмейстер²⁵⁵. 7 сентября 1788 года у них родился старший сын – Франц, а 4 марта 1795 года – Йозеф^{xxxvii}. В венгерском биографическом словаре они не упоминаются – знаменитыми они стали не на своей родине^{xxxviii}. Славу музыкантов им принесли другие города: российский столичный Петербург – старшему и Вена – младшему^{xxxix}.

Музыканты Австро-Венгрии охотно ехали в Россию ради благополучной работы. Возможно, Михаэлис, отец Франца и Йозефа, отправил сыновей-подростков в Петербург учиться скрипичному мастерству у Пьера Роде. Возможно, их пригласили работавшие в Петербурге родственники или земляки. Возможно, кто-то из российских дипломатов Вены дал им рекомендацию.

²⁵³ Санкт-Петербургские ведомости. – 1782. – С. 232.

²⁵⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 55. 294 л., л. 30.

²⁵⁵ ЦГИА. Ф. 347. Оп. 2. Д. 9. Л. 118.

Внук Франца Бёма, великий математик Георг Кантор, в 1896 году вспоминал: «Мои дедушка и бабушка Франц и Мария Бём, урождённая Моравек, из школы француза Роде в Санкт-Петербурге, в 20-е и 30-е годы были императорскими скрипачами-виртуозами и вызывали восхищение в музыкальных кругах, а мой двоюродный дед Йозеф Бём, тоже ученик Роде, основал в Вене известную скрипичную школу, из которой вышли Иоахим, Эрнст, Зингер, Хельмесбергер (отец), Л. Штраус²⁵⁶, Раппольди» [108, с. 278].

Пьер Роде (рис. 80) приехал в Петербург в 1803 году, служил вместе с Адрианом Буальдье, который имел вид на жительство в Петербурге с 1801 года²⁵⁷, хотя Брокгауз утверждает, что он приехал в Петербург в 1803 году вместе с Роде. До 1803 года первым скрипачём оркестра петербургских Императорских театров был Иван Ленц²⁵⁸. Роде пребывал в должности первого скрипача петербургских Императорских театров с 1804 по 1807 год²⁵⁹. Из-за нездоровья Роде контракт был прерван на полгода ранее оговорённого, 23 февраля 1808 Роде дал прощальный концерт в Москве и отбыл на родину.

Рис. 80. Пьер Роде

Герои нашей истории – братья Бём, Франц и Йозеф, а также Мария Моравек в эти годы обучались у него игре на скрипке. В 1804 году Францу было 16 лет, а Марии и Йозефу – по 9 лет, в момент отъезда Роде из России, в 1807 году, соответственно 19 и 12 лет. Спустя два года Франц начал играть в петербургских театрах.

2.2.6. Скрипач Йозеф Бём. Музыкальная жизнь Вены

Йозеф Бём (1795–1876; рис. 81), создатель венской скрипичной школы, был младшим братом Франца. К нему в Вену ездил учиться на скрипке и его

²⁵⁶ Людвиг Штраус (1835–1899) родился в Пресбурге (Братислава).

²⁵⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. (97/2121). Д. 8.

²⁵⁸ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 73. Л. 27.

²⁵⁹ РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 55. Л. 293.

петербургский племянник Людвиг Бём. Ему Йозеф завещал свою скрипку Страдивари и рукопись Бетховена.

Йозеф Бём учился игре на скрипке у Пьера Роде, а затем в Италии. В одном из словарей сказано, что в восьмилетнем возрасте он отправился на четырёхлетние гастрольные туры в Польшу [103], в другом говорится, что у Роде он взял всего несколько уроков [121]. Но можно предположить, что оба брата Бём во время пребывания Роде в Петербурге (т. е. в 1803–1807 годах) [59, с. 466] тоже оказались здесь.

Правда, Пьер Роде 23 марта 1807 уехал в Митаву²⁶⁰, а 28 декабря 1807-го уже уволился: «...по уважению просьбы первого скрипача Роде в силу болезненного его состояния не в пример прочим прежде 6-месячного срока от службы Театральной Дирекции уволить»²⁶¹.

Йозеф Бём начал выступать с 1815 года. Он концертировал в Вене и Италии [59]. (Заметим, что Ломбардия и Венеция с 1815 года входили в состав Австрийской империи.) В некоторых источниках указано, что он приехал в Вену в 1813-м и дебютировал там в 1816 году²⁶².

Вместе со скрипачом Josef Mayseder он выделился как лучший солист молодого поколения. Критики (Eduard Hanslick) отмечали чистый и благородный тон его игры [114, с. 231].

Музыкальность Вены привлекла его. После Венского конгресса 1815 года и окончательной победы при Ватерлоо в Вене наступила эпоха культурного подъёма, подобная пушкинской в Петербурге. Музыка в этом городе звучала и утром, и днём, и ночью. В концертных залах, кофейнях, парковых эстрадах можно было услышать серенады, дивертисменты, ноктюрны. В парке Пратер на главной аллее стоят три кофейни, в которых выступали Бетховен, Ланнер, братья Штраусы. Утренние концерты в выходные дни начинались в восемь утра, были ещё дневные и вечерние концерты. Публика с утра отправлялась на традиционную прогулку в Пратер.

Рис. 81. Первый портрет Йозефа Бёма. Литография Крихубера, 1830-е гг.

²⁶⁰ РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 55. 294 л., л. 97.

²⁶¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 55. 294 л., л. 293.

²⁶² http://de.wikipedia.org/wiki/Joseph_B%C3%B6hm_%28Violinist%29

По центральной аллее знатные люди катались на колясках, простолюдины ходили пешком. На небольших эстрадах и в кафе играли музыканты. Знаменитых концертных залов Музыкального и Концертного обществ тогда ещё не было, за исключением Хофбурга и Шенбрунна, где бывали премьеры Моцарта и Бетховена. Вечерами в Пратере устраивались фейерверки, музыка и танцы. У Гёте Мефистофель говорит Фаусту: «Приди же на курган; там так же весело, как будто бы в Пратере» (рис. 82).

Рис. 82. Парк Пратер в Вене

По указу Иосифа II с 1782 года в другом парке, Аугартен, в «Садом-вом зале» регулярно устраивались утренние концерты, дирижировать которыми приглашали Моцарта, а потом Бетховена. В Вене музыка звучала и в больших концертных залах, и в домах.

Друскин пишет: «Многочисленные инструментальные ансамбли исполняли как в предместьях, так и в центре Вены» [28, с. 12].

А. К. Разумовский, меценат и любитель музыки, был в Вене послом с 1790 по 1799 и с 1802 по 1807 год. Сам хороший скрипач, он содержал квартет с Шуппанцигом в качестве первой скрипки, поддерживал дружеские

отношения с Моцартом, Гайдном, Бетховеном. Три квартета Бетховена были написаны по заказу Разумовского.

В 1816 году Шуппанциг с квинтетом Разумовского уехал на гастроли в Германию и Россию, и 20 ноября того же года Йозеф Бём со своим квинтетом дал серию из шести концертов. Вместе с пианистом Johann Peter Pixis они совершили турне по Италии.

В 1817 году Антонио Сальери, придворный капельмейстер, создаёт Певческую школу для подготовки мальчиков в Придворную капеллу. Общество друзей музыки прилагает усилия, чтобы создать в Вене консерваторию. В 1819 году Сальери приглашает вернувшегося из Италии Йозефа Бёма вести инструментальный класс в качестве профессора. Вместе с Певческой школой класс Бёма и послужил основой Венской консерватории.

С 1821 по 1868 год Йозеф Бём был солистом Придворной капеллы, много концертировал.

7 июля 1821 года он выступал в парке Пратер, и об этом концерте сохранилась заметка: «Сегодня в 8 часов утра, на заре прекрасного солнечного дня, в великолепном Пратере в зале Benkoschen выступал скрипичный квартет – господа Бём, Линке, Хольц и Вайс. Они известны нам по выступлениям в конце мая, когда они играли квартет Гайдна си-бемоль мажор и закончили большим до-мажорным квинтетом Бетховена. Уже прежние их программы имеют достойную оценку. Упомянем великолепное исполнение квартета до-мажор Гайдна с большой и красивой вариацией на тему „Боже, храни императора Франца“ („Gott erhalte Franz den Kaiser“). Затем исполняли первый квартет соль-мажор господина Вайса. Он исполнялся повторно, так же как и на третий день, когда исполнили ре-мажорный квартет Моцарта, и третий так называемый до-мажорный квартет Разумовского (Rasumosschische Quartet) Бетховена, подтверждая высокую оценку слушателей в исполнении Гайдна, Моцарта и Бетховена. В промежутке между первым и вторым квартетами господа Barlh и Jüger исполнили вокальные произведения. Многие со мной согласятся, что квартетная музыка воспринимается лучше клавирной благодаря прекрасному звучанию струнных. Упомянутые исполнители играли с большим мастерством и воодушевлением, что одобрили знатоки нашего музыкального искусства. Должное признание получило мастерство господина Бёма, игравшего первую скрипку. Большой виртуоз господин Линке, игравший на второй виолончели, вызвал восхищение лёгкостью своей игры. Господин Вайс играл на скрипке с превосходной сдержанностью, в то же время его игра весьма уместно была

насыщена энергичным и вдохновенным звуком. Господин Хольц славно играл на втором голосе.

Мы с надеждой ожидаем продолжения этих концертов, вновь желая насладиться камерной музыкой в таком превосходном исполнении»²⁶³.

Вызывает восхищение, что вся музыка в мажоре и что в Вене концерты начинались в 8 утра! Как прекрасен будет ваш день, если вы ранним летним утром приедете в Пратер, чтобы послушать мажорные квартеты Гайдна, Моцарта и Бетховена!

В 1828 году Паганини начинал свои концерты в Вене в Хофбурге в 11.30 [88].

С 1821 по 1823 год Бём гастролитировал в Германии и Франции. В 1823 году вернувшийся с гастролей Шуппанциг пригласил его в свой квартет. Их концерты представили много премьер Бетховена и Шуберта.

Йозеф Бём (рис. 83) продолжал выступать как солист Придворной капеллы, преподавал в Венской консерватории и сочинял.

Рис. 83. Второй портрет
Йозефа Бёма

Йозеф Бём был лично знаком с Бетховеном и Шубертом и часто исполнял их музыку [45, с. 6]. О знакомстве с Бетховеном Йозеф вспоминает отдельно.

В 1825 году он исполнил соль-мажорный квартет Бетховена в Вене [69, с. 8].

Случилось это при следующих обстоятельствах. Последние квартеты должен был сыграть И. Шуппанциг. Однако его исполнение не понравилось автору. «Бетховен пришел в ярость и нещадно разбил как исполнителей, так и публику, – свидетельствует Йозеф Бём. – Рано поутру он явился ко мне и с присущей ему немногословностью проговорил: „Вы должны сыграть мой квартет“ – и больше не прибавил ни слова. Ни сомнения, ни опасения ни к чему не привели. То, что Бетховен желал, должно было свершиться. Так я взвалил на себя тяжёлую задачу. Мы прилежно разучивали квартеты, репетируя на глазах у Бетховена» [43, с. 242].

Ранее, 7 мая 1824 года, глухой Бетховен дирижировал премьерой Девятой симфонии. Йозеф Бём вспоминал своё участие в этом концерте:

²⁶³ Allgemeine musikalische Zeitung. – Wienn – 1821. – July. Nr. 54. – P. 428.

«Бетховен дирижировал сам, вернее, он стоял перед дирижёрским пультом и жестикулировал как сумасшедший. <...> На самом деле всем руководил Умлауф, и мы, музыканты, следили только за его палочкой. Бетховен был так взволнован, что совершенно не замечал происходящего вокруг и не обращал внимания на бурные аплодисменты, едва ли доходившие до его сознания вследствие слабого слуха. В конце каждого номера приходилось подсказывать ему, когда именно следует повернуться и поблагодарить публику за аплодисменты, что он делал весьма неловко» [50, с. 11].

В 1827 году²⁶¹ Йозеф Бём отошёл от большой концертной деятельности, предпочитая работу с учениками и музицирование в домашнем кругу. Особенное значение он придавал ансамблевому музицированию со студентами, вечерами играя с ними преимущественно Бетховена.

Во время революции 1848 года консерватория была временно закрыта. Вскоре после её открытия в 1849 году без видимых политических причин Бём оставил консерваторию и участие в оркестре, но продолжал игру в Певческой капелле до 1868 года, также продолжая заниматься частным образом с учениками.

Йозеф Бём считается основоположником венской скрипичной школы. Его учениками были Ене Хубай, Йозеф Иоахим, Генрих Вильгельм Эрнст, Иаков Донт, Георг Хельмесбергер-старший, Иакоб Грюн, Эдуард Раппольди, Эде Ременьи, Сигизмунд Бахрих, Людвиг Минкус и его племянник из Петербурга Людвиг Бём²⁶⁴. Многие из них воспитали знаменитых учеников.

Йозеф Бём поддерживал дружеские связи со своими учениками и родственниками. Племянник Йозефа, Людвиг Бём, в период с 1840 по 1844 год учился и жил у своего дяди в Вене вместе с его учеником Иоахимом. Родственные связи поддерживались и позже. Людвиг не один раз посещал дядю, приезжая из Петербурга. Об этом он писал в своих рапортах об отпуске для поездки за границу. Так, причиной последней поездки послужила предсмертная болезнь Йозефа в 1876 году²⁶⁵.

Йозеф Бём умер 28 марта 1876 года. В наследство Людвиг получил скрипку Страдивари и письмо Бетховена. После смерти Людвига в 1904 году его вдова, художница Елизавета Бём, продала скрипку [74].

²⁶⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 1 (97/2121). Д. 9754. 69 л.

²⁶⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 1 (97/2121). Д. 9754. 69 л.

Интересна судьба этой скрипки. Антонио Страдивари создал её в Кремонне в 1733 году, с 1800 года она принадлежала семье князя Иоганна Фридриха Зигмунда Хевенхюллера (Johann Friedrich Siegmund Khevenhüller), чья супруга, урождённая графиня Maria of Strassoldo, была талантливой скрипачкой. С тех пор скрипка носит имя Prince Khevenhüller, её номер по каталогу Cozio Archive 40678. С 1820 года скрипка принадлежала Йозефу Бёму, после его смерти перешла по наследству (вместе с письмом Бетховена) его племяннику из Санкт-Петербурга Людвигу Бёму. С 1900-х скрипкой владел московский скрипач Виктор Михайлович Попов (1879–1965), который в 1920-е годы продал её приехавшему в Москву известному американскому реставратору и продавцу скрипок Эмилю Герману (Emil Herrmann, 1888–1968). В 1928 или 1929 году скрипку купил Генри Гольдман (Henry Goldman, 1857–1937), американский банкир, коллекционер и филантроп. К этому моменту стоимость скрипки составляла \$60,000. На этой скрипке Иегуди Менухин дал свой знаменитый концерт в апреле 1929 года в Берлине (Бах, Бетховен, Брамс). В 1936-м была изготовлена копия этой скрипки, Менухин играл и на ней, затем стал играть

Рис. 84. Третий портрет
Йозефа Бёма.

Й. Крихубер, 1839 г.

на Гварнери. В 1937-м скрипка перешла к Мишелю Шейнину (Michel Scheinen), в 2000 году – к одному из ведущих реставраторов и мировых дилеров струнных инструментов Питеру Биддольфу (Peter Biddulph). В 2004-м скрипка была продана частному владельцу [123].

Йозеф Бём по праву считается основоположником венской скрипичной школы. Сохранились его произведения для скрипки в популярном стиле того времени.

Известно три портрета Йозефа Бёма. Первый из них – это литография Йозефа Крихубера 1830 года (см. рис. 81). Второй – гравюра Ceracchi, Romuald Ceracchi, хранится в The New York Public Library for the Performing Arts / Music Division (см. рис. 83). Третий портрет – работы Крихубера 1839 года²⁶⁶ (рис. 84), мы располагаем благодаря любезности Павла Вячеславовича Дмитриева,

²⁶⁶ Porträt: Unterschrift: Facsimile des Namens. Kriehuber 1839 (lithogr.). Gedruckt bei Joh. Höflich (Wien 1839, Tob. Haslinger in Wien, Fol.).

заведующего библиотекой Санкт-Петербургской филармонии. В журнале *Die Musik*, выходявшем в Германии в начале XX века, написано: «В память о великольном скрипаче Йозефе Бёме (ум. 28 марта 1876 года в Вене) преподносим этот портрет на этой старой гравюре. В 1821–1868 он играл в Королевской придворной капелле (Kaiserl. Hofkapelle) и является выдающимся деятелем в преподавании: в числе его учеников Ernst, Jachim, Singer, Hellmberger (Vater), L. Straus»²⁶⁷.

2.2.7. Франц Бём, дед математика Георга Кантора

Франц Бём (1788–1846; рис. 85), дед Георга Кантора и родной брат Йозефа Бёма, вероятно, провёл юность вместе с братом. Возможно, они вместе ездили по Польше с четырёхлетними гастрольями. В период 1803–1807 годов Роде был в Петербурге, и, вероятно, именно в это время братья Бём брали у него уроки игры на скрипке^{xli}. Вместе с ними занималась и юная Мария Моравек, дочь метрдоителя Моравека.

В 1809 году Франц Бём поступил скрипачом на службу в Императорские театры Петербурга. Заключил с ним контракт директор конторы Императорских театров А. Л. Нарышкин. Ценитель музыки и знаток людей, он разглядел в двадцатилетнем венгре талант и сильный характер. Франца сразу взяли солистом²⁶⁸.

Согласно контракту от 15 января, Франц «принят на службу скрипачом» и обязывался «играть концерты на скрипке и играть соло, во всех концертах, коих Императорская дирекция будет давать в городских театрах, так и при Императорском дворе, с точностью находиться во всех репетициях, Императорскою дирекцию назначенных. Употреблять вообще весь свой талант для пользы и нужды театральной дирекции, где оный опыт потребуется». Францу Бёму было назначено жалованье в 1500 рублей в год²⁶⁹. Это весьма высокая оплата. Рядовой оркестрант получал 400–500 рублей в год,

Рис. 85. Франц Бём. Литография Готлиба Кислинга с портрета, сделанного Францем Крюгером

²⁶⁷ *Die Musik*. – V Jahr 1905/1906 Neft 12 Zweites Märzheft. – P. 444.

²⁶⁸ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 601.

²⁶⁹ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 601. 5 Л., Л. 3.

крепостной нотный копиист – 50 рублей в год²⁷⁰, архитектор Карл Росси начинал помощником архитектора за 350 рублей в год. За игру на уроке танцев музыкант получал 60 копеек²⁷¹.

По этому контракту Франц Бём прослужил до 8 января 1811 года. Но петербургская зима 1811 года была холодной и ветреной, Франц простудился и заболел. Он просит прервать контракт. Из прилагаемой справки: «Г-н Бём болен грудной болезнью. Климат Петербурга абсолютно неблагоприятен здоровью, болезнь его затянулась с риском для жизни, он неспособен выполнять свои обязанности»²⁷². До 1816 года он не служил, хотя с 1813 года дает в Петербурге концерты.

В это время свой первый концерт в Петербурге объявляет 17-летняя Мария Моравек (1795–1823), ставшая потом женой Франца Бёма и бабушкой Георга Кантора.

По тем временам сольные концерты, которые давали девушки, были в новинку, тем более скрипичные. Как правило, женщина выступала с отцом или с мужем, первые публичные концерты женщины-пианистки и вокалистки стали давать лет на 15 позже – Мария Шимановская (с 1822-го), Камилла Плейель (с 1839-го), Полина Виардо (с 1843-го).

Первой скрипачкой, появившейся на петербургских подмостках, была г-жа Сирмен, «известная по ея искусству в музыке виртуозка»²⁷³. Имеются также упоминания о концерте девицы Агафьи Петровой в концерте Сартори в 1777 году, г-же Кателди Чулиани – флейт-верза в 1785 году и девице Кирхгеснер, гармоника, в 1798 году [86, с. 48–49].

В 1838 году Одоевский упоминает о скрипачке Ершовой, дочери скрипача Ершова: «Представьте себе девушку в цвете лет, приятной наружности, являющуюся перед толпой любопытных слушателей с скрипкою, инструментом, странным в руках женщины, страшным даже для опытного музыканта» [62, с. 169].

К декабрю 1812 года остатки разгромленной армии Наполеона уже покинули Россию, Александр I был в Вильно, москвичи восстанавливали сожжённую столицу. Рождественский пост закрыл театры, многие артисты и музыканты французского происхождения уехали.

---

²⁷⁰ РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 55. 294 л., л. 62.

²⁷¹ ЦГИА. Ф. 852. Оп. 2. Д. 956. Л. 7, 17, 27.

²⁷² ЦГИА. Ф. 852. Оп. 2. Д. 956. Л. 2.

²⁷³ Санкт-Петербургские ведомости. – 1784. – С. 463, 833.

Мария Моравек в 15-летнем возрасте осталась без отца, нужно было думать о заработке. Что она умела делать хорошо? Ученица Пьера Роде, она хорошо играла на скрипке, верила в свой талант и будущий успех.

В «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление²⁷⁴: «Девушка Мария Моравек честь имеет известить, что 18 декабря сего года будет дан ею в Филармоническом зале большой вокальной и инструментальной концерт, в котором играть она будет на скрипке. Билеты для входа по 5 рубл. Получить можно в доме Католической церкви, в лавке купца Гиделли, под № 1». В следующем номере²⁷⁵ было помещено уточнение, что концерт пройдет не 18, а 19 декабря.

Купец Гиделло, у которого продавались билеты, содержал кондитерскую лавку рядом с католической церковью Св. Екатерины (Невский проспект, д. 32–34) и Малым залом Филармонии (Невский проспект, д. 30, рис. 86, 87)). Он был мужем Анны Моравек, сестры Марии.

Рис. 86. Зал в доме Энгельгардта. Современный интерьер

²⁷⁴ Санкт-Петербургские ведомости. – 1812. – 13 декабря. – С. 1402.

²⁷⁵ Санкт-Петербургские ведомости. – 1812. – 14 декабря. – № 101.

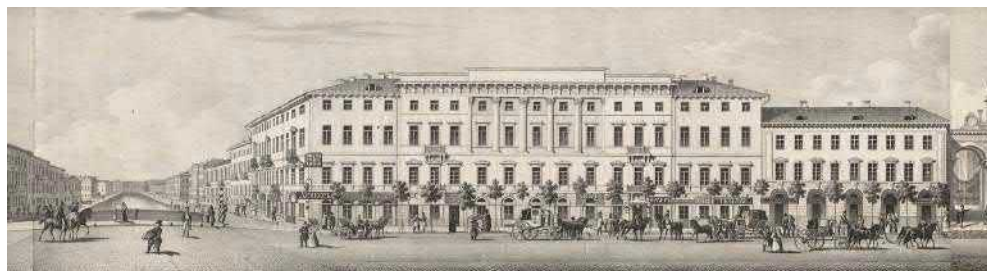

Рис. 87. Дом Энгельгардта (Малый зал Филармонии) на Невском проспекте

Мария является здесь не только солисткой, но и концертодателем, т. е. организатором концерта, приглашавшим в программу других музыкантов. Формы сольного концерта ещё не было. Но основное концертное время занимала именно она – семнадцатилетняя девушка со скрипкой. Наверное, концерт прошёл удачно, потому что на Великий пост Мария Моравек объявляет новые концерты: 11 февраля 1813 и 15 марта 1813 года.

Рис. 88. Женский силуэт работы В. Гельмерсена

Обаяние таланта, оптимизм молодости, уверенность и обаяние Марии Моравек (рис. 88), детской подруги и соученицы Франца Бёма, очаровали его и внушили ему желание быть с ней в Петербурге. Они играли дуэты детьми, обучаясь у Пьера Роде, а повзрослев, стали выступать вместе. Музыка соединила их, они решили поженились. Францу было 26 лет, Марии 19.

28 февраля 1814 года Мария Моравек впервые выступает вдвоём с Францем Бёмом. Объявлены их помолвка и отъезд. 8 июля состоялась свадьба, они венчались в римско-католической церкви Св. Екатерины, расположенной в 3-й Адмиралтейской части, 1-й квартал, Невский проспект, д. 35–37 (современный адрес: Невский проспект, д. 32–34; рис. 89), здание 1783 года сохранилось [22].

Об этом свидетельствуют данные из метрической книги костела Св. Екатерины: «Франц Бём из Песта, Венгрия, сын Михаэлиса и Анны урожд. Дорфмейстер сочетается браком с девицей Марией Моравек,

дочерью Леопольда и Анны урожд. Махо Гросентес. Свидетели Фердинандус Гиделло и Иоганнес Ронко»²⁷⁶.

Рис. 89. Римско-католическая церковь Св. Екатерины

После возвращения из свадебного путешествия они продолжают концертировать вместе: 23 марта 1816 года (Бём с женой Марией исполнял концерт для двух скрипок), 17 марта 1817 года (Бём с женой играл фантазию для двух скрипок с оркестром и хором Die Toene Фукса), 1818 год (Бём с женой, месса), 13 марта 1819 года (Бём с Маурером и с женой). Уже в двадцатые годы концерты также проводились: 23 февраля 1820 года (Бём один и с женой), 9 марта 1821 года (Мария Моравек одна), 3 марта 1822 года – новые вариации Маурера (Бём с женой) и 15 марта в большом концерте с Червенко и Майером, который исполнял фантазию Бетховена для фортепиано с хорами²⁷⁷.

²⁷⁶ ЦГИА. Ф. 347. Оп. 2. Д. 9. Л. 40.

²⁷⁷ Список концертов из объявленных в газетах любезно сообщён автору старшим научным сотрудником сектора музыки Российского института истории искусств, канд. искусствоведения Г. В. Петровой.

Энергия и талант Марии Моравек вдохновили и поддержали Франца Бёма, колебавшегося в выборе дальнейшего пути, – с 1816 года он вновь начал служить в Императорских театрах.

Выступала с концертами и Мария, хотя семья и рождение детей отвлекали её.

У них было четверо детей – Адольф, Анна, Мария-Анна и София.

Адольф учился в Петришуле в одном классе с Николаем Бенуа²⁷⁸, впоследствии стал городским врачом в Херсоне, коллежским асессором [2].

Анна в 1834 году была определена к 16-летней княжне Марии Николаевне в камер-юнгферы, т. е. в младшие фрейлины²⁷⁹, вместе со своей тётёй, Юстиной Моравек. Княгиня Мария Николаевна, любимая дочь Николая I, была очень музыкальна, хорошо пела [95, с. 159].

Мария (Мария-Анна (?), 1819–1896) в 1842 вышла замуж за Георга Вольдемара Кантора и стала матерью великого математика Георга Кантора.

Ещё один ребёнок Франца и Марии Бём, Францискус, умер младенцем в 1820 году²⁸⁰.

Мария Моравек продолжала выступать, несмотря на свою молодость и семейную жизнь. Она давала концерты до 1821 года. 2 мая 1823 года она умерла в возрасте 28 лет от «грудной болезни»²⁸¹. Похоронена на Смоленском кладбище (рис. 90).

Рис. 90. Смоленское кладбище в Санкт-Петербурге

---

²⁷⁸ ЦГИА. Ф. 272. Оп. 1. Д. 34. Л. 22.

²⁷⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 232. Л. 9.

²⁸⁰ ЦГИА. Ф. 347. Оп. 1. Д. 33. Л. 32.

²⁸¹ ЦГИА. Ф. 347. Оп. 1. Д. 33. Л. 125.

В Петербурге первыми скрипачами-концертистами с начала XIX века последовательно были Иван Ленц²⁸², Пьер Роде²⁸³ (с 1804-го²⁸⁴ по 1807-й²⁸⁵ с жалованьем 5000 рублей в год), Шарль Лафон (с 1 декабря 1808-го по 1815-й²⁸⁶ с тем же жалованьем, что и Роде). В 1816 году после отъезда Лафона освободилось место первого концертиста Императорских театров, и его место занял Франц Бём, прослуживший концертистом в течение 30 лет. После смерти Бёма в 1846 году первым скрипачом с 1846 по 1852 год был Анри Вьетан.

В России слова «концертист» и «концертёр» тогда означали солиста, ведущего в своей группе инструментов, а для скрипачей означали солиста оркестра. К сожалению, при переводе этих терминов на немецкий, а с него на английский и французский языки эти слова превратились в «концертмейстер», «капельмейстер» [69, с. 9] и даже «дирижёр», что искажает истину [102, 108].

Франц заключил контракт скрипача-концертиста с 1816 по 1819 год. После пожара 1811 года в 1818-м открылся Большой театр [26, с. 153–182] (рис. 91).

Рис. 91. Каменный театр и Крюков канал

²⁸² РГИА. Ф. 49., Оп. 1. Д. 73. Л. 27.

²⁸³ Интересно, что дочери капельмейстера девице Роде Анне Елизабет с 1803 по 1824 год Театральная Контора выплачивала пенсион 100 рублей в год. РГИА. Ф. 468. Оп. 16. Д. 2023. Л. 80.

²⁸⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 77. 23 Л., Л. 1,2. Ф. 497. Оп. 17. Д. 82. Л. 50.

²⁸⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 17. Д. 82.

²⁸⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 34. Д. 223. Ф. 468. Оп. 4. Д. 6. Л. 10.

В 1818 году Бём попросил прибавки к жалованью, и новый контракт был заключён уже до 1821 года с жалованьем 4000 рублей ассигнациями, что соответствует приблизительно 1142 серебряным рублям. Согласно условиям, они должны были выплачиваться равными частями каждые два месяца. Сверх того, дирекция Императорских театров ежегодно предоставляла Бёму право в течение Великого поста выступить с одним бенефисным концертом.

В 1822 году Бём жил в доме купца Павла Мораша на набережной реки Мойки, 1-я Адмиралтейская часть, № 136 [5]. (Дом не сохранился. Он находился на месте впадения Крюкова канала в Мойку, рядом с Театральной площадью.)

После наводнения 1824 года (рис. 92) Бём с семьёй переехал на Невский проспект, в дом купца Заветнова (современный адрес: Невский проспект, д. 58, здание перестроено; рис. 93).

Рис. 92. Наводнение 1824 года на Театральной площади

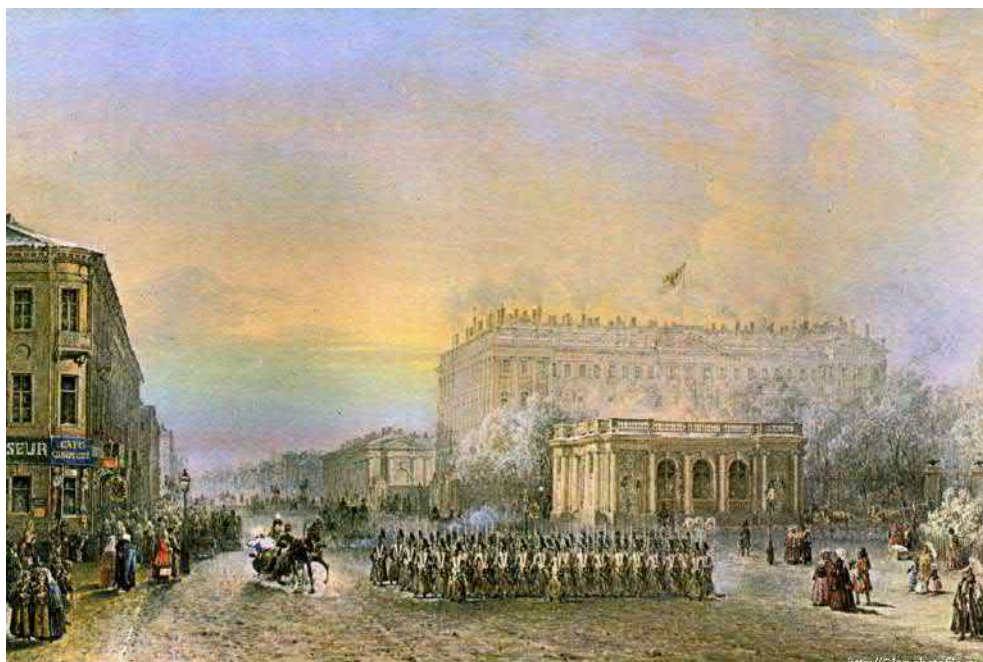

Рис. 93. Невский проспект у Аничкова дворца, слева – дом Бёма

В начале XIX века в Петербурге Императорские театры давали спектакли в Большом каменном театре (см. рис. 67) на Карусельной площади (ныне Театральная), Малом деревянном театре (рис. 94) на месте современного Екатерининского сада, Новом театре у Симеоновского моста и закрытые спектакли в Эрмитажном театре и Таврическом дворце. Немецкий театр с 1814 года располагался в помещении бывшего Кушелевского театра на месте Главного штаба на Дворцовой площади [40]. В 1827 году был построен летний Каменноостровский театр, в 1832-м – Александринский, в 1833-м – Михайловский. Русские, французские, немецкие и итальянские труппы Императорских театров попеременно выступали в этих помещениях.

От дома Голлидея (современный адрес: канал Грибоедова, д. 97) и соседних с ним домов (в их числе дом 93 по Екатерининскому каналу, ныне Грибоедова, – дом портного Кребса – театральная школа), где жили актёры и музыканты, отъезжали «кареты на развозку актёров и музыкантов в Большой театр (русская труппа), Эрмитаж (французская труппа), Таврический дворец, Малый театр (балетные, русские актёры, французские актёры),

музыканты на маскарад, немцы – в Малый театр»²⁸⁷. Молоденьких актрис и учениц театральной школы везли в каретах по шесть человек. Их сопровождали чиновник и классная дама, чтобы оградить от бурного восторга поклонников. «Выждав, когда тронутся кареты, буквально набитые девочками, обожатели тотчас начинали перегонять кареты и отыскивать, где сидят их возлюбленные, которые сами тотчас же высовывались в окна карет. Тогда обожатели подъезжали, начинали разговор, передавались конфеты, фрукты и разные подарки, как то: серьги, браслеты, колье и прочее. Тут обыкновенно происходили разные сцены с классными дамами, которые сидели в каретах с девочками и театральными чиновниками, сопровождавшими поезд. Разумеется, что все слова, просьбы и угрозы классных дам и чиновников оставались без успеха» [31, с. 449].

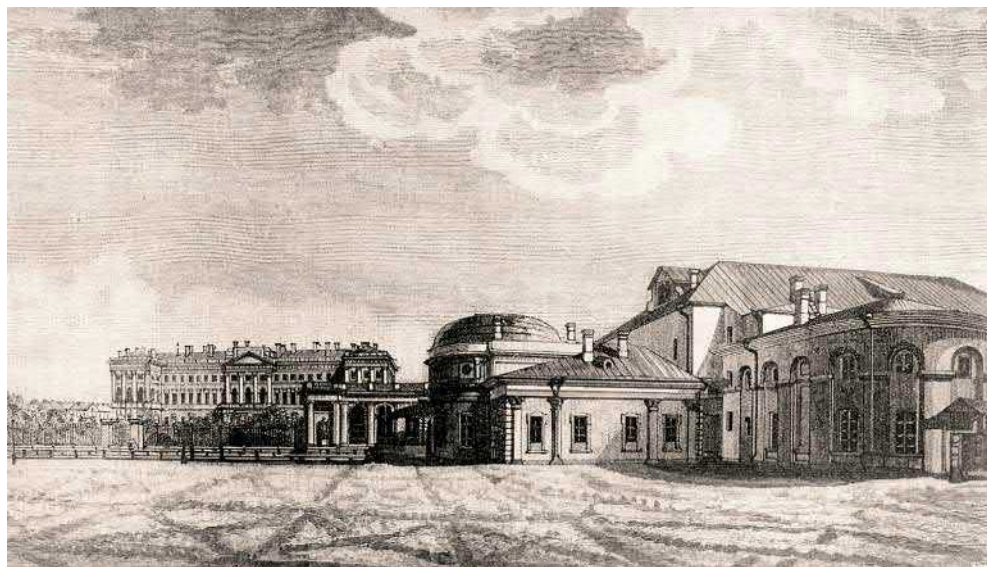

Рис. 94. Малый театр (ныне площадь Островского)

Нижний этаж дома Голлидея занимал известный «Северный трактир», или «Отель дю Норд», второй этаж предоставлялся приезжим.

В 1818 году закончился ремонт Большого театра после пожара 1811 года, и там возобновились спектакли.

---

²⁸⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 55. 294 л., л. 252–276.

На театральных афишах того периода выделяется участие в спектаклях Франца Бёма. Например, 10 ноября 1817 года: «На Малом театре немецкими придворными актёрами представлен будет ТАНКРЕД, большая героическая опера в трёх действиях, с принадлежащими к ней хорами, музыка сочинения Иоахима Россини, в которой г. Бём первый концертист будет играть СОЛО на скрипке».

Танкред шёл 27 октября и 3 ноября 1817 года, 18 апреля и 2 декабря 1818 года. Из рецензии на «Танкреда»: «Романтические и чувствительные краски смешиваются с мрачными и меланхолическими оттенками их характеров. Опера „Танкред“ со дня на день более приобретает успеха, и зрители при беспрестанно раздающихся „браво“ требуют повторения многих мест из оной»²⁸⁸. «САНДРИЛЬОНА [„Золушка“] – опера в трёх действиях, музыка сочинения капельмейстера Штейбельта, балеты сочинения г. Вальберха, в которой г. Бём, первый концертист, будет играть на скрипке соло». То же об опере «Пигмалион» (17 августа и 24 июля 1818), «Ромео и Юлия», опера Штейбельта в Малом театре: «Соло на скрипке будет играть первый концертист г. Бём. 20 октября 1819 года»²⁸⁹.

Возможно, именно его скрипка звучит в первой главе «Евгения Онегина»:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан советёт, то разовьёт,
И быстрой ножкой ножку бьёт.

С 1819 по 1821 год Бём был учителем М. И. Глинки (рис. 95). Сначала оба были недовольны. Вот как вспоминает об этом Глинка, пародируя немецкий акцент Бёма: «На скрипке дело шло не так удачно. Хотя учитель мой, первый концертист Бём, играл верно и отчётливо, однако не имел дара

²⁸⁸ Невский зритель. – 1821. – Ч. 5, февраль. – С. 212–213.

²⁸⁹ РГИА. Ф. 497. Оп. 15. Д. 1. 264 л.

передавать другим своих познаний и, когда я дурно владел смычком, говорил: „Messier Klinka fous ne chouerez chamois du fiolon“ („Г-н Глинка, вы никогда не будете владеть скрипкой“) [18, с. 219]. Но впоследствии, в 1822–1823 годах, Глинка пишет: «С Мейером и даже Бёмом, напротив того, я быстро успевал» [18, с. 222].

В 1836 году Глинка написал специально для Бёма solo в «Иване Сусанине»: «Кроме польского, краковяка, мазурки и Pas de quatre (A-dur) я подзаготовил было ещё два других па, между прочим, одно E-dur, в котором было solo для Бёма, другое па C-dur для гобоя и вьолончели» [18, с. 272].

Среди других учеников Бёма – А. Ф. Львов, А. Н. Верстовский²⁹⁰ (рис. 96), Н. И. Бахметев, члены царской семьи [9, с. 73].

Рис. 95.
М. И. Глинка в 1824 г.

Рис. 96.
А. Н. Верстовский

Бём стал очень популярен, его приглашали выступать на концертах, в салонах, в музыкальных собраниях. О его прекрасной игре много писал Одоевский.

Львов с 1828 года основал собрание «Музыкальная академия», с 1835 года начались еженедельные концерты квартета, в котором иногда играл Бём. С 1837 года Львов стал директором придворной Певческой капеллы [37, с. 332].

---

²⁹⁰ Верстовский учился игре на скрипке у Бёма и Маурера [81, с. 21].

Позже контракт Франца переоформлялся еще несколько раз. Так, в 1821 году он подписал его на один год и обязывался не только играть на концертах, но и обучать игре на скрипке воспитанника театрального училища Рамазанова^{xlii}. Занятия проводились два раза в неделю, за что Франц Бём получал дополнительно 600 рублей в год ассигнациями²⁹¹. В 1822 году скрипач просил переоформить условия работы ещё раз, до 1826 года. На этот раз это было связано с условиями выплаты пенсий для иностранцев. И Франц хотел получить его в размере 1/3 от жалованья. По правилам пенсии на него можно было рассчитывать по выслуге 12 лет, а после 18-летней выслуги полагался пенсион в размере половинного жалованья. Это правило относилось к иностранцам на русской службе, причём пенсион им перечисляли даже на родину. Если музыкант продолжал работать, пенсион выплачивался дополнительно к жалованью. В особых случаях пенсион назначался по именному указу в размере полного жалованья. По этим условиям скрипач проработал до 1826 года, когда попросил от дирекции отпуск в Ревель на июнь и июль²⁹². С 27 декабря 1827 года по 1 марта 1828 года Франц Бём выступал в Москве²⁹³.

Сёстры Моравек были дружны и поддерживали друг друга. После смерти Марии Моравек в 1823 году её сестра София (1798–1866) заботилась об осиротевших детях. Год спустя, в июле 1824 года, она стала женой Франца Бёма²⁹⁴. На свадьбе присутствовали Фердинанд Гиделло, лейтенант Ленуэн и статский советник Николай Михайлович Яновский. Венчались в костёле Св. Екатерины.

В феврале 1825 года родился их первый сын Людвиг, будущий скрипач и профессор консерватории. Потом у Софии и Франца родилось ещё двое: Юлия и Максимилиан. Жили они на Офицерской улице, д. 34. Этот дом до наших дней не сохранился, на его месте построили новое здание Мариинского театра.

Признание пришло к Бёму во втором десятилетии XIX века. Мы можем это видеть по анонсированию его имени в театральных афишах.

Его выделяли среди петербургских музыкантов, сравнивали с гастролёрами. Например, Фаддей Булгарин, желая похвалить гастролёра-скрипача Фердинанда Давида (ученика Шпора), выступавшего в Петербурге

²⁹¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 148. Л. 6.

²⁹² РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 148. Л. 18.

²⁹³ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 148. Л. 19–21.

²⁹⁴ ЦГИА. Ф. 347. Оп. 1. Д. 60. Л. 78.

с 1829 по 1835 год, писал: «После Бёма и одного известного любителя Л[ьвова] г. Давид есть, без всякого сомнения, первый скрипач в Петербурге» [19, с. 156].

В общей сложности Бём переоформлял контракт скрипача-концертиста ещё три раза. Также он продолжал преподавание. В 1833 году он был определён учителем по игре на скрипке к ученику Здраевскому с оплатой 600 рублей в год за два занятия в неделю и назначен инспектором над классом с оплатой 4000 рублей в год²⁹⁵. В 1834 году заслуги Бёма были особо отмечены капельмейстером Императорских театров Катерино Кавосом. Он просил оказать особое уважение Францу как находившемуся большую часть жизни в службе. По всей видимости, при его активном участии Бём получил в 1832 году пенсион половинного жалованья за выслугу в 18 лет. Кавос дал высокую оценку службе Бёма: «При отличном и известном таланте службу свою исправляет с большим усердием»²⁹⁶.

В 1834 году Бёма назначили инспектором над музыкальным скрипичным классом в театральном училище с жалованьем в 4000 рублей: «Для усовершенствования музыкального скрипичного класса в Театральном училище предписываю Конторе по отличным способностям концертиста Бёма и изъявленному им согласию назначить его инспектором над сим классом, оставив по-прежнему и концертистом с теми же самыми обязанностями, кои пред сим были им исполняемы, за что приносить ему жалованье ежегодно по четыре тысячи рублей, начав выдачу оного со дня пожалованья, т. е. 23 ноября 1834 года»²⁹⁷.

В 1835 году он обязуется «в благодарность» за пожалованный пенсион ещё три года играть на скрипке в операх, балетах, соло, квартетах, концертах. За эти труды дирекция сохраняла ему прежнюю оплату²⁹⁸.

В течение почти 30 лет Франц Бём был первой скрипкой Петербурга: играл в театральном оркестре, давал сольные концерты, играл в ансамблях. Все это время он оставался австро-венгерским подданным (в контракте 1835 года назван венгерским подданным, в контракте 1845-го – австрийским²⁹⁹) и российского подданства не принимал³⁰⁰.

---

²⁹⁵ РГИА. Ф. 498. Оп. 1. Д. 532. 3 л.

²⁹⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 601. Л. 42.

²⁹⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 148. Л. 48.

²⁹⁸ Там же. Л. 48.

²⁹⁹ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 148. Л. 52.

³⁰⁰ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 148. 78 л.

Большой труд и возрастающая популярность отражены и в театральных афишах. Так, в анонсировании опер «Танкред» Россини и «Сандрильоны» и «Ромео и Юлия» Штейльбельта отдельной строкой упоминается, что «соло на скрипке будет играть г. Бём»³⁰¹.

В 1835 году он проживал по адресу: 3-я Адмиралтейская часть, 1-й квартал, № 335 (рядом с Театральной площадью, дом не сохранился), с женою Софиею и детьми Анною³⁰², Мариєю, Софиею, Людвигом и Юлиею³⁰³.

Франц Бём много играл в домашних собраниях. Проводил он концерты и у себя. «Регулярно в течение многих лет бывали квартетные собрания у „первого концертиста“ Императорских театров скрипача Ф. Бёма» [22, с. 283], – свидетельствуют в своей книге «Пушкинский век» ее авторы А. М. и М. А. Гордины.

Считается, что благодаря Ф. Бёму в Петербурге прозвучали все квартеты Бетховена [69, с. 9]. Однако вопрос этот остается спорным, ибо исполнение было не публичным, а салонным и документальные подтверждения можно найти только в записях современников. Но несомненная заслуга Бёма состоит в том, что он познакомил петербургскую публику с музыкой Вены. Франц был в курсе всех венских новинок, особенно музыки Бетховена, благодаря своему венскому брату Йозефу.

Играл Франц и собственные сочинения³⁰⁴.

Остались и свидетельства о выступлении Бёма в доме Филармонического общества Энгельгарда. С открытия после ремонта 8 февраля 1830 года каждую субботу стали проводиться концерты. «10 марта, в программе г. Бём будет играть на скрипке Адажио и полонез, соч. г. Мауера. Цена билета 5 руб.» [22, с. 283].

В 1838 году Виельгорские с Жуковским организовали выкуп из крепостной неволи Т. Шевченко (рис. 97). Об этом Тарас Шевченко рассказал в повести «Художник», в которой его герой слушает игру Франца Бёма на музыкальном вечере у Фицтума³⁰⁵.

³⁰¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 15. Д. 1. 264 Л.

³⁰² Анна с 15 ноября 1834 года как камер-юнгфера великой княгини Марии Николаевны жила в Зимнем дворце. Её жалованье было 400 рублей, столовых денег 1460 рублей в год (РГИА. Ф. 472. Оп. 2 (16/850). Д. 743. 38 Л.). 17 декабря 1837-го в Зимнем дворце случился пожар, после чего пострадавшим были выплачены вознаграждения, в их числе камер-юнгфере Анне Бём 1500 рублей (РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1123. Л. 36–37).

³⁰³ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 148. Л. 52–53.

³⁰⁴ Санкт-Петербургские ведомости. – 1825 – 17 февраля. – С. 169.

³⁰⁵ Александр Иванович Фицтум, инспектор студентов Петербургского университета.

В. Ф. Одоевский (1803 – 1869; рис. 98) очень любил игру Бёма и называл смычок Бёма «шёлковым луком Амура» (1833 год, [62, с. 107]).

Рис. 97. Тарас Шевченко

Рис. 98. В. Ф. Одоевский

В 1837 году он писал [62, с.131]: «17 марта, в среду, в той же самой зале Филарм. Об-ва будет концерт г. Бёма, нашего любимого скрипача, которого правильная, верная и одушевлённая игра всегда вполне удовлетворяет музыканта»; «Мы услышим ещё неизвестную здесь увертюру Маршнера (Hans Heiling) и малоизвестную Мендельсона-Бартольди (Les Hebrides), отличающуюся, подобно другим произведениям сего юного и уже знаменитого музыканта, оригинальностью мотивов и огненной инструментацией. В сей же вечер г. Бём будет играть концерт Маурера, которого музыку он так хорошо понимает. В сём же концерте мы услышим г. Брода на гобое, Киприяна³⁰⁶ Ромберга на виолончели³⁰⁷ и, наконец, молодого Бёма (Людвига) на скрипке; этот молодой артист, который ещё в прошедшем году подавал столь блистательные надежды, будет играть вариации Берлио. Окончим эти строки благодарностью г. Бёму за то, что он, несмотря на свой истинно великий талант, не прибавляет, подобно многим другим, цены за вход в свои концерты, его билеты – по 5 р.».

---

³⁰⁶ Племянник и ученик Бернгарда Ромберга.

³⁰⁷ Сын Бернгарда Ромберга – Карл Ромберг – тоже играл на виолончели, часто вместе с отцом, например 1 апреля 1825 года (Санкт-Петербургские ведомости. – 1825. – 1 апреля. – С. 610).

Из рецензии Одоевского на концерт Бёма 1837 года: «В концерте Бёма мы отдохнули ото всех ужасов новейшей скрипичной школы. Как верна, как отчётлива, как благородна игра г. Бёма! В ней нет ни тени шарлатанства, а одно постоянное уважение и бескорысная любовь к искусству. В этом концерте прекрасные увертюры, прекрасный выбор других пьес, лучшие артисты – все слушатели вышли довольными, а цена за вход не более 5 рублей; в зале нельзя было повернуться от многочисленного стечения слушателей; добрый урок некоторым концертистам, которые думают возвысить свой талант ценою кресел!» [62, с. 139].

В рецензии на концерт 1837 года норвежского скрипача Уле Буля Одоевский не может себе отказать в том, чтобы не упомянуть и концерт своего любимого скрипача Франца Бёма: «Скрипичные концерты, следовавшие на сей неделе один за другим, убедили всех в давно доказанной истине, что каждая музыкальная школа имеет своего рода прелести и что хороший музыкант, к какой бы школе он ни принадлежал, всегда доставляет слушателям наслаждения. Мы слушали классическую игру г-на Бёма. Общие рукоплескания невольно раздавались по всей зале и приветствовали его верное, благородное пение, его отчётливость в самых трудных пассажах. Из благодарности отцу рукоплескали и сыну, который, нечего сказать, очень хорошо сыграл фантазию г-на Арто (правда, значительно облегчённую), но признаемся – не любим мы детей на сцене! Дитя может играть хорошо, верно, ему бывает это очень полезно, ибо приучает его не робеть перед публикой (сухая беда для скрипача!), но никогда ребяческая игра не может удовлетворить другого чувства, кроме любопытства, а для музыки этого мало» [62, с.169].

Нестор Кукольник писал о доме Энгельгардта: «Когда это помещение было отстроено, весь Петербург сбегался посмотреть на это новое, удивительное, несравненное явление. Весь город был полон слухами про готическую и китайскую комнаты. А в зале – кого мы там не переслушали: Бёма, Уле Буля, Липиньского, Вьетана, Сивори, Прюма, Эйхсгорнов, Виардо-Гарсия, Шоберлехнер, Кастеллан, Тамбурины, Рубини, Тальберга, Дрейшока, Листа и проч.» [9, с. 129].

Первые годы Бём жил на набережной Крюкова канала у театра, затем на Офицерской улице, д. 34 (на месте нынешнего Мариинского-2).

В 1844 году его адрес: Офицерская улица, в доме Рашет № 14 (Франц Бём, концертист немецкого театра [1]), сейчас улица Декабристов, д. 13, между Фонарным и Прачечным переулками (рис. 99). Вместе с ним жил его сын Людвиг – тогда оркестрант немецкого театра.

Рис. 99. Дом Бёма на улице Декабристов, д. 13

В 1825 году Бём переехал на Невский проспект, ныне это дом 58 (см. рис. 93). Возможно, это было связано с наводнением 1824 года, когда пострадали дома вокруг Театральной площади, где жила семья Бём, а возможно, с тем, что его старший сын Адольф начал учиться в Петришуле³⁰⁸ (Невский проспект, д. 22), к которой они и переселились поближе. В «Санкт-Петербургских ведомостях» помещено объявление: «В среду 25 февраля г. Бём, первый концертист Императорских театров, будет иметь честь давать в зале бывшего Филармонического общества, на Невском проспекте, близ Казанского моста, большой вокальной и инструментальной концерт, в котором он будет играть на скрипке концерт своего сочинения и новую Польскую, сочинения господина Маурера. Билеты по 5 рублей можно получить в квартире господина Бёма на Невском проспекте, против Малого театра, в доме купца Заветнова, под № 29, равно как в музыкальном магазине господина Пеца в Большой Морской под № 125»³⁰⁹.

В последующих номерах газеты (от 4, 5 и 18 марта) – объявления о концертах с участием Бёма и Маурера в бывшем Филармоническом зале³¹⁰, в ста-

---

³⁰⁸ ЦГИА. Ф. 272. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

³⁰⁹ Санкт-Петербургские ведомости. – 1825. – 17 февраля. – С. 169.

³¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. – 1825. – 4 марта. – С. 195.

ром Филармоническом зале у Казанского моста³¹¹. В газете от 31 марта приводится рецензия на концерт от 16 марта и с сожалением сообщается о том, что «за нечаянною болезнию господина Бёма, который был готов участвовать в концерте, Каталани вызвалась заменить время, для него назначенное, и пела la Placida Campragna». В апреле Каталани тоже давала концерты³¹².

Заметим, что цены на билеты театральной дирекции стоили 10 рублей [37, с. 332], что было очень дорого. На частные концерты билеты, как правило, стоили по 5 рублей, концертодатель бывал удовлетворён, если продано хотя бы 100 билетов. В 1840–1850 годы по 1 рублю стоили билеты на общедоступные концерты в университете. За концерты в домах меценатов исполнитель мог получить значительно больше, чем за выступление в арендуемом зале, хотя случалось выступать и бесплатно.

Публичные и салонные выступления Ф. Бёма получили широкий отклик в различных свидетельствах современников. А. С. Даргомыжский (рис. 100) не без хвастовства пишет о своей юности: «В 1830 годах я был уже известен в петербургском обществе как сильный пианист. Шоберлехнер называл меня первым своим учеником. Ноты я читал как книгу и участвовал во многих любительских концертах. В квартетах я исполнял вторую скрипку и альт, можно сказать, безукоризненно. Лучшие артисты, как то: Бём, Мейнгардт, Ромберг, оставались мною довольны» [27, с. 341–342].

Рис. 100.

А. С. Даргомыжский

Концерты скрипача удостаивались и рецензий в ведущих периодических изданиях.

В. Ф. Одоевский отмечал в 1837 году: «Как верна, как отчетлива, как благородна игра г. Бёма!» [62, с. 143–144]. В следующем году он написал ещё одну рецензию в «Северной пчеле»: «Бём истинно утешил нас прекрасно сыгранной пьесой Берлио. Какая верность интонации в самых критических пассажах – ни на волосок фальши, и какое благородство в пении, какая тягучесть в легато! До нас дошло, что, когда г-н Бём кончил свою пьесу, один любитель музыки сказал громко: „Слава Богу! Наконец-то мы услышали скрипку!“» [62, с. 157].

³¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. – 1825. – 18 марта. – С. 262.

³¹² Санкт-Петербургские ведомости. – 1825. – С. 234, 359.

Ф. Бём умер 16 февраля 1846 года. Причина смерти, указанная в формулярном списке, – «ослабление нервов». Там же написано: «...подданный императора Австрийского, родом из города Пест в Венгрии, имевший от роду 57 лет, оставил жену Софию (урождённую Моравек), четверо детей от первого брака Адольфа, Анну, Марию и Софию и трое детей от второго брака Людовика, Юлию и Максимилиана»³¹³.

После смерти Франца Бёма в 1846 году его вдова, София, ходатайствовала о пенсии для себя и малолетнего сына Максимилиана. В итоге ей было назначено 1/2 пенсии мужа, а сыну – 1/3 и единовременное пособие в 286 рублей 50 копеек³¹⁴. Старшему сыну Людвигу был назначен пенсия по день смерти матери 285 рублей 71 копейка. В 1850 году София написала прошение об определении сына Максимилиана в гимназию.

Виды на жительство после смерти Бёма из членов его семьи выдавали только его сыну Людвигу Эдуарду Бёму, состоявшему на службе при дирекции театров. София жила вместе с сыном Людвигом. Умерла от удара 21 июня 1866 году и похоронена в могиле вместе с мужем³¹⁵.

Сообщение о смерти Бёма было помещено 26 февраля 1846 года в «Московских ведомостях»: «На днях умер в С.-Петербурге, к общему сожалению всех знавших его и многочисленных читателей его необыкновенного таланта, первый концертист Императорских театров Франц Бём, принадлежавший к числу примечательнейших виртуозов на скрипке»³¹⁶. О смерти Бёма записано в книге погребённых римско-католической церкви Св. Екатерины. Похоронены все представители этого поколения семьи Бёмов на Смоленском католическом кладбище.

Портрет Франца Бёма в профиль найден нами недавно в Отделе эстампов РНБ. Это литография Готлиба Кислинга³¹⁷ с портрета, сделанного Францем Крюгером (см. рис. 87).

Франц Крюгер, модный немецкий портретист, любимец Николая I, приезжал в Петербург в 1832, 1836 и 1844 годах. Он писал членов царской

---

³¹³ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 148. 78 л., л. 58.

³¹⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 148. Л. 59.

³¹⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 148. 78 л.

³¹⁶ Московские ведомости. – 1846. – 26 февраля. – С. 68.

³¹⁷ Готлиб Кислинг, гравёр, работал в Таллине и Петербурге. «В 1804 году золотых дел мастер Иоганн Кислинг, сын повивальной бабки, проживавший во 2-й Адмиралтейской части, Большая Мещанская ул., Демидов переулок, в доме вдовы Ломейер под № 75, оставил наследство» (Санкт-Петербургские ведомости. – 1804. – С. 325).

фамилии, офицеров и дворян, исполняя по два-три портрета за день. Его ценили за доведённые до приятного фотографического сходства работы. За каждый портрет ему платили 1500 рублей серебром.

Известно его большое полотно «Парад в Берлине» 1831 года: Николай I дал русскому художнику Григорию Чернецову «лестное поручение написать вид, изображающий парад на Царицыном лугу, в ту меру, как написана известная картина Крюгера парад в Берлине»³¹⁸.

Франц Бём благодаря своим заслугам на картине братьев Григория и Никанора Чернецовых «Парад на Царицыном лугу» (рис. 101) был вынесен в число важнейших людей Петербурга.

Рис. 101. Парад на Царицыном лугу в Петербурге.
Григорий и Никанор Чернецовы

На переднем плане полотна – группа горожан, любующихся парадом. Среди них Пушкин, Жуковский, Крылов, дворяне, артисты, художники, музыканты – всего 223 человека – весь цвет Петербурга. Правее группы с Пушкиным среди музыкантов и артистов стоит Франц Бём (персонаж № 185 по росписи; рис. 102, 103).

³¹⁸ Отчёт комитета Общества поощрения художников за 1829, 1830 и 1831 годы (Санкт-Петербург, 1832. – С. 7, 8 [6, с. 31]).

Рис. 102. Фрагмент с отмеченным
Францем Бёмом

Рис. 103. Фрагмент
с Францем Бёмом (крупно)

2.2.8. Людвиг Бём, профессор консерватории

Людвиг Эдуард Бём (1825–1904; рис. 104) принадлежит уже ко второму поколению уникальной семьи скрипачей. Он был сыном Франца Бёма от его второго брака с Софьей Моравек, родился в Петербурге 3 февраля 1825 года. Игре на скрипке он учился в Вене у своего дяди Йозефа Бёма. Такое образование в послужном списке музыканта отмечено как «домашнее образование»³¹⁹. Выступал вместе с отцом с 11-летнего возраста, с 17 марта 1837-го. Одоевский писал: «В этом концерте мы с удовольствием слушали молодого (Людвига) Бёма. Скажите, до чего скоро дойдёт игра на инструментах? Посмотрите: дитя, а какой живой, сильный смычок, какая уверенность (*aplomb*) в приёмах, какая точность в самых трудных пассажах! Право, недалеко то время, когда игра на инструментах сделается столь же обыкновенною, как чтение книги. Будут и тогда хорошие и дурные чтецы, но возможность чтения сделается доступной всякому» [62, с.139].

³¹⁹ ЦГИА. Ф. 361. Оп. 11. Д. 150. Л. 15.

Рис. 104. Людвиг Бём³²⁰

В 1844 году Людвиг закончил свое обучение и 1 мая того же года был принят в Императорский оркестр в Петербурге скрипачом с жалованьем 400 рублей в год³²¹. Его служба в оркестре отражена в послужном списке 1844–1876 годов.³²² В 1850 году он ездил в отпуск в г. Гапсал «на морские ванны», в 1854 году просил пенсион за выслугу лет в размере 571 рубль 44 копеек. В 1856 году вывихнул руку и, как следствие, получил рожистое воспаление. В 1860 году просит отпуск в Арнсбург для лечения ревматизма. В 1863 году провёл отпуск в Старой Руссе на лечении. В 1864 году с первой скрипки переведён на вторую с увеличением жалованья. В 1865-м просил отпуск для поездки на минеральные источники. Имел аттестат артиста Императорских театров как артист-скрипач с ежегодным пенсионом 571 рубль 44 копейки из кабинета его величества.

В 1854 адрес Людвигу Эдуарда Бёма: 4-я часть, Офицерская улица, д. 34, рядом с Большим театром [71, с. 27]. Он жил с матерью и женился только после её смерти в 1866 году.

³²⁰ Приношу благодарность А. А. Алексееву-Борецкому, директору музея консерватории, за эту фотографию.

³²¹ ЦГИА. Ф. 347. Оп. 1. Д. 9. 13 л.

³²² РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 9754.

5 июля 1867 года в Морском Богоявленском соборе он вступил в брак с Елизаветой Меркурьевной Эндауровой³²³ (1843–1914; рис. 105), дочерью пошехонского помещика коллежского асессора Меркурия Николаевича Эндаурова. Она была художницей. Ее работы (изображения детей, рождественские и пасхальные открытки, силуэты; рис. 111–113) были популярны в конце XIX – начале XX века. Людвиг Бём поддерживал увлечения жены.

Рис. 105. Елизавета Бём

2.2.9. Жени́тба и работа в консерватории. Художница Елизавета Бём

Подруга Елизаветы, С. Лаврентьева, приводит в своих воспоминаниях слова скрипача: «Знаете, смотря на те прелестные произведения кисти Елизаветы Меркурьевны, которые она, бывало, показывала мне во время моих к ней посещений, я не раз думал о том, что я не столько был бы удовлетворен, если бы жена моя была, например, музыкантшей, и я, вернувшись из консерватории, ещё полный частично фальшивыми звуками моих учеников, встречал бы и дома опять хотя бы и хорошие, но всё же музыкальные звуки, а тут я прямо отдыхаю на её рисунках» [45, с. 6–7].

---

³²³ Автобиография Е. М. Бём. ОР РНБ. Ф. 124. Д. 395.

Елизавета Меркурьевна происходила из дворян Пошехонского уезда Ярославской губернии. Её семья владела фарфоровым заводом. Елизавета родилась в Петербурге, в 1864 году окончила рисовальную школу при Академии художеств. Её учителем был Крамской. Она рисовала силуэты, иллюстрировала детские сказки и журналы для детей, книги Тургенева, Толстого. Особенно хорошо удавались ей изображения детей. Сейчас коллекционеры ценят её рождественские и пасхальные открытки, которые в конце XIX – начале XX века заполняли эпистолярный мир России (рис. 106–108).

Рис. 106. Е. М. Бём. Рисунок из серии
«Силуэты из жизни детей»

Елизавета Меркурьевна писала портреты коллег Бёма. В РГАЛИ (Пушкинский Дом) хранится её переписка с П. Виардо, В. Стасовым, А. Патти³²⁴, а также портреты А. Г. Рубинштейна³²⁵ и И. А. Гончарова её работы.

³²⁴ РГАЛИ. Ф. 340.

³²⁵ РГАЛИ. Ф. 137. Д. 65.

Рис 107. Е. М. Бём. «Из деревенских воспоминаний»

Рис. 108. Е. М. Бём.
Открытка из серии «Поговорки и присказки»

Жили супруги поначалу неподалеку от Франца Бёма – на Офицерской улице, д. 29, кв. 12. Потом они переезжали в дом 22 по той же улице, а еще позднее – на Могилевскую улицу, д. 20, кв. 15. У Людвиг и Елизаветы была единственная дочь, тоже Елизавета, родившаяся 6 апреля 1868 года.

В 19 лет (в 1887 году) дочь Бёма, Елизавета, была повенчана в церкви Св. апостолов Петра и Павла при Санкт-Петербургском университете с инспектором студенчества Николаем Григорьевичем Барсовым. У неё родилось двое сыновей, она рано овдовела.

В 1875 году заболел Йозеф Бём, дядя Людвиг. В связи с этим 10 февраля племянник просит предоставить ему отпуск к 19 февраля на 14 дней в 1875 году и 3 марта 1876 года на три недели: «...дядя мой, проживающий в Вене, сильно болен и по первому вытребованию (телеграммою) я должен буду отправиться к нему»³²⁶. 28 апреля 1876 года Людвиг просит уволить его от службы в оркестре и полностью переходит на службу в Санкт-Петербургскую консерваторию³²⁷.

Его деятельность изложена далее по «Делу преподавателя консерватории Л. Ф. Бёма»³²⁸.

На службе в консерватории он числился последовательно сверхштатным преподавателем (1870), старшим сверхштатным преподавателем (1876), сверхштатным профессором (с 1879). За свои уроки он получал жалование поурочно. В ходе службы он был пожалован кавалером ордена Св. Станислава в 1883-м и орденом Св. Анны 3-й степени³²⁹. Во время работы в консерватории, в 1882 году, Людвиг Бём первый из семьи скрипачей получил подданство России. А 20 мая 1896 года принял православие (свидетельство о крещении № 242).

В архиве консерватории есть учебная нагрузка преподавателей за 1882–1883 годы³³⁰. Современные преподаватели поймут моё недоумение: Римский-Корсаков – 8 часов в месяц, Ауэр – 3 часа в месяц (плата не установлена), Бём – 5–6 часов в месяц (оплата почасовая, 75 рублей). В оркестровом отделе состояло 130 учеников и 7 учениц, всего посещали классы 261 ученик и 510 учениц³³¹, сколь же мало учебного времени уделяли им преподаватели!

³²⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 9754. 69 Л.

³²⁷ ЦГИА. Ф. 361. Оп. 9. Д. 9. 13 Л.; ЦГИА. Ф. 361. Оп. 11. Д. 150. 66 Л.

³²⁸ ЦГИА. Ф. 361. Оп. 9. Д. 9. 13 Л.; ЦГИА. Ф. 361. Оп. 11. Д. 150. Л. 15, 21.

³²⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 87. Л. 369 об.

³³⁰ ЦГИА. Ф. 361. Оп. 11. Д. 150. Л. 47.

³³¹ ЦГИА. Ф. 361. Оп. 11. Д. 150. Л. 25.

До 1901 года Людвиг Бём вел два класса – специальный класс игры на скрипке и совокупной (или совместной, т. е. ансамблевой. – Г. С.) игры на скрипке. Но 9 мая 1901 года 76-летний Бём пишет прошение в управление консерватории на имя директора Бернгарда: «Многоуважаемый Август Рудольфович! Чувствуя, что я уже не в силах более заниматься со своим специальным классом, как это было раньше, а следовательно, и не могу более принести желаемую пользу, считаю своим долгом отказаться от него. Но в то же время служа более 30 лет в консерватории, я так с нею сроднился, что мне трудно сразу порвать, а потому я прошу оставить за мной совместный класс»³³².

Людвиг Бём наиболее ярко описан в письмах С. Лаврентьевой, подруги его жены: «Людвиг Францевич Бём, венгерец по происхождению, но совсем обрусевший, был очень образованный человек, талантливый скрипач и прекрасный преподаватель, бывший в Петербургской консерватории сначала адъюнктом Ауэра, а потом и профессором. Свое музыкальное образование он получил в Венской консерватории и жил тогда у своего дяди, знаменитого профессора скрипки Иосифа Бёма, бывшего другом Бетховена и учителем целой плеяды известных скрипачей, как: Иохим, Лауб, Минкус, Эрнст и др., между которыми был и учитель Ауэра. Особенно дружный с Иохимом, Людвиг Францевич вместе с ним и жил у своего дяди, Бёма. Когда Л. Ф. был уже женат, он получил в наследство от дяди знаменитую скрипку Stradivarius и письмо Бетховена» [45, с. 6].

7 июня 1904 года Людвиг Бём умер и похоронен на Новодевичьем кладбище. Запись о смерти сделана вице-настоятелем римско-католической церкви Св. Екатерины в паспорте, приобщённом к делу преподавателя консерватории Бёма³³³. По какому обряду хоронили Людвиг – католическому или православному, неясно. Вдова скрипача обращалась в дирекцию Российского музыкального общества в 1909 году с просьбой о пенсии. В ходатайстве дирекции указано, что Людвиг прослужил в консерватории 33 года и воспитал целую плеяду музыкантов: Э. Млынарского, впоследствии директора и профессора консерватории в Варшаве; И. Малкина, впоследствии преподавателя Виленского музыкального училища, первого учителя Я. Хейфица; Швачкина, участника квартета Общества камерной музыки в Петербурге; Теца – артиста оркестра Императорской румынской

---

³³² ЦГИА. Ф. 361. Оп. 9. Д. 9. Л. 53.

³³³ ЦГИА. Ф. 361. Оп. 9. Д. 9. 13 Л.

оперы; Френкеля. Бём много способствовал подготовке учащихся для перехода на высший курс класса Ауэра, адъюнктом которого он состоял и которого заменял на время отсутствия. С сожалением отметим, что в книге Леопольда Ауэра (тоже венгра по рождению) «Моя долголетняя музыкальная жизнь» [7] ни слова не говорится о Бёме, хотя в РГАЛИ хранятся два письма Ауэра к Л. Ф. Бёму³³⁴, а также письмо Э. Ф. Направника к Бёму³³⁵.

Указанные в прошении заслуги Людвиг Бема самым красноречивым образом подчеркивают значение его работы и работы других членов семьи на благо петербургской культуры XIX века.

* * *

Итак, в первых двух главах мы рассказали о происхождении Георга Кантора, о его семье и детстве в Петербурге. Как видите, три поколения его семьи были тесно связаны с историей и культурой Петербурга. Отец был петербургским купцом и подданным Российской империи. Его дед Франц Бём в течение 30 лет – первый солист Петербурга, его бабушка Мария Моравек-Бём, чья жизнь прошла в Петербурге, – скрипачка, дававшая концерты. Его прадед Леопольд Моравек – придворный метрдотель Екатерины II и Павла I. Его дядя Дмитрий Мейер – создатель русской цивилистики, профессор Петербургского университета. Его дядя Людвиг Бём – скрипач, профессор Петербургской консерватории. Две его тёти, Анна Бём и Юстина Моравек, – младшие фрейлины императорского двора. Последующие поколения также вложили свой труд в культуру Петербурга и России – славист Павел Моравек, врач Адольф Бём, учительница Анна Бём, художница Елизавета Бём.

В Вене основателем скрипичной школы, профессором Венской консерватории был Йозеф Бём.

Семья была богата талантами. В ней выросло восемь скрипачей, сам Георг Кантор играл на скрипке. В его теории множеств есть музыкальные аллюзии. Столь общую теорию можно было создать, обладая широкой культурой, которую дала ему петербургская жизнь.

³³⁴ РГАЛИ. Ф. 340. Оп. 4. Д. 31.

³³⁵ РГАЛИ. Ф. 340. Оп. 4. Д. 23.

Глава III. ЮНОСТЬ. ОТЕЦ И СЫН

*В тексте использованы материалы Герберта Мешковского [119],
Вальтера Пуркерта [122], [69], Джозефа Даубена [107],
Дж. ОКоннора [120], Андора Кёртеша [117] в переводе автора.*

В мае 1856 года семья Канторов выехала из Петербурга. Их было семеро: отец Георг Вольдемар Кантор 42 лет, мать Мария Кантор 37 лет, дети – Георг Фердинанд Луи Филипп 11 лет, Луи Густав 10 лет, София 8 лет, Константин Карл 7 лет и их гувернантка Лаура Зундштрём. Отправились они, вероятнее всего, на корабле «Орёл», который регулярно ходил из Петербурга в Щецин (рис. 109), а затем переехали в Висбаден, в 38 км от Франкфурта-на-Майне. В этом городе с лечебными источниками Георг Вольдемар Кантор надеялся найти излечение или облегчение от своей чахотки.

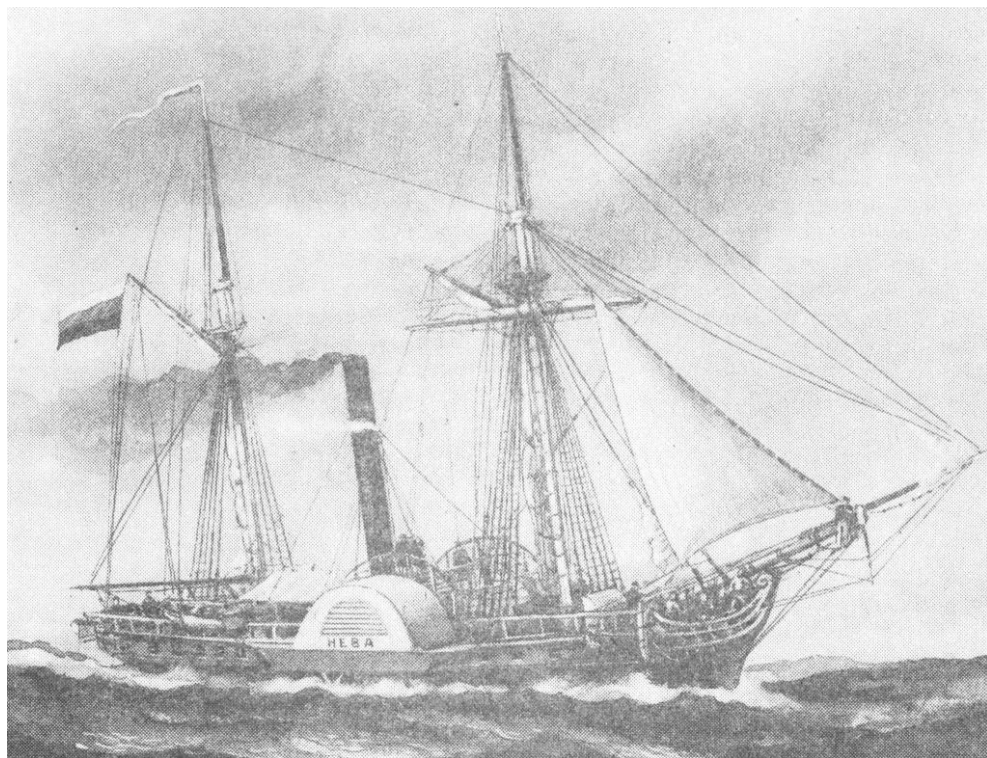

Рис. 109. Русский транспортный пароход

3.1. Отец

В детстве Георг Вольдемар (1814–1863; см. рис. 10) был лишён семьи, веры своих предков, родины. Ему пришлось самому добиваться положения и благополучия. Взлёты и падения, о которых он пишет, он переносил болезненно. В его торговой деятельности заметны тревожность и склонность к отчаянию. Если подтвердится его родственная связь с натуралистом Теодором Кантором из Копенгагена, то возможно, что она сыграла роль в наследственной склонности к психическим заболеваниям, к депрессии.

Если допустить, что Георг Вольдемар воспитывался в приюте – и не исключено, что у моравских братьев, – можно объяснить религиозную экзальтированность его последних писем, настрой на смирение и радость, на успех как награду за труд. Но заметим, что десятью годами ранее он писал своему любимому кузену Дмитрию в более спокойном тоне.

Георг Вольдемар Кантор был потомственным купцом (вспомним Абрама Мейера и галеот «Ди Фрау Мария»). С 19-летнего возраста он позиционировал себя в Петербурге как купец и маклер. Заметим сразу, что он пользовался паспортом, в котором был указан неверный возраст (надо полагать, из-за возрастного ценза в 30 лет для торговой деятельности в России). В 24-летнем возрасте он уже прекратил торговать (вероятно, причиной тому была несбалансированность торговых операций, приведённых выше). В 28 лет он женился. Франц Бём, вероятно, не одобрял выбор своей дочери, так как жених был без средств и из иной среды (хороший человек, но плохой музыкант). На свадьбе не было никого из семьи невесты. Женильба вдохнула в него новые силы и уверенность. Желая сделать благополучие своей жены более устойчивым, Георг Вольдемар вступил в страховую кассу вдов, чтобы обеспечить жену на случай своей смерти.

В 1845 и 1846 годах родились сыновья, Георг Вольдемар был счастлив, но вот новый удар – он заболел чахоткой. Можно предположить, что добрые супруги Гримм, взяв на себя заботу о малышах, отправили его с женой в Италию. После возвращения в Петербург в 1847 году здоровье Георга Вольдемара постепенно улучшается, с 1848 года он начинает успешно работать маклером. Так как он не вёл торговых операций от своего имени, можно предположить, что он сотрудничал с каким-нибудь торговым домом – наиболее вероятно, что это были торговый дом Сарептского общества Асмуса Симонсена либо торговля вильманstrandского купца Иоганна Мейера. В мелких деталях, сопровождающих рукописные документы

Георга Вольдемара, заметны его самолюбие и скрытность. Например, по русским документам его имя Егор, он вынужденно употребляет его, но, как только появляется возможность не зависеть от русской бюрократии, возвращается к имени Георг Вольдемар. О схеме его ухода от налогов было написано выше. Таинственность его проявлялась также в том, что его семья ничего не знала о его детстве, родителях, даже о дате его рождения. Об этом говорит своим коллегам Георг Кантор в своих посланиях в 1880-е годы. В письмах Георга Вольдемара к сыну угадываются горькие воспоминания о происках коварных врагов, неудачах и постигшем унынии.

В тех случаях, когда Георг Вольдемар называет даты или числа, он проявляет некое желание округлить, увеличить. Например, в письме к Дмитрию он говорит, что вернулся из Италии осенью 1847 года, а реальная дата возвращения 5 августа. В этом же письме он округляет возраст своих детей в большую сторону.

Религиозная позиция Георга Вольдемара традиционно лютеранская, основной принцип которой – это успех как вознаграждение Богом за труд. Но помимо этого, в его высказываниях (а потом и в беседах его сына с August Tholuck, деканом теологического факультета в Галле) звучит тема пиетизма, близкая к исповеданию гернгутеров (моравских братьев). Он мог находиться под их влиянием во время сотрудничества с Сарептским обществом в Петербурге.

Посмотрите на портрет Георга Вольдемара (см. рис. 10, 50). Португальские черты, маленькие плечи, крупная лепка лица. Человек, который чувствовал себя иным в датской, русской, финской и немецкой среде, находясь между музыкантами и учёными. Он импульсивен, возможно, неспособен к регулярной работе. Его одолевают нереализованные амбиции. Проблема найти самого себя в жизни, не решённая им самим, передана сыну. Он, подобно Томасу Будденброку, не желает, чтобы сын унаследовал музыкальную профессию матери и деда. Он не желает ему и своей профессии. Но во всех его письмах сквозит желание, чтобы сын занял уважаемое положение в достойной среде, «в хорошем обществе среди равных по происхождению». Семья уже располагает достаточными средствами, наследство, оставленное Георгом Вольдемаром семье, составило полмиллиона немецких марок. В разрозненной Германии обсуждается наступление новой эры и объединение под лозунгом национального единства³³⁶. Бисмарк

---

³³⁶ Этот процесс завершился объединением Германии в 1871 году.

приходит к власти и стремится объединить немецкие княжества в единое государство. Георг Вольдемар желает сыну освоиться в формирующемся обществе немецкой интеллигенции.

3.2. Сын

По приезду в Висбаден Георг учился в гимназии, а после переезда во Франкфурт-на-Майне в частной школе^{xliii}. Известно, что он поменял ещё несколько учебных заведений, после чего семья переехала в Дармштадт для завершения обучения детей. В каких заведениях учились другие дети Канторов, неизвестно. Вероятно, Георг и Людвиг Густав учились вместе^{xliii}.

В 1859 году Георг учился в Гессенской великогерцогской реальной школе в Дармштадте. Среди других предметов там были латынь и греческий. Его оценки всё время были отличными. В 1860 году Георг с отличием закончил школу. Его учитель математики, ректор этой школы Кюльп, прекрасный методист, дал Георгу характеристику: «Его трудолюбие и прилежание образцовы; его знания элементарной математики, включая тригонометрию, очень хороши; его достижения достойны похвалы». Кюльп использовал французские учебники и французскую методику преподавания [112].

В 1861 году по настоянию отца Георг Кантор поступил в Промышленную школу^{xliv}, хотя он очень хотел заниматься музыкой. Даже в 1896 году он писал Лемуэну: «В сущности, у меня весьма художественная натура, и, к сожалению, мой отец никогда не позволял мне сделаться скрипачом, в чём я наверняка был бы счастлив. Во всяком случае, я принадлежу по материнской линии к семье скрипачей-виртуозов. Мой дедушка и моя бабушка Франц и Мария Бём (урождённая Моравек) (из школы француза Роде) в 20-е и 30-е годы нашего столетия в Петербурге в качестве царских скрипачей-виртуозов восхищали тамошнее музыкальное общество; а мой двоюродный дедушка Йозеф Бём (тоже из школы Роде) был в Вене основателем в консерватории знаменитой скрипичной школы, из которой вышли Иохим, Эрнст, Зингер, Хеллмесбергер (отец), Л. Штраус, Раппольди и др. Я уже вижу, что моя профессия неудачно выбрана и я не последовал принципу „Ne sutor ultra crepidam“»³³⁷.

³³⁷ Сапожник – суди не дальше сапога. Кантор использует слово «дальше», а не «выше», как в традиционной формулировке.

В мае 1862 года Георг закончил обучение в Промышленной школе с формулировкой «одарённый и прилежный ученик». Перед экзаменами на аттестат зрелости Георг получил подбадривающие письма от отца. Приведём несколько фрагментов.

18 августа 1862 года: «Мой Бог даст тебе благословение и хорошую судьбу на экзаменах, которые сегодня начинаются... В критические моменты жизни стойкая и радостная вера в Бога и глубокая, взволнованная молитва к Всемогущему Дарителю всего благого перед началом дня даёт устойчивость, мужество и уверенность в себе. Так что вверься Богу! Будь чист, радостен и энергичен в работе!»

28 августа 1862: «Даже если результаты испытания в математике и физике хорошие, желательно, однако, чтобы ты был также наилучшим и в классической древней литературе и языках, это твой багаж, ибо история и география тебе необходимы в обществе – а именно в хорошем, – среди равных по происхождению; также необходима и совершенная латынь, и особенно потом, когда твои образованные коллеги будут неоднократно общаться с тобой. Образованные люди сближаются, особенно в академических кругах, поэтому само собой разумеется, что из-за уязвимости нельзя постоянно подвергаться опасению неудачи! Ты сам будешь в сильном смирении и угнетении чувств, когда ты попадёшь в незнакомую профессорскую среду».

Итак, впереди были выпускные экзамены на аттестат зрелости (Reifeprüfung), которые Георг сдал в конце августа и был признан прошедшим подготовку первого уровня (Maturitätszeugnis № 1) и годным для изучения естественных наук.

Выбор дальнейшего пути был болезненным для обоих. Георг и его отец пришли к компромиссу – не музыка, не инженерная деятельность, а математика (но почему-то в Цюрихском политехническом^{xlv}). Возможно, выбор в пользу математики Кантор сделал уже после смерти отца, в Берлине. Вот письмо сына отцу от 25 мая 1862: «Мой дорогой папа! Меня очень порадовало твоё письмо, как мне тебя благодарить; оно определило моё будущее. Последний день проходил в сомнениях и нерешительности; я не мог принять никакого решения. Долг и склонность боролись во мне. Сейчас я счастлив, когда я смотрю, что тебя больше не огорчает, что я в своём выборе следую эмоциям. Я надеюсь, ты будешь по-прежнему моим другом в моих испытаниях, дорогой папа, потому что моя душа, моё целостное „Я“ живут моей борьбой; это то, что человек хочет и может и к чему вызывают неведомые, таинственные голоса, направляя меня!..»

3.3. Письма

Отец Георга в силу болезни жил отдельно, но много писал ему. Их отношения до сих пор остаются предметом внимания исследователей. Письма отца и сына позволяют нам увидеть и любовь, и тревогу, и подчёркивание уникальности их переживаний. Белл [102] считает, что Георг Вольдемар навязал сыну перспективу неудач, чем и спровоцировал психическую болезнь Георга Кантора³³⁸.

Письма отца интерпретируют по-разному. Несомненно одно – отец очень любил сына, желал ему успехов. Зная склонность Георга к отчаянию и унынию, отец подбадривал его. Георг Вольдемар, лишённый благополучного детства, а может быть, и материнской заботы (ведь имени своей матери он не упоминает нигде!), вынужденный покинуть родину и рассчитывать только на себя, страстно желал сыну устойчивого положения.

Георг Вольдемар хочет уберечь сына от пробелов в образовании, упоминает постыдность некомпетентности, возможно знакомую ему самому, предостерегает от врагов, желающих – нет, не победить и не унижить, а оттеснить во второй и третий ряд!³³⁹ Георг Вольдемар писал: «Наш жребий – это суeta и лишения. Но если в повседневном труде нет возможности достичь высокого благородства и счастливого бытия, как же достичь высокого достоинства и чувства удовлетворения? Мы обязаны перед Богом искать себя в этом, действуя достойно и помня о присущей нам божественной идее»^{xlvi} [69, с. 9].

В письмах Георга Вольдемара к сыну заметна ещё одна черта – он подчёркивает их душевную близость и стремится изолировать эти отношения от всех остальных: «...прочь от иссушающего настроения одиночества. Прояви побольше юмора. Жалуйся постоянно только мне, если всякий мусор тебя угнетает, и постоянно старайся, чтобы твой юмор никогда не кончался!.. Я хочу, я всего лишь хочу, чтобы ты самостоятельно преодолел хандру такого рода, уменьшал вдвое длительность такого рода хандры и твоё настроение таким образом развеивалось, чтобы ты по крайней мере в течение трёх лет не возвращался к этому!

Заботься и любовно поддерживай науку так же, как весталки поддерживают священный огонь, который горит как негаснущая лампа. Но вечно

---

³³⁸ См. прил. 10.

³³⁹ Пожалуй, с учением моравских братьев это не согласуется.

неугасимая лампа науки и есть то самое священное пламя. Долг человека – употребить все свои силы и способности на поддержание этой лампы, в этом сознание его величия! Усмири себя также и в сомнениях, подчас в отдельные мгновения поднимающихся в тебе. Это бывает у каждого в юности и постепенно исчезнет» [119, с. 218].

Письмо, написанное в день конфирмации:

«Дражайший Георг!

Благодаря милости Всемогущего Бога, Создателя мира и Отца всего живущего, возможно этот день осенит всю твою будущую жизнь. Да будешь ты постоянно и неослабно сохранять перед своим взглядом добродетельную решимость, которую ты, без сомнения, дал сегодня молча как святой обет!.. Будущее нашей жизни и судьба человека скрыты от него в глубочайшем мраке. И это хорошо. Никто не знает заранее, в какие невероятные трудные условия и профессиональную среду может забросить случай, с какими непредвиденными и непредсказуемыми бедствиями и трудностями придётся бороться в различных случаях в жизни...

В наше время, если ты честолюбив и трудолюбив и не хочешь, чтобы твои враги отстранили тебя и вынудили встать во второй или третий ряд, это является абсолютной необходимостью.

Для получения различных основательных научных и практических знаний; для совершенного владения иностранными языками и литературой; для многостороннего развития ума во многих гуманитарных дисциплинах – и это ты должен всегда всецело осознавать! – для всего этого второго периода твоей жизни, твоей юности, сейчас ещё только начинающейся, предопределено прежде всего укрепить себя достоинством ради борьбы, которая тебя ожидает. Успокоиться на достигнутом или преждевременно расточить, безрассудно растратить свои лучшие силы, здоровье и время; и всё непоправимо и невозместимо утрачено, подобно тому, как однажды утраченная невинность утрачена безвозвратно, навечно и навсегда...

Твой отец или, вернее, твои родители и все остальные члены нашей семьи как в Германии, так и в России и в Дании смотрят на тебя как старшие и надеются, что ты будешь ничуть не меньше, чем Theodor Schaeffer³⁴⁰, xlviii и, если Богу угодно, позже возможно станешь восходящей звездой на горизонте науки.

---

³⁴⁰ В Промышленной школе преподавал Теодор Шеффер, в будущем – первый ректор преобразованного из этой школы Технического университета. Он оказал большое влияние на Георга Кантора.

Пусть Бог даст тебе силы, упорство, здоровье, добрый (твёрдый) характер и Его лучшие благословения! И поэтому ты должен следовать только Его путями. Аминь!

Твой отец».

Письмо это Георг постоянно хранил при себе. Белл и Даубен считают это письмо пророческим, так как в нём описаны все вершины и пропасти, ожидающие Георга.

Георг отправился в Швейцарию, в Цюрих, и поступил в Политехническую школу^{xlvi} (теперь Eidgenössische Technische Hochschule) (рис. 110).

Рис. 110. Молодой Георг Кантор

Отец был рад услышать об интересе своего сына к циклу лекций о Шекспире знаменитого литературоведа Фридриха Теодора фон Фишера³⁴¹.

Когда Георг создал свой собственный струнный квартет, его отец пригласил всю группу провести рождественские каникулы во Франкфурте.

³⁴¹ Friedrich Theodor von Vischer, 1807–1887.

Единственный известный нам юношеский рисунок Георга (рис. 111), присланный отцу из Цюриха, удостоился восторженного комментария отца: «Принимая во внимание, что Георг Ферд. Луи Фил. Кантор не затратил годы на обучение рисованию по античным образцам; и несмотря на то, что это его первая работа в этом трудном искусстве, он достиг совершенной техники величайшим старанием, и более того, несмотря на то, что до сих пор он весьма пренебрегал изящными искусствами; благодаря своей нации – я имею в виду семью – нужно единодушно признать его первое достижение, которое уже обещает великие перспективы».

Рис. 111. Рисунок Кантора
«Собака и охотничья сумка под деревом», карандаш

В 1863 году Георг Вольдемар Кантор умер. Похоронен в Гейдельберге. Мария Кантор жила в Берлине до своей смерти в 1896 году.

Георг Кантор (рис. 112) перешёл в Берлинский университет, вероятно, чтобы быть ближе к матери. Он изучал математику, физику и философию. Его учителями были Куммер, Кронекер и особенно Вейерштрасс, оказавший большое влияние на Кантора. Поколение студентов, выпущенное в эти годы, породило много известных имён. Среди сокурсников Кантора, с которыми он подружился, можно назвать Томе, Мертенса и Шварца. Дружба и переписка с ними продолжались много лет. Каждую неделю друзья встречались, чтобы выпить вина и поговорить о математике. Летний семестр 1866/1867 года Кантор провёл в Геттингенском университете, где он слушал лекции философа Лотце, физика Вебера, математиков Миннигероде и Шеринга.

Рис. 112. Георг Кантор в 25-летнем возрасте

Первые математические интересы Кантора направлены на область теории чисел. В 1867 году в Берлине он под руководством Куммера защитил диссертацию по теории чисел «О неопределённых уравнениях второй степени» (*De aequationibus secundi gradus indeterminatis*), за которую ему присудили учёную степень (рис. 113). Некоторое время Кантор работал в гимназии Фридриха-Вильгельма для девочек в Берлине.

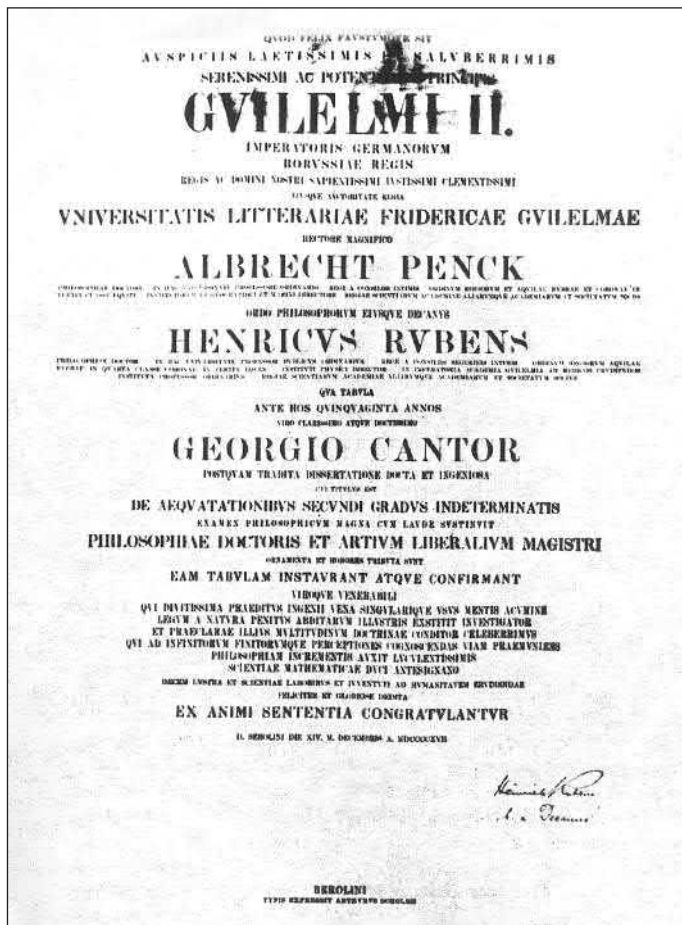

Рис. 113. Объявление о защите диссертации в 1867 году

В 1868 году он посещал в Берлине семинар для учителей математики (Schellbach).

Глава IV. ГАЛЛЕ. ТЕОРИЯ МНОЖЕСТВ

В 1869 году Георг Кантор (см. рис. 112) представил свою работу по теории чисел «О преобразовании тернарных квадратичных форм» под руководством Э. Гейне для права чтения лекций в Галле. Большой заслугой Гейне, работавшему в Университете Галле с 1856 года, было приглашение Кантора в этот университет (рис. 114, 115). Гейне заинтересовал Кантора проблемами анализа, в частности тригонометрическими рядами и вопросами сходимости.

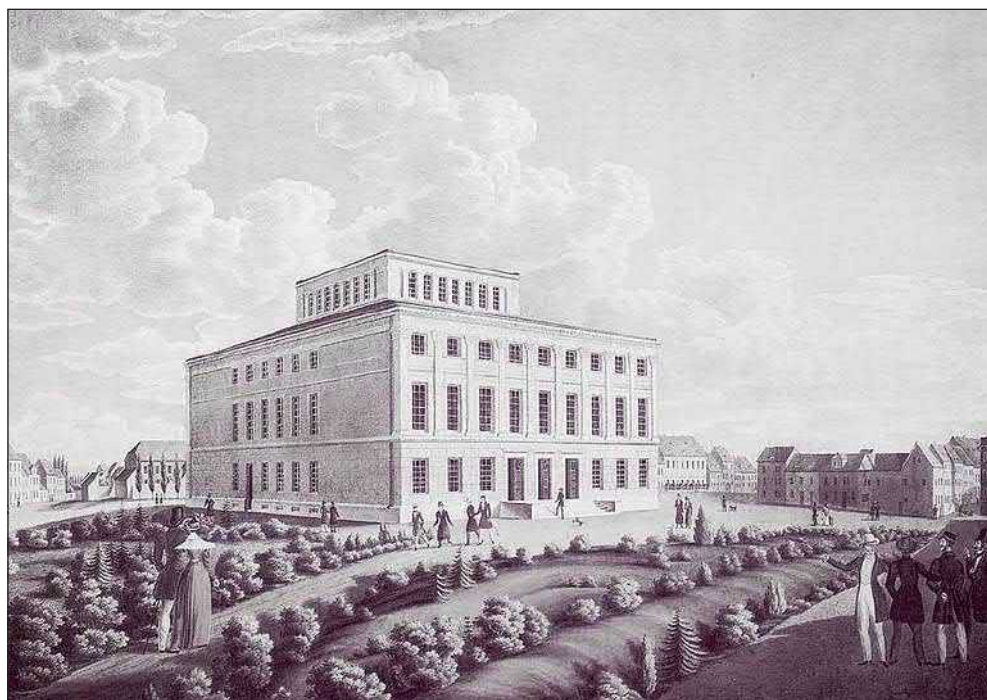

Рис. 114. Университет Галле. Гравюра XIX в.

Вопрос о переезде в небольшой город смущал Георга, он советовался с сестрой Софией в письме от 7 февраля 1869 года: «Чем больше я смотрю на свою математику, тем больше я вижу, что она для моего сердца и ума ведёт меня к счастью и удаче. Работа была и будет для меня подлинным смыслом моей жизни и моего желания, наполненным физическим

ощущением и чувством удовлетворения, в ней я чувствую, что свободен в своей деятельности и в отношении приносимой пользы обществу, этой приятной возможности. Полагаю, что эта надежда прежде всего связана с Галле, там меня ожидает настоящее целостное поле деятельности, соответствующее моей работе, возможно, там я получу признание и мои стремления найдут применение» [117].

Рис. 115. Университет Галле, старый корпус. Современное фото

В 1869 году Кантор получил звание приват-доцента Университета Галле и стал преподавателем математического семинара факультета философии. Кантор проработал в этом университете всю жизнь. С 1872 по 1877 год – экстраординарным профессором факультета естественной и общественной истории (рис. 116), с 1877 по 1913 год – в должности ординарного профессора.

Ощущение нового понимания действительного числа, континуума и непрерывности витало в математической атмосфере XIX века. Начиная

с 1822 года в работах Фурье возникла проблема сходимости тригонометрического ряда и единственности разложения функции в ряд. В 1829 году Лежен-Дирихле сформулировал условия сходимости тригонометрических рядов. Но прикладные задачи требовали расширения класса функций, разложимых в ряд Фурье, а следовательно, анализа числового интервала, развития понятия числа и непрерывности.

Б. Больцано первым поднял вопрос о недопустимости обоснования математики на базе геометрических и физических понятий. Он выступил первым реформатором анализа, введя методологические принципы новых концепций, показав их применение к доказательству некоторых теорем анализа, прежде всего к теореме Ролля (1817).

О. Коши продолжил реформу арифметизации анализа, создав систематические курсы с развитой теорией пределов и корпусом теорем о непрерывных функциях (1821, 1823).

По Коши (1821), функция непрерывна, если для каждого значения x разность $f(x + \alpha) - f(x)$ неограниченно уменьшается вместе с уменьшением числового значения α . Иными словами, функция остаётся непрерывной относительно x между данными пределами, если между этими пределами бесконечно малое приращение переменной порождает всегда бесконечно малое приращение самой функции.

С 1858 года Дедекинд размышляет об определении действительного числа как сечения, но ничего не публикует. Вейерштрасс читает лекции в Берлинском университете, используя понятие равномерной сходимости (конвергенции почти всюду), но тоже долго ничего не публикует.

По Вейерштрассу (1861), если $f(x)$ есть функция x и x — определённое значение, то при переходе x в $x + h$ функция переменится и будет $f(x + h)$; разность $f(x + h) - f(x)$ называют изменением, которое получает функция в силу того, что аргумент переходит от x в $x + h$. Если возможно определить для h такую границу δ , что для *всех* значений h , по абсолютному значению ещё меньших, чем δ , $f(x + h) - f(x)$ становится меньше, чем какая-либо сколь угодно малая величина ε , то говорят, что бесконечно малым изменениям аргумента соответствуют бесконечно малые изменения функции.

Рис. 116. Георг Кантор

Ибо говорят, что некоторая величина может стать бесконечно малой, если её абсолютное значение может стать меньше какой-либо произвольно взятой малой величины. Если некоторая функция такова, что бесконечно малым изменениям аргумента соответствуют бесконечно малые изменения функции, то говорят, что она – непрерывная функция аргумента или что она непрерывно изменяется вместе со своим аргументом. Это был конспект лекций Вейерштрасса, записанный его учеником Г. А. Шварцем³⁴². Здесь впервые опубликовано определение на языке ε – δ .

Начиная с Шарля Мере (1868, 1869, 1872), иррациональные числа понимались как пределы последовательностей рациональных чисел, причём

Рис. 117. Э. Гейне

Мере вводил их как некое фиктивное понятие. Наиболее полное изложение его теории в том 1872 года³⁴³, комментарии можно найти в статьях Дюгака³⁴⁴. Заметим, что в эти же годы Кронекер отвергал в анализе любые попытки создания новых объектов с помощью предельных построений.

С 1840 года Генрих Эдуард Гейне (рис. 117) работал в Берлине с Дирихле, которого считал своим учителем, и продолжил его исследования по сходимости тригонометрических рядов. В 1870 году он опубликовал в журнале Крелле статью «О сходимости тригонометрических рядов» [115], в которой сформулировал достаточные условия сходимости. Он же размышлял над вопросом ослабления степени общности, что привело его в 1872 году к понятию равномерной непрерывности на компакте.

Заметим, что термина «компакт» тогда ещё не было. Термины «непрерывность» и «сходимость» понимались каждым математиком по-своему, были смутно-интуитивными. Например, видов равномерной сходимости

³⁴² Dugac P. *Éléments d'analyse de Karl Weierstrass*. Archive for History of Exact Sciences, vol. 10, 1973. – P. 41–176.

³⁴³ <http://mathdoc.emath.fr/cgi-bin/linum?aun=000839>

³⁴⁴ Дюгак П. Понятие предела и иррационального числа, концепции Шарля Мере и Карла Вейерштрасса // ИМИ. – 1973. – XVIII. – С. 176–180, а также http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/rhs_0048-7996_1970_num_23_4_3163

было более семи³⁴⁵. Термин «полнота» появился в 1872 году в работах Дедекинда и Кантора. В 1906 году Фреше ввёл термин «компакт». Родственность этих понятий проявилась позже – пожалуй, у Банаха в работах тридцатых годов. Свою знаменитую лемму Гейне – Бореля Эдвард Гейне не узнал бы в современной формулировке.

По Гейне (1872), функция $f(x)$, определённая на интервале (a, b) , непрерывна в точке x_0 этого интервала, если для каждой последовательности x_n чисел интервала (a, b) формула $\lim x_n = x_0$ при n , устремлённом к бесконечности, влечёт за собой формулу $\lim f(x_n) = f(x_0)$.

Понятие непрерывности функции требовало арифметизации континуума, определения действительного числа.

Кантор в 1870 году доказал, что для функции, непрерывной на интервале, её представление тригонометрическим рядом единственно. Этот результат Кантор распространил на функции, имеющие конечное число точек разрыва. Но распределение этих точек на отрезке (континууме) должно быть исследовано более детально. С 1872 года Кантор рассматривает соотношение точек на континууме. Он принимает как аксиому, что всякой точке оси соответствует некоторое число, которое он назвал действительным.

Новые перспективы открылись перед Кантором во многом благодаря профессору Университета Галле Эдуарду Гейне. Он занимался тригонометрическими рядами и чувствовал необходимость более глубокого анализа структуры числовой прямой и понятия непрерывности.

Эдуард Гейнрих Гейне (1821–1888; см. рис. 123) закончил в 1842 году Берлинский университет, с 1844 года работал в Бонне, а с 1848-го по 1875-й преподавал в Университете Галле. С 1856 года – профессор. В 1864/1865 году был ректором.

Гейне занимался тригонометрическими рядами, вопросами сходимости, механикой, теорией теплоты, теорией потенциала и дифференциальными уравнениями. Он называл своим учителем Лежена-Дирихле, заинтересовавшим его вопросами анализа. Общение с Леженом-Дирихле и другими математиками Берлина, прежде всего с Вейерштрассом, Куммером и Кронекером, сформировали направление его исследований. Гейне первым сформулировал проблему ослабления условий сходимости,

³⁴⁵ Медведев Ф. А. К истории понятия равномерной сходимости рядов. Историко-математические исследования. – М., 1974. – № 19. – С. 75–93.

что позволило в дальнейшем определить пренебрежимо малые множества. Его исследования способствовали преподавательской деятельности, лекции были интересны и понятны студентам. Понятия предела, непрерывности и сходимости сопровождалась неясностями даже для исследователей, а для студентов и вовсе были окружены туманом. Эти понятия доступно объяснял Вейерштрасс на языке ε – δ , а Гейне – на языке подпоследовательностей (фундаментальных последовательностей).

1872 год был годом рождения теории множеств. Мере, Гейне, Кантор и Дедекинд опубликовали свои работы по этой теме.

Статья Гейне «Элементы преподавания теории функций» [116] вышла с результатами, очень близкими к результатам Кантора в статье того же года. Во введении Гейне вводит понятие подпоследовательности, которой, как он сообщает, обязан Кантору. Кантор использовал термин «фундаментальная последовательность». Как пишет Гейне, та часть его работы, в которой излагается теория действительных чисел, завершена уже давно и её содержание подсказано соображениями других математиков, особенно Вейерштрасса, ставшими известными Гейне главным образом из устных сообщений. Гейне продолжает: «Особой благодарностью я обязан г-ну Кантору из Галле за его устные сообщения, которые оказали значительное влияние на форму моей работы тем, что я заимствовал у него соображения о способе введения произвольных чисел при помощи тех особенно удобных последовательностей, которые здесь названы числовыми последовательностями» [116, с. 173]. С другой стороны, уже после смерти Гейне, в 1886 году, Кантор в письме к Виванти писал: «В теории иррациональных числовых величин я воспользовался особыми актуально бесконечными множествами рациональных чисел, которые я называю фундаментальными последовательностями. Г-н Э. Гейне следовал в этом за мной (Crelles J., BD 74, s. 172). Его изложение отличается от моего лишь в способе выражения, по существу же оно совпадает с моим» [39, с. 297]. Эта статья содержит теорему, называемую ныне теоремой Гейне – Кантора. Обе работы – и Гейне, и Кантора – вышли в 1872 году.

Работа Кантора называлась «Обобщение одной теоремы из теории тригонометрических рядов» (*Über die Ausdehnung eines Satzes aus der Theorie der trigonometrischen Reihen* [39, с. 9–17, пер. Ф. А. Медведева]. Она была его первой работой, посвящённой тригонометрическим рядам, но в ней был анализ понятия числовой величины как предела фундаментальных последовательностей, введено понятие предельной точки.

Тогда же, в 1872 году, Дедекинд формулирует метод сечений: «Если все точки прямой распадаются на два класса такого рода, что каждая точка первого класса лежит влево от каждой точки второго класса, то существует одна, и только одна точка, которая производит это разделение прямой на два класса, – это рассечение прямой на два фрагмента. Если система всех действительных чисел распадается на два класса такого рода, что каждое число первого класса меньше каждого числа второго класса, то существует одно, и только одно число, производящее это разложение» [109].

Под влиянием Эдуарда Гейне, друга и коллеги, как называл его сам Кантор, интересы Кантора сместились в область теории функций действительного переменного. Он написал несколько работ по этой теме. Таким образом, в его арсенале накапливались методы теории чисел, теории тригонометрических рядов, теории функций комплексной переменной и геометрии. По нашему мнению, широте его подхода к новой тематике способствовали и его гуманитарная культура, знание музыки и философии.

Летом Георг Кантор ездил отдыхать в Альпы. Он бывал там 17–18-летним и, став взрослым, охотно ездил на летний отдых в Интерлакен и Гарц (Ханенклее).

В начале 1870-х Кантор познакомился в Интерлакене с Дедекиндом (рис. 118). Их переписка о непрерывности и иррациональных числах началась в апреле 1872 года. К этому времени Дедекинд уже размышлял над определением понятия числа с помощью теоретико-множественных воззрений. В 1871 году Дедекинд вводит в алгебру новые понятия: кольца, идеалы и модули. Это было сделано в 11-м дополнении к работе Дирихле. Сотрудничая с Кронекером, Дедекинд создаёт общую теорию делимости.

Кантор продолжает размышлять о структуре числовой величины. Он ещё не сформировал свою терминологию «множество», «счётность», «мощность», но рассматривает взаимно однозначное соответствие между числовыми последовательностями как основное понятие. В 1873 году он пишет Дедекинду о своей попытке установить такое соответствие между целыми положительными и действительными числами [39, с. 327–328], хотя отмечает, что этот вопрос не имеет практического интереса.

Рис. 118.
Рихард Дедекинд

Рассуждения и переписка Кантора с Дедекиндом оформились в построение, которое высоко оценил Вейерштрасс, навестивший в Берлине Кантора 23 декабря 1873 года и рекомендовавший опубликовать его [39, с. 331].

Эта работа Кантора «Об одном свойстве совокупности всех действительных алгебраических чисел» (*Über eine Eigenschaft des Inbegriffes aller reellen algebraischen Zahlen*) [39, с. 18–21, пер. Ф. А. Медведева] вышла в 1874 году. В ней Кантор рассматривает совокупность корней алгебраических уравнений и взаимно однозначное соответствие между ними и целыми положительными числами. Вообще понятие взаимно однозначного соответствия Кантор сделал основным в дальнейшем определении числа.

9 августа 1874 года Кантор женился на Валли Марии Софи Гутман (1849–1923; рис. 119). Валли была детской подругой Софии Кантор, сестры Георга. Она закончила Берлинскую консерваторию, была пианисткой и вокалисткой, потом работала учительницей музыки, иногда публично выступала [108].

Рис. 119. Кантор с женой

Свой медовый месяц они провели в Гарце. Биографы отмечают, что там им сопутствовал Рихард Дедекиннд и Кантор уделял много времени математическим беседам с ним.

У Канторов родилось шестеро детей: Эльза (1875–1945), Гертруда (1877–1956), Эрих (1879–1962), Анна-Мария (1881–1920), Маргарита Фредерика (1885–1956), Рудольф (1886–1899). В 1886 году в связи с увеличением семейства Кантор купил новый дом на улице Генделя (Händelstrasse; рис. 120).

Рис. 120. Фото дома Кантора
на Händelstrasse

Оценка Кантором значимости своих работ постепенно повышается. Он пишет Дедекинду: «Мы в одинаковой мере заботимся о развитии науки ко всеобщему благу» [39, с. 331]. Здесь же он отмечает, что ограниченный характер последней статьи продиктован условиями, сложившимися в математическом сообществе. (Ограниченность состоит в том, что Кантор рассматривал в качестве иррациональных только алгебраические числа.)

Понятие действительного числа ещё не было сформулировано. Предпосылками к его появлению служили предел фундаментальных последовательностей Коши, введённый как свойство; определение фиктивного предела последовательности рациональных чисел Шарля Мере, работы Вейерштрасса и Гейне; определение числа как сечения, опубликованное Дедекиндом в 1876 году. Кантор предложил определять число

через отношение соответствия как класс эквивалентностей. Для этого нужно было построить теорию соответствий между множествами.

В 1878 году вышла первая крупная работа Кантора «К учению о многообразиях» (*Ein Beitrag zur Mannigfaltigkeitslehre*) [39, с. 22–35, пер. Ф. А. Медведева], в которой он вводит понятие эквивалентности или равномощности, доказывая существование взаимно однозначного соответствия между одномерными и многомерными непрерывными объектами. Здесь же впервые предполагается гипотеза континуума.

В 1879 году Кантор (рис. 121) избран членом-корреспондентом Общества наук в Геттингене. Вышла его работа «Об одной теореме из теории непрерывных многообразий» (*Über einen Satz aus der Theorie der stetigen Mannigfaltigkeiten*) [39, с. 36–39, пер. Ф. А. Медведева], в которой он продолжает устанавливать соответствие между объектами различной размерности.

Рис. 121. Георг Кантор

В 1879 году Кантор печатает первую из пяти статей «О бесконечных линейных точечных многообразиях» (*Über unendliche lineare Punktmannigfaltigkeiten*. № 1 [39, с. 40–45, пер. Ф. А. Медведева]. Продолжение выходит в 1880 году в № 2 [39, с. 46–49, пер. Ф. А. Медведева], 1882 году в № 3 [39, с. 49–56, пер. Ф. А. Медведева], 1883 году в № 4 [39, с. 57–63, пер. Ф. А. Медведева], в 1883 году в № 5 под названием «Основы общего учения о многообразиях. Математически-философский опыт учения о бесконечном» (*Grundlagen einer allgemeinen Mannigfaltigkeitslehre: Ein mathematisch-philosophischer Versuch in der Lehre des Unendlichen*) [39, с. 63–105, пер. П. С. Юшкевича]; завершающая этот цикл работа появляется в 1884 году и называется «О бесконечных линейных точечных многообразиях» (*Über unendliche lineare Punktmannigfaltigkeiten*) [39, с. 106–139, пер. Ф. А. Медведева].

Как писал Э. Цермело, серия работ, «публиковавшаяся в нескольких томах *Annalen* за 1879–1884 годы, выходит далеко за пределы, обозначенные её названием, и фактически включает все результаты, полученные Кантором как в области абстрактного, так и прикладного учения о множествах, в частности теорию эквивалентности и мощности, а также упорядоченность и порядковые числа. В ней более подробно изложена также

канторовская теория иррациональных чисел (№ 5, § 9), а также философская полемика с противниками актуально бесконечного» [39, с. 49]. В работах этого цикла фактически содержится изложение всей теории множеств Кантора, а работы последующих лет комментируют и дополняют теорию. Заметим, что диагональный метод появляется в 1890/1891 году в работе «Об одном элементарном учении о многообразиях» (*Über eine elementare Frage der Mannigfaltigkeitslehre*) [39, с. 170–172, пер. Ф. А. Медведева].

Переписка Кантора и Дедекинда была довольно интенсивна со стороны Кантора в период с 1872 по 1882 год, затем она возобновляется в 1899 году. Двадцатисемилетний Кантор восторженно обращался к Дедекинду с многочисленными вопросами: «Ничто не может доставить мне большей радости, чем тот интерес к некоторым вопросам анализа, который мне удалось пробудить у Вас. Позвольте добавить также, что ничто не может в большей степени побудить мои дальнейшие усилия, и прошу Вас не оставлять меня без Ваших замечаний в будущем» [39, с. 330]. Иногда Дедекинду с удивлением отмечает, что его рассуждения усвоены Кантором вплоть до того, что он публикует их в своих статьях (29.11.1873, 7.12.1873 [39, с. 331–333]).

К 1882 году переписка Кантора и Дедекинда ослабевает, отношения теряют теплоту. Тон последних писем приобретает холодный официальный оттенок.

Столь же пылко начиналась в 1882 году и переписка Кантора с Г. Миттаг-Леффлером (рис. 122), шведским математиком, редактором журнала *Acta mathematica*. В 1884 году Кантор написал ему 52 письма, поверяя свои обиды на непонимание со стороны берлинских математиков, и прежде всего Кронекера. Вот, например: «Не знаю, когда вернусь к продолжению моей научной работы. Сейчас я не могу абсолютно ничего делать с ней и ограничил себя лишь самым необходимым занятием – чтением лекций; насколько бы я был счастливее быть активнее в научном плане, если бы только у меня была необходимая свежесть мыслей».

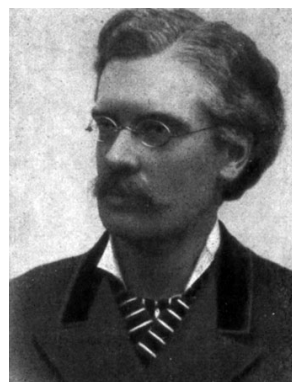

Рис. 122.
Гёста Миттаг-Леффлер

Последующие работы Кантора являются извлечениями из его писем к Миттаг-Леффлеру. Это работы 1883 года «О различных теоремах теории точечных множеств, расположенных в непрерывном пространстве

n измерений. Сообщение первое» (Sur divers theorems de la théorie des ensembles de points situés dans un espace continu à n dimension. Première communication : Extrait d'une lettre adressée à l'éditeur) [39, с. 141–145, пер. Ф. А. Медведева], 1884 года «О мощности совершенных точечных множеств» (De la puissance des ensembles parfaits de points: Extrait d'une lettre adressée à l'éditeur) [39, с. 146–154, пер. Ф. А. Медведева], 1885 года «О различных теоремах из теории точечных множеств в n -кратно протяжённом непрерывном пространстве G_n . Сообщение второе» (Über verschiedene Theoreme aus Theorie der Punktmengen in einem n -fach ausgedehnten stetigen Raume. Zweite Mitteilung [39, с. 154–169, пер. Ф. А. Медведева]. Здесь впервые встречается утверждение, что всякая мощность является алефом.

Рис. 123. Георг Кантор

1884 год был сложным для Кантора (рис. 123). Осознание своей работы как целостной теории вступало в противоречие с непониманием коллег.

Кантор мечтал о работе в Берлинском университете, но этому противился его бывший учитель Кронекер, который возглавлял там кафедру математики. Он осуждал теории Кантора, называя его «развратителем молодёжи». Кронекер был основателем конструктивной математики, а теория множеств Кантора исследовала свойства множеств без их конкретного представления. Кантор тяжело переживал его критику. Мнительный и склонный к депрессии, он надолго замыкался и терял работоспособность после ситуаций, травмирующих его психику. Первый такой эпизод был в 1853 году в Петербурге, когда Георг, хороший ученик, целый семестр получал только двойки. Отец, человек такого же склада, знал об этом и старался воодушевить и поддержать сына. Это видно из их переписки.

Очередной кризис у Георга Кантора наступил в 1884 году после его неудачной попытки получить профессорское звание в Берлине. По воспоминаниям его дочери Элизы, приступ внезапно начался в мае 1884 года. Спустя месяц он пишет письмо Миттаг-Леффлеру о своей болезни и продолжает научную работу. Август он провёл в Гарце. Его попытка примириться с Кронекером была принята, Кронекер миролюбиво и благосклонно отнёсся к этому, но различие их взглядов сохранилось.

Кантор предпринимает попытки осмыслить и защитить свои исследования бесконечного, пишет цикл философских работ. Первая из них – это

работа 1884 года «Принципы теории порядковых типов. Первое сообщение» (Principien einer Theorie der Ordnungstypen. Erste Mitteilung: Auszug eines Schreibens an den Herausgeber) [39, с. 246–261, пер. Ф. А. Медведева]. Эту работу Миттаг-Леффлер отказался печатать, впервые она опубликована в 1970 году.

Из письма Миттаг-Леффлера Кантору: «Я убеждён, что публикация Вашего нового труда до того, как Вы сможете изложить новые позитивные результаты, окажется серьёзной угрозой для Вашей репутации среди математиков. Я вполне понимаю, что это для Вас, в сущности, безразлично. Однако если тем самым Ваша теория будет дискредитирована, то потребуются много времени, прежде чем она привлечёт внимание математиков. Вполне может случиться, что Вам и Вашей теории не будет отдано должное при Вашей жизни. Тогда эта теория будет открыта кем-либо через сто или более лет и окажется, что вся она была уже у Вас, и справедливость в отношении Вас будет восстановлена. Однако на этом пути [публикации данной работы Кантора] Вы не окажете того существенного влияния на развитие нашей науки, которое Вы, естественно, хотели бы оказать, как всякий работающий для науки. Поэтому я считаю, что для дела и для Вас будет лучше всего отложить публикацию теории типов, пока Вы не сможете дать применений для неё» [39, с. 409].

По этому поводу Кантор написал другому лицу: «Согласно Миттаг-Леффлеру, я должен подождать до 1984 года, что кажется мне слишком большой просьбой!.. Но, конечно, отныне я никогда ничего не хочу знать об *Acta mathematica*».

После этого Кантор прервал отношения с Миттаг-Леффлером.

С 1884 года Кантор вынужден лечиться в психиатрической клинике. Каждое обострение его болезни влекло изменение направленности интересов. В 1884 году он отказался читать лекции по математике и выразил желание читать философию и тогда же по совету своей сестры Софии занялся литературой елизаветинской эпохи, пожелав обосновать гипотезу «Шекспир – Бэкон». Кантор придерживался довольно сильной гипотезы об авторстве Бэкона. Результаты он опубликовал в двух работах в 1897 году. Также он обращался к работам философа Якоба Бёме (1575–1624) и Джона Ди (1527–1609). Лекции Кантора по философии не пользовались успехом, и он отказался от этой затеи.

С этого времени его интересы смещаются в область философского обоснования теории множеств, он вступает в переписку с философами и теологами. Заметим, что, хотя Кантор был протестантского исповедания,

он обратился к католическим богословам. Возможно, это обусловлено богатой литературой по вопросам бесконечности, и прежде всего работами такого классика католической теологии, как Фома Аквинский. Возможно, сказалось влияние матери-католички³⁴⁶.

Переписка Кантора по философским вопросам была опубликована в 1886–1888 годах.

Это письмо шведскому математику Энестрёму 1885 года «О различных точках зрения на актуально бесконечное» (*Über die verschiedenen Standpunkte in bezug auf das actuelle Unendliche*) [39, с. 262–267, пер. П. С. Юшкевича] опубликовано в России в 1914 году. В работах 1887 и 1888 годов «К учению о трансфинитном» (*Mitteilungen zur Lehre vom Transfiniten*) [39, с. 268–324, пер. П. С. Юшкевича] он объясняет своё понимание числа и полемизирует с Кронекером.

Рис. 124. Кантор
в 1894 году

В 1889 году Кантор принят в Немецкую академию естественных наук Леопольдина (*Deutsche Akademie der Naturforscher Leopoldina*), которая с 1878-го располагалась в Галле.

Постепенно растёт авторитет Кантора среди математиков. Всегда доброжелательно относился и высоко ценил Кантора Вейерштрасс.

В 1890 году Кантор выступает инициатором создания Немецкого математического общества *Deutsche Mathematiker-Vereinigung*. Он стал первым председателем общества и издателем первых двух томов его ежегодника. В сентябре 1891 года в Галле состоялось первое заседание этого общества, на котором Кантор был первым председателем (рис. 124).

Растёт популярность теории множеств и её признание среди европейских математиков.

В 1890/1891 году вышла работа Кантора «Об одном элементарном вопросе учения о многообразиях» [39, с. 170–172] с изложением диагонального метода.

---

³⁴⁶ Она не меняла своё исповедание, что подтверждают школьные документы Георга Кантора. С другой стороны, её происхождение из артистической семьи и петербургский театральный быт не способствовали глубокой религиозности, что демонстрирует и её брак с протестантом (крещёным евреем), против воли всей семьи.

В 1895–1897 годах он написал последнюю, незавершённую работу «К обоснованию учения о трансфинитных множествах» (*Beiträge zur Begründung der transfiniten Mengenlehre*) [39 с. 173–240, пер. Ф. А. Медведева]. Здесь он подводит итоги изложению своей теории, окончательно её оформляет и обосновывает. В конце девяностых годов Кантор осознаёт наличие парадоксов теории множеств.

К 1895–1897 годам относятся работы по созданию теории трансфинитных чисел. Тогда же Кантор обнаруживает первые парадоксы теории множеств. В 1896 году он обсуждает это с Гильбертом, а в 1897 году появляется работа Бурали-Форти об обнаруженном им самим парадоксе. В 1896 и 1897 годах выходят две литературные работы Кантора о Шекспире.

В октябре 1896 года умерла Мария Кантор, мать Георга, что вызвало ухудшение его состояния.

В 1897 году Кантор был инициатором и участником Первого международного конгресса математиков в Цюрихе. На этом конгрессе Гурвиц в своём докладе выразил глубокое восхищение Кантором и его вкладом в теорию функций. Французский математик Жак Адамар также высоко оценил теорию множеств как необходимый инструмент исследования.

На этом конгрессе Кантор встретил Дедекинда, и они возобновили дружеские отношения и переписку. Кантора беспокоили открывшиеся парадоксы теории множеств, и он надеялся в обсуждении с Дедекиндом найти решение. Но ухудшение состояния к 1899 году вынудило его прекратить переписку.

Смерть в 1899 году младшего брата Карла Константина вызвала очередное расстройство здоровья. Ещё в октябре 1899 Кантор просит об отпуске. 16 декабря внезапно умер младший сын Кантора, 13-летний Рудольф. Произошло это неожиданно, с утра он был ещё здоров. Кантор отправился читать свою философскую лекцию, во время которой ему сообщили о смерти сына. Это вызвало ухудшение состояния Кантора и послужило причиной его госпитализации. В зимнем семестре 1899/1900 года Кантор не читал лекций, взяв отпуск. Начиная с этого времени болезнь усиливается, Кантор многократно отказывается от чтения лекций в зимних семестрах 1902/1903, 1904/1905 и 1907/1908, проводя много времени в санаториях.

В 1901 году Кантор избран почётным членом Лондонского математического и Харьковского математического обществ.

В 1902 году Кантор избран почётным доктором Университета Христиании в Осло (рис. 125, 126).

В сентябре 1903 года в Мюнхене Кантор сделал доклад о парадоксах теории множеств на втором заседании Математического общества, хотя в силу болезни снял с себя обязанности председателя. В 1903 году он вновь пребывает в клинике.

Рис. 125. Георг Кантор
к 1900 году

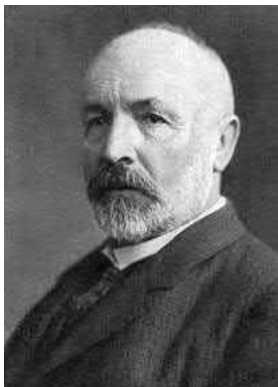

Рис. 126. Георг Кантор
после 1900 года

В августе 1904 года Кантор принял участие в Международном математическом конгрессе в Гейдельберге. На этом конгрессе математиков прозвучали критические замечания (Юлиус (Дьюла) Кёниг) по поводу работ Кантора о трансфинитных числах и гипотезы континуума. Кантор был огорчён также тем, что на конгрессе присутствовали его дочери и слышали эти обидные для него аргументы. Днём позже Эрнст Цермело выступил в защиту Кантора. Цермело утверждал, что каждое множество может быть вполне упорядочено. Но это не улучшило подавленного состояния и сомнений Кантора, он тяжело переживал критику Кёнига.

К 1905 году относится его переписка с Журденом о религиозных аспектах теории множеств.

В 1910 и 1911 годах Кантор возобновил свои лекции в университете, а в 1911 году его избрали почётным доктором шотландского Университета Сент-Андре. В Шотландии праздновалось 500-летие этого университета, и Кантор получил приглашение приехать на юбилей 12–15 сентября 1911 года. По воспоминаниям присутствовавших, он вёл себя эксцентрично и очень долго говорил на тему о Шекспире и Бэконе. После этого Кантор уехал на несколько дней в Лондон. Там он надеялся увидеться с Расселом,

который только что опубликовал *Principia Mathematica*. Но плохое состояние здоровья и известие о болезни сына вынудили его срочно вернуться в Германию. На следующий год Кантор был удостоен степени почётного доктора права Университета Сент-Андре, но здоровье не позволило ему лично присутствовать на присуждении.

В 1913 году Кантор ушёл в отставку. Началась Первая мировая война. Условия жизни стали тяжёлыми, началась нехватка продовольствия. Кантор страдал от бедности и недоедания.

Идеи Кантора распространяются среди математиков мира, постепенно обретают широкое признание. С 1909 года польский математик Вацлав Серпинский в Львовском университете начал читать полный курс теории множеств. О проникновении идей Кантора в Россию подробно рассказано в пятой главе.

В 1915 году предполагалось европейское празднование 70-летнего юбилея Кантора, но из-за войны пришлось ограничиться небольшим домашним празднованием и поздравлениями немецких коллег.

В июне 1917 года Кантор последний раз попал в клинику и постоянно писал жене письма с просьбой забрать его домой (рис. 127–129). 6 января 1918 года он умер от сердечного приступа в клинике нервных болезней в Галле. Посмертный диагноз «маниакально-депрессивный психоз» [120].

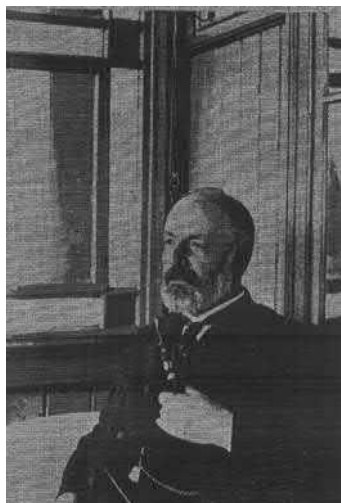

Рис. 127. Кантор в 1917 году

Рис. 128. Вторая фотография Кантора в 1917 г.

Рис. 129. Кантор за несколько месяцев до смерти

Глава V. ТЕОРИЯ МНОЖЕСТВ: ПУТИ В РОССИЮ³⁴⁷

С 1872 по 1897 год Кантор написал свои основные работы по теории множеств. Математики России, бывавшие в научных командировках в университетах Берлина, Геттингена, читавшие журнал Крелле (его получали университеты Российской империи), *Mathematische Annalen*, *Acta Mathematica*, познакомились с идеями теории множеств. Постепенно идеи Кантора входили в научные исследования, в преподавание, появлялись в печати в виде пересказов и переводов. Мы рассмотрим историю наследия Кантора в России с 1892 по 1985 год.

5.1. Одесса. 1892 год. И. Ю. Тимченко

Первое упоминание о работах Кантора в России (1892) мы нашли у Ивана Юрьевича Тимченко (1863–1939; рис 130), закончившего Новороссийский университет в 1885 году. Тимченко занимался астрономией, математикой и историей математики, неоднократно ездил за границу для работы в библиотеках (1890, 1892, 1893, 1896). Темой магистерской диссертации Тимченко выбрал исторический анализ развития теории аналитических функций. Его работа «Основания теории аналитических функций» была опубликована в трёх выпусках «Записок математического отделения Новороссийского общества естествоиспытателей» в 1892 и 1899 годах и защищена в 1899 году [124, 125].

Рис. 130.
И. Ю. Тимченко

Это глубокое исследование охватывает период от Античности до конца XIX века, в нём анализируется развитие основных идей, руководивших теорией аналитических функций. Важнейшей из них является концепция непрерывности и связанных с ней понятий окрестности и предельной точки. Тимченко отдаёт дань Вейерштрассу в развитии понятия окрестности, равномерной сходимости рядов и Георгу Кантору в геометрической трактовке

---

³⁴⁷ Синкевич Г. И. Теория множеств: пути в Россию // История науки и техники. – 2015. – № 12. – С. 22–33, а также: *Sinkevich G. The Fate of Russian Translations of Cantor // Notices of the International Congress of Chinese Mathematicians. International Press of Boston. – 2015. – V. 3. – № 2. – P. 74–83.*

концепции непрерывности в его работах о линейных многообразиях. Тимченко указывает связь представления Кантора о непрерывности («сплошности», как пишет Тимченко) с принципом непрерывности Лейбница [124, с. 12]. Тимченко пишет: «Один из самых плодотворных принципов новой математики – *объединение*, или *обобщение*, – представление, устанавливающее известный правильный переход от одной определённой группы математических объектов к другим, в силу чего все они являются элементами одной и той же группы. Принцип этот очень важен во всех областях математических знаний, служа могущественным средством для уяснения природы фактов и значительно упрощая аналитические операции. Но совершенно особое значение приобретает это начало в приложении в таких случаях, когда элементы группы представляют из себя *сплошную систему*³⁴⁸, как это бывает в области непрерывно изменяющихся конкретных величин. В таких случаях всегда полезно объединить данную группу с *производной*³⁴⁹ группой так называемых предельных элементов, не принадлежащих к данной, но связанных с ней сплошностью. При известных ограничительных условиях *свойства основной группы, изменяясь непрерывно при переходе от одного элемента к другому, распространяются на производную* – это есть принцип, названный Лейбницем законом непрерывности» [124, с. 224; курсив оригинала]. Примечательно, что Тимченко обратился к самым ключевым работам Кантора. Первая из них – это работа 1872 года «Обобщение теоремы из теории тригонометрических рядов», где вводится новая концепция числа и понятие предельной точки (радостно подхваченное математиками, читавшими курсы анализа, например Г. Шварцем и У. Дини [126]). Вторая, самая знаменитая – это Пятый мемуар из цикла «О бесконечных линейных точечных многообразиях», состоящего из шести частей, опубликованных в 1879–1884-м. В Пятом мемуаре «Основы общего учения о многообразиях. Математически-философский опыт учения о бесконечном» содержатся все основные понятия и теоремы, в том числе понятия пустого

³⁴⁸ Понятие о сплошности – одно из самых трудных основных математических понятий. Полное изложение его, по крайней мере, в приложении к системам известного рода дано лишь недавно Георгом Кантором, см.: Ueber unendl., lineare Punktmannigfaltigkeiten, Math. Ann. B. XXI 1883, 5, §10, pp.572-576. Одна из первых попыток такого изложения сделана была ещё Аристотелем с целью выяснить природу движения и опровергнуть парадоксы элеатов... – *Примеч. Тимченко.*

³⁴⁹ См.: Cantor G. Math. Ann. – 1872. – Т. V, § 2, или: Acta Mathem. – Т. II, 4, 1883; Extention d'un théorème de la théorie des séries trigonométriques, p. 343. – *Примеч. Тимченко.*

множества, совершенного множества, концепция действительного числа и её сравнительный анализ с таковыми же концепциями Вейерштрасса и Дедекинда; введена шкала мощностей и поставлена гипотеза континуума.

5.2. Одесса. 1896 год. С. О. Шатуновский

Самуил Осипович Шатуновский (1859–1929; рис. 131) не получил систематического образования, побывав студентом различных учебных заведений в России и Швейцарии. Долгое время Шатуновский зарабатывал уроками в маленьких губернских городах. Он писал математические работы по основам геометрии и алгебры, аксиоматическому определению величины, публиковался в российских и зарубежных журналах и следил за математической жизнью Европы. Шатуновский появился в Одессе между 1891-м и 1893-м (судя по публикациям в ВОФЭМ³⁵⁰, где указывался город проживания автора). Благодаря хлопотам одесских профессоров С. П. Ярошенко, И. В. Слешинского, И. Ю. Тимченко и В. Ф. Кагана Шатуновскому было позволено в виде исключения сдать магистерские экзамены, открывавшие дорогу к преподаванию [127]. Должность приват-доцента Шатуновский получил лишь на 47-м году жизни, а после 1917 года стал профессором Новороссийского университета. С 1905 года Шатуновский читал математический анализ, используя понятия и методы теории множеств. Первые понятия математического анализа изложены с позиции теории множеств, но русская терминология того периода отличается от современной, так, например, множество названо комплексом. Он даёт систему построения вещественных чисел, вводит понятие сходящегося комплекса (плотного множества). Впервые вводится понятие устранимого разрыва функции. Его терминология самобытна, но изложение строго. Этот курс был литографирован в 1906–1907 годах и переиздан в 1923-м [128]. Слушателями курса были Г. М. Фихтенгольц, Д. А. Крыжановский, И. В. Арнольд.

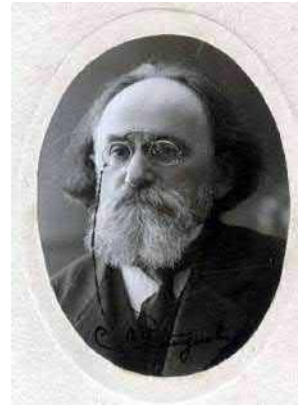

Рис. 131.
С. О. Шатуновский

³⁵⁰ «Вестник опытной физики и элементарной математики» – журнал, выходивший в Одессе в 1886 по 1917 год.

Несомненное влияние этого курса мы видим в «Основах математического анализа» Г. М. Фихтенгольца (1888–1959), закончившего Новороссийский университет в 1911 году.

Поражает научное чутьё Шатуновского при выборе работ для перевода. Он первым перевёл работы Дедекинда «Непрерывность и иррациональные числа» (написана в 1872 году, перевод Шатуновского в 1894-м) и Кантора «Об одном свойстве совокупности всех действительных алгебраических чисел» (написана в 1874 году, переведена в 1896-м). Именно в этих двух работах создаётся новая концепция числа, ставшая основой математики XX века.

В Одессе с 1886 по 1917 год выходил журнал «Вестник опытной физики и элементарной математики». В 1896 году в 233-м номере была опубликована статья О. С. Шатуновского «Доказательство существования трансцендентных чисел (по Кантору)» [129]. Шатуновский изложил доказательства теорем из работы Кантора 1874 года «Об одном свойстве совокупности всех действительных алгебраических чисел», но с добавлением его более поздних достижений, в частности понятия мощности, которое появилось у Кантора только в 1878 году в работе «К учению о многообразиях».

С 1904 по 1925 год в Одессе существовало издательство математической и физической литературы «Матезис» («Знание»). Организаторами были преподаватели – математики Новороссийского университета В. Ф. Каган, С. О. Шатуновский (научный редактор), астроном А. Р. Орбинский и владелец типографии М. Ф. Шпенцер. Наряду с учебниками для средних и высших учебных заведений в издательстве выходили переводы новинок зарубежной математики. В «Матезисе» несколько раз переиздавались названные работы Дедекинда и Кантора в переводе Шатуновского. Например, 4-е издание вышло в 1923 году [130].

5.3. Москва. 1900 год. Б. К. Млодзеевский

Московские математики были в курсе научных достижений Западной Европы благодаря поступлению литературы, научным командировкам. Студенты для подготовки к магистерскому званию по крайней мере один семестр слушали лекции в научных центрах Германии и Франции. Лекции, читаемые в Московском университете, включали информацию о научных достижениях. Теорию функций действительной переменной в Московском

университете читал Болеслав Корнелиевич Млодзеевский (1858–1923; рис. 132). Благодаря теории множеств курсы математики, и прежде всего теории функций, перестраивались на новой основе. Млодзеевский использовал в качестве опорного курс Улисса Дини, который уже в 1870-е годы использовал результаты Кантора в своих работах [131, 126]. Впервые Млодзеевский прочитал его в осеннем семестре 1900 года и читал ещё несколько раз до 1908 года [8].

В архиве П. А. Флоренского, тогда студента 3-го курса математического факультета, был найден конспект лекций Млодзеевского, прочитанных в 1902 году. Курс состоял из 29 лекций (три раза в неделю). Судя по конспекту, Ф. А. Медведев предполагает, что «Млодзеевский, по-видимому, не был в то время непосредственно знаком с трудами Г. Кантора. Фамилия последнего и многочисленные принадлежащие ему теоретико-множественные и теоретико-функциональные результаты упоминаются в лекциях неоднократно. Но, судя по характеру этих упоминаний (отсутствие прямых ссылок на канторовские работы, указания, что те или иные соображения излагаются по одной из перечисленных выше работ, и так далее), правдоподобно предположение, что к 1902 году Б. К. Млодзеевский знал о работах Кантора из вторых рук, главным образом по работам П. Таннери, Ж. Таннери и А. Шёнфлиса» [131, с. 134]. В лекциях Млодзеевского теория множеств используется для изложения учения об аргументе функции. Рассматриваются точечные множества («группы точек») и функции на них, вводится понятие предельной точки и производного множества, разделение множеств на первый и второй род, формулируется теорема о равенстве нулю меры множества первого рода, верхней и нижней границы, понятие мощности множеств, счётности («счётности») множеств рациональных и алгебраических чисел, равномощность континуумов разных измерений, счётность счётной суммы счётных множеств, несчётность континуума с упоминанием гипотезы континуума, совершенные множества, порядковый тип («порода»), полная упорядоченность («благоустроенная группа»), порядковые трансфинитные числа и алефы [131, с. 138–139].

Рис. 132.
Б. К. Млодзеевский

5.4. Москва. 1904 год. П. А. Флоренский

Павел Александрович Флоренский (1882–1937; рис. 133) с 1900 по 1904 год был студентом математического факультета Московского университета. В осеннем семестре 1902/1903 учебного года он слушал курс лекций Млодзеевского, из которого узнал о теории множеств Кантора. С 1903 года Флоренский готовил диссертацию «Идея прерывности как элемент мирозерцания», предисловие к которой

Рис. 133.
П. А. Флоренский

опубликовано в историко-математических исследованиях в 1986 году [132]. В ней Флоренский пишет о канторовской трактовке непрерывности.

Второй раз Флоренский обратился к учению Кантора в 1904 году в работе «О символах бесконечности (Очерк идей Кантора)» [133]. Он излагает развитие понятий потенциальной и актуальной бесконечности в истории философии и переходит к изложению теории трансфинитных чисел Кантора. При этом он в основном обращается к поздним работам Кантора, которые тот написал для философского обоснования сво-

его понимания бесконечности и теории типов, – «О различных точках зрения на актуально бесконечное» 1886 года и «К учению о трансфинитном» 1888 года. С IV по VII главу своего сочинения [133, с. 109–120] Флоренский пересказывает учение Кантора о точечных множествах («группах»), их «вполне определённости», упорядоченности («устроенности»), вполне упорядоченности («вообще устроенной группы», например трёхкратно упорядоченной), соответствии взаимном и однозначном, эквивалентности, в том числе для бесконечных множеств («трансфинитных групп»), всюду плотных множествах, порядковых типах, мощности и её связи с эквивалентностью, эквивалентности целого и части для бесконечных множеств, конечных (нетрансфинитных) и бесконечных множествах, алгебре трансфинитных чисел, мощности счётного множества («счётной группы») как наименьшего из трансфинитов, алеф-нуле, шкале («скале») алефов, классах типов. Учение Кантора, хоть и в сокращённом виде, изложено верно, преимущественно это пересказ двух названных статей. Флоренский сосредоточился на философском аспекте учения, тяготеющего к философии религии. Он ставит Кантору в заслугу введение символов актуальной

бесконечности. Далее Флоренский пытается понять научную мотивацию Кантора, истоки которой ищет в его биографии, хотя сам и признаёт, что «биографические данные о Канторе нигде не опубликованы и поэтому фактический материал чрезвычайно скуден. Приходится интерполировать чутьём, но, создав *себе* представление о его личности, чрезвычайно затруднительно доказать правомерность своего взгляда». [133, с. 120; курсив оригинала]. Упорство и целенаправленность научного пути Кантора Флоренский приписывает еврейской религиозности, усиленной до самопожертвования. Мы можем учесть молодость двадцатидвухлетнего Флоренского, взявшегося интерполировать, а точнее, проецировать свои воззрения (и воззрения Вл. Соловьёва) на внутренний мир незнакомого ему учёного, смешивая понятия национальности и религиозной принадлежности. Сейчас уже известно, что Кантор был лютеранином, родившимся в семье лютеранина-отца и матери-католички, что лишь его дед по мужской линии был иудеем, а в следующем поколении отец, а также брат и сестра отца были лютеранами, а одна из сестёр отца – православной. Мужская линия восходит к португальским евреям, поселившимся в Копенгагене; женская линия – к австрийским чехам и венграм, католикам. Имея родителей разных конфессий, Георг Кантор не был очень религиозен, а впоследствии, в поисках теологического обоснования понятий своей теории, он консультировался только с католическими богословами, хотя апеллировал ко всей философской литературе, посвящённой проблемам бесконечности и континуума.

Флоренский полагал, что абсолютное постигается в символах [133, с. 126], и потому абсолютизировал стремление Кантора создать символы трансфинитов. «Если Кантор, как личность, является живейшим образцом еврея, то его мировоззрение носит характер того же едва ли не в большей степени» [133, с. 127]. Вновь смешивая этнические и конфессиональные характеристики, Флоренский делает вывод, что именно поэтому Кантор рассматривал актуальную бесконечность: «Идея законченной бесконечности, как у абсолютной личности – Бога, так и у человеческой, есть достояние еврейства, а эта идея есть, кажется, самое существенное основание у Кантора. В то время как другие, арийцы, признают только потенциальную бесконечность, „дурную“, неопределённое и неограниченное, его душе мысль о невозможности актуальной бесконечности кажется чудовищной» [133, с. 127].

Увлечение Флоренского философской стороной теории Кантора разделяли А. Ф. Лосев (хотя Лосев не читал самого Кантора, в его статьях среди

ссылок на литературу присутствует только интерпретация учения Кантора в статьях П. Таннери, но нет работ самого Кантора) и другие московские философы [134].

К первому десятилетию XX века учение Кантора распространилось в математических кругах Европы и России. На его основе в работах Лебега, Бореля и Бэра зародилась теория меры. В Москве с 1911 года начинает формироваться школа теории функций, а затем и дескриптивной теории множеств, у истоков которой стояли Д. Ф. Егоров и Н. Н. Лузин.

5.5. Казань. 1904–1908 годы. А. В. Васильев

Александр Васильевич Васильев (1853–1929; рис. 134) с 1874 года, после окончания Петербургского университета, работал в Казанском университете сначала приват-доцентом, с 1887 года – профессором. Его широкая образованность, знание языков, многочисленные контакты с зару-

Рис. 134. А. В. Васильев

бежными учёными позволили ему стать хорошим организатором и просветителем. Он занимался как научной, так и общественно-политической деятельностью, пропагандировал идеи Лобачевского, подготовив к изданию собрание его сочинений. В Казани до 1855 года работал дядя Георга Кантора, Дмитрий Иванович Мейер (1819–1856), известный юрист и создатель русского гражданского права [11]. В кабинете Васильева висели два портрета – Лобачевского и Мейера. Васильев был знаком с Кантором по переписке и пропагандировал его идеи.

С 1904 по 1908 год в издательстве Казанского университета выходит «Введение в анализ» А. В. Васильева с изложением начал теории множеств. Как пишет С. С. Демидов: «Мало-помалу курсы математического анализа начинают выстраиваться на современный лад. Здесь первенство принадлежит математикам Одессы (С. О. Шатуновский), Киева (Б. Я. Букреев), Казани (А. В. Васильев)» [135, с.77].

С момента появления учения Кантора прошло около 30 лет. За это время учение обогатилось как трудами последователей, так и критикой оппонентов, благодаря чему приобрело законченную форму. Вся теория

заклучалась в 10 основных статьях Кантора. Первая обобщающая монография Шёнфлиса появилась в 1900 году, но и она была неполна. Необходимо было целостное изложение теории.

Теория множеств Кантора состоит из двух частей: теория линейных точечных множеств и теория трансфинитных чисел. Млодзеевский разделил задачу целостного изложения теории между двумя диссертантами: В. Л. Некрасовым и И. И. Жегалкиным. Некрасов должен был полно изложить теорию точечных множеств, а Жегалкин – теорию трансфинитных чисел, и каждому вменялось в обязанность добавить к изложению собственные результаты. Оба диссертанта справились с поставленными задачами. Млодзеевский оппонировал на обеих защитах. Обе защиты состоялись в 1908 году. Жегалкин защитился 12 марта, Некрасов 4 октября. Магистерские диссертации были изданы годом раньше и стали первыми в России монографиями по теории множеств.

5.6. Москва – Томск. 1907 год. В. Л. Некрасов

Владимир Леонидович Некрасов (1864–1922; рис. 135) окончил Казанский университет, где и был оставлен преподавателем, а в 1900 году переведён в открывшийся Томский технологический институт на кафедру чистой математики. Для приготовления магистерской диссертации с 1902 по 1903 год был в Европе в научной командировке. Его магистерская диссертация «Строение и мера линейных точечных областей»³⁵¹ была опубликована в 1907 году в «Известиях Томского технологического института» [136].

Глава I содержит обстоятельный исторический очерк основных результатов теории множеств и теории меры с исчерпывающим библиографическим обзором. Список литературы расположен в хронологическом порядке от 1638 до 1907 года. В третьей главе «Новейшие работы» Некрасов дополняет его литературой, появившейся к моменту поступления рукописи третьей главы в печать. Как пишет Н. Н. Круликовский: «До появления

Рис. 135. В. Л. Некрасов

³⁵¹ «Область» у Некрасова понимается как «множество».

в 1928 году книги А. Френкеля „Введение в теорию множеств“, в которой библиография доведена до 1928 года, библиография В. Л. Некрасова была наиболее полной. В историческом обзоре проявляется стремление автора отделить теорию точечных множеств от абстрактных множеств» [137, с. 24]. Мы можем видеть это из следующих слов Некрасова: «Что касается размера, то ещё *Cantor*-ом было установлено, что точечные области могут быть конечны, счётны или иметь размер непрерывности. Выяснение же того, в каком отношении последний размер находится в ряду *алефов*, входит в задачи теории трансфинитных чисел и нас здесь не занимает» [136, с. 98]. Некрасов, начиная рассматривать историю от открытия бесконечно малых Ньютоном и Лейбницем, пишет, что «родоначальником в современной теории областей был *Bolzano*, но развил и поставил её на строго научную почву *G. Cantor*» [136, с. 24 курсив оригинала]. В третьей главе Некрасов добавляет к числу предтеч и Галилея с его примером о соответствии бесконечных множеств натуральных чисел и их квадратов [136, с. 225]. Как фундаментальные Некрасов выделяет введённые Кантором понятия предельной точки и произвольного множества. Далее он приводит основные положения теории точечных множеств, называя три основные характеристики линейных областей: размер, строение и меру.

Вторая глава содержит собственные результаты Некрасова по строению линейных множеств, соответствующих трём типам размещений и их комбинациям, как для замкнутых, так и для открытых множеств. Структура точек разрыва функции является приложением результатов Некрасова. Заметим, что Некрасов, пожалуй, первым отметил приоритет Улисса Дини в классификации точек разрыва [136, с. 102]. Третья глава содержит дополнения в виде новой литературы и исторического упорядочения развития идей теории множеств. В четвёртой главе приведено учение о мере А. Лебега и В. Юнга (Янга; W. Young), хотя начало теории меры Некрасов выводит от Римана и Ганкеля. Некрасов отмечает факт признания теории Кантора: «Право на существование и роль учения об областях в общей системе науки является упроченным: с этим учением считаются и в настоящее время нельзя уже избежать его влияния в целом ряде отделов анализа. И вся эта эволюция произошла в течение каких-нибудь 30 лет, не считая её, так сказать, доисторического периода» [136, с. 97].

Благодаря тщательному историческому анализу, скрупулёзному изложению теории точечных множеств Кантора и собственным результатам Некрасова монография сохранила значимость и по сей день.

5.7. Москва. 1907 год. И. И. Жегалкин

Иван Иванович Жегалкин (1869–1947; рис. 136) после окончания Московского университета читал в 1906–1907 годах курс абстрактной теории множеств, в 1907 году опубликовал монографию «Трансфинитные числа»³⁵² [138] и в 1908 году защитил на эту тему магистерскую диссертацию. Впоследствии он возглавил исследования по математической логике, в которой получил крупные результаты, связав классическую логику и арифметику вычетов по модулю 2. Кольцо вычетов по модулю 2 называют алгеброй Жегалкина. В последующих работах он доказал разрешимость исчисления одноместных предикатов.

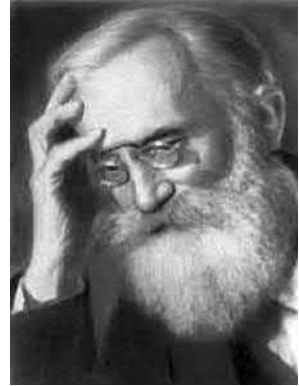

Рис. 136.
И. И. Жегалкин

В диссертации Жегалкин излагает алгебру трансфинитных чисел Кантора по-своему, дедуктивно. Совсем нет списка литературы, только несколько упоминаний работ Кантора, Дедекинда, Цермело и Бернштейна. Главным образом даётся переработанное изложение последней статьи Кантора 1897 года «К обоснованию учения о трансфинитных множествах». Жегалкин иначе излагает вводную часть, надеясь избежать тех противоречий теории, которые стали известны к началу XX века, связанных с проблемой вполне упорядочения и теоремой Цермело³⁵³. Некоторые доказательства Кантора Жегалкин дополняет более строгими соображениями. Аксиома выбора³⁵⁴ была сформулирована Цермело в 1904 году и вызвала немало споров. Жегалкин, учитывая эту полемику, разделяет положения теории множеств на зависящие и независимые от аксиомы выбора. Заслугой его является утверждение о независимости проблемы выбора от остальных постулатов математики, высказанное задолго до Серпинского и Гёделя.

В первой главе Жегалкин пытается построить теорию количественных и порядковых чисел до введения понятия конечного и бесконечного.

---

³⁵² Автор выражает признательность П. Н. Антонюку за подаренную монографию Жегалкина.

³⁵³ На всяком множестве можно ввести такое отношение порядка, что множество будет вполне упорядоченным.

³⁵⁴ Из всякого непустого множества можно выбрать один элемент.

Он вводит понятие конечного множества, упорядочения и полного упорядочения; понятие суммы, произведения и отображения множеств, собственное понятие ненастоящего множества. Во второй главе рассматривает отношение эквивалентности, мощности (как количественного числа), операции сложения, умножения и возведения в степень мощностей, чем заканчивает теорию мощностей. Третья и четвёртая главы посвящены понятию упорядоченного множества и понятия типа, а также их свойствам. В пятой главе рассматривается вполне упорядоченное множество и теорема Цермело (всякое множество можно мыслить вполне упорядоченным множеством [138, с. 149]). Жегалкин доказывает возможность упорядочить семейство множеств для случая попарно непересекающихся множеств (Жегалкин называет их обособленными), а именно: «Пусть $M' = \{m\}$ – какое угодно неупорядоченное множество. Рассмотрим множество всех его частей, которые будем обозначать символом M' , причём „нуль-часть“ исключаем из рассмотрения (но не само M). Мы мыслим, что в каждой части M' мы выбрали произвольно какой-нибудь элемент m' , который будем называть „отмеченным“ элементом этой части. В возможности мыслить это мы убеждаемся так: если M' – какая-нибудь часть, то каждый элемент её, мыслимый как принадлежащий именно ей, а не иной какой части, даёт новую вещь, совокупность которых образует множество, эквивалентное M' . Так как каждому M' соответствует своё N' , то мы получаем систему уже обособленных множеств N' . Пусть P какое-нибудь определённое множество, в которое входит по одному элементу из каждого N' .

Если теперь M'_1 определённая часть, то в P входит только один элемент из соответствующего ей множества N'_1 и этот элемент будет некоторый элемент m'_1 из M'_1 , мыслимый в его принадлежности к M'_1 . Его, то есть m'_1 , мы и назовём отмеченным элементом в M'_1 . Очевидно, как каждая часть имеет один определённый отмеченный элемент, так и для каждого элемента m' найдётся часть, в которой он отмечен, например особое множество из одного его самого» [138, с.150; курсив оригинала].

В шестой главе исследуются свойства порядковых чисел, т. е. типов вполне упорядоченных множеств. Жегалкин подчёркивает важность введения порядковых отношений между ними, выделяя теорему о том, что всякое [порядковое] число есть тип множества всех чисел, меньших его. Только после того, как построена теория количественного и порядкового числа, он рассматривает в седьмой главе конечные множества и числа, из них как множество всех конечных чисел получает в восьмой

главе счётные множества. В девятой главе вводится сравнение мощностей; в десятой и одиннадцатой главах изучаются общие свойства типов счётных множеств (чисел второго класса, по Кантору). Двенадцатая глава посвящена образованию последовательности алефов, в тринадцатой главе изучается мощность степени. Завершается монография перечислением известных к тому моменту парадоксов. Фактически Жегалкин сделал попытку построить непротиворечивую и полную арифметику трансфинитных чисел, но он базировался на понятии конечного множества, не определив его строго, и переносил отношения между конечными числами на трансфиниты. Он исследовал также числа выше II класса, чего не было у Кантора. В последней главе Жегалкин рассматривает теорему Кёнига 1905 года для счётного множества множителей и даёт её первое доказательство для любого количества множителей [138, с. 337] до Журдена и Цермело. Анализ его доказательства сделал Ф. А. Медведев в [139, с. 228–233].

5.8. Московская школа теории функций и множеств

В 1910 году в Московском университете стал вестись семинар Д. Ф. Егорова по теории функций. В 1911 году с теоремы Егорова о равномерной сходимости началась история московской школы теории функций, во главе которой стояли Егоров и Н. Н. Лузин (рис. 137). Исследования Лузина создали новое направление – дескриптивную теорию множеств; исследования его учеников развивали многочисленные направления на основе теории множеств – теорию меры, теоретико-множественную топологию, функциональный анализ, теорию вероятностей и многие другие.

Рис. 137. В. Серпинский,
Д. Ф. Егоров и Н. Н. Лузин (*сидит*)

5.9. Петербург – Одесса. 1914 год. П. С. Юшкевич

Три основные работы Кантора уже в переводе, а не в пересказе вышли в 1914 году. С 1913 по 1915 год Васильев издавал в Петербурге серию «Новые идеи в математике». Он привлёк к переводу работ Кантора философа и переводчика философской литературы Павла Соломоновича Юшкевича (1873–1945; рис. 138), отца Адольфа Павловича Юшкевича. Были переведены три самые характерные работы Кантора, содержавшие квинтэссенцию его учения: «Основы общего учения о многообразиях» (Пятый мемуар), «О различных точках зрения на актуально бесконечное» и «К учению о трансфинитном».

Рис. 138.
П. С. Юшкевич

Мы почти не говорим здесь о личных контактах русских учёных и Кантора, упомянем лишь, что Кантор был избран иностранным членом Харьковского математического общества.

Теория Кантора в первоначальном виде (наивная теория множеств) была переработана и послужила основой новых направлений теории функций, теории меры, функционального анализа, теоретико-множественной топологии и многих других разделов математики. Непосредственно к основам теории множеств обращались отдельные русские математики, среди которых назовём чувашского математика Исаяю Максимовича Максимова (1889–1976), аспиранта Лузина, работавшего в области теории множеств, теории чисел, теории функций и исследовавшего созданную им в 1930-е годы концепцию трансфинитного пространства.

5.10. Москва – Новосибирск. 1968 год. А. И. Фет. Драматическая судьба первого полного перевода Кантора на русский язык

Историю, которая сейчас будет рассказана, поведала мне в июне 2014 года вдова первого переводчика всех трудов Кантора А. И. Фета Людмила Павловна Петрова, проживающая в Новосибирске.

Абрам Ильич Фет (1924–2007; рис. 139), математик, философ, публицист и блестящий переводчик, родился в Одессе, закончил Томский университет, в 1948 году в Москве защитил кандидатскую диссертацию под руководством Л. А. Люстерника; в 1967-м там же защитил докторскую, содержащую известный ныне результат: теорему Фета о двух геодезических. С 1955 года работал в Новосибирске. Вот что написала мне Людмила Павловна (фрагменты письма публикуются с её согласия): «Поскольку Вы занимаетесь Кантором и вообще историей, Вам, вероятно, будет интересно узнать один эпизод из истории наследия Кантора в России. А. И. Фет перевел не только биографию Кантора, написанную Френкелем, а все его сочинения. Перевод был сделан с издания: Georg Cantor, Ernst Zermelo, ed., *Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen inhalts, mit erläuternden anmerkungen sowie mit ergänzungen aus dem briefwechsel Cantor-Dedekind*, Berlin, Verlag von Julius Springer, 1932.

Рис. 139. А. И. Фет

Это издание включает почти всё, что написано Кантором. Кроме того, в приложении представлены 5 писем из переписки Кантора с Дедекиндом и биография Кантора, написанная А. Френкелем.

Перевод был сделан в 1969–1970 годах, для заработка, так как осенью 1968 года, после подписания письма в защиту незаконно осужденных, А. И. Фет был изгнан с работы и оставался безработным до лета 1972 года.

Договор на перевод был заключен с московским издательством Физматлит на имя А. В. Гладкого, поскольку А. И. не имел права ни на какую работу. Когда перевод уже был готов и издательство начало работать над книгой, она была отвергнута комиссией Понтрягина (не перевод, а сама книга Кантора!)).

5.11. Л. С. Понтрягин

Лев Семенович Понтрягин (1908–1988), академик, сделавший большой вклад в топологию и вариационное исчисление, в 1970 году возглавил созданную им группу, входящую в секцию редакционно-издательского совета (РИСО) АН СССР «Главная редакция физико-математической литературы издательства „Наука“». Вот что пишет он сам: «Ещё до организации

группы секция приняла решение о переводе на русский язык собрания сочинений Г. Кантора. При повторном прохождении этого решения через секцию вопрос попал на группу. Ещё до того, как мы стали его рассматривать на группе, И. Р. Шафаревич при встрече в столовой сказал мне: „Кажется, я уже теперь не член секции³⁵⁵, и поэтому я хочу вас предупредить относительно собрания сочинений Кантора. Кантору неправильно приписывается вся заслуга в создании теории множеств. Фактически очень значительная часть была сделана Дедекиндом. Это можно видеть из переписки Кантора с Дедекиндом. Так что следует к сочинению Кантора приложить эту переписку“.

Я стал думать об этом соображении Шафаревича и пришёл к заключению, что сочинения Кантора вообще издавать не следует, поскольку привлекать внимание молодых математиков к теории множеств в настоящее время неразумно.

Теория множеств, очень популярная во времена Лузина, в настоящее время уже утратила актуальность. Моё предложение было принято группой, и книга была отвергнута. Секция с нами согласилась сразу, и это несмотря на то, что перевод сочинений Кантора уже был сделан! Так что пришлось его оплатить» [140, с. 175].

Людмила Павловна Петрова, супруга Фета, добавляет: «Лев Семенович ошибается – перевод не был оплачен.

Машинописный текст перевода 536 стр. находится в домашнем архиве. Все формулы, вставки и цветные пометы для издательства сделаны рукой А. И. Фета.

Когда Ф. А. Медведев и А. П. Юшкевич переводили труды Кантора для издательства „Наука“, 1985, они не знали о существовании уже готового перевода Фета (или А. В. Гладкого)».

О мастерстве Фета как переводчика пишет Е. Н. Савенко: «Проблема переводов волновала ученого на протяжении всей жизни. Выступая в 1997 г. на конференции, посвященной этому вопросу, он отмечал, что с 1960-х гг. в стране „началась эпоха безграмотных переводов“ [141, с. 387]. По его мнению, причинами такого положения были утрата умения отбора книг для перевода и низкая квалификация переводчиков. Подразумевалось не столько плохое знание языка, сколько непонимание смысла переводимого текста

---

³⁵⁵ В результате конфликта, описанного Понтрягиным, Шафаревич был исключён из секции.

из-за слабой гуманитарной подготовки. Сам А. И. Фет – эрудит и интеллектual – обладал уникальными способностями, необходимыми для качественных переводов: он точно распознавал значимые идеи и умел верно их формулировать» [142].

Л. П. Петрова добавляет: «Он говорил мне, что хорошим переводом математической книги считает такой, который улучшает её. Сам А. И. рассматривал такие переводы как возможность хорошо узнать интересующую его книгу».

Добавление автора: я переводила с немецкого языка первую биографию Кантора, написанную его учеником Адольфом Френкелем. Но увидев перевод, сделанный А. И. Фетом, я была восхищена ярким и живым языком, который делал текст полнокровным и эмоциональным, не искажая первоисточника ни на йоту. Переводчики меня поймут. Этот перевод, как и другие работы Фета, можно найти в интернете. Полагаю, что и перевод трудов Кантора, сделанный Фетом, тоже следовало бы издать, хотя сейчас мы уже располагаем очень хорошим переводом 1985 года.

5.12. Москва – Ленинград. 1985 год. Ф. А. Медведев

В феврале 1983 года было закончено, а в 1985-м вышло издание трудов Кантора в издательстве «Наука». Оно было подготовлено А. Н. Колмогоровым (1903–1987) и А. П. Юшкевичем (1906–1993) и включало основные его работы по теории множеств, переписку Кантора с Дедекиндом и примечания Э. Цермело к немецкому изданию. Основным исходным текстом было издание 1932 года под редакцией Цермело [143]. В отличие от издания Цермело, включавшего пять писем из переписки Кантора и Дедекинда, в русском издании 1985 года приводится в переводе Ф. А. Медведева (рис. 140) 49 писем из этой переписки по немецкому изданию Э. Нётер и Ж. Кавайеса [144].

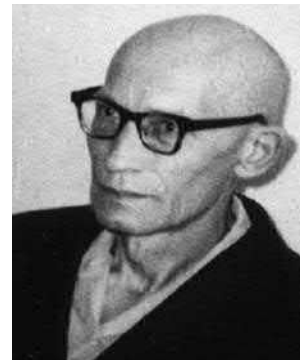

Рис. 140.
Ф. А. Медведев

Русское издание 1985 года содержит три статьи Кантора («Основы общего учения о многообразиях», «О различных точках зрения на актуально бесконечное» и «К учению о трансфинитном») в переводе П. С. Юшкевича, изданные в 1914 году в «Новых идеях в математике»; одиннадцать статей

в переводе Фёдора Андреевича Медведева, в том числе «Принципы теории порядковых типов. Первое сообщение», не входившее в сборник 1932 года под редакцией Цермело и найденное А. Граттан-Гиннессом в рукописи, хранящейся в Институте Миттаг-Леффлёра в Швеции и опубликованное им в 1970 году [145]. Эта статья была написана Кантором в 1884 году для журнала Миттаг-Леффлёра «Акта математика», но была отклонена как слишком философская.

Фёдор Андреевич Медведев (1923–1994) – математик и историк математики, всю свою жизнь посвятивший истории теории множеств; автор четырёх книг и многих статей по истории теории множеств и творчеству самого Кантора. Он не только тщательно перевёл труды Кантора, его переписку с Дедекиндом и комментарии Цермело, но и добавил свои очень ценные замечания к работам Кантора. Фёдор Андреевич был моим учителем, благодаря ему я тоже стала исследователем истории учения Кантора.

В судьбе русских переводов Кантора во многом отразилась история России XX века.

Заключение

Теория множеств, созданная Кантором, постепенно завоевала признание математиков. Математика получила новый язык и новый фундамент. Теория множеств, как пишет Ф. А. Медведев, стала независимой и предшествующей всей математике [39, с. 386].

На её основе возникли сильные школы теории функций и теории множеств во Франции, Италии, России и Польше.

Библиографический список

1. Адрес-календарь С.-Петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям К. Нистремом : в 3 т. Т.3 – СПб., 1844.
2. Адрес-календарь Санкт-Петербурга. – СПб., 1851.
3. Адресная книга Санкт-Петербургского купечества, гг. иностранных гостей, биржевых маклеров и браковщиков при Санкт-Петербургском порте. – СПб., 1844. – РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 405.
4. *Аллер С.* Описание наводнения. – СПб., 1825. – С. 225.
5. *Аллер С.* Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга с планом. 1822 г. – СПб., 1822.
6. *Асвариц Б. И.* Франц Крюгер в Петербурге. Каталог выставки / Б. И. Асвариц. – СПб. : Славия, 1997. – 176 с. – С. 31.
7. *Ауэр Л.* Моя долголетняя музыкальная жизнь / Л. Ауэр. – Иерусалим, 1989. – 156 с.
8. *Бахметев Н. И.* Записки и дневник Н. И. Бахметева / публ., вступ. ст. и прим. Г. Ф. Соловьёвой; Российский архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. – М. : Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2003. – С. 242–301.
9. *Белякаева-Казанская Л. В.* Силуэты музыкального Петербурга / Л. В. Белякаева-Казанская. – СПб. : Лениздат, 2001. – 500 с.
10. *Берс А. А.* Алексей Федорович Львов как музыкант и композитор / А. А. Берс // Русская старина. – СПб. – 1900. – № 4. – С. 145–168.
11. *Векслер А. Ф.* Преподаватели русского языка в немецкой школе и их воспитанники / А. Ф. Векслер // Старый Петербург. Поиски, находки, открытия. – СПб., 2009. – 415 с. – С. 97–116.
12. *Венивитинов М. А.* Франц Лист и граф Мих. Юрьевич Виельгорский в 1839 г. / М. А. Венивитинов // Русская старина. – СПб., 1886. – № 10–12. – С. 485–490.
13. *Вигель Ф. Ф.* Воспоминания. – ОР РНБ. Ф. 276. С. 437.
14. Всемирный биографический архив (ВБА), микрофиши, РНБ. Scandinavian Biographical Archive (A), РНБ СПб.
15. Всеобщая адресная книга. Адрес-календарь С.-Петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям Карлом Михайловичем Нистремом. – СПб., 1844.
16. Высшая школа Санкт-Петербурга XIX – начало XX в. // Сборник документов. – СПб. : Лики России, 2007. – 432 с.
17. *Гессен В. Ю.* К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины от первых евреев до XX века / В. Ю. Гессен. – СПб. : Издательство «Тема», 2000. – 216 с.
18. *Глинка М. И.* Записки. Литературные произведения и переписка / М. И. Глинка. – В 2 т. Т. 1. – М. : Музыка, 1973. – 483 с.

19. Гозенпуд А. А. Из истории концертной жизни Петербурга первой половины XIX века / Ф. Ф. Гозенпуд. – СПб. : Советский композитор, 1992. – 246 с.
20. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого / А. Б. Гольденвейзер. – М. : Гослитиздат, 1959. – С.148.
21. Гольмстен А. Х. Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность / Д. И. Мейер // Русское гражданское право: чтения, изданные по записям слушателей / под ред. А. Вицина. С исправл. и доп. А. Х. Гольмстена. 10-е изд. – Петроград, 1915.
22. Гордин А. М., Гордин М. А. Пушкинский век / А. М. Гордин, М. А. Гордин. – СПб. : Издательство «Пушкинский фонд», 1995. – 414 с.
23. Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика. Полный свод названий за три века. Справочник-путеводитель. – 2-е изд., пер. и доп. – СПб. : Лик, 1990. – 288 с.
24. Городской указатель, или Адресная книга на 1850 год. – СПб., 1849. – 496 с.
25. Грубер Р. И. История музыкальной культуры / Р. И. Грубер. – М. ; Л. : Государственное музыкальное издательство. – В 2 т. – Т. 2, ч. 1, 1953. – 414 с. – Т. 2, ч. 2, 1959. – 492 с.
26. Данилов С. С. Постоянные театры в Петербурге в XIX веке / С. С. Данилов // Временник отдела истории и теории театра III : сб. статей. – Л. : Academia 1929. – С. 153–182.
27. Даргомыжский А. С. Автобиография / А. С. Даргомыжский // Русская старина. – 1875. – XII – С. 341–358.
28. Друскин М. Зарубежная музыка первой половины XIX века / М. Друскин. – М. : Советский композитор, 1967. – 108 с.
29. Дюмон П. Э. Л. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. Излож. и отрывки С. Горяинова // Голос минувшего. – 1913. – № 2. – С. 143–164.
30. Жаров Б. С. Датчане. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. Деятнадцатый век. – СПб., 2003.
31. Зуев Г. И. Вдоль канала Грибоедова / Г. И. Зуев. – М. : ЗАО «Центрполиграф», 2007. – 509 с.
32. Зуев Г. И. Петербургская Коломна / Г. И. Зуев. – М. ; СПб. : 2007. – 590 с.
33. Изаи Э. Анри Вьетан – мой учитель / Э. Изаи // Музыкальное исполнительство : сб. статей. – М, 1973. – № 8. – С. 223.
34. Илларионова Т. Немцы на государственной службе России / Т. Илларионова. – М., 2009. – 204 с.
35. История математики с древнейших времен до начала XIX столетия / под ред. А. П. Юшкевича. – М., 1972. – Т. 3. – 496 с.
36. История русской музыки в 10 т. – М. : Музыка, 1986. – Т. 4. – 416 с.
37. История русской музыки в 10 т. М. : Музыка, 1988. – Т. 5. – 518 с.
38. История С.-Петербургской Биржи 1703–1903 / сост. А. Г. Тимофеев. – СПб., 1903. – 295 с. – С. 117.

39. Кантор Г. Труды по теории множеств / Г. Кантор. – М. : Наука, 1985. – 431 с.
40. Каратыгин П. А. Воспоминания П. А. Каратыгина // Русская старина. – Т. XXII – 1878. – С. 719–738.
41. Конивец А. В. Зимний дворец в послереволюционные годы / А. В. Конивец // История Петербурга. – 2010. – № 2 (54). – С. 71.
42. Краткие статистические сведения о состоянии С-Петербургского Коммерческого училища за 100 лет со списком воспитанников. – СПб., 1872. – 104 с.
43. Кремнёв Б. Г. Бетховен / Б. Г. Кремнёв. – М. : Молодая гвардия, 1961. – 382 с.
44. Кремнёв Б. Г. Франц Шуберт / Б. Г. Кремнёв. – М. : Гос. муз. изд-во, 1959. – 404 с.
45. Лаврентьева С. Друг детей – Е. М. Бём. Биографический эскиз / С. Лаврентьева. – СПб., 1911. – 18 с.
46. Ленц В. Приключения лифляндца в Петербурге / В. Ленц // Русский Архив. – 1878. – Кн. I. – С. 436–468. http://unclear.rinet.ru/~r_l/RA/035%20tom_Russkiy%20arhiv_1878_vip%201-4.pdf
47. Лисаевич И. На крыльях Меркурия. Из истории торгово-банковской жизни Петербурга / И. Лисаевич. – СПб. : Книжный дом, 2004. – 204 с.
48. Львов А. Ф. Записки / А. Ф. Львов // Русская старина. – СПб., 1876. – Т. XV.
49. Ляцкая В. А. Воспоминания об А. Н. Пыпине / В. А. Ляцкая / Авторизованная машинная копия. – ОР РНБ. Ф. 621. Д. 1116. Л. III+231, 64 л.
50. Майкапар А. Урок музыки. Музыкальные жанры. Симфония. Великие творцы симфоний / А. Майкапар // Искусство. – 2009. – № 8 (416). – Электронный ресурс: <http://art.1september.ru/articles/2009/08/03>
51. Манифест Екатерины II от 4 декабря 1762 года и 22 июня 1763 года // Полное собрание законов Российской Империи. – СПб., 1830. – № 11720, 11880.
52. Матвиевская Г. П., Зубова И. К. В. И. Даль в Оренбурге / Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова. – Оренбург : ООО «Оренбургское книжное издательство», 2007. – 584 с.
53. Медведев Ф. А. Развитие теории множеств в XIX веке / Ф. А. Медведев. – М., 1965. – 232 с.
54. Медведев Ф. А. Очерки истории теории функций действительного переменного / Ф. А. Медведев. – М. : Наука, 1975. – 248 с.
55. Медведев В. М. Миграционные процессы населения Сарепты. Вторая половина XVIII – середина XIX вв. / В. М. Медведев // Сарепта. Историко-этнографический вестник. Вып. 3. – Волгоград, 2007. – С. 92–125.
56. Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву / Д. И. Мейер. – М. : АО «Центр ЮрИнфо». – 390 с.
57. Мейер Д. И. О значении практики в системе современного юридического образования / Д. И. Мейер. – Казань, 1855. – С. 10.

58. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право // Чтения Д. И. Мейера, изданные по запискам слушателей / под ред. А. И. Вицина. – Изд. 8-е, испр. и доп. А. Х. Гольмстен. – СПб. : 1902. – 676 с. ; Отечественные записки. – 1858. – № 5. – С. 17–18.
59. Музыкальная энциклопедия / под ред. Ю. В. Келдыша. – М. : Советская энциклопедия; Советский композитор, 1973–1982.
60. *Никитенко Г., Соболев В.* Дома и люди Васильевского острова / Г. Ю. Никитенко, В. Д. Соболев. – М. ; СПб. : Центрполиграф, 2008. – 736 с.
61. *Нистрем К.* Книга адресов Санкт-Петербурга / К. Нистрем. – СПб., 1837.
62. *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие / В. Ф. Одоевский. – М. : Государственное музыкальное издательство, 1956. – 729 с.
63. *Соколовский Н. С.* Отечественные записки. – 1858. – Т. III. – № 5. – С. 17–18.
64. *Пекарский П. П.* Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере / П. П. Пекарский // Братчина : сб. статей. – М., 1859. – С. 210.
65. *Петровская И. Ф.* Музыкальное образование и музыкальные общественные организации в Петербурге 1800–1917 / И. Ф. Петровская. – СПб. : Петровский фонд, 1999. – 368 с.
66. *Петрухинцев Н.* Рождение Медной горы / Н. Петрухинцев // Родина. – 2002. № 1.
67. *Половцов А. А.* Русский биографический словарь в 25 т. / под набл. А. А. Половцова. – СПб., 1896–1918.
68. *Половцов А. А.* Русский биографический словарь / под ред. Половцова. – СПб., 1900. – Т. 2. – 796 с.
69. *Пуркерт В., Ильгаудс Х. И.* Георг Кантор / В. Пуркерт, Х. И. Ильгаудс / пер. с нем. Флейшера. – Харьков : Основа. – 1991. – 128 с.
70. Путеводитель по Санктпетербургу и окрестностям его Ивана Пушкарёва / И. Пушкарёв. – СПб., 1843. – 468 с.
71. Путеводитель 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и пр. – Петербург, 1854.
72. *Пыляев М. И.* Замечательные чудачи и оригиналы / М. И. Пыляев. – М. : Три века истории, 2001. – 359 с.
73. *Пыпин А. Н.* Мои заметки / А. Н. Пыпин. – М. : Изд-во «Бухгейм», 1910.
74. *Ракша И.* Елизавета Меркурьевна Бём / И. Ракша. – Электронный ресурс : <http://www.peoples.ru/art/painter/bem>
75. *Романов П. В.* Застольная история государства Российского / П. В. Романов. – СПб. : Кристалл, 2000. – 575 с.
76. *Саблуков Н. А.* Записки о времени императора Павла и его кончине / Н. А. Саблуков // Исторический Вестник. – 1906. – Т. СIII. – С. 440. – № 1.
77. Санкт-Петербург. Адресная книга. Справочник Генриха фон Реймерса. – СПб., 1809.
78. *Сарайва Ж. Э.* История Португалии / Ж. Э. Сарайва. – М. : Издательство «Весь мир», 2007. – 384 с.

79. Сарепта. Из истории немцев Поволжья / сост. и автор вступ. статьи И. Р. Плеве. – Саратов : издательство Саратовского университета, 1995. – 96 с.
80. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. // Полное собрание законов. – СПб., 1826. – № 19 387. – Т. 26. – С. 59.
81. *Сконечная А. Д.* Торжество муз / А. Д. Сконечная. – М. : Советская Россия. – 1989. – С. 23.
82. *Соколов П.* Воспоминания / П. Соколов // Исторический Вестник. – 1910. – № 8. – С. 382–418.
83. *Соллогуб В. А.* Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. – СПб., 1887. – С. 211–212. [Транскрипция фамилии по изданию М. – 1866.]
84. *Соллогуб В. А.* Воспоминания о кн. В. Ф. Одоевском. – М., 1869. – С. 96.
85. Список гг. купцовъ, иностранных гостей и биржевых маклеровъ, производящих дѣла на С.-Петербургской бирже с 1836 на 1837 год. – СПб. – 1837. – 75 с.
86. *Столпянский П.* Музыка и музицирование в старом Петербурге / П. Столпянский. – Л. : Музыка, 1989. – С. 12.
87. *Стучка П. И.* Курс советского гражданского права. Т. I. Введение в теорию гражданского права / П. И. Стучка. Изд. 2-е. – М. – 1931. – С. 123.
88. *Тибальди-Къеза М.* Паганини / М. Тибальди-Къеза. – М. : Молодая гвардия. ЖЗЛ, 1981. – 304 с.
89. *Тиваненко А. В.* История английской духовной миссии в Забайкалье (начало XIX столетия) / А. В. Тиваненко. – Улан-Удэ, 2009. – С. 21.
90. *Томсинов В. А.* Аракчеев / В. А. Томсинов. – М. : Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2003. – 432 с.
91. Торговый адрес-календарь Петербурга. – СПб., 1836. – С. 40.
92. *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии / С. М. Троицкий. – М. : Наука, 1974. – С. 269.
93. *Файбисович В. М.* Воспитание Александра. Внук великой Екатерины [Электронный ресурс]. URL: <http://alocvet.narod.ru/lib/aleks/al.html>
94. «Фельбермейер и К° поставщики двора его И. и К. Величества». Магазин «К Геррнгутеру». – Вена, 1902. – 32 с.
95. *Фрадкина Э.* Зал Дворянского собрания. Заметки о концертной жизни Санкт-Петербурга / Э. Фрадкина. – СПб. : Композитор, 1994. – С. 159.
96. *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России / Г. Ф. Шершеневич. – Казань, 1893. – С. 34.
97. *Штелин Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные от знатных особ в Москве и Санктпетербурге, изданные в свет Яковом фон Штелиным, а на российский язык переведённые Карлом Рембовским (1785, рус. пер. 1786) / Яков фон Штелин. – СПб. : Губернская типография А. Решетникова, 1800. – 259 с.
98. *Щербакова Т.* Михаил и Матвей Виельгорские. Русские музыканты XIX в. / Т. Щербакова. – М. : Музыка, 1990. – 128 с.

99. Эйхенбаум Б. Из студенческих лет Толстого / Б. Эйхенбаум // О прозе : сб.ст. / сост. и подгот. текста И. Ямпольского ; вступ. статья Г. Бялого. – Л. : Художественная литература, 1969. – С. 91–116.
100. Adressbuch der Kaufleute, Fabrikanten und handelnden Gernerksleute von Rusland und Polen / Nr. 18 des grosen Adressbuchs von Europa. – Nürnberg: Berlag von E.Leuchs u Co. – 1845. – 104 S.
101. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat / Bearbeitet von A.Hasselblatt und Dr.G.Otto. – Dorpat: Verlag von C.Matiesen. – 1889. – 1007 S.
102. Bell E. T. Men of Mathematics 2 / E. T. Bell. – Reprint 1965, London, GB. – 646 P. / Chapter twenty nine. «Paradise lost?» – Penguin books, Harmondsworth, Engl. First published, 1937. – P. 612–639.
103. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich 1856–1891. – Wien.
104. [Cantor Georg Voldemar] Ein wort über der Jeffreysschen Mund-Respirator als Schutz und Heilmittel. (Eingesandt von einen praktischen Arzte). – Medicinische Zeitung Russlands. St- Petersburg. – 1848. № 6. – Februar 7. – Feuilleton. – S. 45–48.
105. Daniel Levi de Barrios als Geschiedschrijver van de Portugees-israelietische Gemeente te Amsterdam. – in *Zijn 'del Gobierno popular'*. W. ChR. Pieterse. – Amsterdam, 1968. – 212 p.
106. Danish Genealogical Institute, prepared in 1937 by Th. Hauch–Fausböll. – In Nachlass Cantor I.
107. Dauben J. W. Georg Cantor. His mathematics and Philosophy of the infinite / J.W. Dauben. – Harvard University press. Cambridge, Massachusetts and London. England, 1979. – 404 p.
108. Décaillot Anne-Mariy. Cantor et la France. Correspondance du mathématicien allemand avec les français à la fin du XIX siècle // Ouvrage publié avec le concours du Centre National du Livre. – Éditions Kimé 2, impasse des Peintres. – Paris II, 2008. – 348 p. – P. 278.
109. Dedekind R. Stetigkeit und Irrationale Zahlen / R. Dedekind. – Braunschweig, 1872.
110. Dutch jews as perceived by themselves and by others // Proceedings of the Eight International Symposium on the History of the Jews in the Netherlands. (vol. 24). – Leiden – Boston – Koln, 2001. – 457 p. [Sec.1 – Portuguese Jews].
111. Fraenkel A. Georg Cantor / A. Fraenkel. – Jsbr.dtsch. Math. –Ver. (Deutsche Mathematiker Vereinigung, 1930. – 39. – S. 189–266. Reprinted Leipzig, 1930.
112. Schubring G. Documents on the mathematical education of Edmund Külp (1800–1862), the mathematics teacher of Georg Cantor / Schubring Gert // ZDM Mathematical Education (2007) 39. – S. 107–118.
113. Grattan-Guinness I. Towards a Biography of Georg Cantor / I. Grattan-Guinness // Annals of Science. An international quarterly review of the history of science and technology since the renaissance. – 1971. – Vol. 27 December. – № 4. – P. 345–391.
114. Hanslick E. Geschichte des Concertwesens in Wien // Bd. 1. Braumüller. – Wien, 1869. – S. 231.

115. *Heine E.* Ueber trigonometrische Reihen // J. reine angew / E. Heine. – 1870. – S. 353–365.
116. *Heine E.* Die Elemente der Functionenlehre / E. Heine // Journal für die reine und angewandte Mathematic. – 1872. – № 74. – S. 172–188.
117. *Kertész A.* Georg Cantor. Schöpfer der Mengenlehre / Von Andor Kertész. – Debrecen: mitglied der Akademie. Bearbeitet von Manfred Stern – Acta Historica Leopoldina. Halle/Saale. – 1983.
118. Leopoldina. Некролог Кантора, 1918 [Электронный ресурс] : <http://www.archive.org/stream/leopoldina54kais#page/10/mode/2up>
119. *Meschkowski H.* Probleme des Undedlichten. Werk und Leben Georg Cantors. Mit 12 Abbildungen und 6 Tabellen / H. Meschkowski. – Fridr. Vieweg & Sohn. Braunschweig, 1983. – 288 s.
120. *O'Connor J. J., Robertson E. F.* Georg Cantor in MacTutor archive [Электронный ресурс] : <http://www-groups.dcs.st-and.ac.uk/~history/Printonly/Cantor.html>
121. Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950.
122. *Purkert W., Ilgauds H. J.* Georg Cantor (1845–1918) / W. Purkert, H. J. Ilgauds. – Birkhäuser Verlag, Basel – Boston – Stuttgart, 1987. – 262 s.
123. Toby Faber. Stradivari's Genius: Five Violins, One Cello, and Three Centuries of Enduring Perfection. – NY: Random House Publishing Group, 2012. – 288 s.
124. *Тимченко И.* Основания теории аналитических функций // Записки математического отделения Новороссийского общества естествоиспытателей. Часть I. – Одесса, 1892. – Т. XII. – С. 1–256.
125. *Тимченко И.* Основания теории аналитических функций // Записки математического отделения Новороссийского общества естествоиспытателей. Продолжение I части. – Одесса, 1899. – Т. XVI. – С. 257–472.
126. *Синкевич Г. И.* Улисс Дини и понятие непрерывности // История науки и техники. – 2012. – № 10. – С. 3–11.
127. *Чеботарёв Н. Г.* Самуил Осипович Шатуновский // УМН. – 1940. – VII. – С. 315–321.
128. *Шатуновский С. О.* Введение в анализ. – Одесса : Матезис. – 1923 г. – 260 с.
129. *Шатуновский О. С.* Доказательство существования трансцендентных чисел (по Кантору) // Вестник опытной физики и элементарной математики. – 1896. – № 233 (№ 5). – С. 113–122.
130. *Дедекин Р.* Непрерывность и иррациональные числа / пер. с немецкого профессора С. О. Шатуновского; 4-е исправленное издание со статьёй переводчика : Доказательство существования трансцендентных чисел. – Одесса, 1923 – 46 с.
131. *Медведев Ф. А.* О курсе лекций Б. К. Млодзеевского по теории функций действительного переменного, прочитанных осенью 1902 г. в Московском университете // Историко-математические исследования. – Москва : Наука, 1986 – XXX. – С. 130–148.

132. *Флоренский П. А.* Введение к диссертации «Идея прерывности как элемент мирозерцания» // Историко-математические исследования. – Москва : Наука, – 1986. – XXX. – С. 159–177.
133. *Флоренский П. А.* Сочинения в четырёх томах. – М. : Мысль, 1994. – Т. I. – С. 79–128.
134. *Синкевич Г. И.* Московские математики и философы первой трети XX века: дескриптивная теория множеств и проблема именования / Г. И. Синкевич // Генеалогия ценностей в русской философии Серебряного века : сб. научных трудов под редакцией М. И. Панфиловой, Е. А. Трофимовой. – СПб. : СПбГЭУ. – 2013. – С. 444–456.
135. *Демидов С. С.* Русские математики в Берлине во второй половине XIX – начале XX века // Историко-математические исследования. – М. : Янус-К, 2000. – 5 (40). – С. 71–83.
136. *Некрасов В. Л.* Строение и мера линейных точечных областей // Известия Томского технологического института. – Томск, 1907. – Т. 5. – № 2. – С. 1–102; Т. 6. – № 3. – С. 103–254.
137. *Круликовский Н. Н.* Из истории развития математики в Томске. – Томск, 2006. – 174 с.
138. *Жегалкин И.* Трансфинитные числа. – М. : Университетская типография, 1907. – 346 с.
139. *Медведев Ф. А.* Ранняя история аксиомы выбора. – М. : Наука, 1982. – 304 с.
140. *Понтрягин Л. С.* Жизнеописание Л. С. Понтрягина, математика, составленное им самим. Рождения 1908 г., Москва. – М. : Прима В, 1998. – 340 с.
141. *Фет А. И.* Положение с переводами в России // Доклад А. И. Фета на конференции фонда Сороса, посвященной проблемам перевода. – Новосибирск, 1997.
142. *Савенко Е. Н.* Автор предпочёл остаться неизвестным // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3.
143. *Cantor G.* Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen inhalts, mit erläuternden Anmerkungen sowie mit Ergänzungen aus dem Briefwechsel Cantor-Dedekind / Hrsg. Von Ernst Zermelo; Nebst einen Lebenslauf Cantors von Adolf Fraenkel. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1932. – 402 s.
144. Briefwechsel Cantor – Dedekind / Hrsg. Von E. Noether, J. Cavaillès. Paris, 1937. – 60 s.
145. *Grattan-Guinness I.* An unpublished paper of Georg Cantor «Prinzipien einer Theorie der Ordnunstypen. Erste Mitteilung» // Acta mathematica. – 1970. – Vol. 124. – P. 81–101.

Приложения

Приложение 1

Письмо Георга Вольдемара Кантора его кузену
Дмитрию Ивановичу Мейеру в Казань³⁵⁶

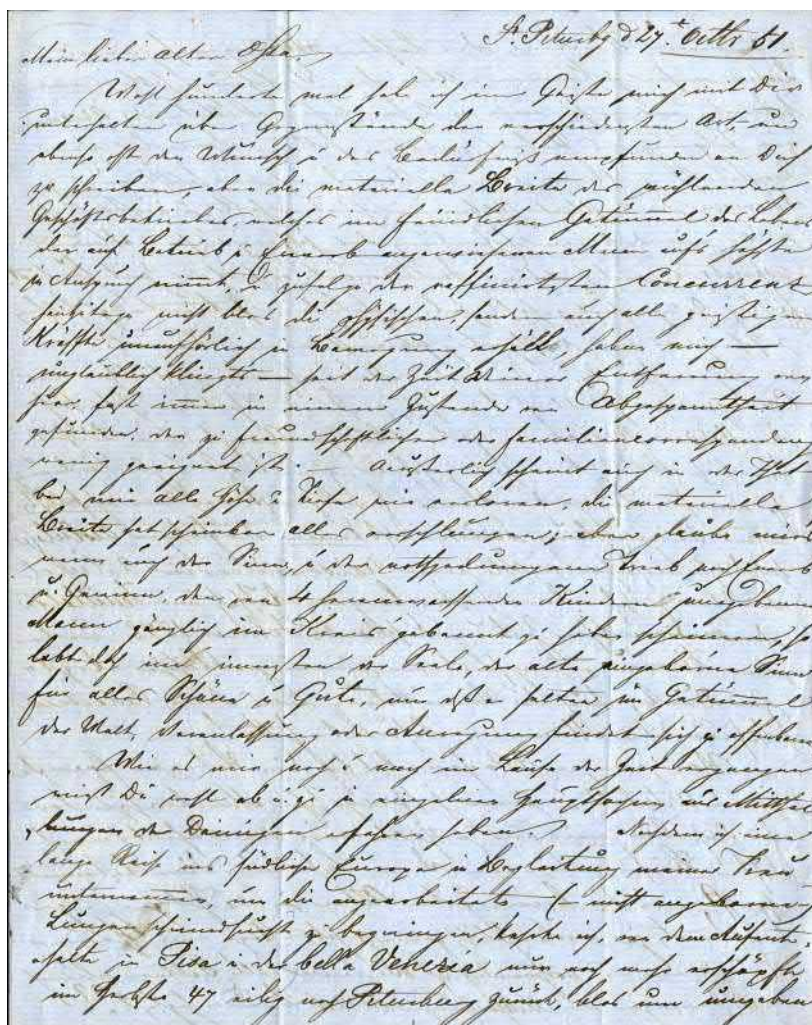

Рис. П1.1. Письмо Г. В. Кантора Д. И. Мейеру, 1851 год

³⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 476. Д. 54. 6 л. Перевод Г. М. Шушкевича.

Docent auf Dorpat gieng h. Was auf die Möglichkeit
 eines jüdischen, jüdischen Capisganges war.
 Aber jüdische Lachen auf einen Zeit zu sein.
 Was ist nicht alles seit einem Theaterstück, ein
 Empfinden Mactheit vorgegangen. Des furchtbaren
 uns jüdisch! -
 Einem jüdischen jüdischen jüdischen jüdischen. Mascha
 hat es nicht mehr, auf alle Kalorien jüdisch, und
 hat ein ganz allerliebste Kinder, ein allerliebste Mädchen
 ist nicht nur ein nettes liebes Kind, sondern ein
 auf Mascha's Comor ist ein charmanter allerliebster
 Dann Mutter hat in letztem Zeit sehr gekümmert,
 und meistens in jüdischen Mogenkinderen gelitten.
 Die beiden jüdischen jüdischen jüdischen bis zu
 die Nechte gewohnt, jüdisch jüdisch jüdisch, und
 sie ist sehr milder aus dem Vater, ein vortrefflich
 guter Arzt, Dr. Seubach besuchte sie, und
 ist auf seinen jüdischen Hausarzt. Dann aber
 Tage sich auf nicht mehr so jüdisch, hat aber
 meistens jüdischen Appetit & nicht mehr
 in dem, bei dem jüdischen jüdischen jüdischen
 mit großem Genuß, aber ist jüdisch ist es
 lieber jüdisch jüdisch. Alles auf ein jüdisch
 jüdisch jüdisch jüdisch jüdisch jüdisch

Рис. П1.1, продолжение

Рис. П1.1, окончание

Чтобы прочитать эту готическую немецкую скоропись, пришлось обращаться в Гамбург к специалистам по расшифровке рукописей.

Вот текст письма (рис. П1.1).

«Санкт-Петербург, 27-го октября 1851 г.

Мой дорогой старый Осса, сотни раз я мысленно беседовал с тобой на разные темы и всякий раз испытывал желание и потребность написать тебе, но реальность неотложных дел, которые в суровой суматохе жизни требуют от человека, существующего за счёт коммерции, полной отдачи, и вдобавок к сему изощрённейшая конкуренция, изматывающая не только физически, но и морально, как бы невероятно это ни звучало, с момента твоего отъезда, не отпуская, держат меня в состоянии апатии, каковая мало располагает к дружеской или семейной переписке.

Со стороны всем кажется, что взлёты и падения меня и вправду больше не трогают и, по-видимому, материальная сторона затмила всё, но, поверь мне, в то время как прагматизм и вынужденное стремление к получению прибыли, казалось бы, полностью завладели человеком, окружённым четырьмя растущими детьми, в нём, однако же, ещё жива душа, прирождённое стремление к красоте и добру: просто в мирской суете он так редко ощущает позыв к откровениям и находит для них повод!!

О том, что за это время происходило со мной, ты так или иначе наверняка узнаёшь от твоих. После того как я в сопровождении моей супруги предпринял длительное путешествие по Южной Европе для обуздания приобретённой в трудах (а не врождённой) чахотки, после долгого пребывания в Пизе и «бэлла Венеции», я осенью 47-го, истощённый ещё более, чем до поездки, спешно возвратился в Петербург для того лишь, чтобы принять благословение и испустить последний вздох в окружении своих двух детей. Но провидение распорядилось иначе, ниспослав мне для облегчения недуга два прекрасных средства: внутреннее – Arcanum – жир тресковой печени – Oleum jecori asilli, который я сам себе и выписал для пущей надёжности из Норвегии, и внешнее – в образе чудесного изобретения

Джеффри – респиратора – инструмента, коим я сумел сотню раз оказать помощь подобным мне пациентам, коль скоро тот имелся под рукой.

Здесь я был первым, кто с железной настойчивостью и терпением решился воспользоваться им, и с тех пор арсенал лечебных средств (*Materia Medica*) петербургских врачей, к утешению и облегчению многочисленных легочных больных, обогатился этим великолепным орудием – но, конечно, лишь после того, как я сам (от отчаяния, что ни один из здешних эскулапов не проникся желанием написать о нём умной статьи) не удосужился напечатать в феврале 1848 года, не без содействия близкого к редактору человека, пространное сочинение под заглавием „Послание практикующего врача“³⁵⁷ в рубрике „Фельетон“ *Medicinishe Zeitung Russland!*

Несколько недель назад твой отец преподнёс мне для тебя экземпляр сей статьи о респираторе Джеффри и поведал содержание твоего последнего письма, в котором ты сообщаешь о составлении завещания, что воистину вконец расстроило милого доброго старика и повергло его в меланхолию.

Скажи мне, дорогой друг, впрямь ли была такая нужда тревожить твоих старых родителей признаниями и известиями такого рода??

Правда ли, что с твоей грудью всё настолько опасно? Пострадала ли твоя телесная конституция из-за столь долго не проходящего коклюша – или ты чувствуешь, что избавился от сего телесного недуга? Напиши мне, убедительно прошу тебя об этом.

Остаётся надеяться, что всё не так серьезно, и тогда ты очень не прав, столь глубоко огорчив своими неосторожными рассуждениями твоих старых, боготворящих тебя родителей! Надеюсь, что мне ты можешь и сможешь в дальнейшем сказать чистую правду потому, что я сам 1½ года глядел в разверстый зев смерти, но не лишился рассудка и одолел чудище. А посему позволю себе теперь преподнести тебе несколько практических советов. Если ты осенью или зимой, вдыхая морозный или сухой воздух, почувствуешь в горле или в груди позывы к кашлю, то неукоснительное пользование инструментом Джеффри принесёт тебе существенную пользу, обережёт тебя от рецидивов и частью, ежели не совсем, поспособствует избавлению от раздражения слизистых горла или бронхов!

Респиратор Джеффри состоит из двух частей: первая – несколько слоев металлических проволок для небольших холодов, вторая – маска для рта. Применяется он при сильном охлаждении воздуха или серьёзном раздражении или чувствительности слизистых, кои проявляются через большие или меньшие, частые или редкие приступы кашля.

---

³⁵⁷ Статья о респираторе Джеффри «Послание практикующего врача» [50], упоминаемая в письме, написана, но не подписана Георгом Вольдемаром Кантором. Она представляет собой солидный медицинский текст на немецком языке, судя по которому автор изучал физиологию, медицину, фармакологию. К сожалению, неизвестно, где он получил образование. В списках студентов Дерптского университета его нет [51].

В дни, когда бушевали сухие северные ветры и меня даже в комнате одолевали частые приступы кашля, снабдил я респиратор ещё и тонкой металлической полочкой и одевал его по вечерам дома, прежде чем лечь в постель, и это здорово помогло, так что после я наслаждался спокойным ночным сном без приступов кашля; особенно замечательно, ежели к тому же пропарить сухой воздух в комнате, растопив самовар, дать ему хорошенько покипеть $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ часа. Одев респиратор Джеффри, пациенты с такими болезнями, как у тебя, должны ежедневно прилежно и неизменно подолгу бывать на воздухе, что улучшает и облегчает дыхательный процесс и посредством усиленного обогащения крови кислородом возбуждает пищеварение и улучшает общее состояние. И в заключение вот ещё что! Покуда не было температуры, я последовал настоятельному совету Шёнлайна и каждый день с удовольствием ел питательные блюда из говядины! Особо хороша отварная говядина.

В конце концов, советую и прошу тебя: беги из Казани, ежели не навсегда, то хоть на время. Для укрепления твоего здоровья поезжай в путешествие в Италию, Германию или Швейцарию, но непременно через Петербург или, если ты так уж заостенел для совершения столь героических поступков, устрой так, чтобы твои старые родители приехали бы на несколько месяцев к тебе. Старики пребывают в постоянной тоске по Тебе – их фамильному сокровищу.

Разумно было бы, ежели бы ты получил место в должности приват-доцента и переехал в Дорпат (Тарту). Оттуда представилась бы возможность каждый год посещать их. Но в любом случае приезжай к нам погостить. Чего только не произошло в наших краях за время твоего отсутствия! Однако об этом только при встрече! Твоим сёстрам здесь очень нравится.

Маша Моллериус прекрасно устроилась, и Мила Калинин³⁵⁸ вполне освоилась, у неё двое милейших детей, её старшая девочка воистину славное, ласковое и умное дитя. Машина Соня тоже славная девочка. Твоя матушка Шарлотта Мейер в последнее время часто хворала и очень мучилась от сильных болей в желудке. Обе сестры по очереди сидели с ней по ночам; теперь ей стало лучше, и она снова встала на ноги; её лечил превосходный врач – доктор Бенбек; теперь он стал и моим домашним врачом. Твой старый папа тоже уже не выглядит молодым, однако притом обладает отменным аппетитом и время от времени с большим наслаждением выкуривает у нас настоящую Гавану, но я бы хотел, чтобы ты сам своими глазами смог это увидеть.

В заключение хотел бы пожелать из чисто эгоистических соображений пожить некоторое время здесь, дабы воспользоваться твоими воззрениями, опытом, знаниями, методами и советами и изначально воспитывать моих двух прекрасных мальчиков должным образом. Старшего, семилетнего, зовут Георг Фердинанд Луи Филипп, он одарен от природы стремлением к порядку, преобладающим над всем остальным. По характеру он сангвиник. Лёля, или собственно Луи Густав, второй мальчик шести лет от роду, обладает необычайной бойкостью языка (зачастую

---

³⁵⁸ Сёстры Дмитрия Мейера, Наталия-Мария и Гелена-Эмилия.

не лишённой логики), темпераментом холерика и бывает порой до отчаяния упрямым. Девочку, которой скоро исполнится 4 года, зовут Софией, она нежное, прелестное и к тому же интеллигентное создание. Константин Карл – последний мальчик двух лет; его характер пока не определился.

Ну, на сегодня всё – моя бухгалтерия, которая всё время требует обновления, и поздний час – уже глубоко полночь – подсказывают мне, что надо заканчивать, да и тебе, очевидно, уже давно наскучило сие длинное послание Георгия к Дмитрию Казанскому; особые приветы от моей супруги и тётки Гримм³⁵⁹, в мыслях от всего сердца жму руку, твой старый Георг».

Обратный адрес письма: «Гг. Асмус Симонзен и К^о для передачи Г-ну Георгу Кантору в Санкт-Петербурге».

---

³⁵⁹ Настасья Михайлова, в замужестве Гримм, тётка Дмитрия и Георга Вольдемара.

**Письмо Георга Вольдемара Кантора
(оригинал)**

St. Petersburg. d. 27t Octbr. 51

Mein lieber alter Ossa,

Wohl hunderte mal habe ich im Geiste mich mit Dir unterhalten über Gegenstände der verschiedensten Art, und ebenso oft den Wunsch u. das Bedürfniß empfunden an Dich zu schreiben, aber die materielle Breite des wühlenden Geschäftsbetriebes, welches im feindlichen Getümmel des Lebens den auf Betrieb u. Erwerb angewiesenen [Mann]³⁶⁰ auf's höchste in Anspruch nimmt, u. zufolge der raffinirtesten Concurrenz heutzutage nicht bloß die physischen, sondern auch alle geistigen Kräfte unaufhörlich in Bewegung hält, haben mich – unglaublich klingt's – seit der Zeit Deiner Entfernung von hier, fast immer in einem Zustande von Abgespanntheit gefunden, der zu freundschaftlicher oder Familiencorrespondenz wenig geeignet ist. – Aeußerlich scheint auch in der That bei mir alle Höhe u. Tiefe wie verloren, die materielle Breite hat scheinbar alles verschlungen; – aber glaube mir's wenn auch der Sinn, u. der nothgedrungene Trieb nach Erwerb u. Gewinn, den von 4 heranwachsenden Kindern umgebenen Mann gänzlich im Kreis gebannt zu haben scheint, so lebt doch im Innersten der Seele, der alte eingeborne Sinn für alles Schöne u. Gute, nur daß er selten im Getümmel der Welt, Veranlassung oder Anregung findet sich zu offenbaren.

Wie es mir nach u. nach im Laufe der Zeit ergangen wirst Du wohl ab u. zu in einzelnen Hauptsachen aus Mittheilungen der Deinigen erfahren haben. Nachdem ich eine lange Reise ins südliche Europa in Begleitung meiner Frau unternommen, um die angearbeitete (– nicht angeborne –) Lungenschwindsucht zu bezwingen, kehrte ich, von dem Aufenthalte in Pisa u. der bella Venezia nur noch mehr erschöpft im Herbste 47 eilig nach Petersburg zurück, bloß um umgeben von meinen 2 Kindern, den letzten Athemzug segnend, diesen weihen zu können. Aber die Vorsehung hatte es anders bestimmt, indem sie mir in 2 herrlichen Mitteln das Arcanum zur Tilgung des Uebels geboten hatte. – Innerlich den Dorschleberthran: *Oleum jecoris asilli* –, den ich mir selbst aus Norwegen der Aechtheit halber verschrieben hatte, u. äußerlich in der wunderbaren Erfindung des jeffrey'schen *Mundrespirators*, mit welchem *Instrument* ich mit der Zeit hundert-fälltig Gelegenheit gehabt habe ähnlichen Patienten zu helfen insofern es noch rechtzeitig gebraucht werden konnte. – Ich war hier der erste, der den Mundrespirator mit eiserner *Consequenz* u. Geduld zu benutzen verstand, u. seitdem hat sich die *Materia Medica* der Petersburger Aerzte um dieses herrliche Mittel bereichert gesehen, zum Troste u. zur Linderung so mancher Lungenkranken; – freilich erst nachdem ich selbst – (aus

---

³⁶⁰ Трудно читать.

Verzweiflung darüber daß keiner der hiesigen aesculape sich dazu verstehen wollte einen raisonnirenden Artickel darüber zu schreiben –), den langen Aufsatz im *Feuilleton* der medicinischen Zeitung Rußlands *Februar* 1848, unter der Firma „eingesandt von einem praktischen Arzt“ zum Druck, durch die Vermittlung eines dem *Redacteur* befreundeten Mannes – befördert hatte!

Vor einigen Wochen, bat sich Dein Vater ein Exemplar jenes Artickels u. einen jeffreys'schen Mundrespirator für Dich, bei mir aus u. theilte mir den Inhalt Deines letzten Briefes mit, worin Du von Bestellung Deines Testaments sprichst, was den braven guten Alten in der That ganz u. gar verstimmt, ja melancholisch gemacht hat. Sage mir, theurer Freund war es nothwendig daß Du Deine alten Aeltern durch Aeüßerungen oder Mittheilungen der Art beunruhigst??

Steht es wirklich mit Deiner Brust *precaer*? Hat Deine *constitution* durch den langanhaltenden Keuchhusten wirklich einen entscheidenden Stoß bekommen, – fühlst Du es ein *organisches* Uebel wegbekommen zu haben? – Schreibe mir, ich bitte Dich ganz offen hierüber. – Hoffentlich ist dies nicht der Fall u. alsdann hättest Du sehr Unrecht gehabt, Deine alten, Dich vergötternden Aeltern, durch so unvorsichtige Aeüßerungen auf's höchste zu betrüben! Mir hoffe ich, kannst und wirst Du ganz reinen Wein einschenken, denn ich selbst habe 1 ½ Jahre lang dem Tode in den offenen Rachen geschaut, ohne den Kopf darüber zu verlieren, und habe den Kerl fürs erste besiegt. – Jetzt erlaube ich mir, Dir folgende praktische Rathschläge zu ertheilen. Falls Du beim Ausgehen im Herbst oder Winter, bei kalter oder trockener Luftbeschaffenheit, Hustenreiz im Halse oder in der Tiefe der Brust empfindest, dann wird Dir die einen Winter durchgeführte consequente Benutzung des jeffreys'schen *Instruments* den entschiedensten Nutzen bringen, Dich vor Rückfällen schützen, und zur gänzlichen Heilung des gereizten Zustandes der inneren Schleimhäute des Halses oder der *Bronchien*, vieles, wo nicht alles beitragen! – Der jeffreys'sche *Respirator* besteht aus 2 Theilen, – der erste mit einer geringeren Anzahl metalldrähtner Schichten zur Benutzung bei geringerer Kälte oder geringem Reizungszustande der Athmungsorgane, der 2te Theil mit einer dickeren Schichtenzahl bei größerer Kälte und beide zusammengenommen in einem Mundkorbe benutzt, bei hohem Kältegrade der Luft, oder bei bedeutender Reizung und Empfindlichkeit der innern Schleimhäute, was sich durch größeren oder geringeren, öfteren oder selteneren Hustenreiz offenbart.

An Tagen wo trockne Nordostwinde ~~wehten~~ herrschten, und ich selbst in der *Stube* häufigen Hustenreiz hatte, habe ich sogar den Respirator mit der dünnen Metallschicht versehen besonders Abends vor dem Schlafengehen mit günstigstem Erfolge selbst zu Hause benutzt und ruhige hustenlose Nächte darauf gehabt; besonders vorzüglich wenn ich noch die trockne Stubenluft durch Dämpfe eines, eine ½ à ¾ Stunden lang kochenden heftig dampfenden Samowars, verbesserte. – Mit dem jeffreys'sche Respirator versehen, müssen denn auch Patienten der Art, sehr fleißig u. sehr consequent täglich sich viel im Freien aufhalten, und mäßige Bewegung machen, wodurch der Athmungsproceß begünstigt u. erleichtert, durch bessere *oxydation* des Bluts, Verdauung u. Allgemeinbefinden erhöht u. verbessert wird. – Endlich noch Eins! – Sobald nur kein Fieber vorhanden war,

habe ich auf Schönleins ausdrückliches Anrathen, täglich gesunde nahrhafte Rindfleischkost genossen! Besonders hinreichend weich gekochtes Rindfleisch.

Endlich rathe, u. bitte ich Dich: reiße Dich aus *Casan* heraus, wenn nicht für immer, so doch auf einige Zeit, mache eine Reise zur Stärkung Deiner Gesundheit entweder nach Italien Deutschland oder der Schweiz, aber jedenfalls über Petersburg, oder wenn Du schon zu steif zu einem so heroischen Mittel geworden bist, so lasse doch deine alten Aeltern auf einige Monathe zu Dir kommen! Die Alten ~~Leut~~ leben in einer fortwährenden Sehnsucht nach Dir, der Perle ihres Hauses. – Gescheut³⁶¹ wär's wenn Du als *Privat-Dozent* nach *Dorpat* giengest. Wo doch die Möglichkeit eines jährlichen einmaligen Besuchs gegeben wäre.

Aber jedenfalls komme auf einige Zeit zu uns. Was ist nicht alles seit Deiner Abwesenheit, in unserem Welttheile vorgegangen. Doch hierüber nur mündlich!

Deinen Geschwistern hier geht's recht gut. *Mascha Mollerius* ist recht wohl, auch *Mila Kalinin* ist ganz fix, und hat ein paar allerliebste Kinder, ihr ältestes Mädchen ist wirklich ein nettes liebliches & kluges Kind. Auch *Mascha's* *Соня* ist ein charmantes Mädchen. Deine Mutter hat in letzter Zeit öfter gekränkelt, und mitunter an heftigen Magenkrämpfen gelitten. Die beiden Schwestern haben wechselsweise bei ihr die Nächte gewacht; jetzt geht's ihr wieder besser, und sie ist schon wieder aus dem Bette; ein vorzüglich guter Arzt, Dr Benbeck behandelte sie; dies ist auch mein jetziger Hausarzt. Dein alter Papa sieht auch nicht mehr so jung aus, hat aber mitunter herrlichen Appetit u. raucht dann u. wann bei uns eine aechte *Havaneserin* mit großem Genuße, aber ich wünsche daß Du diesen Genuß Deines Alten auch noch einmal eigenäugig ansehen mögest. Endlich wünschte ich auch aus Egoismus Dich einige Zeit hier zu haben um Deine Ansichten, Deine Erfahrungen und Kenntnisse, Deine Methode und Ratschläge bei nunmehr bald beginnender erster Erziehung meiner 2 herrlichen Knaben brauchen zu können.

George Ferdinand Louis Philipp heißt der älteste 7 jährige, mit hervorstechendem Ordnungssinn begabt, sanguinischen Temperaments. *Лёля* oder eigentlich Louis Gustaf, der 2-te 6 jährige, dem eine ganz besondere Volubilität der Zunge, und rasches Urtheil – (nicht selten mit logischen Schlüssen verbunden!) zu Theil geworden, – cholerischen Temperaments u. verzweifelt eigensinnig.

Sophie heißt das bald 4-jährige Mädchen, ein sanftes liebliches u. zugleich intelligentes Geschöpf. Constantin Carl der letzte Knabe 2 Jahre alt; Eigenschaften noch unbekannt.

Nun genug für heute, – meine Geschäftsbücher, die seit mehreren Tagen nicht à jour sind, und die späte Stunde, es ist weit nach Mitternacht, mahnen mich auf zu hören, und Dir wird auch nun wohl diese lange Epistel des Georgius an Demetrius von Casan schon lang genug vorgekommen seyn; freundliche Grüße von meiner Frau u. von Tante Grimm u[nd] herzlichen Händedruck in Gedanken von Deinem alten George.

---

³⁶¹ Старый вариант слова gescheit.

**Указы Екатерины II, Павла I,
Александра I и Николая I о гернгутерах**

Первым представляем указ Екатерины II (рис. ПЗ.1).

Рис. ПЗ.1. Екатерина II

Указ Екатерины II от 11 февраля 1764 года

Божьей поспешествующей милостью мы, *Екатерина Вторая*, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, государыня Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Вятская, Болгарская и иных государыня и великая княгиня Ново-города, Низовской земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белозерская, Удовская,

Обдорская, Кондийская и всей Северной страны, Повелительница и государыня Иверской земли, черкесских и горских князей и иных наследная государыня и обладательница.

Объявляем сим, коим образом Мы, будучи уведомлены всеподданнейше поднесённым нам докладом Президента Канцелярии нашей опекунства иностранных графа Орлова, что поселяющиеся ниже Царицына по реке Сарпе Братья Евангелического общества аугсбургского исповедания, трудолюбием своим, добропорядочным поведением и тщательным домостроительством, очевидно подают Нам надежду вскоре воспользоваться самым делом плодами ожидаемого от принятого Нами намерения касательно до новозаводимых в империи нашей иностранных селений; чего ради и для возбуждения в них наивысшей ревности к продолжению положенного уже поселения своему, доброго начала, а в прочих переселенцах подражания, снисходя на прошение директории помянутого Евангелического общества, дошедшее до Нас через агента Петра Конрада Фриза о даче оного общества поселяющимся Братьям в областях Наших на всегдашнее и свободное владение со всеми от нас данными привилегиями обыкновенной жалованной грамоты на ту отведённую им для поселения их землю, которую они выбрали, не включая ничего, что по оной земле ныне принадлежит, или впредь правильно присовокуплено будет, Всемилоостивейше восхотели Мы сверх данного в 1764 году особливим Нашим указом дозволения селиться Братьям помянутого общества в Империи нашей учинённого им в 1765 году обнадёживая о даче особливых утвердить оные Императорскою Нашею жалованной грамотою, как то Мы сею и утверждаем, всемилоостивейшее жалуя их в вечное владение той отмежёванной под колонии их (названною ими Сарефой или Сарептой) в астраханской губернии землёй, которая отведена им по течению реки Волги ниже города Царицына в двадцати семи верстах при реке Сарпе.

Всем поселяющим в помянутой колонии общества их братьям Всемилоостивейше им позволяем пользоваться всеми гражданскими нашего государства правами, торговать всякими дозволенными, но не запрещёнными товарами и производить всякого рода ремесло, художество и промысло, заводить фабрики и мануфактуры и строить всякие мельницы, также курить вино, а варить пиво для собственной только нужды и употребления.

В рассуждение дальнего расстояния заведённой ими колонии от Санкт-Петербурга Всемилоостивейше повелели Мы паспорта давать отъезжающим иногда общества их братьям в Азию, Астраханскому Нашему губернатору, а когда поедут через Санкт-Петербург в какую-либо Европейскую область, то паспорта им давать будут безостановочно чрез канцелярию Нашу опекунства иностранных от коллегии Нашей иностранных дел, для свободного же проезда поселян сих во все города Нашей империи позволяем паспортами снабждать начальникам их колонии от себя.

Ни в военную, ни в гражданскую службу взяты не будут.

Всем поселившимся или впредь поселяющимся в новозаводимой колонии в Сарофе или Сарепте братьям Евангелического общества Всемилоостивейше

позволяем пользоваться чрез целые тридцать лет совершенной свободой от платежа податей в казну Нашу, также и от всяких земских обыкновенных и чрезвычайных служб, кроме платежа пошлин и акцизов, по прошествии же тех льготных лет вместо всех податей и служб, какие от прочих наших верноподданных платятся и исправляются, обязаны они платить в казну Нашу по столько и на таком основании, как в 12 артикуле изображено с тем притом, что положенные на колонию их подати собираемы будут не с каждого из братьев их порознь, но обще со всей колонии всегдашних начальников их.

Ежели кто из поселившихся в помянутой колонии вознамерится выехать из России, то в том каждому, так детям его и потомкам даём полную свободу с тем только, чтобы из нажитого каждым в областях наших имения, а не из того, которое с собой привезёт, отдал всякий в казну нашу определённую часть, а именно тому, который жил в России от одного года до пяти лет должен отдать пятую часть. А кто в России пробыл от пяти до десяти лет и далее десятую часть, после чего каждому вольно выехать куда кто пожелает, оставшиеся же после умерших в России братьев оного общества пожитки, как привезённые с собой, так и приобретённые ими в Империи нашей позволяем отдавать наследникам их и в чужих краях находящимся по их особенным правам наследства, но с тем, чтобы прежде все долги за них, как казённые, так и партикулярные от начальника селения выплачены были.

К поспешствованию общей пользы заводимых в Империи нашей селений часто упоминаемых соединённых братьев не только Всемилостивейше дозволили Мы их содержать в престольном нашем городе Санкт-Петербурге одного из братьев в чине агента, но и дом, состоящий у адмиралтейского канала в Малой Морской для жилья оным, а более для отправления Божьей службы и квартирования приезжающих от времени по собственному выбору и приторговыванию бывшего до ныне агента их Петра Конрада Фриза из казны нашей купить и вечное оной колонии братьям владение отдать повелели, освобождая оный от постоев и других полицейских должностей на равных привилегиях, каковы от нас пожалованы домам священно и церковно служителям протестантского закона.

Именной указ, данный Сенату, о дозволении выходить и селиться в России Обществу Братства Евангелического Августанского исповедания. № 12. 057.

От 25 февраля 1764 года.

*Свод законов Российской империи.
Указы Екатерины. Т. 16. С. 547–548.*

Указ Павла I

Божьей милостью Мы, Павел Первый, Император и Самодержец Российский и прочая и прочая.

Снисходя на просьбу тридцать и три года существующей близ Царицына колонии Сарепты, населённой братьями Евангелического общества Аугсбургского исповедания, отличившихся отменным трудолюбием, тщательным домостроительством, благонаравием и прилежным своим поведением, всемилостивейшее благоволили Мы сею императорскою нашею жалованною грамотою не токмо утвердить все их прежние права и преимущества, но для возбуждения в них вящей ревности к трудолюбию и продолжению начатых ими полезных заведений, и для внушения охоты к подражанию и в прочих иностранных поселенцах, даровать им в новые ещё выгоды.

Позволяем братскому обществу содержать всегда в Санкт-Петербурге одного из братьев в звании агента для исправления дел на пользу общества, и пожалованный братству в оном городе дом для жительства агенту, более же для богослужения и для помещения на время братьев из колонии приезжающих, освобождаем от постоя и прочих должностей полицейских на равном праве с домами других священно и церковно служителей Протестантского исповедания.

Павел

Слушано в общем Собрании Сената июня 22 дня 1797 года.

Дан в Павловске июля 20-го дня 1797 г.

Указ Александра I

Божьей поспешествующей милостью Мы, *Александр Первый*, Император и Самодержец Всероссийский.

Существующая на реке Волге, близ города Царицына колония, Сарептой именуемая, населённая братьями Евангелического общества Аугсбургского исповедания, порядком внутреннего своего управления, духом единства и благонаравием, отменным трудолюбием и примерными хозяйственными заведениями заслужила и в продолжении тридцати семи лет постоянно оправдала восприятое о ней правительства попечения и данные ей права и привилегии. В сем уважении, снисходя на просьбу сего общества чрез Старшин ею Лоренца и Виганта, Нам принесённую, все привилегии в Бозе почивающим любезною Бабкой Нашею Государынею Императрицею Екатериною Алексеевной в 1767 году и Любезным Родителем Нашим Государем Императором Павлом Петровичем в 1797 году данные сею Императорскою Нашею Грамотой Всемилостивейше утверждаем и навсегда неотъемлемо присвоаем в твёрдом уверении, что при покровительстве и защищении Правительства и Законов, наслаждаясь данными братьям сего общества преимуществами, они не престанут подвизаться на пользу общую, возбуждая соревнование к трудолюбию, порядку, домостроительству и всем гражданским добродетелям.

Дана в Москве сентября пятого надесять дня тысяча восемьсот первого года, государствования же Нашего в лето первое.

Александр.

Вице-канцлер князь Куракин

Указ Николая I

Божьей поспешествующей милостью Мы, *Николай Первый*, Император и Самодержец Всероссийский.

Поселившиеся с 1767 года в Саратовской губернии в Царицынском уезде особым селением под названием Сарепта, Братского Евангелического общества, Аугсбургского исповедания, члены, отличающиеся всегда строгим порядком внутреннего своего управления, трудолюбием, хозяйственными и рукодельными заведениями, подобным образом и некоторые их собратья, в губерниях Лифляндской, Эстляндской и Курляндской живущие, занимающиеся обучением и наставлением поселян и ремесленников в молитвенных своих домах, оправдывают в полной мере восприятие о них Правительством попечения и данные им права и преимущества. В сем уважении, снисходя на просьбу членов сего общества, через агента их Нам принесённую, все права и преимущества, грамотами в Бозе почивших: любезной Бабки Нашей государыни императрицы Екатерины Второй в 1767, любезного Родителя Нашего Государя Императора Павла Первого в 1797 и любезного Брата Нашего Государя Императора Александра Первого в 1801 и 1817 годах сему обществу дарованные и подтверждённые, сею императорской Нашей грамотой Всемилоостивейше подтверждаем, в полном уверении, что все сочлены оного, пользуясь таковым преимуществом, не престанут трудолюбием своим, благонравием, верностью к престолу Нашему и строгим повинованием законам заслуживать всегда Наше благоволение.

В уверении сего Мы сию Нашу грамоту Собственной рукой подписали и Государственной печатью укрепить повелели.

Дана в Санкт-Петербурге месяца октября в десятый день в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот двадцать шестое, царствования же Нашего в первое.

Николай

**Рапорт надворного советника Вирда,
директора Кронштадтской таможни (август 1799 года)**

Шкипер Тильзен с кораблём своим Ди Фрау Мария, нагружённым товаром, в 130 000 рублей оценённым, прибыл из Копенгагена 16 августа 1799 года на Кронштадтскую рейду, получил, вследствие высочайшего повеления, приказ отправиться обратно. В то время, когда получил паспорт, ветер был столь противен, что не мог выступить в море. Якорная стоянка его была такова, что по обеим сторонам суда могли проходить свободно и безопасно. В сём положении наехал на него идущий из Кронштадтской пристани военный корабль и висящим якорем проломил его столь сильно, что он тот же час принуждён был потонуть со всем грузом. Хорошими распоряжениями был корабль поднят из глубины и приведён в Кронштадтскую купеческую пристань. Я, нижеподписавшийся, определённый Государственною Коммерц-Коллегиею Дишпансером, был обязан уже должностию иметь попечение о случающихся на море несчастиях, для сохранения права иностранных ассенкураторов, получил сверх того письменное препоручение от участвующих в грузе того корабля, принять по собственному благоусмотрению поспешнейшие меры для охранения товаров от порчи. Вследствие чего главное моё намерение было согласовано с высочайшим его Императорского Величества повелением привести корабль с грузом и людьми в состояние выйти в море в скорейшем времени. К достижению цели сей потребно было вычинить корабль, а товары выгрузить и сушить во время починки онаго. Чрез что достигалась цель двоякая: высочайшее повеление о выпровождении корабля было бы выполнено и урон участникам уменьшен. По приказанию здешней таможни отправлено туда для погрузки перевозное судно и прибыло в Малую Неву со всеми мокрыми товарами, как то: выбойнами, кофе, и проч. Для просушивания, по моему намерению, на Петровском острове. В следующее утро услышал я, что тому судну повелено было воспринять обратный путь в Кронштадт. Оттуда получил я известие, что кофе уже совершенно испортился и испускает дым, показывающий возжение, и что выбойнам предстоит такая же участь, так что ежели не сделают скорейшего распоряжения, то впоследствии совершено разорение, чрез которое не чужестранцы, но здешние подданные или непосредственно претерпят великий убыток или войдут в распри со своими корреспондентами и ассенкураторами.»

Кронштадтской таможни директор надворный советник Вирд³⁶².

---

³⁶² РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 167.

Сообщение кабинета о братьях Мейерах (1801 год)

Из кабинета Его Императорского Величества в контору Театральной дирекции. Из числа определённых по Именному Высочайшему указу к Театральной дирекции двух братьев Мееров с произвождением от кабинета жалования по тысяче рублей на год один из них Осип Меер минувшего октября 22 числа умер, и следующее ему жалованье по день его смерти, по прошению выдано брату его Гартвиху Мееру, о чем Кабинет его Императорского величества оную Контору сим и уведомляет³⁶³.

---

³⁶³ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 72.

Переписка по прошению Гартвига Мейера 1806–1808 годов

Прошение Мейера на имя Александра I (орфография и пунктуация подлинника. – *Авт.*): «Его Превосходительство Обер-камергер Александр Львович Нарышкин определив меня, полагал, что я могу служить довольствуясь одним только пенсионом, Всемилостивейше мне пожалованным, не требуя жалованья, кроме положенных мне квартирных денег 200 р. А как от некоторого времени цена на все жизненные припасы весьма возвысилась и день от дня ещё более возвышается, и обязан будучи прокармливать престарелую мать с прочими моими родственниками одним только жалованием, не имея никаких других средств по причине всегдашнего моего занятия по должности – от чего впал в бедность и долги, ведя умеренную жизнь – то осмеливаюсь повергнуть нижайше моё прошение Вашему Императорскому Величеству, прося Высочайшего милосердия о назначении мне достаточного жалованья на продовольствие моего семейства, сверх получаемого пансиона и квартирных денег, или прошу Ваше императорское Величество уволить меня от настоящей должности, дабы я мог содержать себя в сей столице получаемым пенсионом и трудами своих способностей. Всемилостивейший государь! Воззри на бедное состояние твоего верноподданного, который со всем своим семейством ежедневно молит Всевышнего о благоденствии Твоего царствования. Июль 1808. Верноподданный Гартвиг Меер».

При сем приложена справка секретаря для принятия прошений кабинета его величества Александра I *Михаила Никитича Муравьёва* (рис. Пб.1; орфография и пунктуация оригинала): «Определён в службу к театру по Высочайшему повелению 1800 января 21 с бывшим братом его Иозефом Меером каждому по 500 рублей в год из Кабинета Его Величества; сверх того производится ему от Дирекции на квартиру с 1806 по 200 рублей ежегодно. Что касается до просьбы, поданной им Государю Императору (при сём возвращаемой), которою испрашивает он прибавки жалованья, или увольнения от службы с пенсионом, то Дирекция считает, что он никакой прибавки жалованья по таланту своему не заслуживает; уволен же от театра быть может с подачи просьбы чрез шесть месяцев по положению высочайше утверждённому о увольнении театральных служителей. В рассуждении ж испрашиваемого им пансиона по увольнении от службы Дирекцией не можно оный ему назначить прежде как по выслуге десяти лет, каковое время по общему постановлению производится российским актёрам и музыкантам половина, а иностранцам третья часть их жалования. Кроме вышеупомянутого жалования и квартирных денег никакого пансиона ему ниоткуда не производится». Далее упомянуто, что мать Гартвига и Осипа Мееров, сыновей престарелого копенгагенского купца Абрама Меера, получила у Государя 2000 рублей взаимнообразно с тем, чтобы за четыре года вычесть этот долг из жалования сыновей. «Определённое

жалование Меерам 1000 рублей производилось сполна по 1 мая 1801 г., а с сего времени половина их оклада 500 рублей удерживалась выплата выданных матери их заимообразно 2000, а другие 500 выдавались самим Меерам только по 1 сентября 1803 года, по случаю данного Кабинету Высочайшего Указа в 3 день мая 1804 года, которым повелевалось, «чтобы из числа отпущенных по указу 26 июля 1801 года заимообразно вдове Меер на щет сыновей ее придворных камер-музыкантов 2000, по смерти одного из них не взыскивать половины той суммы. Вследствие чего половинный вычет и прекратился. Оставшемуся другому ее сыну Гартвигу Мееру половина того жалования по 500 рублей в год и ныне производится. За платье, сделанное в 1799-м и 1800-м начиная с 1 сентября 1799 по 1 сентября 1801 за 2 года 760 рублей 91S отпущены в придворную контору; после сего платежа денег не было, потому что они по отделению Высочайшего Двора в службе уже не состояли, а находились в ведомстве Театральной Дирекции».

Рис. Пб.1. Сенатор М. Н. Муравьев

Рис. Пб.2. Граф Д. А. Гурьев

Ответ графа *Дмитрия Александровича Гурьева* (орфография и пунктуация оригинала) (рис. Пб.2): «Милостивый государь мой Михайло Никитич! На письмо вашего превосходительства о доставлении сведения по какой причине остановлена кабинетом выдача денег музыкантам Меерам на построение придворного офицантского платья³⁶⁴. Имею честь вас уведомить, что означенные Мееры такого рода

³⁶⁴ То есть ливреи для службы.

музыканты которые прежде сего таскаясь по улицам, талантами своими доставали себе пропитание. И хотя в 1800 году Его Высокопревосходительство Александр Львович Нарышкин объявил кабинету Высочайшее повеление покойного Государя Императора, что они приняты ко двору музыкантами с жалованием из кабинета по пятисот рублей в год, и сверх того повелено делать им официантское платье; но известно, что они ни при дворе, ни по театральной Дирекции никогда не употреблялись. Ныне же Кабинет, известясь от господина Обергофмаршала графа Толстова, что они к ведению высочайшего Двора не принадлежат, и полагая, что по сему не имеет случая употреблять придворного платья, производимые им на его деньги с нынешнего года остановили. Я прошу ваше Превосходительство обо всем оном обстоятельстве доложить Его Императорскому Величеству, пребывая в прочем с истинным и совершенным почтением.

*Вашего Превосходительства Милостивого государя моего
покорный слуга Дмитрий Гурьев, ноября 3 дня 1808»³⁶⁵.*

Заметим, что архивная переписка датирована 1808 годом, а Михаил Никитич Муравьев, секретарь кабинета Александра I по принятию прошений, умер в июле 1807 года. Можно предположить, что даты переписки поставлены год спустя и Гартвиг Мейер обращался с просьбой о прибавке между 1806 и 1807 годами.

---

³⁶⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 34. Д. 225. 14 л.

Завещание Осипа Гримма и расписка Георга Вольдемара Кантора

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь. Я, нижеподписавшийся, состоявший при Императорских театрах камер-музыкант и Дирижер оркестров Осип Осипов сын Гримм, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, рассудил на случай смерти моей составить сие духовное завещание, коим все моё движимое имение, и все мои денежные капиталы как в наличности, так и по разным документам и в акциях Российского Страховаго от огня общества, учрежденного в 1827 г. и других, одним словом, всякого рода принадлежащее мне имущество, какое ныне за мною состоит и впредь приобретено будет, яко мною благоприобретенное все без изъятия завещаю и отдаю после смерти моей, в полную неотъемлемую и безотчетную собственность племяннику умершей супруги моей, Вильмонстранскому и Временному С.Петербургскому 3 гильдии купцу Егору Яковлеву сыну Кантора, предоставляю наградить служащих у меня людей за усердие по достоинству и по его усмотрению. С.Петербург 1854 года января 30 дня³⁶⁶.

В этом же деле³⁶⁷ имеется прошение Георга Вольдемара Кантора (Егора Яковлева Кантора), написанное 26 мая 1854 года в кабинет его императорского величества: «Прилагая при сем Духовное завещание состоявшего при Императорских театрах умершего 31 января сего года камер-музыканта Осипа Осиповича Гримма с копиею, также Аттестат его и метрическое свидетельство, всепокорнейше прошу выдать мне причитающийся по день смерти его Гримма из кабинета Его Императорского Величества пенсioen, и прилагаемые при сем подлинные документы приказать выдать обратно под мою расписку.

*Вильмаstrandский и временно Ст.-Петербургский
3 гильдии купец Егор Яковлев Кантор».*

³⁶⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 4. Д. 356. 13 л., л. 5.

³⁶⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 4. Д. 356. 13 л., л. 4.

Права купцов Великого княжества Финляндского, 1838 год

В 1838 году вышло «Высочайшее Его Императорского Величества постановление о взимании пошлин и прочих поборов с приписывающихся в Финляндии к торговому, промышленному или рабочему классу народа, иностранцев и российских подданных. Издано в Гельсингфорсе»³⁶⁸, по которому приписанные к Финляндии должны были прожить в ней не менее шести лет либо заплатить денежный единовременный взнос и особую ежегодную подать; паспорт переоформлять ежегодно, за паспорт платить пошлину, «сверх того за пребывание вне Финляндии должны платить ежегодную пень, а за право торговли в Империи ещё и гильдейские деньги». Таким образом, Великое княжество Финляндское перестало быть офшорной зоной: «Купцы сии, торгующие здесь, платят податей вовсе не менее, а напротив того более, нежели российские купцы»³⁶⁹.

Постепенно количество финляндских купцов и торговый поток через Финляндию увеличился настолько, что в 1839 года были увеличены пошлины и на купцов были возложены обязанности, против которых они протестовали³⁷⁰: «Разные финляндские купцы, торгующие в Санкт-Петербурге на основании Всемиловейше предоставленного им на то права, подали прошение, в коем излагают, что при последних в здешней Городской Думе выборах они были назначены частию в разные городские должности, частию кандидатами к исправлению сих должностей. Так как большая часть их не имеет достаточных познаний ни в русском языке, ниже в здешних узаконениях, дабы надлежащим образом выполнить возложенные на них поручения и оправдать оказанные им здешним городским обществом доверие, а другие не владеют никаким недвижимым имуществом и торгуют в СПетербурге только временно, всё же они получают из Финляндии по существующим там постановлениям паспорта свои токмо на один год... а в должности избраны на три года, следует освободить финляндских купцов, торгующих здесь только временно, от обязанности служить по выборам городского обществ.

Число купцов из Финляндии начало увеличиваться, но они оставались на жительстве в России. Финляндское правительство долгом почло довести о сём обстоятельстве до Высочайшего сведения для отвращения сего злоупотребления.

Вследствие того Государь Император в апреле месяце минувшего года Высочайше повелеть изволил, чтобы Российские купцы, мещане и крестьяне, переписывающиеся в Финляндию, там непременно поселялись и не оставляли края

³⁶⁸ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 598. 38 л.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же.

прежде, как по постоянном в оном проживании по крайней мере 6 лет под опасением взыскания с них в противном случае особой пени»³⁷¹.

Далее в этом документе идёт печатное издание «Высочайшее Его Императорского величества Постановление о взимании пошлин и прочих поборов с приписывающихся в Финляндии к торговому, промышленному или рабочему классу народа, иностранцев и Российских подданных, изданное в Гельсингфорсе апреля 30 дня 1838»: «...оставить сей край не прежде, как по постоянном в оном проживании, по крайней мере 6 лет со дня его зачисления в число купцов или граждан Великого княжества, или заменить 6-летнее проживание денежным единовременным взносом и платою до истечения 6-летнего срока, особой ежегодной подати, в пользу фонда богадельных и рабочих заведений Финляндии. Единовременный взнос сей определяется: а) для иностранца, поступившего в Наше подданство по Великому Княжеству, в 900 рублей ассигнациями, б) для подданных наших, в 2000 рублей ассигнациями, если прожили меньше года; от года до двух лет, в 1500 рублей; от двух до трёх лет в 1200 рублей; от трёх до четырёх лет 900 рублей.

Ежегодная подать составляет: а) для торговли в Империи на правах купцов I гильдии в 150 рублей, б) II гильдии 100 рублей, в) III гильдии 50 рублей, д) низшего звания 30 рублей ассигнациями.

Каждый должен иметь свидетельство на русском языке Финляндской паспортной экспедиции в Петербурге.

Постановление сие не распространяется на тех, которые доселе записаны или получили дозволение записаться в Финляндию, они пользуются правами природных Финляндцев, хотя бы и не прожили там установленного 6-летнего срока.

Постановление не распространяется на дворян и лиц чиновных.

По Высочайшему Его Императорского Величества определению Высочайшим Его Императорского Величества Именем, Императорский Финляндский Сенат. А. Теслев, Г. Эрне, Генр. Эрваст, Ларс Саклен, I. Вальгейм, Б.У. Бьёркстен, В. Клиновстрем, Август Рамсай, Г. фон Котен, Эрнст Фр. Брандер, Август Ломан, пер. Тёрнквист».

Таким образом, «купцы имеют только годовой паспорт; за паспорт пошлину; сверх того за пребывание вне Финляндии должны платить ежегодную пеню от 50 до 150 рублей, а за право торговли в империи ещё и гильдейские деньги. Купцы сии, торгующие здесь, платят податей вовсе не менее, а напротив того более, нежели российские купцы»³⁷².

«Князь Меншиков [финляндский генерал-губернатор] полагает полезным постановить:

1. Чтобы Финляндские купцы, равно как и те, кои из Российских губерний записываются в купцы по Финляндии, обязаны были нести службу по выборам,

³⁷¹ Там же.

³⁷² РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 598. Л. 23.

ежели они будут записаны по Империи в 1 или 2 гильдию, производят здесь куплю и перепродажу на спекуляцию, или же имеют здесь дом, фабрику, лавку или другое торговое или ремесленное заведение, будучи в тех же гильдиях записаны.

2. Чтобы те, кои на сём основании подлежать будут выборам, были за сим приглашаемы и к самим выборам. О выборах же иногородних купцов 3 гильдии ничего в Законе не сказано. Службу по выборам обязаны нести только финляндские купцы 1 и 2 гильдий».

Жалоба иностранки Кантер. 1825 год

«По жалобе иностранки Кантер на придворного музыканта Дробиша в невозвращении задолженных ему умершим сыном её вещей, за которые она ныне взносит ему взятые от него деньги»³⁷³. Музыкант Фёдор Дробиш, тенор (исполнял партию Мазетто в «Дон Жуане»³⁷⁴) из семьи музыкантов Дробиш, служивших в Императорских театрах, имел неважную репутацию у начальства. В архивных делах встречаются дисциплинарные порицания за нерадение к должности и непочтение к начальству³⁷⁵. Есть судебное дело актёра Василия Дробиша 1811 года³⁷⁶. Отец Фёдора был камер-музыкантом с 1793³⁷⁷ до 1805 года³⁷⁸. Фёдор давал деньги под залог вещей и занимался мелкими продажами.

Объяснения Фёдора Дробиша противоречивы. Иностранка Кантер пришла к нему в сопровождении полицейского. Видимо, она не знала совсем или плохо владела русским языком, потому что был ещё один сопровождающий. Музыкант Дробиш отозвался незнанием фамилии Кантер. В деле имеется только объяснительная музыканта 14-го класса Фёдора Иванова, сына Дробиша: «Я никогда не имел сношений не только с умершим сыном иностранки Кантер, ни с самой сею иностранкой, следовательно, не мог получать и вещей будто бы им принадлежащих в залог снабжать их деньгами и они никогда ко мне не являлись с предложением заплатить мне те деньги, о которых я не имел понятия.

Женщина пожилых лет спрашивала, не закладывал ли какой-то Левис (а не Кантер, о котором и речь) разных вещей, например, атласов, сукон и проч. Я купил от Левиса за наличные деньги сукна синего 9 аршин карминного по 14 рублей».

В этом документе фамилия героини – Кантер, но в русских документах часто искажались иностранные фамилии. С точки зрения молодого Дробиша, «женщина пожилых лет» была лишь старше его. Она была сильно возбуждена, не совсем адекватно оценивала ситуацию. Правду или нет говорил Дробиш, но эпизод произошёл в театре, где служил Гартвиг Иоганн Мейер, брат Эстер Кантор, и у иностранки Кантер был умерший сын Левис, возможно, старший брат Георга Вольдемара Кантора. В таком случае возможно, что Эстер и Якоб с маленьким сыном Левисом бежали из осаждённого Копенгагена после Копенгагенского сражения 1801 года или бомбардировки Копенгагена и пожара 1807 года^{xlix}. (Георг Вольдемар Кантор родился, как следует из его брачной записи, в 1814-м.) Сейчас благодаря исследованию Г. Зингера уже точно известно, что здесь речь идёт об Эстер, бабушке математика Георга Кантора и матери Георга Вольдемара Кантора.

³⁷³ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 2866.

³⁷⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1.

³⁷⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 55. 294 л., л. 51.

³⁷⁶ ЦГИА. Ф. 708. Оп. 1. Д. 73. 54 л., л. 36.

³⁷⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 2303. 28 л., л. 2.

³⁷⁸ РГИА. Ф. 497. Оп. 17. Д. 82. Л. 188.

Литература о Канторе

Основные гипотезы о его происхождении

Фундаментальная роль теории множеств, ставшей основой современной математики, сложная судьба исследований жизни и творчества Георга Кантора, его личность и его происхождение вызывали интерес биографов и историков. Вопрос обсуждается до сих пор. Некоторые письма Кантора найдены и опубликованы недавно, например в 2008 году вышла переписка Кантора с французскими учёными: Décaillot Anne-Marie. Cantor et la France. Correspondance du mathématicien allemand avec les français a la fin du XIX siècle [108].

Некролог Кантора был опубликован немецкой Национальной академией «Леопольдина»³⁷⁹ в 1918 году.

Хронологически первое изложение биографии Кантора было сделано А. Френкелем в 1930 году [111].

Многие исследователи опираются на заключения генеалогов Германии, сделанных в конце тридцатых годов XX века. Фашистский режим создал Имперское управление по расовым вопросам (Reichssippenamt) для проведения генеалогических исследований. Бывало, что архивисты и генеалоги Германии ради спасения людей от уничтожения в ответ на запросы этого управления выдавали справки, скрыв еврейское происхождение человека. Например, так действовал историк, доктор философии Эрик Николаевич Амбургер, собравший огромный материал по немцам в России³⁸⁰ и проживавший в Германии. Соккрытие еврейского происхождения, жизненно необходимое для потомков исторического лица, имело место не только в случае Кантора, но и в случае вопроса о родстве математика Эдварда Гейне и поэта Генриха Гейне¹.

Далее мы приводим основные цитаты по ранней биографии Кантора.

Е. Т. Bell. Men of Mathematics 2, 1937 [102, с. 612–639].

Книга вышла в русском переводе под названием «Творцы математики» (1979). Её автор – Эрик Темпл Белл (1883–1960; рис. П10.1), американец шотландского происхождения, математик, историк математики и писатель-фантаст.

«Спорная тема Mengenlehre (теории множеств, или классов, особенно бесконечных множеств), созданная в 1874–95 Георгом Кантором (1845–1918), может быть взята вне её хронологического порядка, как итог целой истории. Эта тема служит типичным примером общего краха принципов математики, в которые

³⁷⁹ <http://www.archive.org/stream/leopoldina54kais#page/10/mode/2up>

³⁸⁰ http://paetz.ru/?page_id=3361

верили пророки девятнадцатого века, верившие в основательную надёжность всех вещей от физической науки до демократического правительства, предвидевшие всё, кроме полного разгрома.

Если возможен такой сильный „крах“, что описать изменение мира – это сделать его лучшим для использования, пожалуй, верно, что эволюция научных идей сейчас продолжается так головокружительно, что эволюция едва ли отличима от революции.

Без ошибок в прошлом, как глубоко расположенного очага возмущения, возможно и не будет настоящего переворота в мире физической науки; но к нашим предшественникам нет доверия во всех их вдохновляющих идеях, в которых наше поколение должно их превзойти. Здесь и есть ценность этого рассуждения, и заманчиво сказать, что аналогия „революции“ в математическом мышлении, начало которой сейчас явно, есть всего лишь эхо Зенона и других скептиков античной Греции.

Трудности пифагорейцев с квадратным корнем из 2 и парадоксы непрерывности Зенона (или „бесконечной делимости“) дают начало, насколько нам известно, нашей современной математической ереси. Сегодня математики, уделяющие внимание философии (или основам) своего предмета, расколоты, по крайней мере, на две группировки, видимо, далёкими от примирения, по поводу законности рассуждений, применяемых в математическом анализе, а их споры уходят корнями в Средние века, а через них и в Древнюю Грецию. Все стороны имеют представителей во всех веках существования математической мысли, была ли идея замаскирована в провокационных парадоксах, как у Зенона, или в логических подзаголовках, как у некоторых самых рьяных логиков Средних веков. Источники этих отличий, как правило, распределены среди математиков как вопрос темперамента: попытка привести такого аналитика, как Вейерштрасс, к скептицизму такого сомневающегося, как Кронекер, напрасны как попытки свести христианский фундаментализм к неистовому атеизму.

Некоторые приведённые цитаты видных участников диспута могут способствовать раздражению или примирению в зависимости от смысла – нашему восторгу от исключительного интеллектуального успеха Георга Кантора, чья „позитивная теория бесконечного“ в нашу эпоху привела к яростной войне мышей и лягушек (как однажды назвал её Эйнштейн) в истории законности традиционных математических оснований.

В 1831 году Гаусс выразил свой „ужас от актуальной бесконечности“ в следующем. „Я протестую против использования бесконечной величины как чего-то законченного, что никогда не допускается в математике. Бесконечность всего лишь фигура речи, истинное значение, являющееся пределом определённого отношения, неограниченно возрастающего, а другие допускают возрастание без ограничений“.

Рис. П10.1. Э. Т. Белл

Таким образом, если обозначить X – действительное число, дробь $1/X$ убывает при возрастающем X , и мы можем найти значение X такое, что $1/X$ отличается от нуля на любую наперёд заданную величину (отличную от нуля), которая может быть сделана сколь угодно малой, и если X продолжает возрастать, разность остаётся меньшей, чем наперёд заданная величина; предел $1/X$ „при X стремящемся к бесконечности“, равна нулю. Символ бесконечности „ ∞ “; утверждение, что $1/\infty = 0$, бессмысленно по двум причинам: „деление на бесконечность“ есть неопределённая операция и, следовательно, нерезультативна; вторая причина сформулирована Гауссом. Так же $1/0 = \infty$ бессмысленно.

Кантор соглашался и не соглашался с Гауссом. Написав в 1886 г. о проблеме актуальной (которую Гаусс назвал совершенной) бесконечности, Кантор сказал, что „несмотря на лёгкое отличие между понятиями потенциальной и актуальной „бесконечностей“, первая означает переменную конечную величину, превосходящую все конечные пределы (подобно X в $1/X$ выше), в то время как вторая есть фиксированная, постоянная величина, лежащая за всеми конечными значениями, это бывает настолько часто, что их путают“.

Кантор предполагал обосновать, что неправильное использование бесконечности в математике справедливо внушает ужас перед бесконечностью среди аккуратных математиков современности, таких как Гаусс. Однако он отстаивал ту точку зрения, что проистекающее „некритическое неприятие от законной актуальной бесконечности не меньшее нарушение природы вещей [какой бы то ни было – это не проявляется явно всему человечеству], которая может быть взята как есть“ – любая, какая только может быть. Кантор таким образом определённо равняется на великих теологах Средних веков, вдумчивым учеником и пылким обожателем которых он был.

Достоверные и полные решения проблем прежних времён всегда нас удовлетворяют, если их хорошо посолить перед поглощением. Вот что сказал Бертран Рассел в 1901 году о прометеевой атаке Кантора на бесконечность.

„Зенон интересовался тремя проблемами... Это были проблемы бесконечно малого, бесконечного и непрерывного. С той поры до наших дней лучшие умы каждого поколения вновь атакуют эти проблемы, но, вообще говоря, безрезультатно... Вейерштрасс, Дедекин, Кантор... полностью решили их. Их решения так ясны, что не оставляют более самой лёгкой тени сомнения в несогласованности. Наш век, видимо, может гордиться этим величайшим открытием... Проблема бесконечно малых была решена Вейерштрассом, решение двух других было начато Дедекин-дом и окончательно завершено Кантором“. [Цитируется по Moritz R. E. *Memorabilia Mathematica*, 1914. Оригинальный источник был мне недоступен. – Э. Белл.]

Энтузиазм этого пассажа согревает нас даже сегодня, хотя мы знаем, что Рассел во втором издании (1924) своих с Уайтхедом (A. N. Whitehead) *Principia Mathematica* признаётся, что всё не так хорошо с сечением Дедекинда (см. ч. 27), которое является спинным мозгом анализа. Не всё хорошо и сегодня. За десять лет было сделано за или против науки и математики больше, чем за век Античности, Средние века

или во время позднего Ренессанса. Нерешённые научные или математические проблемы сегодня штурмуют больше хороших учёных, чем когда-либо раньше, они окончательно становятся личным достоянием фундаменталистов. Ни одно из утверждений в заметках Рассела 1901 не было подтверждено. Четверть века назад (от 1937 г.) те, кто был неспособен увидеть великий свет, который обещали им пророки, сиявший над головой подобно полуденному солнцу в полночном небе, были просто глупцами. Сегодня для любого компетентного специалиста со стороны пророков есть в равной степени компетентный специалист со стороны оппозиции. Если где-нибудь и есть глупость, то она так часто встречается, что её уже невозможно распознать. Мы подходим к разговору о новой эре, воистину неопределённой и умеренной.

Что касается сомнений того времени (1905), мы нашли Пуанкаре. „Я говорил... о том, что нам надо непрерывно возвращаться к первым принципам нашей науки, и о преимуществах этого для изучения человеческого разума. Эта необходимость продиктована двумя инициативами, которые обретают очень заметное место в большинстве текущих исследований математики. Первая это Канторизм... Кантор ввёл в науку новый метод рассуждений о бесконечности... но он привёл к тому, что мы столкнулись с некоторыми парадоксами, некоторые очевидные противоречия были освещены Зеноном Элейским и школой Мегара. Теперь все должны искать средство против этого. Со своей стороны я – и не я один – думаю, что важно никогда не вводить сущности, не полностью определённые конечным количеством слов. Какое бы лекарство мы ни выбрали, мы тешим себя удовольствием вызвать врача, чтобы обсудить этот прекрасный патологический случай“.

Несколько лет спустя интерес Пуанкаре к патологии самой по себе был ослаблен. В 1908 г. на Международном Математическом Конгрессе в Риме удовлетворённый врач поставил себе такой диагноз: „Следующее поколение будет ценить *Mengenlehre* как болезнь, от которой они избавились“.

Величайшей заслугой Кантора было то, что он вопреки себе и своим желаниям обнаружил, что „тело математики“ поражено болезнью, занесённой Зеноном, и болезнь эта ещё не излечена. Его волнующее открытие – это любопытный отголосок его собственной интеллектуальной жизни. Сначала взглянем на события его материальной жизни, возможно, не очень интересной самой по себе, но потом это позволит нам полнее увидеть его теорию.

Чисто еврейского происхождения с обеих сторон, Георг Фердинанд Людвиг Филипп Кантор был первым ребёнком преуспевающего купца Георга Вольдемара Кантора и его артистической жены Марии Бём. Отец родился в Копенгагене, Дания, но молодым переселился в Петербург, Россия, где 3 марта 1845 года родился математик Георг Кантор. Лёгочная болезнь вынудила отца в 1856 переехать во Франкфурт, Германия, где он жил в достатке и покое до смерти в 1863. Из-за этой странной смеси национальностей несколько стран претендовали на роль отчества Георга Кантора. Сам Кантор любил Германию, но нельзя сказать, что она отвечала ему сердечной взаимностью.

У Георга был брат Константин, который стал в Германии военным офицером (ну и карьера для еврея!), и сестра, Sophie Nobiling. Брат был хорошим пианистом; сестра настоящим художником. Скрытая артистическая натура Георга нашла бурный выход в математике и философии, как классической, так и схоластической. Выраженный артистический темперамент дети унаследовали от своей матери, чья бабушка была музыкальным дирижёром, один из её братьев, живший в Вене, был учителем знаменитого скрипача Исаака. Брат Марии Кантор был музыкантом, а одна из её племянниц – художницей. Если психологические защитники тусклых посредственностей говорят правду, что нормальность и флегматическая стабильность эквивалентны, то из артистического блеска его семьи и происходила неуравновешенность Кантора.

Семья была христианской, отец был крещён в протестантизм; мать родилась католичкой. Подобно своему закланному врагу Кронекеру, Кантор принял протестантизм и проявил исключительный вкус к безграничной педантичности средневековой теологии. Возможно, если бы он не стал математиком, то проявил бы себя в философии или теологии. В связи с этим отметим интересный момент, что на канторовскую теорию бесконечности яростно набросились иезуиты, чей пронзительный логический ум обнаружил за математическими образами своё понимание несомненных доказательств существования Бога и непротиворечивости Святой Троицы с её триединством, тройственностью (три в одном, один в трёх), самоидентичностью и вечным сосуществованием. За 2,5 тысячи лет бывало, что математика выплясывала под чужую дудку странные танцы, но это превзошло всё остальное. Сказать по справедливости, Кантор, у которого был острый ум и острый язык, когда он злился, высмеивал вычурные нелепости таких „доказательств“, несмотря на то что он был благочестивым христианином и знатоком теологии.

Школьные успехи Кантора были как у большинства высокоодарённых математиков – раннее проявление (до пятнадцатилетнего возраста) его величайших талантов и захватывающий интерес к изучению математики. Его первым наставником был частный учитель по курсу элементарной школы в Петербурге. Когда семья переехала в Германию, Кантор сначала посещал частные школы во Франкфурте и в Дармштадте неклассическую школу, поступив в Висбаденскую гимназию в 1860 г. в возрасте пятнадцати лет.

Георгу было предопределено стать математиком, но его практичный отец, увидев в мальчике математические способности, настойчиво пытался заставить его выбрать профессию инженера как более хлебную. В 1860 г. по случаю конфирмации Кантора его отец написал ему, выразив большие надежды, которые он и многочисленные тётушки, дядюшки и кузены Георга в Германии, Дании и России питают по поводу одарённого юноши: „Они ожидают от тебя, чтобы ты превзошёл Теодора Шеффера (школьный учитель Кантора в последней гимназии), а позже, если Богу будет угодно, стал бы восходящей звездой на инженерном небосклоне“.

Когда бы это родители отдавали себе отчёт в самонадеянной глупости попыток сделать из ребёнка лошадь на беговой дорожке?

Набожные призывы к Богу, которые действовали как дубинка на чувствительного, религиозного пятнадцатилетнего мальчика, вынуждая его к повиновению в 1860 г., сегодня (слава богу!) отскочили бы как теннисный мячик от нашего молодого поколения. Но они очень сильно воздействовали на Кантора. Фактически они его полностью нокаутировали. Преданно любящий своего отца и будучи глубоко религиозной натурой, молодой Кантор не видел, что старик лишь обосновывал свою любовь к деньгам. Так началась первая деформация сверхчувствительного ума Георга Кантора. Вместо того чтобы взбунтоваться, как бы это мог сделать сегодня подающий надежды одарённый мальчик, Георг подчинялся до тех пор, пока даже упрямому отцу не стало очевидным, что он губит склонности сына. Но во время попыток угодить отцу вопреки своим чаяниям Георг Кантор заронил семена сомнения в себе, которые сделали позже его лёгкой добычей злых нападений Кронекера и послужили причиной неуверенности в ценности своей работы. Если бы Кантор был воспитан как независимый человек, он бы никогда не приобрёл робкого почтения к людям установившейся репутации, которые сделали его жизнь несчастной. Отец уступил, когда зло уже свершилось. Когда Кантору исполнилось семнадцать, он с отличием окончил школу, ему было позволено „дорогим папой“ попытаться сделать в университете карьеру математика. „Мой дорогой папа!“ – писал Георг с мальчишеской признательностью: „Ты можешь представить себе, как меня порадовало твоё письмо. Твоё письмо определило моё будущее... Теперь я счастлив видеть, что ты не будешь сердиться, если я в своём выборе буду руководствоваться своими чувствами. Я надеюсь, что ты будешь жить довольным мной, жить моим призванием; что человек хочет сделать, и то, что внутренне побуждает его, в том он достигнет свершения!“ Папа не сомневался, что он заслуживает благодарности, даже если признательность Георга имеет оттенок излишнего подобострастия на современный взгляд.

Кантор начал свои университетские занятия в Цюрихе в 1862 г., но на следующий год перевёлся в университет Берлина в связи со смертью отца. В Берлине он специализировался в математике, философии и физике. Два первых интереса делились приблизительно поровну; что касается физики, он никогда не чувствовал себя в ней уверенно. В математике его наставниками были Куммер, Вейерштрасс и его будущий враг Кронекер. Согласно немецким традициям Кантор провёл некоторое время в другом университете и в 1866 г. один семестр состоял при университете Геттингена.

Благодаря Куммеру и Кронекеру в Берлине математическая атмосфера была насыщена арифметикой. Кантор глубоко изучил *Disquisitiones Arithmeticae* Гаусса и написал свою диссертацию на степень доктора философии в 1867 г. на тему сложной проблемы, которую Гаусс не принял во внимание, относительно решения в целых числах X, Y, Z неопределённого уравнения

$$ax^2 + by^2 + cz^2 = 0,$$

где a, b, c – произвольные заданные целые числа.

Это была хорошая часть работы, но можно с уверенностью сказать, что ни один математик, прочитавший её, не предвидел, что скромный двадцатидвухлетний автор станет одним из самых основных творцов истории математики. В этой первой попытке виден несомненный талант, но не гений. В строго классической диссертации нет ни единого намёка на гениальность автора. Кстати сказать, все самые ранние работы Кантор опубликовал до двадцати девяти лет».

Начиная с 1962 года появляются работы о творчестве Кантора немецкого математика польского происхождения **Герберта Мешковского** (1909–1990; рис. П10.2), математика и физика, профессора Свободного университета Берлина. Его книга «Проблема бесконечного. Творчество и жизнь Георга Кантора» вышла первым изданием в 1967 году (Herbert Meschkowski. Probleme des Unendlichen. Werk und Leben Georg Cantors [119].

Рис. П10.2.
Герберт Мешковский

«Георг Кантор родился 3 марта 1845 г. (19 февраля по старому стилю). Его отец, Георг Вольдемар Кантор, был успешным торговцем. Вывеска „Кантор и К^о“ принесла ему благосостояние, что дало ему возможность обеспечить обучение его сына Георга, хотя ради этого он трудился с утра до вечера.

„Для чего нужна сила? Она у меня есть, я верю в это уже до отвращения (пресыщения) многократно, что мы имеем материальные средства (слава богу, и достаточную веру, как ты представляешь) ради твоего обучения настолько продолжительного, насколько мы захотим“.

Так писал Георг Вольдемар Кантор 21 января 1863 г. своему старательному сыну. Он оставил после себя значительное состояние, позже позволившее профессору Георгу Кантору чувствовать себя обеспеченным и давшее возможность его семье приобрести дом в Галле.

О происхождении Кантора известно, что он сын одного торговца из Копенгагена, приехавшего издалека. Как видно из писем, которые он писал своему сыну, отец Кантора был обаятельным человеком, разносторонне образованным, зрелой и доброжелательной личностью. У него живой ум, во всём чувствуется его успешная коммерческая деятельность. Он был знаком с образом мыслей академического мира и ориентировал Георга Кантора (на испытания в Дармштадте в 1862 г.) в „гуманистическом“ направлении.

Для религиозного отца Кантора важно разностороннее развитие мышления и восприятия сына. Георг Вольдемар Кантор принадлежал к евангелической церкви и имел христианские убеждения. Он прожил длинную жизнь, отражённую в письме, которое его отец написал сыну на Конфирмацию в Духов день. Он пишет об этом как о „высочайшем достижении человеческого духа, который наступает

в реальной жизни, прежде всего даже в серьёзной борьбе с коротким бессильным сопротивлением“, которое побеждено. Вот его доводы:

„Недостаточно, в сущности, всего достичь! Теперь, мой дорогой сын! – поверь мне, моей дружеской искренности, преданности и опытности – вот истинное зерно, в жизненной необходимости, это поистине религиозная душа! Это проявляется в собственной личности через откровенное смирение чувств с благодарностью богопочитания, и всестороннее торжествующее, непоколебимо твёрдое упование на Бога, пронизывающее насквозь всю нашу жизнь, подразумевающее скрытую уверенность в поддержке нашего небесного Отца“.

Такое предостережение подтвержденному в XIX столетии звучало нередко. Мы потому хотим привести этот пример, чтобы показать благочестие Георга Вольдемара Кантора, всё же прибавившего пару строк на пожелтевшем листе своим прекрасным почерком. Это доказывает, что его серьёзная идея действует на стыке возможностей философии и теологии:

„Не будет безрассудством с нашей низменной точки зрения и нашими относительно малыми умственными средствами постичь желанные глубины божества и царства небесного духа. Эта глубина есть наше духовное око, такое непостижимое, как глубина звёздной небесной оси нашего чувственного зрения. Краткое небесное указание есть брэнная иллюзия простирающегося вечного наслаждения, всё упоение божеством собирается в нашей земной душе. Сейчас к высокому мы ещё не призваны, в малых хлопотах вынуждены мы испытать себя, лишения есть наш удел. И удостоится ли высокого духовного упоения тот, кто в малом не благороден и ищет благополучия? Мы обязаны перед Богом не искать вне нас и тем более забывать себя, а поступать достойно, следуя врождённой идее божественного, связью с божественной сферой...“

Мать Кантора, Мария Бём, происходила из артистической семьи, Георг Кантор писал об этом Лемуэну в марте 1896 года:

„В сущности, у меня всяма художественная натура, и, к сожалению, мой отец никогда не позволял мне сделаться скрипачом, в чём я наверняка был бы счастлив. Во всяком случае, я принадлежу по материнской линии к семье скрипачей-виртуозов. Мой дедушка и моя бабушка Франц и Мария Бём (урождённая Моравек) (из школы француза Роде) в 20-е и 30-е годы нашего столетия в Петербурге в качестве царских скрипачей-виртуозов восхищали тамошнее музыкальное общество; а мой двоюродный дедушка Йозеф Бём (тоже из школы Роде) был в Вене основателем в консерватории знаменитой скрипичной школы, из которой вышли Иоахим, Эрнст, Зингер, Хеллмесбергер (отец), Л. Штраус, Раппольди и др. Я уже вижу, что моя профессия неудачно выбрана и я не последовал принципу *Ne sutor ultra crepidam* („Сапожник – суди не выше сапога“)“.

Серьёзно ли он это говорит? Став истинным основателем теории множеств, он не согласен с этим, это „неудачный выбор“. И всё же он мимоходом отмечает, что в его жилах течёт кровь художника, и даже его почерк в это время становится размашистым и его фантазия имеет формы, пожалуй несвойственные математику.

К семье матери Кантора принадлежал её племянник, Дмитрий Мейер, юрист и философ, работавший в Казанском университете. Кантор рассказывал о нём, как впервые, „ещё при Николае I, он осмелился в университетских лекциях ратовать за отмену крепостного права“.

Итого: найденные (нашедшиеся) предки Кантора – успешный торговец и чувствительный скрипач, учёный и дирижёр: это богатое наследие.

Юность

В 1856 году Георг Вольдемар Кантор из-за лёгочной болезни уехал во Франкфурт-на-Майне на покой. Георг Кантор, прежде посещавший в Петербурге начальную школу, теперь стал учиться в гимназии в Висбадене. Пасху 1859 г. он встретил в великогерцогской гессенской реальной школе в Дармштадте. Отец вложил огромные средства в классическое образование своего сына, но, впрочем, это не было причиной возрастающих требований гимназии. Его аттестат в Дармштадте был постоянно отличным, и он имел позже чёткие и прочные знания в греческом (латынь тоже стала изучаться в реальной школе в Дармштадте).

Возрастал его интерес к науке, в особенности к математике.

В начале „Старшего курса“, ободряя его, отец писал ему со своим пафосом (письмо от 19 октября 1861 года):

„Взрачивай и питай знания, как весталки священный огонь, пусть горит лампа и свет не иссякает. Вечно негаснущая лампа науки этот священный огонь. Человеческая забота об этой лампе является индивидуальным даром (умением) и силой, так что исполнять твой долг – осознание этой значимости! Усмири себя даже в тех сомнениях, что подчас изредка в тебе зарождаются. В юношеском возрасте они постепенно проходят...“

В мае 1862 г. Кантор получил одобрение своего отца на изучение математики. Его благодарственное письмо от 25 мая 1862 года – самое давнее из тех, что Кантор сохранил. В нём говорится:

„Мой дорогой папа! Меня очень порадовало твоё письмо, как мне тебя благодарить; оно определило моё будущее. Последний день проходил в сомнениях и нерешительности; я не мог принять никакого решения. Долг и склонность боролись во мне. Сейчас я счастлив, когда я смотрю, что тебя больше не огорчает, что я в своём выборе следую эмоциям. Я надеюсь, ты будешь по-прежнему моим другом в моих испытаниях, дорогой папа, потому что моя душа, моё целостное „Я“ живут моей борьбой; что человек хочет и может, и к чему вызывают неведомые, таинственные голоса, направляя меня!...“

Он начал своё обучение в Цюрихе и переехал в 1863 г. (в связи со скоропостижной смертью отца) в Берлин.

Это было в то время, когда такой значительный учёный, как молодой и талантливый Карл Вейерштрасс, преподавал в Берлине. Куммер и Кронекер также обучали Кантора. Конечно, это в значительной степени усилило его интерес к Анализу

(изучение теории, теория действительных чисел, ряды Фурье), увлекали его, прежде всего направление Вейерштрасса, его ценные лекции».

Айвар Граттан-Гиннесс (1941–2014; рис. П10.3), историк математики и логики, жил и работал в Лондоне. Систематизировал архивные материалы Кантора. Grattan-Guinness I. *Towards a Biography of Georg Cantor* [145].

Вот выдержки из его работы:

«Происхождение семьи Кантора и начало его деятельности.

Георг Фердинанд Людвиг Филипп Кантор родился в Петербурге 3 марта 1845 г. (по новому стилю), был первым ребёнком Георга Вольдемара и Марии Кантор. Происхождение Георга Вольдемара туманно, но из тщательного исследования, сделанного в 1937 г. датским специалистом по генеалогии³⁸¹, можно вывести некоторые подробности. Он родился приблизительно между 1809 и 1814 г., возможно в Копенгагене, в семье, которая прибыла в Данию из Португалии или Испании: тот факт, что ему дали христианское имя, обуславливает, что Канторы не были евреями³⁸², что классифицировалось скорее по религиозной принадлежности, чем по расовому происхождению. Фамилия его матери была Мейер, её родственники занимали в России высокое положение – в частности, один из её племянников стал профессором права в Казанском университете (во времена Н. Лобачевского) и учил романиста Льва Толстого. Таким образом, и с точки зрения сильного антисемитизма в России в то время маловероятно, что Мейеры были евреями. Он женился на Марии Анне Бём 21 апреля 1842 г. в Немецкой Евангелической Лютеранской церкви в Петербурге, и у них родилось четверо детей: Георг (1845), Людвиг (1846), София (1848) и Константин (1849). Его жена происходила из Романо-Католической семьи этого города, но она поменяла своё исповедание на евангелическую веру мужа³⁸³ и факт её принадлежности к Романо-Католической церкви говорит о том, что она не была еврейкой. Отсюда следует, что Георг Кантор не был евреем, вопреки преобладающей последнее время в печати точке зрения и общему мнению. Исследования

Рис. П10.3. А. Граттан-Гиннесс

³⁸¹ Вызывает сомнения полнота этого исследования. Правда, дело было в 1937 году, иметь еврейское происхождение было опасно. В фашистской Германии жили четверо детей Кантора, возможно, это исследование было сделано по заказу потомков в интересах их безопасности. – Г. С.

³⁸² Граттан-Гиннесс употребляет слово *Jewisc* в смысле «иудей», а не «еврей». – Г. С.

³⁸³ Это неверно, в школьном журнале Георга Кантора в Петришуле написано, что отец – лютеранин, а мать – католичка. – Г. С.

происхождения Георга Вольдемара Кантора, выполненное Th. Hauch-Tausböhl³⁸⁴ в Danish Genealogical Institute, Copenhagen, немецкий перевод имеется в Nachlass Cantor I, среди нескольких документов относительно его жизни и деятельности. Фамилия Кантор (по-латыни „певец“ или „поэт“) встречалась с пятнадцатого века как у евреев, так и у неевреев: вот, например, современник Кантора, историк математики Морис Кантор, происходит из другой, еврейской линии. Сам Георг утверждал, что он и Морис не являются родственниками: см., например, Nachlass Cantor, VIII, 82. Но в своей книге *Storia e filosofia dell' analisi infinitesimal* (Turin, 1947, p. 186) L. Geuymonat заявляет (без ссылок), что семьи и Георга, и Мориса общего происхождения из португальской семьи, эмигрировавшей в Данию. Морис произошёл из той ветви, которая переместилась в Голландию и Германию, в то время как Георг принадлежал к другой ветви, которая переместилась в Россию. Мы приводим здесь это утверждение L. Geuymonat, хотя его невозможно проверить. Но в принципе, оно может быть и верно: возможно, оно опирается на мнение о родстве двух Канторов из статьи P. Tannery Cantor (Moritz) (*La grande encyclopédie*. Paris, 1890(?). Vol. IX, pp. 127–128).

Бессмысленность этих историй вокруг рождения и происхождения Кантора доходит до такой степени, что утверждается, будто бы он родился и был найден на борту корабля, следующего в Петербург, и его родители неизвестны. Эта сказка появилась в печати (возможно, не впервые) в H. Brandt: *Übersicht über die Mathematiker in Halle. 250-Jahre Universität Halle. Streifzüge durch ihre Geschichte in Forschung und Lehre, Halle/Saale, 1944, pp. 274–277* (p. 276): это определённо не была выдумка Брандта, так как он слышал её в Галле от коллег и все они спешили тайком опубликовать поправку в нераспроданных экземплярах книг после их предупреждения об ошибочности этого одним из зятёв Кантора. В большинстве случаев такие истории появлялись в результате неустанных усилий нацистов очистить систему образования от людей еврейского происхождения.

Г. В. Кантор был очень успешным бизнесменом, сначала как оптовый агент в Санкт Петербурге, а позже как маклер на городской бирже. У него было неважно со здоровьем, и в 1856 г. семья в поисках более тёплого климата отправилась из Петербурга в Германию. Георг Кантор вспоминал свои детские годы в Петербурге с огромной ностальгией (см., например, черновик письма 1894 г. в Nachlass Cantor, VII, 131) и никогда не чувствовал себя легко в Германии, хотя он прожил в ней весь остаток своей жизни и, видимо, никогда не писал по-русски, хотя должен был уметь. Он был под сильным влиянием своего отца, человека богатой культуры и философских интересов, и когда он был школьником, а потом студентом университета, он получал от отца много добрых и полезных советов по поводу своей жизни и своей карьеры, но 6 июня 1863 г. его отец умер в Гейдельберге, оставив

---

³⁸⁴ Наверное, Fausböhl. – Г. С.

наследство в полмиллиона марок. Георг закончил обучение в Цюрихе³⁸⁵ и переехал в Берлин, где у него появились друзья, особенно Л. Шварц (вероятно, автор имел ввиду Г. Шварца. – Г. С.), сыгравший выдающуюся роль в его дальнейшей жизни».

Джозеф Уоррен Даубен (рис. П10.4) – американский специалист по истории науки, профессор истории Graduate Center of City University of New York, член Международной академии истории науки (Dauben Joseph Warren. Georg Cantor. His Mathematics and Philosophy of the Infinite [107, с. 272].

Вот что он пишет:

«Нижеследующее не является попыткой детализации психоанализа личности Кантора. До сих пор, надо сказать, многое в личности Кантора было обусловлено влиянием его отца. Чтобы понять, почему Кантор приблизился к центральным проблемам и скрывал специфический страх, как это он делал, необходимо изучить то небольшое, что малоизвестно о его семейной истории и добавить некоторые существенные новые факты из неопубликованных источников.

Хотя семейная история неясна, не вызывает сомнений, что дед Кантора, Якоб, жил в Копенгагене. В точности неизвестно, когда родился отец Кантора, Георг Вольдемар Кантор, хотя в свидетельстве о смерти в Гейдельберге, его рождение (в Копенгагене) было официально зарегистрировано 24 марта 1814 г. Но это не согласуется со всей традиционной семейной историей, которая помещает семью Кантора в Копенгагене во время английской бомбардировки 1807 г. В соответствии с этой историей, семья всё потеряла во время этого нападения и переселилась в С.-Петербург, где мать Георга Кантора предположительно имела родственников. Это, во всяком случае, является основанием для более ранней даты рождения: датский паспорт выдан Георгу Вольдемару Кантору в августе 1833 г. В паспорте указан его возраст 24 года, что предполагает его рождение в марте 1809 г. Это более точно соответствует английской осаде Копенгагена, но не полностью. Как бы то ни было, воспитание и образование Георга Вольдемара Кантора в Петербурге было вверено Евангелической лютеранской миссии. Что случилось с его родителями в это время, неизвестно, хотя семья его матери, носящая фамилию Мейер, была уважаемой и известной семьёй в Петербурге. Сестра была замужем за Йозефом Гриммом (римско-католической веры), который был придворным камер-музыкантом, а племянник был уважаемым профессором права в Казани. Несомненно, он активно способствовал правовым органам в движении за освобождение в России крепостных в 1861 году. По семейным воспоминаниям, Толстой был его студентом. Что касается родителей

Рис. П10.4.
Дж. У. Даубен

³⁸⁵ Проучившись в Цюрихе всего один год, Георг после смерти отца переехал в Берлин, чтобы быть рядом с матерью, и поступил в Берлинский университет.

Георга Вольдемара, ничего больше не известно, кроме того факта (приведённого Датским генеалогическим институтом), что Якоб Кантор был ещё жив в 1841 году, когда он послал своему сыну поздравление в связи с его помолвкой.

Георг Вольдемар Кантор женился на Марии Анне³⁸⁶ Бём годом позже в Петербурге 21 апреля 1842 года. Она родилась в Петербурге и крещена в римско-католическую веру. Вся её семья состояла из талантливых музыкантов, включая нескольких классических скрипачей, наиболее известным среди которых был великий дядя Кантора Йозеф Бём, директор Венской консерватории и основатель скрипичной школы, которая выпустила многих виртуозов своего времени, в том числе Йозефа Иоахима и Йозефа Хелмесбергера (Joachim, Hellmesberger). Тот факт, что Георг Вольдемар и Мария Анна Бём венчались в Евангелической лютеранской церкви в Санкт-Петербурге, вновь подчёркивает ту связь, что отец Кантора принадлежал к миссии, пока рос. У пары родилось шестеро³⁸⁷ детей, из которых Георг был старшим, они были окрещены в лютеранстве и воспитывались отцом и матерью в строгой вере. Серьёзность и проникновенность религиозного сознания повседневной жизни Георга Вольдемара сильно ощущается в каждом его письме, адресованном сыну, – сохранились письма юному Кантору во время его обучения в школе в Дармштадте и позже в Политехническом институте в Цюрихе. Одно письмо особенно заслуживает внимания. Оно было написано по случаю конфирмации Кантора, и было письмом, которое он никогда не забывал; он постоянно хранил его при себе. Его стоит привести здесь полностью, так как многими путями оно сверхъестественно (необъяснимо) пророчествует успехи и неудачи личной жизни Кантора и его общественной карьеры (перевод с английского перевода, сделанного Даубеном. – Г. С.).

„Дражайший Георг!

Благодаря милости Всемогущего бога, Создателя мира и Отцу всего живущего, возможно этот день осенит всю твою будущую жизнь. Да будешь ты постоянно и неослабно сохранять перед своим взглядом добродетельную решимость, которую ты, без сомнения, дал сегодня молча как святой обет!.. Будущее нашей жизни и судьба человека скрыты от него в глубочайшем мраке. И это хорошо. Никто не знает заранее, в какие невероятно трудные условия и профессиональную среду может забросить случай, с какими непредвиденными и непредсказуемыми бедствиями и трудностями придётся бороться в различных случаях в жизни.

Как часто большинство подающих надежды людей бывают побеждены после незначительного, слабого сопротивления в своей первой серьёзной борьбе сразу после их вступления в практические дела. Их отвага сломлена, они совершенно изнурены после этого и даже в лучшем случае похожи на так называемого поверженного гения!.. Конечно, это нередко бывает с молодыми людьми, даже с теми,

---

³⁸⁶ Во всех русских документах, в том числе и в записи о венчании, Мария названа только одним именем. – Г. С.

³⁸⁷ Четверо. – Г. С.

кто, по-видимому, одарён многообещающими способностями ума и тела и чьи шансы на будущее благодаря возможностям и семейным связям в юности были также в розовом свете!

Но им не хватало твёрдого сердца (в оригинале – зерна), от которого всё зависит! Теперь, мой дорогой сын! Верь мне, твоему искреннему, истинному и самому опытному другу – то уверенное сердце, которое должно жить в нас, это истинно религиозный дух! Он сам откроется нам через искреннее, смиренное чувство благодарного почтения к Богу, из этого чувства вырастет вдобавок победоносная, непреклонная (непоколебимая) вера в Бога, и он сохранит и защитит нас в продолжение всей нашей жизни в том очевидном молчаливом согласии с нашим небесным отцом!..

Но для того, чтобы предотвратить все эти невзгоды и трудности, которые неминуемо восстают против нас в виде зависти и злословия открытых или тайных врагов в нашем жадном стремлении к успеху в активности нашего характера или деятельности в этом сражении для успеха, прежде всего нужно усвоить и осознать величайшую возможную ценность, самую фундаментальную, иную, чем технические знания и практические навыки. В наше время, если ты честолюбив и трудолюбив и не хочешь, чтобы твои враги отстранили тебя и вынудили встать во второй или третий ряд, это является абсолютной необходимостью.

Для получения различных, основательных, научных и практических знаний; для совершенного владения иностранными языками и литературой; для многостороннего развития ума во многих гуманитарных дисциплинах – и это ты должен всегда всецело осознавать! – для всего этого второго периода твоей жизни, твоей юности, сейчас ещё только начинающейся, предопределено, прежде всего, укрепить себя достоинством в смысле всего этого для той борьбы, что тебя ожидает. Успокоиться на достигнутом и пренебречь в этом периоде или преждевременно расточить свои лучшие силы, здоровье и время, безрассудно растратить, как говорится, это навсегда непоправимо и невозместимо утрачено; также однажды утраченная невинность навечно и навсегда безвозвратно утрачена...

Я заканчиваю такими словами: Твой отец, или, вернее, твои родители и все остальные члены нашей семьи как в Германии, так и в России, и в Дании смотрят на тебя как старшие и надеются, что ты будешь ничуть не меньше, чем Theodor Schaeffer, и, если Богу угодно, позже возможно станешь восходящей звездой на горизонте науки.

Пусть Бог даст тебе силы, упорство, здоровье, добрый (твёрдый) характер и Его лучшие благословения! И поэтому ты должен следовать только его путями. Аминь!

Твой отец“.

Все основные черты личности Кантора словно собраны в отцовском письме: вера в Бога подразумевала помощь в трудную минуту и в тяжёлые времена, уверенность в том, что тем, кого постигли жизненные неудачи, изменила сила духа, и вера в то, что истинно религиозный дух должен пребывать в личности. Кроме того, чтобы противостоять открытому злословию или тайным врагам, нужно быть во всеоружии

и быть фундаментально профессионально компетентным. Призыв всецело посвятить себя учёбе был обусловлен дома напоминанием о том, что вся семья, в Дании, Германии и в России, ожидает, что Кантор станет таким же знаменитым, как и его учитель, Теодор Шеффер, и, возможно, даже прославленным учёным.

В большой степени рекомендации Георга Вольдемара Кантора своему пятнадцатилетнему сыну отражают его собственный опыт. Выросший и обучавшийся в Лютеранской миссии, отец явно глубоко впитал религиозные ценности, и он определённо передал их своим детям. В молодости Георг Вольдемар вёл дела в Петербурге и в 1834 году создал фирму оптовой торговли под названием „Георг Кантор и Компания“. Торговля была международной, с интересами в Гамбурге, Копенгагене и Лондоне; транзакции простирались вплоть до Нью-Йорка, Рио-де-Жанейро и Бахии (Сан Сальвадор). Но по неизвестным причинам „Кантор и Компания“ потерпела неудачу в декабре 1838 года и в декабре 1839 года была полностью ликвидирована. Как бы то ни было, Георг Вольдемар Кантор ещё имел „внутренние ресурсы и решительность“ достичь успеха в своей деловой карьере и обратил свои таланты на то, чтобы стать маклером на Бирже в Санкт-Петербурге. Незадолго до отъезда из России в Германию (из-за болезни) он выразил своё желание в мае 1854 года и определил себя так: „Оптовый торговец из Вильманстранда и временно купец третьей гильдии Санкт-Петербурга“.

Деловые успехи Георга Вольдемара способствовали его благосостоянию. После смерти от туберкулёза в июне 1863 года он оставил семье около полумиллиона марок. Но большую часть этих денег он завещал своему старшему сыну, обязав его достичь профессионального успеха и с верой в его собственные внутренние ресурсы, которые, он был уверен, позволят преодолеть даже самые горестные жизненные эпизоды. Казалось бы, Кантор следовал советам отца с великим старанием, и это, как и многие другие аспекты его личной жизни, помогает объяснить, почему он неизменно решительно одерживал победу и почему он сражался с таким упорством и непоколебимостью, защищая свою теорию множеств и трансфинитные числа.

После отъезда из России семья Канторов недолго жила в Висбадене до переезда в Дармштадт, где он закончил школу с формулировкой „его усердие и старание достойны подражания; его знания элементарной математики включая тригонометрию, очень хороши; поведение достойно похвалы“. Год спустя он был в Высшей Торговой школе (Höheren Gewerbeschule) (Высшее ремесленное училище) и вновь до окончания в 1862 году имел высокую оценку: „Зарекомендовал себя как одарённый и прилежный ученик“. К радости отца, Кантор усердно работал и, казалась бы, достиг осознания своих математических способностей. Отец Кантора имел особый интерес к образованию своего сына и со вниманием направлял его личностное и интеллектуальное развитие, одобряя и поддерживая его. Близость их отношений особенно видна в тех письмах Георга Вольдемара сыну, которые были написаны в годы его школьного обучения вдали от дома. Внимательные, эмоциональные наставления юному Георгу неумоимо работать и посредством этого обеспечить прочный успех.

Тот факт, что Кантор провёл два года в Дармштадте в *Gewerbeschule* (ремесленной школе), наводит на мысль, что его отец первоначально возлагал на будущего сына надежды, исключаящие в будущем сына привязанность к чистой науке, чему его сын неуклонно сопротивлялся. Но весной 1862 года молодой Кантор пришёл к решению: он решил посвятить себя математике. Несмотря на его интуитивную неуверенность в правильности своего выбора, он нашёл всестороннюю поддержку этого решения у отца.

Несомненно, с самого начала Кантор испытывал некоторое внутреннее сопротивление к занятиям математикой. Первоначальные сомнения Георга Вольдемара и недовольство желанием сына изучать чистую науку были отброшены, но это также оставило Кантору ощущение, что ему придётся доказывать, что отец не будет разочарован. Характерно, что Кантор усилил обоснованность своего решения, сказав, что он в этом не одинок – и всё же неизвестно, создавал ли это ощущение тайный голос.

Отец Кантора продолжал с энтузиазмом следить за успехами сына. В августе 1862 года Кантор сдал экзамен на аттестат зрелости (*Reifeprüfung*), который позволил ему дальнейшее изучение наук. Георг Вольдемар послал ему наилучшие пожелания и вновь акцентирует философию, к которой его сын обратится позже в период сомнений и депрессии. Слова его отца были решительным призывом к успеху, но когда Кантор сел писать с вой экзамен 18 августа 1862 года, у него было больше, чем отцовская молитва, чтобы Бог даровал ему благословение и удачу. У него также было отцовское напоминание:

„Мой Бог даст тебе благословение и хорошую судьбу на экзаменах, которые сегодня начинаются... В критические моменты жизни стойкая (решительная) и радостная вера в Бога, и глубокая, взволнованная молитва к Всемогущему Дарителю всего благого перед началом дня даёт устойчивость, мужество и уверенность в себе. Так что вверься Богу! Будь чист, радостен и энергичен в работе!“

В конце августа Кантор сдал экзамены и был признан прошедшим подготовку первого уровня (*Maturitätszeugnis* № 1 – аттестат зрелости), годным для изучения естественных наук. По-видимому, Кантор достиг меньших успехов по таким предметам, как география и история, потому что его отец в письмах неуклонно настаивал на важности разнообразного и всестороннего обучения во всех областях знания. Незадолго до отъезда Кантора из Дармштадта его отец советовал ему не сосредотачиваться на одном предмете, например на ботанике, а предлагал изучать всё от языков до музыки как можно более основательно. Он был так рад услышать об интересе своего сына к циклу лекций о Шекспире знаменитого Фридриха Теодора фон Фишера (*Friedrich Theodor von Vischer*), о котором его отец писал с завистью, что он никогда не слышал о нём ничего, кроме высочайшей похвалы. Когда Кантор создал свой собственный струнный квартет, его семья была восхищена, а его отец пригласил всю группу провести Рождественские каникулы во Франкфурте. Тем не менее, возможно, самым наглядным знаком (указанием)

степени отцовской гордости достижениями сына Георга Вольдемара можно считать провозглашение, которое он написал в честь рисунка („Собака и охотничья сумка под деревом“, карандаш), присланного домой его сыном как знак прогресса, достигнутого в Политехнике в Цюрихе.

Вопреки утверждениям, выдвинутым Е. Т. Белл (E. T. Bell), что Георг Вольдемар имел весьма опасное и разрушительное влияние на психическое здоровье сына, свидетельства жизнеспособности их связи всецело доказывают обратное. Отец Кантора был тонко чувствующим и одарённым человеком, глубоко любящим своих детей и желающим им счастья, успеха и жизненных достижений. Ребёнком юный Георг питал ожидания своей семьёй и так как он имел успехи в математике, он не хотел ничего другого, кроме как оправдать надежды своих родителей. Чтобы их не разочаровать, он неутомимо работал и в самом деле был активным студентом. Но при этом даже его самые ранние решения казались судьбоносными, он чувствовал, что действуют неизвестные силы, которые неуклонно движут его к успехам».

Андор Кертеш (1929–1974) – венгерский математик, алгебраист, приглашённый профессор Университета Мартина Лютера в Галле, доктор философии (Andor Kertész. Georg Cantor. Schöpfer der Mengenlehre [117].

Вот что говорит он о родном доме Кантора и его образовании:

«Георг Кантор родился 3 марта 1845 года в С.-Петербурге. Его отец, Георг Вольдемар Кантор, был успешным купцом, в молодые годы приехавшим из Копенгагена в Россию. Его мать Мария, урождённая Бём, происходила из артистической семьи. Эта ветвь дала прочную основу Георгу Кантору в обладании фантазией и эстетическим чувством. Благополучие и интеллектуальный настрой старшего поколения способствовал тому, чтобы сын получил хорошее воспитание.

Семья Канторов проживала в Германии (во Франкфурте-на-Майне), куда они переехали из-за лёгочной болезни отца семейства. Отец вложил большие средства в образование своих сыновей. Георг Кантор посещал гимназию в Висбадене, различные частные школы во Франкфурте-на-Майне, реальную школу и Высшее ремесленное училище (ныне Высшая техническая школа) в Дармштадте. Вопреки многим практическим направлениям своего отца, Георг Кантор уже почувствовал себя как молодой человек с сильной склонностью к математике. Сначала продолжительное сопротивление сохранялось, а затем он получил одобрение своего отца на занятия математикой.

К сожалению, его отец скоропостижно скончался, не испытав долгожданной радости. Кантор, начавший свои занятия в Цюрихе осенью 1862, после смерти отца уехал в Берлин. В это время в Берлинском университете активно работали Вейерштрасс, Куммер и Кронекер. Кантор был под большим впечатлением от Вейерштрасса. Нет ничего удивительного в том, что он, попав в эту среду, получил превосходное математическое образование и высокую математическую культуру. Он получил учёную степень в 1867 г. у Куммера за работу по теории чисел

„Неопределённые уравнения второй степени“, её утвердили на философском факультете Берлинского университета. По окончании своего университетского обучения в 1868 году он преподавал математику в гимназии Фридриха-Вильгельма в Берлине. Затем он решился переехать в Халле. Об этом намерении он писал в письме своей сестре Софии 7 февраля 1869 года».

Вальтер Пуркерт (рис. П10.5) – профессор университета в Бонне [122].

Первое издание книги вышло в 1985 году. В русском переводе она вышла в 1991 году, потеряв половину объёма.

Вот фрагмент из немецкого текста:

«Георг Кантор родился 3 марта 1845 года в Санкт-Петербурге. Его отец Георг Вольдемар Кантор открыл там в июне 1834 г. фирму комиссионной торговли под названием Cantor & C°. С 1838 г. он посвятил своё дело исключительно заморской торговле парусиной и корабельной оснасткой и позже в то же время активно работал как биржевой маклер. Георг Вольдемар Кантор был удачливым торговцем; за 22 года своей торговой деятельности он создал значительный капитал в размере 500 000 золотых марок.

Рис. П10.5.
В. Пуркерт

Относительно происхождения и образования Георга Вольдемара Кантора нет надёжных сведений. Некоторые исследования были осуществлены в „Собрании рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете“ в 1937 году, возможно, по поручению потомков Кантора, чтобы выяснить вопрос, были ли предки Кантора евреями. В этом исследовании использовалась информация датского генеалогического Института в Копенгагене. Оно опиралось на глубокую проверку церковных книг и архивов. В этом ряду содержится информация о документально доказанных семейных преданиях. По этим сведениям получается такая картина: родители Георга Вольдемара Кантора жили в Копенгагене, что не может быть подтверждено документально. Его отец Якоб Кантор умер в 1842 году. Мать его была урождённая Мейер, несколько её братьев и сестёр жило в Петербурге. Один из её племянников был профессором гражданского права в университете в Казани и учил Льва Толстого. В юности Толстой восхищался этим человеком именно за его независимое мышление. Георг Вольдемар Кантор родился в Копенгагене. На его могиле в Гейдельберге стоит дата рождения 1814 г., в его старом датском паспорте стоит дата 1809 г. Он приехал в Петербург маленьким ребёнком и вероятно воспитывался в евангелической миссии. Частично сохранившиеся письма Георга Вольдемара Кантора показывают, что он был высокообразованным человеком, в равной степени разбиравшимся в искусстве, науке и владевшим красноречием. Он был глубоко религиозен и воспитывал своих детей в этом чувстве. Жизненная философия Георга Вольдемара Кантора ясно видна из его писем:

„Наш жребий – это суета и лишения. Но если в повседневном труде нет возможности достичь высокого благородства и счастливого бытия, как же достичь высокого достоинства и чувства удовлетворения? Мы обязаны перед Богом искать себя в этом, действуя достойно и помня о присущей нам божественной идее“.

Мария Бём имела много черт, унаследованных от отца: музыкальность, весёлый нрав, непосредственность и неуравновешенность. Всю жизнь она страдала от своей болезненности. Георг Вольдемар Кантор и Мария Бём обвенчались 27.04.1842 в немецкой Евангелической лютеранской церкви в Петербурге³⁸⁸ (3, № 36). Так как Мария Бём происходила из романо-католической семьи, то, заключив брак с лютеранином Георгом Кантором, стала принадлежать к этой религиозной конфессии³⁸⁹.

Часто задают вопрос, был ли Георг Кантор иудейского происхождения. Для ответа на него назовём сообщение датского генеалогического Института в Копенгагене 1937 г. о его отце:

„Настоящим удостоверяется, что Георг Вольдемар Кантор, рождённый между 1809 и 1814, в общинных книгах (Gemeindebüchern) еврейских общин не упоминается, и несомненно евреем не является...“

Многолетний труд библиотекаря Йозефа Фишера (Josef Fischer), лучшего знатока еврейских генеалогий в Дании, по поручению еврейских профессоров искавшего еврейское происхождение Георга Кантора, не привёл ни к каким результатам³⁹⁰.

В опубликованных работах Кантора (о Канторе) и в его наследии не даётся никаких высказываний о себе, о своём еврейском происхождении, своих предках. Существует, правда, в наследии копия письма его брата Людвига от 18.11.1869 к матери, в котором содержится неприязненное антисемитское высказывание:

„Люби мы евреев и в десять раз больше, и я в принципе всё же за равноправие с иудеями, но в общественной жизни мне христиане милее...“ (3, № 36).

Мы допускаем, что этот вопрос ещё не решён, пожалуй, предки Кантора представляли собой мозаику из христианских верующих выходцев. Это ничтожный вопрос для биографии учёного».

Здесь в книге Пуркерта на ссылке № 36 [3], по библиографии Пуркерта, из Генеалогического института Копенгагена: Georg Cantor. Niedersächsische Staatsund Universitätsbibliothek Göttingen. (Nachlass Georg Cantors): «Er wird hiermit bescheinigen, das Georg Woldemar Cantor, geboren 1809 oder 1814, in den Gemeindebüchern der jüdischen Gemeinde nicht vorkommt, und das er ganz ohne zweifel kein Jude war... («Настоящим удостоверяется, что Георг Вольдемар Кантор родился в 1809 или 1814,

³⁸⁸ 21 апреля в лютеранской церкви и 22 апреля в католической. – Г. С.

³⁸⁹ Мария не меняла принадлежность к католической церкви, что следует из документов о венчании и школьного журнала Георга Кантора. – Г. С.

³⁹⁰ Заметим, что в это время в Копенгагене жила семья купца Левина Исаака Кантора; его сын – Теодор Эдвард Кантор (1809–1860/54?), известный натуралист; в Гельсингфорсе жила семья датского купца Израэла Натана Кантора, его сын Исаак Натан Кантор (1806–1872) был врачом. – Г. С.

отсутствует в книгах прихода еврейской общины, следовательно, без всякого сомнения, он не еврей») (с. 14–15).

В русском переводе 1991 года переводчик высказывается более категорично: «Результаты новейших (т. е. 1937 года) исследований показали, что все домыслы о религиозной принадлежности Кантора, в частности о его еврейском происхождении, лишены всякого основания» (с. 9).

Джон Дж. О’Коннор, Эдмунд Ф. Робертсон. Кантор, Георг Фердинанд Людвиг Филипп в архиве MacTutor: <http://www-groups.dcs.st-and.ac.uk/~history/Printonly/Cantor.html/>

Приводим фрагмент этой страницы:

«Отец Георга Кантора, Георг Вольдемар Кантор, был преуспевающим купцом, работая в качестве оптового агента в Санкт-Петербурге, затем в должности брокера на Санкт-Петербурге фондовой бирже. Георг Вольдемар Кантор родился в Дании и имел глубокую любовь к культуре и искусству. Мать Георга, Мария-Анна Бём, была русской и очень музыкальной. Конечно, Георг унаследовал значительные музыкальные и артистические таланты её отца, являющегося выдающимся скрипачом. Георг был воспитан протестантом, это религия его отца, а мать Георга была католичкой.

После раннего образования на дому с частным преподавателем Кантор учился в начальной школе в Санкт-Петербурге, но в 1856 году, когда ему было одиннадцать лет, семья переехала в Германию. Тем не менее Кантор вспоминал о своих ранних годах в России с большой ностальгией и никогда не чувствовал себя комфортно в Германии, хотя он и прожил там до конца своей жизни и как будто бы никогда не писал на русском языке, который он должен был знать.

Плохое состояние здоровья отца потребовало поисков более тёплого климата, чем суровые зимы Санкт-Петербурга. Семья переехала в Германию. Сначала они жили в Висбадене, где Кантор учился в гимназии, а затем они переехали во Франкфурт. В Дармштадте³⁹¹, где жила семья, Кантор учился в реальном училище. Окончил в 1860 году с великолепным аттестатом. В нём отмечены его исключительные навыки в области математики, в частности тригонометрии. В 1862 году он поступил в Политехнический в Цюрихе. Причиной тому было желание отца Кантора отправить его в Höheren Gewerbeschule, чтобы Кантор стал как... *яркая звезда в инженерном небосводе.*

Тем не менее в 1862 году Кантор добился разрешения своего отца изучать математику в университете и был вне себя от радости, когда в конце концов его отец согласился. Его обучение в Цюрихе, однако, было прервано из-за смерти отца в июне 1863 года. Кантор перешёл в Берлинский университет, где подружился с Германом Шварцем, своим однокурсником. Кантор посещал лекции Вейерштрасса, Куммера и Кронекера. Летний семестр 1866 года он провёл

---

³⁹¹ В 40 км от Франкфурта-на-Майне.

в Университете Геттингена, вернувшись в Берлин, чтобы завершить свою диссертацию по теории чисел³⁹².

Есть письмо от 18 ноября 1869 года от брата Кантора Людвика к матери, в котором говорится:

„Даже если мы десятикратно приходим и от евреев, и несмотря на то, что я, в принципе, полностью в пользу равноправия для евреев, в социальной жизни я предпочитаю христиан...“

Это можно понять как то, что она была еврейского происхождения.

Есть документально оформленные заявления о том, что это еврейское происхождение можно поставить под сомнение:

„Чаще обсуждался вопрос, был ли Георг Кантор еврейского происхождения. Об этом сообщается в уведомлении от датского генеалогического Института в Копенгагене 1937 года об отце: „Настоящим удостоверяется, что Георг Вольдемар Кантор, родившийся в 1809 или 1814 году, отсутствует в реестрах еврейской общины и что он, без всякого сомнения, не был евреем...“

Кроме того, в этом же документе:

„Также многолетние поиски библиотекаря Йозефа Фишера, одного из лучших специалистов по еврейской генеалогии в Дании, которому еврейские профессора дали поручение выяснить вопрос еврейского происхождения Кантора, не получил результата“.

В архиве Кантора нет никаких документов, которые указывали бы на еврейское происхождение³⁹³.

Таким образом, Кантора называют не только еврейским, но и русским по происхождению».

Анн-Мари Декайё. Кантор и Франция. Переписка немецкого математика с французами в конце XIX века (Décaillot Anne-Marie. Cantor et la France. Correspondance du mathématicien allemand avec les français a la fin du XIX siècle [108].

Из книги Анн-Мари Декайё (рис. П10.6):

«Его жена Валли Гутман (1849–1923) получила музыкальное образование (пение и фортепиано) в консерватории в Берлине. Мать шестерых детей, она как любитель иногда выступает публично. Его старшая дочь Эльза (1875–1954) стала певицей и учительницей музыки.

Из письма Кантора Эмилю Лемуэну от 17 марта 1896 года:

„В принципе у меня лёгкая артистическая натура, и я всегда жалею, что мой отец не позволил мне быть скрипачем, что, по крайней мере, наполняло бы меня радостью. С материнской стороны я происхожу из семьи скрипачей-виртуозов. Мой дед и бабушка Мари и Франц Бём (урождённая Morawek), ученики француза Роде,

---

³⁹² В Германии было принято чередовать обучение в различных университетах.

³⁹³ Ещё бы! В Германии был 1937 год! – Г. С.

были в Санкт-Петербурге в двадцатых и тридцатых годах этого века как императорские скрипичные виртуозы. Приводили в восторг музыкальные круги этого города, а мой дядя Иосиф Бём, также ученик Роде, стоял у истоков Венской консерватории и был основателем знаменитой школы скрипачей, из которой вышли, в частности, Иоахим, Эрнст, Зингер, Хельмесбергер (отец), Раппольди и Л. Штраус“.

Виртуозный скрипач Иосиф Бём (1795–1876) и Георг Хельмесбергер (1800–1873) были профессорами Венской консерватории. Они воспитали большое число талантливых студентов, среди них скрипач и композитор Йозеф Иоахим из Австро-Венгрии (1831–1907), моравский скрипач Генрих Вильгельм Эрнст (1814–1865), венгерский Эдмунд Зингер (1831–1912), венский Эдуард Раппольди (1831–1903) и Людвиг Штраус (1835–1899), который родился в г. Пресбург (Братислава).

Этот фрагмент можно сравнить с письмом к Александру Васильеву от 4 июля 1894 года, когда Кантор заявил, что его дедушка Франц Бём был концертмейстером в оперном театре Санкт-Петербурга, а его дядя Луи Бём – профессор скрипки в консерватории этого города. В письме 31 декабря 1899 года, адресованному Феликсу Клейну, Кантор сказал, что он происходит из семьи венгерского происхождения Бём и что он занимался на скрипке в возрасте шести лет».

Рис. П10.6.
Анн-Мари Декайю

Георг Зингер. Новые сведения о происхождении Георга Кантора (Singer Georg. Neue Erkenntnisse über die Abstammung Georg Cantors // Springer. Published: 13 October, 2020. Mathematische Semesterberichte Springer. Published: 13 October, 2020. <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs00591-020-00289-x>). В русском переводе впервые опубликовано в альманахе «Еврейская старина». 2020 г. № 1 (104). <http://s.berkovich-zametki.com/y2020/nomer1/zinger/>

Вот что говорит Зингер (рис. П10.7):

«В истории семьи Георга Кантора, знаменитого создателя теории множеств, до сих пор имеются белые пятна. Основной пробел обнаруживается в биографии самого математика, родившегося в 1845 году в Санкт-Петербурге. Речь идёт о родителях его отца Георга Вольдемара Кантора. Неизвестны ни их имена, ни годы жизни, очень мало известно об их семьях и их происхождении. О том, были ли его предки по отцовской линии евреями, несмотря на однозначные письменные подтверждения самого Георга Кантора, в биографической литературе и по сей день распространяются противоречивые сведения. Это связано также и с генеалогической экспертизой, появившейся

Рис. П10.7.
Георг Зингер

в 1937 году, о которой далее и пойдет речь. В настоящем очерке предпринята попытка „решить задачу с неизвестными“, т. е. по возможности точнее идентифицировать упомянутых „инкогнито“, для чего автор, в частности, обратился к датским архивным материалам. Поводом для данного исследования послужили личные письма Георга Кантора, в которых он довольно часто и достаточно ясно высказывается о своём происхождении, что может служить указанием для определения направления поиска. Поэтому следует начать с приведения фрагментов писем.

1. Сведения из писем Георга Кантора о своём происхождении.

Достаточно подробные и вместе с тем отрывочные сведения о происхождении своего отца и его родителей содержатся в письме Георга Кантора от 23 мая 1889 года швейцарскому священнику Александру Баумгартнеру, с которым он между 1889 и 1894 годом вёл переписку, обсуждая вопросы литературы, теологии и политики:

„[...] что мой любимый отец, светлая ему память, был уроженцем Копенгагена (членом тамошней португаль[ско]-еврей[ской] ортодоксальной общины), который будучи единственным ребёнком от второго, позднего брака, вместе со своей полностью обедневшей матерью, женщиной ангельски доброй, но с характером (оставившей от первого брака многочисленное и по сей день сохранившееся и теперь уже преумножившееся потомство по фамилии Левис, а после принятия христианства – Людевикс) в раннем возрасте попадает в Санкт-Петербург, а вместе с матерью (зарабатывавшей там *прачкой* на пропитание себе и оставшемуся в Копенгагене больному мужу) и ее брат, музыкант Мейер, *принявший лютеранство*, а также сестра моей бабушки, замечательно прекрасная и духовно возвышенная *Анастасия Гримм*, рано вышедшая замуж в России за православного, вступает в *его* общину и остаётся в ней, несмотря на то, что позже в Санкт-Петербурге выходит замуж во второй раз за *кат[олика]*, коллегу ее брата – император[ского] камер-музыканта Йозефа Гримма“³⁹⁴.

О своих предках Георг Кантор пишет также английскому коллеге-математику Филиппу Журдену в письме от 22 марта 1905 года.

³⁹⁴ Фрагмент письма приведен из: Christian Tapp. Kardinalität und Kardinäle. Wissenschaftshistorische Aufarbeitung der Korrespondenz zwischen Georg Cantor und katholischen Theologen seiner Zeit (Кристиан Тапп. Кардинальство и кардиналы. Научно-историческое осмысление переписки Георга Кантора с католическими теологами того времени.) (Stuttgart, 2005. – С. 236, 237). Окончания слов в квадратных скобках добавлены Таппом. Несколько суше и не так подробно Кантор пишет 6 января 1896 г. Полу Таннери: «[...] мой покойный отец, скончавшийся в 1863 году в Германии, *Георг Вольдемар Кантор* ребёнком со своей матерью поселился в *Санкт-Петербурге* и был немедленно *крещён в лютеранскую веру*. Родился же он в Копенгагене (не знаю точно, в каком году, где-то между 1810 и 15 гг. от *израильтских родителей*, принадлежавших к тамошней *португальской еврейской* общине и потому, вероятнее всего, имевших *испано-португальское происхождение* [...]» (Paul Tannery. Mémoires scientifique стр. XIII: Correspondance (Пол Таннери. Научные мемуары. Переписка) (Toulouse, 1934, с. 306.))

„В могиле, которую Вы нашли на евангелическом церковном кладбище в Гейдельберге, погребён мой покойный отец Гео[рг] Кантор, скончавшийся, будучи там проездом, в июне 1863 года у меня на руках в жилище, срочно снятом по этому случаю, в возрасте около 49 лет от чахотки (туберкулёза лёгких). [...] Я испытываю сомнения, был ли Якоб Кантор из Копенгагена действительно отцом моего отца, или, возможно, лишь его воспитателем?“³⁹⁵

Начиная с момента, когда Георг Вольдемар Кантор стал зарабатывать на жизнь в Санкт-Петербурге торговлей и биржевым маклерством, а именно с 1833 года, его жизнь основательно изучена и описана в подробных научных исследованиях, проведённых в архивах математиком и историком математики Галиной Синкевич³⁹⁶.

2. Датская генеалогическая экспертиза 1937 года.

Интересным источником для изучения происхождения Георга Вольдемара Кантора является экспертное заключение копенгагенского специалиста в области генеалогии Теодора Хаух-Фаусболла, составленное им в 1937 году. Немецкий перевод этого документа объёмом в пять страниц в виде машинописного текста рукописи, а также перевод содержащего всего несколько строк написанного от руки свидетельства от 21 сентября 1937 года, находятся в собрании наследия Кантора в Геттингене³⁹⁷.

Текст свидетельства:

„Датский институт генеалогии

Директор: Т. Хаух-Фаусболл

Доссеринген 26 В, Копенгаген. Н.

21/9. 1937

³⁹⁵ I[vor] Grattan-Guinness. «The Correspondence between Georg Cantor and Philip Jourdain» (Айвор Граттан-Гинесс. Переписка Георга Кантора с Филиппом Журденом) в: Jahresbericht der deutschen Mathematiker-Vereinigung 73 (1971 г.), с. 111–130; здесь: с. 122.

³⁹⁶ Г[алина] И[вановна] Синкевич. Георг Кантор и польская школа теории множеств (Санкт-Петербург, 2012). В первой части книги Синкевич даёт оценку отобранных в доступных архивах Санкт-Петербурга материалов о детских годах Георга Кантора, жизни его родителей и их предков. Однако вопрос о происхождении Георга Вольдемара Кантора, несмотря на всю тщательность поисков, из документов данных источников не может быть окончательно выяснен.

³⁹⁷ «[Über die Eltern von Georg Cantor.]» («[О родителях Георга Кантора.]») Государственная и университетская библиотека Геттингена, собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете, 36: 3. (Автор благодарит сотрудников отдела рукописей и редких печатных изданий Нижнесаксонской государственной и университетской библиотеки Геттингена, предоставивших ему доступ к данному и другим документам из собрания наследия Кантора.)

Настоящим удостоверяется, что Георг Вольдемар Кантор, родившийся в 1809 или 1814 году, отсутствует в книгах записи еврейской общины и, что он, без сомнения, не является евреем, так как евреи в начале 19-го века не носили христианских имен.

Хаух-Фаусболл“

Следует привести цитаты из подробной генеалогической экспертизы Хаух-Фаусболла, чтобы, во-первых, конкретизировать некоторые сведения о родителях Георга Вольдемара Кантора и, во-вторых, для разъяснения направленности экспертного заключения ³⁹⁸:

„До настоящего времени какие-либо документы о родителях Георга Вольдемара Кантора отсутствуют. Согласно СЕМЕЙНОМУ ПРЕДАНИЮ, они жили в Копенгагене, однако из-за отсутствия точных сведений разыскать их там невозможно. Отца звали Якоб Кантор (согласно завещанию сына от 1854 года). В 1841 или 1842 году Якоб ещё был жив (поздравление по случаю помолвки сына). Мать – урождённая Мейер (по рассказам). [...]

Поскольку её племянник был там [в России] профессором университета, то, принимая во внимание тогдашний ярый антисемитизм российского императорского правительства, практически исключено, что эти Мейеры были евреями. [...]

На вопрос о том, где и когда родился Георг Вольдемар Кантор, несмотря на многолетние, всеобъемлющие исследования до сих пор точно ответить нельзя. Надпись на его надгробии в Гейдельберге: родился 24.4.1814 года в Копенгагене, должна, однако, вызывать сомнения. Потому что данные свидетельства о смерти, выданного евангелической общиной Святого Духа в Гейдельберге, в котором не указаны ни дата, ни место рождения, совпадают с надписью на надгробии весьма приблизительно [...], и, более того, имеется расхождение с данными датского заграничного паспорта, выданного 28.8.1833 года, в котором указан возраст владельца – 24 года, согласно чему он должен был родиться уже в 1809 году. [...]

Ни в немецкой миссии в Копенгагене, ни в Датском институте генеалогии не было обнаружено не только сведений, но даже имени Георг Вольдемар Кантор (за весь рассматриваемый период времени) в Копенгагене! А именно: ни в церковных книгах тамошних 13 христианских церквей [...], ни в подробных еврейских реестрах (на которые, вероятно, могла бы указывать фамилия Кантор), ни в адресных книгах Копенгагена того времени [...]. Однако в том же Датском институте генеалогии я узнал, что многолетние усилия крупнейшего знатока еврейской генеалогии в Дании, библиотекаря Иозефа Фишера, собиравшего по заданию еврейских профессоров из Ленинграда и Иерусалима доказательства того, что всемирно известный сын Георга Вольдемара, Георг Кантор, профессор математики в Галле, имеет еврейские корни, были напрасны и результата не дали!

---

³⁹⁸ Изменения и дополнения, внесённые в приведённые фрагменты от руки карандашом, не показаны.

И даже, если в Копенгагене было несколько евреев по фамилии Кантор, одна лишь ФАМИЛИЯ, однако, не может служить ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ еврейского происхождения!³⁹⁹

Хотя нигде не указано, от кого именно Хаух-Фаусболл получил заказ на проведение исследований, однако в тексте имеются многочисленные подтверждения, что они проводились с участием семьи. Содержание свидетельства и многие формулировки, как и лежащий в его основе экспертный отчёт, ясно дают понять, что, прежде всего, целью его было, как можно убедительнее развеять сомнения в том, что математик Георг Кантор может иметь еврейские корни³⁹⁹. В момент её составления (1937 г.) генеалогическая экспертиза такого содержания могла стать для потомков Георга Вольдемара Кантора в Германии жизненно важным документом. Заключение, представленное Хаух-Фаусболлом, должно было также очень обрадовать представителей современной математики в Германии, поскольку адепты так называемой Германской математики, подвергавшие нападкам недостаточную наглядность новых математических концепций, определённо имели в виду Канторовскую теорию множеств, поносили её как „жидовскую“.

Хотя главная цель исследования Хаух-Фаусболла должна быть понятна любому читателю экспертного заключения, не только содержащиеся в нём персональные данные членов семьи, но и все материалы исследования по сей день широко используются в биографиях Кантора в качестве основания для утверждений о происхождении предков по отцовской линии. Генеалогическое исследование Хаух-Фаусболла спустя многие десятилетия всё ещё считается первоисточником и служит важнейшим справочным материалом.

Это относится и к сочинению Айвора Граттан-Гиннесса *Towards a Biography of Georg Cantor* 1971 года, в котором можно прочесть:

„Происхождение Г. В. Кантора неясно, но в 1937 году датским специалистом по генеалогии было проведено подробное исследование, из которого и было взято большинство ниже приведённых деталей. [...] Таким образом, было сделано заключение, что Георг Кантор *не* был евреем, вопреки общему мнению, которое преобладало и в печати в течение многих лет“⁴⁰⁰.

Джозеф У. Даубен в биографическо-генеалогическом разделе своей изданной в 1979 году книги неоднократно использует экспертное заключение Хаух-Фаусболла

³⁹⁹ В 1937 году был впервые опубликован труд Э. Т. Белла *Men of Mathematics* (*Творцы математики*) с главой о Канторе, в которой есть фраза: «Чистого еврейского происхождения с обеих сторон, Георг Фердинанд Людвиг Филипп Кантор был первым ребенком процветающего коммерсанта Георга Вольдемара Кантора и Марии Бём, его жены – артистичной натуры» (Eric Temple Bell. *Men of Mathematics*. (Эрик Тэмпл Белл. *Творцы математики*). – New York, 1937. – С. 558). Отсутствие доказательств своему утверждению о еврейском происхождении Георга Кантора остаётся на совести Белла.

⁴⁰⁰ I[vor] Grattan-Guinness. *Towards a Biography of Georg Cantor* (Айвор Граттан-Гиннесс. На пути к биографии Георга Кантора) в: *Annals of Science* 27 (1971) (с. 345–391).

в качестве источника, но не касаясь вопроса о еврейском происхождении⁴⁰¹. Что касается происхождения, то он в основном ограничивается констатацией факта отсутствия достоверных сведений:

„Хотя история семьи неясна, все исследователи согласны с тем, что дед Кантора, Якоб, жил в Копенгагене. Точной уверенности относительно даты рождения отца Кантора – Георга Вольдемара Кантора нет [...]“.⁴⁰²

[...]

Что касается родителей Георга Вольдемара, то о них ничего не известно, кроме факта ([...]), что Якоб Кантор в 1841 году был ещё жив [...]“.⁴⁰³

Вальтер Пуркерт и Ханс-Йоахим Ильгаудс оценивают труд Хаух-Фаусболла как „поиски корней Кантора, которые в 1937 году, вероятно, проводились по заданию потомков и, очевидно, целью которых было, в частности, выяснение вопроса о том, были ли предки Кантора евреями“, но в целом авторы не сомневаются в надёжности исследования и используют его в качестве авторитетного источника⁴⁰⁴.

Правильная оценка и значение исследования Хаух-Фаусболла даны в 2007 году Дж. У. Даубеном в его статье „Кантор, Георг Фердинанд Людвиг Филипп“ в *New Dictionary of Scientific Biography* („Новом сборнике биографий учёных“):

„Однако тот факт, что данный документ был подготовлен для семьи Кантора в разгар немецкого преследования евреев перед Второй мировой войной, вызывает серьезные сомнения в достоверности этого свидетельства“.⁴⁰⁵

Похоже, что исследователи очень долго находились под влиянием труда Хаух-Фаусболла, а благодаря убедительности его ключевых положений на десятки лет потеряли интерес к дальнейшим изысканиям, в частности, в датских архивах.

Уверенность в том, что в печатных трудах Кантора и его эпистолярном наследии не существует сделанных им самим признаний о еврейском происхождении его предков⁴⁰⁶, была уже до публикации процитированного выше письма Кантора Баумгартнеру ошибочной. Кристиан Тапп, вероятно, также пропустил впервые опубликованное в 1934 году письмо Кантора Таннери (см. прим. 394); во всяком случае, значимость его

---

⁴⁰¹ Joseph Warren Dauben. *Georg Cantor: Biography, Genealogy, and Mathematics* (Джозеф Уоррен Даубен. Георг Кантор: биография, генеалогия и математика) в: *Georg Cantor. His Mathematics and Philosophy of the Infinite*. Princeton (N. J.), 1979 (с. 272–280).

⁴⁰² Dauben (см. примеч. 401) (с. 272).

⁴⁰³ Dauben (см. примеч. 401) (с. 274).

⁴⁰⁴ Walter Purkert und Hans-Joachim Ilgands. *Georg Cantor. 1845–1918* (Вальтер Пуркерт и Ханс-Йоахим Ильгаудс. Георг Кантор. 1845–1918). – Basel [et al.], 1987. – С. 13–15.

⁴⁰⁵ Joseph W[arren] Dauben. *Cantor, Georg Ferdinand Ludwig Philip* (Джозеф Уоррен Даубен. Кантор, Георг Фердинанд Людвиг Филипп) в: Noretta Koertge. *New Dictionary of Scientific Biography*. Vol. 2. Cabelo – Eysenck. – New York, 2007. – Р. 29.

⁴⁰⁶ Purkert und Ilgands (см. прим. 404), с. 15.

заявления „теперь не существует сомнения в том, что Кантор по отцовской линии происходит от еврейских предков“ от этого не уменьшается⁴⁰⁷.

3. Евреи в Дании.

В датской столице во времена рождения Г. В. Кантора, в начале XIX века, как уже во второй половине XVII века, когда началась иммиграция евреев в Копенгаген, существовала небольшая община „португальских“ сефардов и более численная „немецкая“, иногда называемая „верхненемецкой“, ашкеназская община. В тогдашнем объединённом датском государстве, в состав которого входят также герцогства Шлезвиг и Гольштейн, община в Альтоне может считаться старейшей⁴⁰⁸. В 1622 году датский король Кристиан IV официально приглашает евреев „португальской народности“ из Амстердама и Гамбурга поселиться во вновь основанном городе-крепости Глюкштадт в Гольштейне. В 1630 году сефардам в Глюкштадте были дарованы широкие привилегии, включая свободу вероисповедания. В 1657 году король Фридрих III отменил ограничения для сефардов и гарантировал им, „что сия португальская народность [...] может свободно, безопасно и беспрепятственно [...] пересекать пределы наших королевств, герцогств и земель и заниматься торговлей, ремеслами и посредничеством“⁴⁰⁹.

Ещё до 1650 года отдельные евреи стали селиться в Копенгагене. Хотя для „немецких“ евреев привилегии безоговорочно исключались, а для въезда и проживания каждому был необходим персональный королевский паспорт и охранный документ, уже в конце XVII века еврейские иммигранты ашкенази в Копенгагене преобладали. К 1684 году формируется „немецкая“ община, которая получает разрешение на проведение богослужений в доме ювелира Мейера Гольдшмидта. Несколько позже и „португезам“ для отправления собственных религиозных обрядов было позволено построить синагогу. Еврейская религиозная община в Копенгагене росла медленно: в 1682 году во время переписи нелютеран в столице впервые было зарегистрировано семь еврейских семей, всего 19 человек⁴¹⁰. К числу старейших еврейских жителей принадлежат ювелиры с сефардской фамилией Делиме – Фюрст и Давид, а также четверо прядильщиков табака⁴¹¹ со своими

⁴⁰⁷ Тарп (см. примеч. 394), с. 157.

⁴⁰⁸ Об истории еврейской иммиграции в Дании см.: Ib Nathan Bamberger. The Viking Jews. A History of the Jews of Denmark (Иб Натан Бамбергер. Евреи викингов. История евреев Дании). – New York, 1983. – P. 19–27.

⁴⁰⁹ Benj[amin] Balslev. De Danske Jøders Historie (Бениамин Балслев. История датских евреев). – København, 1932. – S. 124, 125.

⁴¹⁰ Balslev (см. примеч. 409), с. 125, 126. – Из адресов видно, что евреи проживали в семи различных домах, расположенных в трёх районах города.

⁴¹¹ Переработка высушенных и иногда уже приправленных листьев табака с помощью похожих на прялку устройств в пачки или рулоны для хранения или перевозки называлась прядением табака. Это ремесло появилось в XVII веке вместе с развитием торговли табаком.

семьями. В 1694 году в Копенгагене было только 12 еврейских семей, в 1726 году их насчитывалось уже 65.

К 1730 году численность сефардской общины настолько сократилась, что синагога была закрыта⁴¹². В 1748 году было принято решение об объединении расположенных по соседству кладбищ обеих общин в одно общее. В 1751 году сыновья ашкеназа Мозеса Арона Натана из города Наксков на острове Лоллан переселяются вместе со своими семьями в Копенгаген⁴¹³. Воспользовавшись происхождением их бабушки из переселившейся в 1623 году в Глюкштадт семьи сефардов по фамилии Энрикес, они принимают эту фамилию и подают прошение о признании их „португальскими“ евреями. Хотя их прошение и было отклонено канцелярией Верховного административного ведомства, магистрат наделил их „гражданским правами согласно свободам, предоставленным португальским евреям“. В 1753 году они основали сефардскую общину под названием „Наксовская португальско-еврейская община в Копенгагене“⁴¹⁴. Предоставление новой „португальской“ общине и её членам особых прав побудило евреев ашкенази „породниться“ с ними и примкнуть к их общине. Религиозные основания при этом играли скорее второстепенную роль.

По мнению специалиста по генеалогии Йозефа Фишера, в начале XIX века в столице проживало ещё очень мало „настоящих португезов“⁴¹⁵. В одном из составленных в 1811 году настоятелями „Наксовской португальской общины“ списке из 34 еврейских семей Фишер определяет идентичность не более двух семей действительно португальско-еврейского происхождения. Остальные добровольно вступили в члены общины, потому что принадлежность к ней расценивалась положительно и к тому же приносила выгоду. Чтобы претендовать на вступление,

---

⁴¹² Об истории синагог в Копенгагене см. P[reben] Hampton Frosell. *Københavnske synagoger gennem tre hundrede år* (Пребен Хэмптон Фросель. Копенгагенские синагоги в течение трёхсот лет) [København] 1987.

⁴¹³ 5 февраля 1751 года был издан рескрипт, который устанавливал численность еврейского населения в городе Наксков количеством до четырёх семей и ограничивал их права. (A[sser] D[aniel] Cohen. *De mosaiske Troesbekjenderes Stilling i Danmark forhen og nu* (Ассер Даниэль Коен. Положение верующих еврейской конфессии в Дании раньше и сейчас). – Odense, 1837. – P. 102.)

⁴¹⁴ Об этом Натансон пишет, что незначительная часть евреев из Накскова тогда переселилась в Копенгаген. Некоторые изменили свои фамилии, выдавали себя за португальских евреев и основывали религиозные общины с молельными домами. К 1780 году в городе существовали три португальские синагоги, однако их приходы были слишком малочисленны, чтобы быть самостоятельными. (M[endel] L[evin] Nathanson. *Historisk Fremstilling af Jødernes Forhold og Stilling i Danmark, navnlig Kjøbenhavn* (Мендель Левин Натансон. Историческое представление об отношениях евреев и их положении в Дании, особенно в Копенгагене)/ – Kjøbenhavn, 1860. – P. 33, 34.)

⁴¹⁵ Josef Fischer. *Medlemmer af den portugisiske menighed i 1811* (Йозеф Фишер. Члены португальской общины в 1811 году) в: *Tidsskrift for jødisk historie og literatur* [год издания] 1921/25, с. 125–128 и с. 184–196.

было вполне достаточно, чтобы один из родственников когда-либо состоял в браке с отпрыском португальской семьи⁴¹⁶.

4. Реестровые книги еврейской религиозной общины.

Королевским рескриптом от 29 мая 1810 года еврейской религиозной общине официально вменялось в обязанность ведение реестровых книг, в которые должны были вноситься текущие записи обо всех рождениях, браках и смертях. Для обеспечения этого члены общины были обязаны докладывать протоколисту о браках и смертях в течение 24 часов, а о рождениях в срок не позднее 14 дней. Указом от 29 марта 1814 года эта обязанность распространялась на еврейские общины на всей территории королевства, где имелись синагоги. Акты должны были составляться в двух одинаковых экземплярах на немецком или датском языке латинским или готическим шрифтом согласно „действующему в нашем королевстве и землях общему летоисчислению“ по заданному образцу⁴¹⁷. В этой связи также было принято постановление о том, что полицейские управления в подведомственных им округах ежегодно должны составлять списки проживающих в них лиц иудейского вероисповедания, в которых должен быть указан каждый житель под своей фамилией, „которую сын должен без изменений наследовать от отца“⁴¹⁸. Указом правительства при короле Фридрихе VI от 29 марта 1814 года было постановлено, что всем местным евреям в стране полностью гарантируются все гражданские свободы и одновременно обязывал их по всем гражданским делам подчиняться датским законам. При этом в указе речь идёт только о единственной еврейской общине; правовой статус „верхненемецких“ евреев-ашкенази и „португальских“ евреев-сефардов с этого момента становится равным⁴¹⁹.

Первая реестровая книга Копенгагена охватывает период времени продолжительностью четыре года и содержит 600 непронумерованных записей, следующих строго в хронологическом порядке, т. е. не отсортированных по роду события⁴²⁰. Первая запись от 14 июня 1810 относится к заключению брака, последняя,

⁴¹⁶ Fischer (см. примеч. 415), с. 196.

⁴¹⁷ «Tiende Kapitel. Ministerialbøger» («Десятая глава. Реестровые книги») в: Cohen (см. примеч. 414), с. 269–272.

⁴¹⁸ Cohen (см. примеч. 413), с. 414, 415.

⁴¹⁹ Bamberger (см. примеч. 408), с. 50–57.

⁴²⁰ Интернет-портал Danish Family Search («Поиск датских семей») предлагает в разделе København (Staden) → Mosaisk Trossamfund копии реестровых книг. Сохранившаяся и отсканированная реестровая книга 1810–1814 годов является старой рукописной копией объёмом в 66 страниц с реестром имен, расположенных в алфавитном порядке (имена!). В доступной на том же портале реестровой книге за период 1762–1810 годов содержится 666 пронумерованных, внесённых начиная с 5 июля 1810 по 30 мая 1849 года записей со сведениями о рождениях до июня 1810 года. В большинстве случаев здесь указан человек и дата его рождения в Копенгагене, а также подтверждение указанных данных подписями двух свидетелей.

от 3 июня 1814 года, – записью о регистрации мертворождённого ребёнка. Для португальской и немецкой общин Копенгагена существует только одна общая реестровая книга. Принадлежность регистрируемых граждан к той или иной общине из записей в книге установить невозможно. Формулировки записей для регистрации рождений, браков и смертей являются шаблонными фразами на датском языке. В следующей реестровой книге уже соблюдены указания постановления от 29 марта 1814 года. События фиксируются в таблице в хронологическом порядке, теперь, однако, в отдельных графах: „рождение мальчиков“ (включая указание дня обрезания), „рождение девочек“, „смерти мужчин и женщин“, „заключение брака“. Книга начинается с записи о рождении мальчика 4 июня 1814 года. Последние записи относятся к событиям в мае 1827 года. Начиная с июня 1827 года используется новая реестровая книга записей, вносимых в том же порядке.

5. Носители фамилии Кантор в Дании и Германии.

Носители фамилии Кантор относятся к числу первых евреев, поселившихся в Копенгагене. Вероятно, это произошло потому, что кто-то из окружения короля сообщил ему фамилию Кантор⁴²¹. 29 сентября 1650 года в соборе Святого Николая во Фленсбурге был крещён „Якоб еврей из Франкфурта [и] наречён Фридрих Христиан [...]“. Супруга благодетеля престола и другие высокопоставленные персоны были крёстными родителями⁴²². Публичное крещение еврея в те времена было редким, привлекающим внимание в высших кругах событием. Жена Якоба, очевидно, была не согласна с решением своего мужа поменять веру, она исчезла вместе с детьми, оставив ему лишь „холостяцкое гнездо“. Это следует из „паспорта недавно крещённого во Фленсбурге еврея Фридриха Христиана Франкфуртского“, который был выдан датским королём Фридрихом III 28 февраля 1651 года, чтобы позволить покинутому искать свою семью во всем королевстве⁴²³. Кроме того, монарх указом от 27 сентября 1652 года даровал „Фридриху Христиану, крещёному еврею“ 20 рейхсталеров⁴²⁴. Несколько связанных с Копенгагеном источников начиная с 1660 года подтверждают существование человека с необычным в те времена для этого города именем Фридрих Христиан Кантор. 8 сентября 1661 года Фридрих Христиан Кантор женился в Копенгагене на Кристине Йёргенс Даттер

---

⁴²¹ См.: Th[eodor] Hauch-Fausbøll. Jødernes Færden og Ophold i den Danske Stat i det 17de Aarhundrede (Fortsættelse) (Теодор Хаух-Фаусболл. Миграция евреев и проживание в датском государстве в 17 веке. (Продолжение)) в: Tidsskrift for jødisk historie og literatur [год издания] 1919/21, стр. 137–179. Здесь: с. 160–165.

⁴²² Церковная книга Фленсбурга: St. Nikolai (Святой Николай). Taufen (крещения) 1637–1763, с. XII. – Так же как в протестантских немецких землях, в Дании до 18 февраля 1700 года включительно действовал юлианский календарь.

⁴²³ Hauch-Fausbøll (см. примеч. 421), с. 162, 163.

⁴²⁴ Hauch-Fausbøll (см. примеч. 421), с. 161.

и вместе с ней 8 апреля 1663 года крестил сына именем Давид.⁴²⁵ 2 марта 1669 года по просьбе Фридриха Христиана Кантора король Фридрих III повелел наделить его дочерей Юдифь и Анну, намеревавшихся „обрести кров в нашем городе Альтона“, особыми привилегиями (*Privilegium exemtionis*), „чтоб они [...] были освобождены от всех взносов и гражданских обременений“⁴²⁶. И снова по просьбе Кантора наследник престола Христиан V подтвердил эти привилегии 9 апреля 1670 года, при этом включив в документ и их мужей Йозефа Михаэля и Эффера Мойзеса особо⁴²⁷. Совокупность приведённых здесь известных обстоятельств и, в особенности, тот факт, что у него были еврейские дочери и зятья, убедительно свидетельствует о том, что под именем Фридрих Христиан Кантор имеется ввиду крещённый в 1650 году во Фленсбурге „Якоб из Франкфурта“. За это время этот человек добился хорошего положения в обществе, став офицером лейб-гвардии на королевской службе. Поэтому в 1670 году он уже мог направить петицию королю, просить его о даровании ему привилегии „свободного ввоза табака в королевство“⁴²⁸. На основании этой петиции ему 9 июня 1670 года было разрешено основать в Копенгагене табачную прядильню. В 1675 году лицензия была расширена и распространялась теперь на его потомков и дополнена разрешением на открытие табачных прядилен во Фленсбурге и других городах.

Можно сказать, что Фридрих Христиан Кантор, который со дня своего крещения носил оба традиционных имени датских королей, «распахнул ворота» для притока дальнейших членов своей семьи в Данию⁴²⁹. 29 апреля 1676 года Акселю Мозесу Кантору было дано разрешение на то, чтобы он и его семья „обосновались в Альтоне или Глюкштадте и кормились [...] от честного труда и еще от привилегий, которые еврейской нации в этих городах нами дарованы были [...] беспрепятственную выгоду имели“⁴³⁰. Уже в 1678 году он в Копенгагене отчисляет в казну военный налог и в 1682 году находится среди первых в списке проживающих здесь не лютеран: „Аксель Кантор, прядильщик табака, еврей, имеет жену и детей“⁴³¹. Только 13 марта 1683 года король позволяет Акселю Кантору со своей семьёй проживать в Копенгагене; об этом упоминается в привилегии его

⁴²⁵ Церковная книга Копенгагена: Trinitatis Kirke (церковь Троицы). Født, Viede (рождения, бракосочетания) 1660–1692. Лист [2] лиц. – Церковная книга Копенгагена: Vor Frue Kirke (церковь Богоматери). Født, Viede (рождения, бракосочетания) 1657–1678. Лист 146 лиц. – Портал «Danish Family Search» позволяет знакомиться с реестровыми книгами.

⁴²⁶ Günter Marwedel. Die Privilegien der Juden in Altona (Гюнтер Марведель. Привилегии евреев в Альтоне.). – Hamburg, 1976. – С. 157, 158.

⁴²⁷ Marwedel (см. примеч. 426), с. 160.

⁴²⁸ Hauch-Fausbøll (см. примеч. 421), с. 165.

⁴²⁹ Hauch-Fausbøll (см. примеч. 421), с. 166–171.

⁴³⁰ Marwedel (см. примеч. 426), с. 163.

⁴³¹ Balslev (см. примеч. 409), с. 125, 126.

зятя Левина Абрахама⁴³². По просьбе Акселя Кантора 27 ноября 1686 года его сын Мозес Кантор, „который хочет жениться“, получает королевское дозволение „со своей супругой и детьми, которых они породят совместно“ обосноваться в Копенгагене и „жить беспрепятственно по иудейской религии“, при том условии, что все будет совершаться в тишине и без нарушения порядка. Ему было также даровано право открыть табачную прядильню и кормиться от неё⁴³³. 9 декабря 1691 года Аксель Кантор получил права гражданина Копенгагена⁴³⁴. По заказу „немецкой“ общины в 1694 году настоятели Аксель Кантор, Абрахам Кантор, Мейер Гольдшмидт и Рубен Фюрст приобретают участок для захоронения в северо-западной части города⁴³⁵. Это старое кладбище сегодня находится в городском квартале Норребро (Nørrebro) на Мёллегаде (Møllegade). Когда Аксель Кантор скончался, он 28.11.1702 был там похоронен⁴³⁶.

14 апреля 1683 года королевские привилегии были пожалованы и Абрахаму Кантору, „еврею из города нашего Альтона“ и – по версии Хауха-Фаусболла – брату Фридриха Христиана Кантора, на основании которых ему было позволено вместе с женой и детьми поселиться в Копенгагене и содержать семью на доходы от торговли ювелирными изделиями и платьем⁴³⁷. 12 апреля 1704 года король

⁴³² O[luf August] Nielsen Kjøbenhavns Diplomatarium. Samling af dokumenter, breve og andre kilder. Bind 7. (Олуф Аугуст Нильсен (издатель). Копенгагенские акты средних веков и раннего нового времени. Сборник документов, писем и других источников. Том 7.) København 1885, с. 527, 528.

⁴³³ Kjøbenhavns Diplomatarium (см. примеч. 432), с. 151.

⁴³⁴ Bamberger (см. примеч. 408), с. 13.

⁴³⁵ Julius Margolinsky. Chevra Kaddischa 1858–1958. (Юлиус Марголински. Шевра Каддиша 1858–1958.) København 1958, с. 42.

⁴³⁶ Jul[ius] Margolinsky. Jødiske Dødsfald i Danmark 1693–1976. (Юлиус Марголински. Реестр смертей евреев в Дании 1693–1976.) København 1978, с. 35. – На надгробии написано не Аксель, а Ашер Аншель (фото в: Tom Brøndsted. Mosaiske begravelser og gravsten indtil 1886. (Том Брондштед. Мозаичные могильные плиты и надгробия до 1886.) <http://tom.brondsted.dk/mosaiskebegavelser/?details&id=506&kgd=1> (обращение от 05.04.2019)). Похожее по звучанию имя Аксель использовалось в служебном общении с христианскими властями и официальных документах вместо еврейских имен. См. Alexander Beider. Handbook of Ashkenazic Given Names and Their Variants. (Александр Байдер. Справочник имён ашкеназов и их варианты.) Bergenfield (N. Y.) 2009, с. 15.

⁴³⁷ Kjøbenhavns Diplomatarium (см. прим. 432), с. 46. – До получения Абрахамом Кантором разрешения на длительное проживание в Копенгагене он в Дании уже длительное время занимался торговлей. При этом он регулярно подолгу пребывал в столице. Арнхайм сообщает о стопке писем в Датском национальном архиве (Rigsarkiv), написанных евреями из Альтоны евреям в Копенгагене на идише. Среди них есть два письма, написанные Абрахаму Кантору, одно – его женой и одно – его братом. (Arthur Arnheim. «De første jødiske bosættelser i kongeriget» (Артур Арнхайм. «Первые еврейские поселения в королевстве») в: Fortid og nutid [год издания] 2006, с. 269–284.)

наделил правами гражданина и Якоба Абрахама Кантора, который получил права гражданства „в городе нашем Копенгагене“ и может теперь проживать здесь „по своим иудейским обрядам“, при том условии, что всё будет совершаться в тишине и без нарушения порядка⁴³⁸. Якоб Абрахам или Йокев бен Аврахам был сыном Абрахама Кантора, что позволяет понять, как Канторы стали копенгагенской семьей. Ювелир Абрахам Кантор умер в 1715 году, его могила находится на кладбище на Мёллегаде⁴³⁹. Известно также, что его еще называли Аврахам Хильдесум или Абрахам Хильдесхайм⁴⁴⁰. Происхождение этого второго имени выясняется также из автобиографии немецкой коммерсантки Гликль бас Йудах Лейб, известной также как Глюкель фон Хамельн:

„Первый нанятый нами слуга Абрахам Кантор был родом из Хильдесхайма и сначала был нанят для присмотра за детьми. Несколькими годами спустя он ушёл от нас и работал сам на себя. Потом здесь появилась одна вдова, которую он взял в жёны, но это продолжалось недолго – она умерла. Затем он женился на девушке из Амстердама и жил с ней в Гамбурге. Мы одолжили ему денег и отправили в Копенгаген⁴⁴¹.

[...]

Абрахам Кантор из Копенгагена, которого я уже упоминала, юноша, служивший у нас, был честным и добрым. Позже мы несколько раз посылали его в Копенгаген. Там он разбогател и с женой и детьми переехал туда жить. После этого мы с ним дел не имели. Как говорят, теперь он человек с состоянием в пятнадцать тысяч рейхсталеров, сидит в своей богатой лавке и даёт своим детям тысячи⁴⁴².

Своим прозванием Абрахам Кантор обязан месту его происхождения. И его внук Левин Якоб, скончавшийся в 1764 году в Копенгагене, всё ещё был известен по прозванию Хильдесхайм. Кроме того, Фридрих Христиан Кантор привёз в страну ещё троих своих племянников⁴⁴³. Старший из них, Исак Барух Кантор, открыл в 1685 году собственную табачную прядильню. Он неоднократно подавал прошение о привилегиях. Однажды он указал, что является португальским евреем; если бы это было правдой, то ему бы не понадобился именной охранной документ; в другой раз он претендовал на то, что происходит „из еврейского рода по фамилии Кантор“. Хотя его попытки и оставались безуспешными,

⁴³⁸ Kjøbenhavns Diplomatarium (см. примеч. 432), с. 721.

⁴³⁹ Margolinsky, Jødiske Dødsfald (см. примеч. 436), с. 35.

⁴⁴⁰ Margolinsky, Jødiske Dødsfald (см. примеч. 436), с. 204.

⁴⁴¹ Die Memoiren der Glückel von Hameln. Autorisierte Uebertragung nach der Ausgabe des Prof. Dr. David Kaufmann von Bertha Pappenheim. (Мемуары Глюкль фон Хамельн.) Wien 1910, с. 66.

⁴⁴² Glückel von Hameln (см. примеч. 441), с. 113.

⁴⁴³ Nauch-Fausbøll (см. примеч. 421), с. 170, 171.

он обосновался в качестве прядильщика табака в Накскове. Оба его брата, Хартвиг⁴⁴⁴ и Мозес Кантор, в 1698 году, т. е. после того, как они пребывали в Дании уже пятнадцать лет, подали прошение королю о разрешении зарабатывать где-либо в стране на собственное, своих жен и детей содержание прядением табака или каким-либо другим, хорошо им знакомым ремеслом. Хартвиг Барух Кантор был резником и торговцем табака в Накскове и умер там в 1708 году; Мозес Кантор в это время уже жил в Копенгагене.

Некий Якоб Кантор указан в охранной грамоте городских властей Хильдесхайма 1660 года для евреев, проживавших в Старом и Новом городе⁴⁴⁵. В охранной грамоте архиепископа Кельна и одновременно епископа Хильдесхайма от 24 октября 1662 года, кроме Якоба Кантора, назван и Боррах Якоб Кантор, очевидно сын Якоба⁴⁴⁶. На еврейском кладбище на Тайхштрассе (Teichstraße) в Хильдесхайме сохранилось надгробие Баруха бен Яакова, умершего 5 апреля 1699 года⁴⁴⁷. Этот Барух Якоб Кантор мог быть отцом Исака, Хартвига и Мозеса Кантора и братом Фридриха Христиана и Абрахама Кантора. Аксель Мозес Кантор, возможно, был двоюродным братом Фридриха Христиана, Абрахама и Баруха Якоба. Как бы там ни было в действительности, можно в любом случае исходить из того, что иммигрировавшие в Данию в XVII веке Канторы находились в родстве между собой и по меньшей мере несколько из них происходят из Хильдесхайма.

Кроме Хильдесхайма, жители по фамилии Кантор в XVII веке были найдены в некоторых немецких городах – в Хальберштадте, Бовендене, Касселе⁴⁴⁸. Исаак Кантор был одним из 12 евреев, названных в охранной грамоте эрцгерцога Леопольда Вильгельма Австрийского – епископа Хальберштадта от 9 сентября 1641 года. Его имя можно найти также в охранной грамоте соборного декана Аренда Шпигеля фон унд цу Пикельсхайма, старшего каноника Йоахима фон Хю-

---

⁴⁴⁴ Имя Хартвиг также является заменой некоего еврейского имени, как, например, Герц/Хирш, на похожее по звучанию северо-немецкое или датское, для использования в официальном делопроизводстве христианского государства (Beider (см. примеч. 436), с. 38).

⁴⁴⁵ Peter Aufgebauer. Die Geschichte der Juden in der Stadt Hildesheim im Mittelalter und in der frühen Neuzeit (Петер Ауфгебайер. История евреев в городе Хильдесхайме в Средние века и раннее Новое время.) Hildesheim 1984, с. 159.

⁴⁴⁶ Aufgebauer (см. прим. 445), с. 160.

⁴⁴⁷ «Hildesheim, Jüdischer Friedhof Teichstraße» («Хильдесхайм, еврейское кладбище на Тайхштрассе») см. http://www.steinheim-institut.de/daten/hld_all.html (обращение 05.04.2019).

⁴⁴⁸ Многочисленных носителей фамилии Кантор можно найти у Макса Фройдентала: Max Freudenthal: Leipziger Messgäste – Die jüdischen Besucher der Leipziger Messen in den Jahren 1675 bis 1764. (Гости Лейпцигской ярмарки – еврейские посетители Лейпцигских ярмарок в период с 1675 по 1764 год.) Frankfurt am Main 1928.

нике и капитула епископства Хальберштадт от 1 октября 1649 года⁴⁴⁹. Во времена тридцатилетней войны евреи из Бовендена, спасаясь от военной смуты, искали убежища в соседнем Геттингене. В их числе были указанные поименно в 1632 году – Абрахам Кантор и в 1648 году – Мозес Кантор⁴⁵⁰. В налоговом реестре города Касселя за 1625 год указан Якоб Кантор, отчисляющий в казну 800 гульденов⁴⁵¹. Еще более ранним документом о фамилии Кантор, как о еврейском имени, является хранящийся в Гессенском государственном архиве в городе Марбурге акт в деле о «долговом требовании еврея Баруха Кантора из Людербаха или Фрида или Гребендорфа к Георгу Освальду Тройш фон Буттлар и его леннику Гансу Вальтеру в Рамбахе» (срок действия 1601–1604 гг.)⁴⁵². Документы указывают на ограниченную распространённость фамилии Кантор в районе расселения евреев-ашкенази уже в начале XVII века⁴⁵³.

Переписи населения в Дании, в которых регистрировались и жители Копенгагена, проводились в 1787 и 1801 годах, а затем только в 1834 году и далее

⁴⁴⁹ Meta Kohnke. Quellen zur Geschichte der Juden in den Archiven der neuen Bundesländer. Band 2. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Teil I: Ältere Zentralbehörden bis 1808/10 und Brandenburg-Preußisches Hausarchiv (Мета Конке и др. (издатели). Источники для изучения истории евреев в архивах новых Федеральных земель. Том 2. Тайный государственный архив прусского культурного наследия. Часть 1: Старые центральные ведомства до 1808/10 и домашний архив Бранденбурга-Пруссии). München 1999, с. 576.

⁴⁵⁰ Peter Wilhelm. Die jüdische Gemeinde in der Stadt Göttingen von den Anfängen bis zur Emanzipation. (Петер Вильгельм. Еврейская община в городе Геттингене от истоков до эмансипации.) Göttingen 1973, с. 58.

⁴⁵¹ Georg Kniese. Extract aus dem Steuerregister der Stadt Kassel vom Jahre 1625 (Георг Книзе. Выписка из налогового реестра города Касселя года 1625) в: Nachrichten der Gesellschaft für Familienkunde in Kurhessen und Waldeck [год издания] 1934, с. 89.

⁴⁵² Ulrich Stöhr. Repertorien des Hessischen Staatsarchivs Marburg. 17,d,2,2. Landgräfllich hessische Regierung Kassel: Familienrepositor. Band 2: Teil 2. Familien M–Z. (Ульрих Штёр. Справочники государственного исторического архива Марбурга. 17,d,2,2. Ландграфское гессенское правительство в Касселе. Архив семей. Том 2. Часть 2. Семьи M–Z.) Marburg 2008, с. 1390. – Названные населённые пункты находятся в округе Верра-Майсснер (Werra-Meißner-Kreis) в административном районе Кассель в Северном Гессене.

⁴⁵³ Freudenthal (см. примечание 448) называет нескольких еврейских посетителей, приехавших на ярмарку из Праги в последней четверти XVII века, носящих фамилию Кантор; Валента сообщает: «Кантор была одной из самых распространённых фамилий в Богемии», основываясь на результатах переписи населения 1724 года, которые доказывают наличие этой фамилии во многих районах Северо-Западной Богемии (Aleš Valenta. The Jew Joachim Cantor and Chlumec Domain of Count Kinský in the Second Half of the Eighteenth Century (Алеш Валента. Еврей Йоахим Кантор и Хлумецкий край графа Кински во второй половине девятнадцатого века) в: Judaica Bohemiae 9 (2003), с. 33–52.) Следовало бы провести поиски документов о том, имеются ли доказательства, что фамилия Кантор, возможно, также встречается в Богемии и раньше.

с короткими промежутками начиная с 1840 года⁴⁵⁴. Во время переписи 1801 года в Копенгагене было зарегистрировано 39 человек по фамилии Кантор. 24 из них могут быть отнесены к потомкам упомянутого выше, умершего в 1764 году Левина Якоба Кантора. Одиннадцать человек являются членами семьи или потомками умершего в 1774 году Исака Герца Кантора, чьим отцом мог бы быть Хартвиг (Герц) Кантор из Наксова, а трое, вероятно, являются детьми умершего в 1777 году Якоба Исака Кантора – сына Исака Абрахама Кантора.

Георг Вольдемар Кантор должен бы был родиться в Копенгагене между 1810 и 1815 годами. В копенгагенских адресных книгах за соответствующие годы на фамилию Кантор находится от шести (1810) до десяти (1814–1815) записей⁴⁵⁵. У Канторов, внесённых в адресную книгу 1814–1815 гг., часто помимо фамилии указаны сокращённые имена и адреса, в семи случаях – „коммерсант“ или „торговец“, один раз – „маляр“, только в двух записях род занятий не указан. Адресные книги не были списками жителей. Они также не должны были учитывать каждую семью, а прежде всего предоставлять возможность деловым людям сделать известным свой адрес.

6. Липман Якоб Кантор – отец Георга Вольдемара Кантора.

В цитируемом в начале нашего очерка письме Баумгартнеру Георг Кантор сообщает, что его отец Георг Вольдемар происходит из семьи членов португальско-еврейской общины Копенгагена. Как уже было упомянуто выше, принадлежность к той или иной еврейской общине в реестровых книгах с данными о рождении, браках и смертях не фиксировалась. Однако, к счастью, уже названный полный список фамилий членов португальской общины Копенгагена за 1811 год в архиве сохранился. Он содержит сведения о 34 семьях – фамилии, возраст отца, матери, детей и других домочадцев. Кроме того, указаны адрес главы семьи и статус других членов домашнего хозяйства, например кухарки. Вместе с сопроводительным письмом 26 июля 1811 года список был передан председателем общины полицмейстеру⁴⁵⁶. Поскольку иммигрировавшие в конце XVII века в Данию Канторы были явно немецкими ашкенази, искать Кантора среди „португезов“ не имеет смысла. Однако речь уже шла о том, что евреи-ашкенази охотно вступали в сефардскую общину. Действительно, в списке под номером 23

---

⁴⁵⁴ Списки переписей населения (Folketælling) предоставлены «Danish Family Search».

⁴⁵⁵ [Christian Georg] Profts Enke. Veiviser eller Anviisning til Kiøbenhavn, Christianshavns og Forstædernes Beboere for Aaret 1810. (Указатель или справочник жителей Копенгагена, Христиансхавна и пригородов за 1810 г.) København 1810, с. 77. – Vejviser [...] for Aaret 1814 og 1815. (Указатель [...] за год 1814 и 1815.) København [без указания года], с. 53. – Сайт «Københavns Biblioteker» (Копенгагенские библиотеки) предоставляет адресные книги в разделе «Kraks Vejvisere 1770–2007/08» в интернете.

⁴⁵⁶ Fischer (см. примеч. 415), с. 125.

имеется человек по фамилии Кантор, а именно – „Леман Якоб Кантор, 38 лет, торговец чаем и фарфором, проживающий на Кёбмагерг[аде] (Købmagergade) 54, родился здесь, в этом городе“⁴⁵⁷. Домочадцы у названного торговца отсутствуют, к середине 1811 года семьи у него не было. В конце списка Фишер приводит дополнительную информацию к отдельным записям. О № 23 он сообщает, что речь идет о Липмане Якобе Канторе, получившем 24 мая 1809 года гражданские права как торговец чаем и фарфором. Предположительно, он был сыном того самого, скончавшегося в 1785 году в Вест-Индии Якоба Кантора, вопрос о наследстве которого рассматривался в суде по наследственным делам португальской общины в Копенгагене⁴⁵⁸. „Якоб“ в имени „Липман Якоб Кантор“ является согласно иудейской традиции патронимической частицей и обозначает имя отца, т. е. полное еврейское имя могло бы быть Липман бен Йокев Кантор.

Четыре записи в реестровой книге за период с июня 1810 по июнь 1814 года касаются коммерсанта Лепмана или Липмана Кантора, которые здесь в качестве доказательства приводятся дословно.

Запись 1 (реестровая книга, страница 20):

„1 ноября 1811 сообщается о том, что холостяк Лепман Кантор вчера сочетался браком с вдовой Эстер Леви“.

Запись 2 (реестровая книга, страница 34):

„18 сентября 1812 года родители Лепман Кантор и его жена Эстер Леви сообщили, что последняя 16-го числа сего м-ца родила мальчика, получившего имя Якоб Лепман“.

Запись 3 (реестровая книга, страница 51):

„18 августа 1813 года было сообщено, что ребёнок Якоб, сын Лепмана Кантора, умер ночью от нервной анорексии в возрасте 11 месяцев“.

Запись 4 (реестровая книга, страница 65):

„7 мая 1814 года родители, торговец Липман Кантор и его жена Эстер Леви, сообщили, что последняя вчера родила мальчика, получившего имя Хирш“.

Прочие записи, касающиеся Липмана Кантора, в реестровых книгах еврейской религиозной общины в Копенгагене отсутствуют вплоть до его смерти 11 апреля 1852 года. Запись о смерти гласит: „[№] 1200 / [дата смерти] 11 апреля 1852 / [дата погребения] 13 апреля 1852 / Липман Кантор / бывший торговец; вдовец; Виингардстр[еде] 145 / 79 лет / [умер] от старости“⁴⁵⁹. Липман Кантор был похоронен на еврейском кладбище на Мёллегаде (Møllegaade)⁴⁶⁰.

⁴⁵⁷ Fischer (см. примеч. 415), с. 184.

⁴⁵⁸ Fischer (см. примеч. 415), стр. 192, 193.

⁴⁵⁹ Реестровая книга еврейской общины в Копенгагене. Декабрь 1844 – апрель 1856. С. 251.

⁴⁶⁰ Margolinsky, Jødiske Dødsfald (см. прим. 436), с. 37.

В копенгагенской адресной книге Липман Кантор впервые указан в 1813 году как „Кантор Лепм[ан], торго[вец], Дюбенсгаде (Dybensgade) 181“⁴⁶¹. Как раз в начале 1813 года против Лепмана Кантора было начато судебное разбирательство о банкротстве, в ходе которого несколько кредиторов предъявили требования⁴⁶². Спустя год, в течение которого Кантор договаривается с займодавцами об установлении сроков и погашении долгов, производство по делу было закрыто и он смог и дальше продолжить деятельность в качестве коммерсанта. В томах за 1817–1818, 1818–1819, 1819–1820 годы в адресных книгах записано: „Кантор, Липман, торговец чаем и фарфором“, а указываемый адрес каждый раз меняется⁴⁶³. В 1821 году в записи указано только „Кантор, Л., торговец, Адельгаде (Adelgade) 286“⁴⁶⁴. Только 13 лет спустя Липман Кантор снова появляется в адресной книге Копенгагена. В 1834 и 1835 годах он называет себя просто торговцем: „Кантор, Л., торгующий, Пилестреде (Pilestræde) 103“⁴⁶⁵. В свои последние годы жизни он ещё три раза был включен в адресную книгу – „Кантор, Л., бывший торговец, Виингардстр[еде] (Vingårdstræde) 145“⁴⁶⁶.

⁴⁶¹ [Christian Georg] Profts Enke. Veiviser eller Anviisning til Kiøbenhavn, Christianshavns og Forstædernes Beboere for Aaret 1813. (Указатель или справочник жителей Копенгагена, Христиансхафна и пригородов за 1813 г.) København [год не указан], с. 57.

⁴⁶² Rigsarkivet (Arkivalieronline). Landsover-samt Hof og Stadsretten, Københavns Skiftekommision. (Датский национальный архив. Земельный, придворный и городской суд: Копенгагенская комиссия по делам о наследстве). Forseglingssprotokol (протокол опечатывания) 1812–1813. № 6/48 от 07.01.1813. С. 73–75. – Registreringsprotokol (протокол инвентаризации) 1812–1813. № 6/48 от 15.01.1813. С. 79–81. – Behandlingsprotokol (протокол заседания) 1812–1813. № 6/48. Первое заседание 16.01.1813. С. 105. Последнее заседание 20.01.1814. С. 373, 374. – Протокол опечатывания, в котором описано всё имущество, подпись «управляемой рукой» Эстер Кантор. Под протоколом заседания от 01.06.1813 стоит собственная подпись «Липман Якуб Кантор». – Интернет-платформа «Arkivalieronline» (Архив онлайн) Rigsarkivet (Датский национальный архив) позволяет ознакомиться с протоколами заседаний судов по делам наследства и по делам о несостоятельности.

⁴⁶³ Ludwig Thiesen. Veiviser eller Anviisning til Kiøbenhavn, Christianshavns og Forstædernes Beboere for Aaret 1817 og 1818 гг. (Указатель или справочник жителей Копенгагена, Христиансхафна и пригородов за 1817 и 1818) København [год не указан], стр. 60. – Veiviser [...] for Aaret 1818 og 1819 (Справочник [...] за 1818 и 1819 гг.), стр. 67. – Veiviser [...] for Aaret 1818 og 1819 (Справочник [...] за 1819 и 1820 гг.), с. 72.

⁴⁶⁴ Veiviser [...] for Aaret 1821 (Справочник [...] за 1821 г.), с. 68.

⁴⁶⁵ L[uwig] B[enedictus] Thiesen. Veiviser eller Anviisning til Kiøbenhavn, Christianshavns, Forstædernes og Frederiksbergs Beboere for Aaret 1834. (Указатель или справочник жителей Копенгагена, Христиансхафна и пригородов за 1834 г.) Kiøbenhavn [год не указан], с. 95. – Veiviser [...] for Aaret 1835 (Справочник [...] за 1835 г.), стр. 94. – Veiviser [...] for Aaret 1836 (Справочник [...] за 1836), с. 93. – Veiviser [...] for Aaret 1837 (Справочник [...] за 1837 г.), с. 96.

⁴⁶⁶ L. B. Thiesen's Enke. Veiviser [...] for Aaret 1842 (Справочник [...] за 1842 г.), с. 93. – Veiviser [...] for Aaret 1843 (Справочник [...] за 1843 г.), стр. 95. – Veiviser [...] for Aaret 1851 (Справочник [...] за 1851 г.), стр. 103.

В списках переписи населения в Копенгагене в 1787 и 1801 годах найти Липмана Кантора невозможно. Большинство копенгагенских списков следующей переписи 1834 года были утрачены. В данных трёх переписях 1840, 1845 и 1850 годов, проводившихся ещё в годы его жизни, Липман Кантор встречается с указанием адресов проживания в Копенгагене. В 1840 году он жил в районе Кёбмагер (Købmager Kvarter) на Антониестреде (Anthoniestræde) 227, на первом этаже: „Лепманд Якоб Кантер / 68 / женат / коммерсант, субарендатор“⁴⁶⁷. В 1845 и 1850 году он появляется как 72-летний и 77-летний „вдовец“ и „бывший торговец“, проживающий в районе Ёстер (Øster Kvarter), на Вингардстред (Vingårdstræde) 145⁴⁶⁸. Из всех известных данных о возрасте можно вычислить год рождения как 1772-й или 1773-й, место рождения – Копенгаген⁴⁶⁹.

В последние десять лет жизни Липман Кантор проживал у Хирша Аронсена и его незамужних своячениц – Болетте, Эстер и Ребекки Израэль. Эти имена уже можно найти в списке членов португальско-еврейской общины 1811 года. Болетте, Эстер и Ребекка являются дочерьми коммерсанта Абрахама Израэля, а Хирш Аронсен – его зять, муж его дочери Марты. Эстер и Ребекка – дочери от второго брака Абрахама с Беллой, урождённой Кантор. На кладбище Мёллегаде (Møllegade) сохранилось надгробие Беллы, на котором она названа Бейле бат Йокев, что указывает на идентичность патронима с Липманом Кантором. То есть Белла могла бы быть старшей сестрой Липмана, соответственно, Эстер и Ребекка – его племянницами, а родственные отношения стали бы объяснением многолетнему совместному проживанию⁴⁷⁰. Фишер называет Якоба Исака Кантора отцом Беллы, но тогда его упомянутое выше предположение о том, что отцом Липмана был умерший в Вест-Индии Якоб Кантор, не подтверждается. Вдова Якоба Исака Кантора указана в составленном в 1780 году списке „верхненемецких“ евреев

⁴⁶⁷ Перепись населения в Копенгагене, 1 февраля 1840 г. Район Кёбмагер (Købmager Kvarter) II. С. 237.

⁴⁶⁸ Перепись населения в Копенгагене, 1 февраля 1845 г. Район Ёстер (Øster Kvarter) II. С. 89. – Перепись населения в Копенгагене, 1 февраля 1850 г. Район Ёстер (Øster Kvarter) II. Вингардстред (Vingårdstræde). С. 9.

⁴⁶⁹ В ходе переписей населения 1845 и 1850 годов уточнялось и место рождения.

⁴⁷⁰ Ребекка Израэль умерла в 1864 году, Эстер Израэль умерла в 1883 году в Копенгагене. В наследии Кантора (Государственная и университетская библиотека Геттингена. Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете, 35: 3) имеются два письма от «Тети Эстер» из Копенгагена, адресованные Георгу Кантору по случаю его помолвки с Валли Гуттман весной 1874 года. «Тетя Эстер», возможно, является Эстер Израэль, которая, если предполагаемое родство существует, была кузиной Георга Вольдемара Кантора. В письме от 07.04.1874 «Твоя вечно преданная старая тетя Эстер» также передаёт привет и поздравления от тёти Рикке. «Тетя Рикке», вероятно, может быть идентифицирована как сводная сестра Г. В. Кантора – Ребекка, урождённая Леви, скончавшаяся во вдовстве в 1878 году в Копенгагене.

с правами граждан Копенгагена⁴⁷¹. Это наводит на мысль, что Белла и Липман Кантор только после замужества Беллы с Абрахамом Изразлем в 1798 году получили возможность быть принятыми в португальскую общину.

Указанное в записи 4 рождение у супругов Липмана и Эстер Кантор сына Хирша датировано 6 мая 1814 года. Конечно, здесь идет речь о дате по григорианскому календарю. В юлианском календаре этому дню соответствует дата 24 апреля 1814 года. Это, по данным генеалогической экспертизы Хаух-Фаусболла, с точностью до дня является датой рождения Георга [Вольдемара] Кантора, указанной на его надгробии в Гейдельберге. Тем самым вероятность предположения о том, что зафиксированное в реестровой книге еврейской общины Копенгагена событие является регистрацией рождения Георга Вольдемара Кантора, увеличивается в значительной степени и заслуживает дальнейшего изучения и проверки.

Предположим, что (следует связать с семейными преданиями Канторов) родившийся 6 мая 1814 года в Копенгагене еврейский мальчик по фамилии Кантор когда-нибудь был увезен в Санкт-Петербург и был крещён там под именем Георг Вольдемар. В таком случае священник сразу же пересчитал бы его дату рождения по еще действующему в России юлианскому календарю и в таком виде вписал её в церковную книгу. Тогда бы дата 24 апреля 1814 года в дальнейшем являлась бы для Георга Кантора, как в отношениях с российскими учреждениями и органами власти, так и в частной сфере, датой, т. е. днём рождения. Это объясняло бы также, почему на заказанном, несомненно, вдовой для кладбища в Гейдельберге могильном камне дата рождения умершего указана в привычном для неё „старом стиле“.

Более запутанной кажется следующая деталь из воспоминаний Георга Кантора о своём отце и его происхождении: если бы Хирш Кантор и Георг Вольдемар Кантор был бы одним и тем же человеком и, следовательно, Липман Якоб Кантор был отцом Георга Вольдемара, то как тогда объяснить, что, по мнению Георга Кантора, его деда звали Якоб? Согласно русской традиции каждое полное имя состоит из имени, отчества и фамилии. Комбинация имени и отчества у русских женщин и мужчин по образцу Ольга Михайловна или Иван Михайлович всем известна. Однако в формальном обращении или в официальных документах еще в XIX веке имя и отчество привязывались между собой по именной формуле из трёх частей – „Иван Михайлов сын“, т. е. „Иван сын Михаила“. И иностранцам,

---

⁴⁷¹ «Liste over de her i Byen boende, ved Borgerskab og Privilegier berettigede, af den Jødiske Nation, som til den høitydske jødiske menighed henhører [...] Kiöbenhaun den 31te Januarij 1780.» (Список проживающих здесь в городе и имеющих гражданство и привилегии лиц еврейской нации, которые принадлежат верхненемецкой иудейской общине [...] Киобенхаун 31 января 1780 г.) в: Det Mosaiske Trossamfund København. Jødiske optegnelser 1693–1953. Mandtalslister 1760–1850. Рукопись на пленке. Экранизация Артура Г. Хассо (Arthur G. Hassø) для Генеалогического общества штата Ута (Genealogical Society of Utah). Salt Lake City (Utah) 1950/1965. В интернете: «Free Family History and Genealogy Records – FamilySearch.org».

намеревавшимся надолго или навсегда поселиться в России, например для занятия торговлей, посольским приказом, компетентным ведомством иностранных дел присваивалось образованное из собственного имени и имени отца „документное имя“. При этом имена преобразовывались на русский лад – Андреас становился Андреем, Ойген – Евгением. Если иностранец носил неприемлемое для России чужеродное имя, то оно, как на многих примерах показывает немецкий историк Эрик Амбургер, заменялось похожим, созвучным, а при необходимости совсем другим, но соответствующим русской традиции именем⁴⁷². И при образовании отчества, если настоящее имя отца было нетипично для России, поступали так же. Официальное, т. е. используемое в документах, полное имя Георга Вольдемара Кантора звучало как „Егор Яковлев сын Кантор“, что означает Егор, сын Якова, Кантор; сокращенный вариант „Егор Яковлев Кантор“ был также приемлем⁴⁷³. В случае Георга Вольдемара Кантора уже имя Георг было недостаточно русским и было заменено на имя Егор. Патроним типично еврейского, но не библейского имени Липман, заимствованного из немецкого языка, уже столетия распространенного среди ашкеназов в различных вариантах (Либман, Лифман)⁴⁷⁴, в качестве составляющей официального имени не мог быть принят. Очень хорошей альтернативой его патрониму было привычное и для России библейское имя Яков, принадлежавшее деду Георга Вольдемара. Можно предположить, что, исходя из официального имени „Егор Яковлев сын Кантор“, и в семье имя Яков было признано, как имя далекого неизвестного отца Георга Вольдемара Кантора. Таким образом, здесь мы имеем убедительный пример случаев, о которых определённо предупреждает Амбургер: „отчество“ в разных случаях может привести к заблуждению, по нему нельзя определённо судить об имени отца⁴⁷⁵.

7. Эстер Кантор, во вдовстве Леви, мать Георга Вольдемара Кантора.

Брак, заключённый 31 октября 1811 года с вдовствующей Леви, был для Липмана Якоба Кантора первым. Эстер имеется в списке переписи населения 1801 года вместе со своим первым мужем Мозесом Леви (торговец; 38 лет), детьми Лазарусом Мозесом (10 лет), Ребекой Мозес (шесть лет), Абрахамом Мозес (четыре года) и Юдой Мозес (один год), а также домработницей, проживающей в доме

⁴⁷² Erik Amburger. «Die Behandlung ausländischer Vornamen im Russischen in neuerer Zeit.» (Эрик Амбургер. «Адаптация иностранных имён к русскому языку в новейшей истории.» В: Akademie der Wissenschaften und der Literatur [in Mainz]. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Издание 1953 г. № 7, с. 301–354.

⁴⁷³ Осип Гримм, муж Анастасии, урождённой Мейер – тёти Георга Вольдемара Кантора, 30 января 1854 года, за день до своей смерти включил в своё завещание племянника своей умершей жены «Егора Яковлева сына Кантора» как своего наследника (Синкевич (см. примеч. 397), с. 177).

⁴⁷⁴ Beider (см. примеч. 436), с. 55.

⁴⁷⁵ Amburger (см. примеч. 472), с. 346.

по Компагнистредде (Kompagnistræde) 55 в городском районе Снарэнс (Snarens Kvarter)⁴⁷⁶. Супруга Эстер (28 лет) указана здесь как Эстер Абрахам. Абрахам является патронимом, т. е. отца Эстер звали Абрахам; ее девичья фамилия не названа. Для обоих супругов, как записано в книге, этот брак был первым. Как показали результаты исследования, у супругов Мозес и Эстер Леви родилось ещё трое детей: в 1802 году – сын Бендикс⁴⁷⁷, в 1804 году – дочь, носившая позже имя Элине, как она была названа при рождении, о которой ничего более выяснить не удалось, и родившийся в 1906 году сын Йозеф Мозес. Возможно, сохранившееся на кладбище Мёллегаде (Møllegade) надгробие Мозеса Лазаруса Леви, погребённого 21 марта 1807 года является свидетельством смерти супруга и отца семейства⁴⁷⁸.

Следующая перепись населения в Дании проводилась только в 1834 году. Эстер Кантор находится в списке жителей города Орхус (Aarhus) и записана как 59-летняя „вдова торговца Леви“, т. е. её семейное положение указано неправильно. Вместе со своим 37-летним сыном, холостым торговцем Абрахамом Леви, к этому времени сменившего фамилию на Левис, он проживала в доме на Мидделгаде (Middelgade) 143. Кроме Абрахама Левиса и его матери, в списке указаны 20-летний помощник в торговле, два 18-летних ученика по торговой части и две служанки⁴⁷⁹. К этому времени Левис уже стал в Орхусе уважаемым коммерсантом и считался зажиточным человеком⁴⁸⁰. В 1830 году он за 1500 рейсталеров серебром и 1000 рейхсталеров ассигнациями приобретает имение с двухэтажным жилым домом, конторским зданием и складом⁴⁸¹. Его реноме как предпринимателя было на пике, когда в 1834 году он занимает пост вице-консула Великобритании и Ганновера в Орхусе. Несмотря на то что в итоговом балансе Левиса за 1836 год задолженность кредиторам и долговые обязательства дебиторов были достаточно уравновешенны, во время кризиса на рынке финансов в июле 1837 года

⁴⁷⁶ Перепись населения в Копенгагене, 1 февраля 1801. Район Снарэнс (Snarens Kvarter). С. 63.

⁴⁷⁷ Автор благодарит г-на Алана Фалька из Копенгагена за ссылку на Бендикса Леви.

⁴⁷⁸ Margolinsky (Jødiske Dødsfald (см. примеч. 436), с. 125) не согласен с такой привязкой, так как он идентифицирует погребённого здесь Моше бар Лезер Халеви с Мозесом Лазаром Леви, называемым «citarsspiller» – виртуозом игры на лютне, чья жена Элле умерла в 1803 году.

⁴⁷⁹ Перепись населения в Орхусе Кёбстад (Aarhus Købstad), 18 февраля 1834 г. С. 35.

⁴⁸⁰ Finn H. Lauridsen. «Købmand i Århus Abraham Lewis» (Финн Х. Лауридсен. «Купец в Орхусе Абрахам Левис») в: Vagn Dybdahl. Seksten Århusrids: Tilegnede Svend Unmack Larsen 23. Sept. 1953. Århus 1953, с. 183–203. – Основным материалом для очерка о торговце Абрахаме Левисе Лауридсену послужили сохранившиеся документы из личного делового архива. Архив Левиса хранился сначала в Коммерческом архиве Орхуса (Erhvervsarkivet Aarhus), фонды которого в 2016 году были переданы в Датский национальный архив города Виборга (Rigsarkivet Viborg).

⁴⁸¹ Lauridsen (см. примеч. 480), с. 197.

он становится банкротом. Процесс о банкротстве, в результате которого он потерял всё своё состояние, включая дом, продолжался до 1840 года.

Мать, Эстер Кантор, ещё находилась в списках переписи 1840 года; теперь она жила у чужих людей, вероятно как квартирантка, в доме на улице Танген (Tangen) в Орхусе. 65-летняя женщина была записана как вдова⁴⁸². Без сомнения, разорение её сына очень сильно подкосило её здоровье. 29 ноября 1840 года она скончалась в Орхусе, будучи прихожанкой тамошней небольшой еврейской общины. Запись в реестровой книге сообщает, кроме дня смерти, и дату погребения:

„29 ноября 1840 г. / 3 декабря 1840 г. / Эстер Кантор / Супруга Липмана Кантора в Копенгагене в последние годы оставалась в Орхусе / 66 [лет]“⁴⁸³.

В рубрике извещений местной газеты Орхус Стифтстиденде (Aarhus Stiftstidende) 5 декабря 1840 года появилось сообщение о смерти, подписанное: „А[брахам] Левис, Йоз[еф] Людвигс, Элине Вилг[ельмине] Людвигс“:

„После почти шестимесячного пребывания на одре болезни в воскресенье 29 ноября всеблагий призвал нашу любимую мать, Эстер Кантор, более 65 лет отроду, покинуть свет сей. О сей столь печальной для нас кончине сим извещаем мы друзей ее здесь и в столице, а нездешних членов семьи в особом порядке“⁴⁸⁴.

Из этого следует, что годом рождения Эстер Кантор, Леви во вдовстве, является 1775 год. Запись о смерти опровергает семейное предание о том, что и мать Георга Вольдемара (Хирша) Кантора крестилась в евангелическо-лютеранской конфессии. Она сохранила иудейское вероисповедание и была похоронена на еврейском кладбище в Орхусе⁴⁸⁵.

5 декабря 1840 года Йозеф Людвигс явился в суд по наследственным делам в Орхусе и заявил о смерти своей матери⁴⁸⁶. Он сообщил, что умершая „мадам Эстер Кантор, урождённая Леви [sic!]“, проживала в Копенгагене, где её супруг Липман Кантор, бывший торговец чаем и фарфором, жил у своих родственников, в семье торговца шёлком и сукнами Израэль на Вингардстредзе, но „из экономических соображений“ уже в течение нескольких лет жила в Орхусе⁴⁸⁷. Кроме того, Йозеф Людвигс назвал оставшихся у усопшей наследников первой очереди: сначала кроме него — „явившегося“ ещё четырёх детей от прошлого брака с мелким торговцем чулками Мозесом Леви, а затем ребенка от брака „с упомянутым выше

⁴⁸² Перепись населения в Орхусе Кёбстад (Aarhus Købstad), 1 февраля 1840 г. С. 405.

⁴⁸³ Реестровая книга еврейской общины в Орхусе 1814–1913. Лист 12 об.

⁴⁸⁴ Aarhus Stiftstidende (газета Орхус Стифтстиденде) 1840, № 196 (5 декабря 1840 г.), с. 4.

⁴⁸⁵ Margolinsky, Jødiske Dødsfald (см. прим. 436), с. 558.

⁴⁸⁶ Rigsarkivet Arkivalieronline (Датский национальный архив). Aarhus Byfoged Skifteprotokol (протокол судебного пристава Орхуса) 1837–1845. Листы 411, 412.

⁴⁸⁷ В протоколе следующего заседания суда по наследственным делам от 17 февраля 1841 года зафиксировано, что умершая жила в городе на средства её детей. (Aarhus Byfoged Skifteprotokol (протокол судебного пристава Орхуса) 1837–1845. Лист 440.)

Липманом Кантором – сыном Георга Кантора 26 лет, находящимся в Санкт-Петербурге и являющимся там совладельцем неизвестного заявителю торгового дома“. Йуда Леви, указанный в списке переписи населения 1801 года как на тот момент младший сын Моисея и Эстер Леви и родившийся в 1802 году сын Бендикс Леви, в протоколе разбирательства дела не упоминаются⁴⁸⁸.

Сведения, сообщённые в наследственном суде Орхуса об условиях проживания Липмана Кантора в Копенгагене, подтверждают приведённые выше предположения о родственных отношениях Кантор – Израэль. Йозеф Людвигс и его брат и сестра Абрахам и Элина, присутствовавшие на заседании, упоминают также о том, что семья оказывала поддержку Липману Кантору. Под „семьёй“ подразумеваются сестры Израэль, что выясняется из составленного в апреле 1852 года после смерти Липмана Кантора протокола суда по наследственным делам⁴⁸⁹. В отношении официальной оценки наследства присутствовавшая на суде Ребекка Израэль заявила, что умерший „пользовался содержанием“, предоставляемым ею. Перечень наследуемого имущества короткий и содержит только самое необходимое из одежды, мебель или домашняя утварь отсутствуют, что свидетельствует о крайней нищете, в которой закончилась жизнь Липмана Кантора.

О том, что Эстер Кантор с некоторыми из её детей предположительно в начале 1820-х годов действительно ездила в Санкт-Петербург и пребывала там некоторое время, подтверждает документ, который Галина Синкевич обнаружила в архиве Императорского театра в Петербурге и опубликовала его полный текст⁴⁹⁰. Архивный документ датирован 1825 годом и касается „жалобы иностранки Кантер“ на придворного музыканта по фамилии Дробиш, получавшего приработок от приёма вещей под залог. „Иностранка Кантер“ явилась к Дробишу в сопровождении полицейского и обвинила его в том, что он отказывается вернуть вещи её покойного сына, хотя она предложила ему выкупить заложенное, заплатив одолженную сумму. В первый момент Дробиш заявил о том, что он никогда не имел дела ни с каким „Кантером“ и это имя ему не знакомо.

---

⁴⁸⁸ 27 февраля 1841 года и в Копенгагене слушалось дело о наследстве Эстер Кантор. Вдовец присутствовал на суде и рядом с подписью чиновника поставил собственную подпись «Л. Кантор» под коротким протоколом. В нём записано «от брака с явившемся сын Георг, совершеннолетний, в Петербурге». (Rigsarkivet (Arkivalieronline). Landsover- samt Hof- og Stadsretten, Københavns Skiftekommission (Датский национальный архив. Земельный, придворный и городской суд. Копенгагенская комиссия по делам о наследстве): Forsegingsprotokol (протокол об опечатывании наследственного имущества) 1840–1841. № 4/76 от 27.02.1841. С. 161.

⁴⁸⁹ Rigsarkivet (Arkivalieronline). Landsover- samt Hof- og Stadsretten, Københavns Skiftekommission (Датский национальный архив. Земельный, придворный и городской суд. Копенгагенская комиссия по делам о наследстве): Forsegingsprotokol (протокол об опечатывании наследственного имущества) 1852–1853. № 5/270 от 22.04.1852. С. 159.

⁴⁹⁰ Синкевич (см. примеч. 396), с. 67 и с. 181.

Когда же женщина выяснила, что её сын представился фамилией „Левис“ и описала заложенные предметы, Дробиш всё вспомнил и объяснил, что речь идёт не о закладе, а о покупке вещей у „Левиса“. Участвующие в происшествии лица: „иностранка Кантер“ – мать и сын „Левис“ явно указывают на Эстер Кантор. Следовательно, умерший сын должен был быть либо Йудой, либо Бендиксом Леви. Когда именно Эстер Кантор уехала в Санкт-Петербург и когда она вернулась в Данию, до сих пор не известно. Но точно известно, что она вернулась в Данию не позднее 1834 года.

8. Сводные братья и сёстры Георга Вольдемара Кантора.

8.1. Христиан Людвиг (Лазарус).

Лазарус Мозес, первый ребёнок от брака Мозеса с Эстер Леви, был крещён 5 сентября 1817 года в церкви во Фредериксберге именем Христиан Людвиг⁴⁹¹. Дата и место рождения указаны в записи о крещении: 20 апреля 1791 года в Копенгагене. Имена родителей крещаемого также были записаны: торговец чулками Мозес Леви и его супруга Эстер Мейер, иудейской веры, из Копенгагена⁴⁹².

Таким образом, семейное предание о том, что мать Георга Вольдемара (Хирша) Кантора была урождённой Мейер, получает теперь документальное подтверждение из датских архивов⁴⁹³.

12 сентября 1817 года, неделю спустя после крещения, в метрическую книгу церкви в Фредериксберге была внесена запись о заключении брака Христиана Людвиг Леви с Адаминой Маргаретой Рональд Петерсен⁴⁹⁴. Две дочери родились в Копенгагене: Мария Петрина Кларисса – 16.06.1818 и Ханна Альбертина Вильгельмина – 22.12.1819. В записях о крещениях указана профессия отца детей – штурман⁴⁹⁵. После этого семья в течение некоторого времени остается в Санкт-Петербурге. Сын Николаус Юстус Теодор родился там 14 августа 1821 года и был

⁴⁹¹ В церкви пригорода Фредериксберг в те времена неоднократно крестили евреев из Копенгагена.

⁴⁹² Церковная книга церкви во Фредериксберге (Frederiksberg Kirke) 1813–1820. Новое издание. С. 12, 13.

⁴⁹³ Об отце Эстер, еврейском торговце Абрахаме Мейере из Копенгагена, который в конце XVIII века занимался торговлей с Россией и был вынужден время от времени находиться в Санкт-Петербурге, о братьях Эстер Йозефе и Хартвиге и сестре Анастасии подробно сообщает Галина Синкевич в её монографии о Канторе.

⁴⁹⁴ Церковная книга церкви во Фредериксберге (Frederiksberg Kirke) 1813–1820. Новое издание. С. 122, 123. – Еще одна запись о браке от 13 сентября 1817 года находится в церковной книге в Копенгагене. Церковь Холменс (Holmens Kirke). Браки (Viede) за 1817–1834 гг. С. 375. В ней указано, что венчание состоялось в Веттерслев (Vetterslev), родном городке невесты.

⁴⁹⁵ Церковная книга в Копенгагене. Церковь Холменс (Holmens Kirke). Рождения девочек (Fødte Piger) 1813–1821. Новое издание. С. 225 и с. 300.

крещён в евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины⁴⁹⁶. Не позднее 1828 года семья возвращается в Копенгаген. Тем временем умирает жена Христиана Людвиг и мать его детей, и вдовец 12 апреля 1828 года женится на вдове – Георгине Софии Каллезен, урождённой Хайльман. Всего лишь полтора года спустя умирает и она. Христиан Людвиг Леви после возвращения из России записывается под фамилией Людевигс и указывает профессию торговец. Его можно найти в адресных книгах Копенгагена с 1829 по 1834 год как «Людвигсен, Хр., торговец» и с 1835 по 1836 год как „Людвигс, Хр., торговец“. При установлении наследников первой очереди в связи с разбирательством по делу о наследстве после смерти его матери в конце 1840 года он был указан как торговец, проживающий в Санкт-Петербурге. Христиан Людвиг Людевигс скончался там в возрасте 65 лет и 3 месяца 29 июля 1856 года по старому стилю или 10 августа по новому стилю записан как женатый купец 3-ей гильдии и был похоронен 2 августа (по старому стилю)⁴⁹⁷. Христиан умер спустя несколько недель после того, как его сводный брат Георг Вольдемар Кантор со своей семьёй покинул Россию навсегда.

8.2. Ребекка.

За пять месяцев до того, как овдовевшая Эстер Леви снова вступила в брак с Липманом Кантором, она 4 июня 1811 года выдала замуж за Даниэля Лазаруса Фюрста свою старшую беременную дочь Ребекку в возрасте 16–17 лет⁴⁹⁸. 30 октября 1811 года у супругов Фюрст родился сын, который получил имя Мозес⁴⁹⁹. Так же как и умерший отец Ребекки, её муж был торговцем чулками. Это следует из судебных протоколов по делу о банкротстве, которое Даниэль Фюрст вынужден был объявить 22 декабря 1812 года⁵⁰⁰. Фюрст договорился с кредиторами и погасил

---

⁴⁹⁶ Сведения взяты из записи о конфирмации Николауса Юстуса Теодора от 02.10.1836: Церковная книга в Копенгагене. Замковая церковь (Hof- og Slotskirke). Конфирмации (Konfirmerede) 1828–1847 гг. С. 46. В этой же церкви в 1833 или 1835 году уже были конфирмованы обе дочери.

⁴⁹⁷ Церковная книга (дубликат) в Санкт-Петербурге. Евангелическо-лютеранская Екатерининская церковь 1856. С. 273.

⁴⁹⁸ Реестровая книга еврейской общины в Копенгагене за период с июня 1810 по июнь 1814 года. С. 15. В записи о браке указан муж по имени Давид Лазарус Фюрст; в прилагаемом именном реестре записано Даниэль Лазарус Фюрст. Кроме этой книги, Давид Лазарус Фюрст нигде больше не упоминается. Зато Даниэль Лазарус Фюрст как сын Лазаруса Фюрста появляется в списках переписи населения в 1787 и 1801 годах в Копенгагене.

⁴⁹⁹ Реестровая книга еврейской общины в Копенгагене за период с июня 1810 по июнь 1814 года. С. 21.

⁵⁰⁰ Rigsarkivet (Arkivalieronline). Landsover- samt Hof- og Stadsretten, Københavns Skiftekommision (Датский национальный архив. Земельный, придворный и городской суд. Копенгагенская комиссия по делам о наследстве: Forseglingssprotokol (протокол об опечатывании имущества) 1812–1813. № 6/36 от 22.12.1812. С. 56–58. – Протокол об опечатывании наследственного имущества, в который вносится все домашнее имущество, был подписан «управляемой рукой» Рике Фюрст.

долги, заложив всё своё домашнее имущество. Таким образом, ему удалось уже 18.01.1813 прекратить делопроизводство и продолжить свою деятельность. В период 1817–1818 и 1818–1819 годов в адресных книгах имеется запись «Фюрст, Даниэль, торговец чулками, Готерсгаде (Gothersgade) 349»⁵⁰¹.

5 июня 1825 года Мозес Фюрст участвовал в «конфирмации» в Копенгагене⁵⁰². Как следует из писем из архива Левиса (см. примечание 480), Ребекка в это время уже была вдовой и предполагала заняться ведением хозяйства у своего брата Абрахама в Орхусе⁵⁰³. Когда именно умер её муж Даниэль, выяснить не удалось; запись о погребении отсутствует, так же как и могила. Находилась ли Ребекка в это время вне Копенгагена, не известно, но в конце 1820-х годов она определённо снова живёт в Копенгагене. Она самостоятельно начинает заниматься торговлей. С 1828 до 1839 года она внесена в адресную книгу сначала как „Фюрст, Фредерикке“, а затем как „Фюрст, Р.“, торгующая галантерейными товарами. В 1844 году она привлекает внимание к своей лавке текстом „Фюрст, Р., мадам, торговля китайскими товарами, Большая Конгенсгаде (Store Kongensgade) 241“⁵⁰⁴. Переписи 1834, 1840, 1845 и 1860 годов подтверждают проживание Рике или Ребекки Фюрст в Копенгагене⁵⁰⁵. В 1834 году её сын ещё жил у неё; теперь он именуется Моритц и является подмастерьем книгопечатника. Ребекка Фюрст умерла в возрасте 84 лет 24 октября 1878 года в Копенгагене и была похоронена 28 октября 1878 года на еврейском кладбище на Мёллегаде (Møllegade)⁵⁰⁶. Данные о возрасте позволяют вычислить год рождения, т. е. 1794 или 1795. Из всех детей Эстер Мейер она прожила дольше всех.

8.3. Абрахам.

Ко всему, что уже известно об Абрахаме Левисе в связи с его матерью (см. главу 7), можно добавить следующее. Он находится в списке членов португальской общины Копенгагена с 1811 года как „мальчик“, т. е. подмастерье в хозяйстве

⁵⁰¹ Veiviser [...] for Aaret 1817 og 1818 (Указатель [...] за год 1817 и 1818), стр. 111. – Veiviser [...] for Aaret 1818 og 1819 (Указатель [...] за год 1818 и 1819), с. 122.

⁵⁰² В указе от 29 марта 1814 года содержались требования и регламент, согласно которым все дети иудейского вероисповедания по достижении полных 13 лет в ходе публичной церемонии проходили проверку на знание иудейского религиозного учения в соответствии с государственно допущенным учебником и обязывались соблюдать установленные в нём основные правила (Bamberger (см. примеч. 408), с. 55–56). 19 мая 1817 года в Копенгагене еврейское сообщество впервые праздновало «конфирмацию». – Запись 241 в реестровой книге еврейской общины Копенгагена. Конфирмации 1817–1850. С. 29.

⁵⁰³ Lauridsen (см. примеч. 480), с. 185, 186. – Из писем в деловом архиве Левиса сестра Абрахама Левиса известна Лауридсену, по-видимому, только как Фредерикке Фюрст.

⁵⁰⁴ Veiviser [...] for Aaret 1844 (Указатель [...] за год 1844), с. 178.

⁵⁰⁵ При переписи 1845 года в качестве места рождения Ребекки указан Копенгаген (Перепись населения в Копенгагене. 1 февраля 1845 г. Район Санкт Анна Ёстер (Sankt Annæ Øster Kvarter). С. 199).

⁵⁰⁶ Реестровая книга еврейской общины в Копенгагене 1871–1890 гг. С. 315. – Margolinsky, Jødiske Dødsfald (см. примеч. 436), с. 61.

торговца сукном Мозеса Фюрста; там он предположительно и приобрел начальные знания в области торговли⁵⁰⁷. По данным Лауридсена, в 1815 году он был принят в торговый дом Филип Хартвиг Рее & Ко в Орхусе на должность коммивояжера, главным образом для закупки зерна⁵⁰⁸. Спустя десять лет, в течение которых он знакомится с многочисленными торговцами, ставшими впоследствии его партнерами, приобретает богатый опыт и принимает решение начать самостоятельную торговлю в Орхусе. В 1825 году Абрахам подаёт прошение и получает права гражданина города. Он торгует различными товарами, но в основном продуктами сельского хозяйства. В 1834 году он через генерального консула в Копенгагене заключает договор с российским правительством о поставках значительных партий зерна и зерновых продуктов в Россию. Арендованные им суда на обратном пути загружались товарами в Санкт-Петербурге. При этом в роли комиссионера, очевидно, выступает его сводный брат Георг Вольдемар Кантор⁵⁰⁹. Сделки могли осуществляться через компанию Кантор & Ко⁵¹⁰ в Санкт-Петербурге, которую Г. В. Кантор основал 15 июня 1834 года и ликвидировал 1 декабря 1839 года. Галине Синкевич удалось выяснить, что годовой баланс Кантора за 1837 год был убыточным и позднее как самостоятельный купец он больше не фигурирует⁵¹¹. Предположительно, и его коснулся разрушительный вихрь разорения вследствие банкротства его сводного брата Абрахама Левиса.

После ликвидации своей фирмы и смерти матери Абрахам Левис вернулся в свой родной город Копенгаген. В момент переписи 1845 года он проживал в районе Розенборг (Rosenborg Kvarter); согласно ее данным, он является бухгалтером еврейского происхождения, хотя в анкете вопрос о религиозной принадлежности отсутствовал⁵¹². К этому времени он уже жил совместно с Христиной Магдаленой

⁵⁰⁷ Fischer (см. примеч. 415), с. 127.

⁵⁰⁸ О коммерческой деятельности Абрахама Левиса. Lauridsen (см. примеч. 480).

⁵⁰⁹ В деловом архиве Левис (см. прим. 480) сохранились три деловых письма 1834 года от фирмы Кантор & К^о фирме А. Левис. Они написаны на немецком языке официальным стилем. Частную переписку напоминает только добавленное окончание письма от 14.09.1834 г. В наскоро дописанных строчках, начинающихся с обращения «Дорогой Альберт» [sic!], Георг Вольдемар Кантор настоятельно просит своего сводного брата поспешить с решением деловых вопросов. Письмо заканчивается словами: «Привет любимой маме & скажи, что мне стыдно за себя, когда я думаю о том, что дела все больше отвлекают от того, чтобы написать ей, любимой и доброй». (Rigsarkivet Viborg. Archiv A. Lewis. (Датский национальный архив города Виборг. Архив А. Левис.) Входящие письма 1833–34 гг., переписка с фирмой Кантор & К^о.)

⁵¹⁰ Напечатанные в формате письма на немецком языке сообщения об основании и ликвидации компании сохранились в архиве Кантора (Государственная и университетская библиотека Геттингена, Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете, 36: 1. № 1–2).

⁵¹¹ Синкевич (см. примеч. 396), с. 69.

⁵¹² Перепись населения в Копенгагене, 1 февраля 1845 г. Район Розенборг (Rosenborg Kvarter). С. 243.

Расмуссен, с которой он два года спустя, 7 марта 1847 года, обвенчался в церкви во Фредериксберге как Абрахам Мозес Леви иудейского вероисповедания⁵¹³. Для обоих это был первый брак. В момент переписи 1850 года супруги проживали в пригородном районе Кледебо (Udenbys Klædebo Kvarter); супруг был указан как „бывший торговец Абрахам Мозес Леви, ныне бухгалтер в фирме А. Левис“, а супруга как Христина Левис.⁵¹⁴ 15 июля 1853 года Абрахам Мозес Леви скончался в возрасте 55 лет в Копенгагене; в записи о смерти в качестве профессии указано „галантерейщик“⁵¹⁵. 17 июля 1853 года он был похоронен на кладбище на Мёллегаде (Møllegade)⁵¹⁶. Христина Магдалена Левис, „вдова торговца консула Левиса“, ещё встречается в списках переписей 1860 и 1870 годов: в 1860 у неё была горничная и четверо квартирантов⁵¹⁷. Она умерла в возрасте 80 лет 4 апреля 1880 в Копенгагене⁵¹⁸.

8.4. Йуда и Бендикс.

О третьем сыне от брака Эстер Мейер с Мозесом Леви имеется слишком мало достоверных сведений. Йуда родился в 1799 или 1800 году в Копенгагене. Четвёртый сын Бендикс со слов его матери Эстер Кантор родился в Копенгагене 29 марта 1802 года⁵¹⁹. Его конфирмация состоялась 24 ноября 1817 года⁵²⁰. По меньшей мере одного из сыновей мать взяла с собой в Санкт-Петербург, где он, молодой „Левис“, незадолго до своей смерти, отдал под залог или продал принадлежащие ему вещи музыканту Дробишу. Об этом известно из составленного в 1825 году протокола полицейского расследования о Дробише, которое полиция проводила по заявлению Эстер Кантор. Йуда и Бендикс Леви больше ни в каких источниках не упоминаются, в частности, в протоколе разбирательства суда по наследным делам их умершей матери в числе наследников первой очереди они указаны не были.

8.5. Элина.

1804-й, как год рождения младшей дочери Эстер Мейер, можно определить исключительно по имеющимся об её возрасте данным. Самые ранние сведения о ней получены из записи о крещении второй дочери её брата – Христиана Людвига

⁵¹³ Церковная книга церкви во Фредериксберге (Frederiksberg Kirke). Браки (Viede) 1842–1848. Новое издание. Разворот страницы 133.

⁵¹⁴ Перепись населения в Копенгагене, 1 февраля 1850. Пригородный район Кледебо (Udenbys Klædebo Kvarter) II. С. 93.

⁵¹⁵ Реестровая книга еврейской общины в Копенгагене за период с декабря 1844 по апрель 1856. С. 262.

⁵¹⁶ Margolinsky, Jødiske Dødsfald (см. примеч. 437), с. 119.

⁵¹⁷ Перепись населения в Копенгагене, 1 февраля 1860 г. С. 686.

⁵¹⁸ Церковная книга в Копенгагене. Церковь Вартов (Vartov Kirke) 1875–1888. Новое издание. Разворот страницы 160.

⁵¹⁹ Запись 316 от 18 ноября 1817 года в реестровой книге еврейской общины в Копенгагене за период 1762–1810. С. 81. См. примеч. 420.

⁵²⁰ Запись 50 в реестровой книге еврейской общины в Копенгагене. Конфирмации 1817–1850. С. 10. См. примеч. 502.

(Лазаруса) от 19 апреля 1820 года. В ней она появляется как крёстная мать – „девица Хелена Леви“, следовательно, в это время она сама уже должна была быть христианкой⁵²¹.

Если позволительно интерпретировать постскрипtum „Лина вероятно останется сидеть на моей шее“, поспешно написанный в конце делового письма Георга Вольдемара Кантора своему сводному брату Абрахаму Левису от 14.09.1834, то, исходя из него, Элина в это время ещё находилась в Санкт-Петербурге?⁵²² Возможно, это единственный след, оставленный ею в тот период. Во время переписи 1840 года она указана в списках как Элина Людвигс, 35 лет, не замужем, квартирантка в районе Кледебо (Klædebo) в Копенгагене. При этом она указала, что существует на доходы от преподавания⁵²³. Извещение о смерти её матери в Орхусе в декабре 1840 года она подписала Элина Вильгельмина Людвигс. Как и её брат Христиан Людвиг (Лазарус), она уже не носила фамилию Леви и представлялась как Людвигс. 15 октября 1843 года она, как Элина Вильгельмина Августа Людвигс, обвенчалась в церкви во Фредериксберге с портретистом Йенсом Христианом Бёгом (Bøgh) из Орхуса, бывшим на 12 лет моложе её и посещавшем с 1842 года занятия в Академии художеств⁵²⁴. 24 ноября 1843 родилась дочь Александра Мария Луиза, а 13 июня 1845 года – сын Николай Георг Христиан.⁵²⁵ 12 августа 1848 года Элина Вильгельмина Августа Бёг умерла в больнице от „болезни спинного мозга“⁵²⁶. Оба наполовину осиротевших ребёнка были приняты в семью сестры Христиана Бёга в Орхусе⁵²⁷.

8.6. Йозеф.

Младший сын от брака Мозеса Леви и Эстер Мейер – Йозеф Мозес родился согласно свидетельству его отчима 15 октября 1806 года в Копенгагене⁵²⁸. В 1832 году

⁵²¹ См. прим. 495.

⁵²² Rigsarkivet Viborg. Archiv A. Lewis (см. примеч. 480).

⁵²³ Перепись населения в Копенгагене, 1 февраля 1850 года. Район Кледебо (Klædebo Kvarter) I. С. 79.

⁵²⁴ Церковная книга церкви Фредериксберг (Frederiksberg Kirke). Браки (Viede). 1842–1848. Новое издание. Разворот страницы 36. – Philip Weilbach. Dansk Konstnerlexikon, indeholdende korte Levnedstegnelser over Kunstnere. (Филипп Вайльбах. Энциклопедия датских художников, включая жизнеописание.) København 1877–1878, с. 91, 92.

⁵²⁵ Церковная книга в Копенгагене. Церковь Святого Духа (Helligånds Kirke). Рождения (Fødte) 1838–1845. Новое издание. Разворот страницы 203. – Церковная книга в Копенгагене. Церковь Богоматери (Vor Frue Kirke). Рождения (Fødte) 1845–1850. Новое издание. С. 39–40.

⁵²⁶ Церковная книга в Копенгагене. Церковь Святого Духа (Helligånds Kirke). Смерти (Døde) 1848–1855. Новое издание. Разворот страницы 178.

⁵²⁷ Перепись населения в Орхусе Кёбстад (Aarhus Købstad) 1 февраля 1850. С. 61, 62.

⁵²⁸ Запись 523 от 30 декабря 1820 года в реестровой книге еврейской общины в Копенгагене 1762–1810. С. 134. См. примеч. 420.

он, будучи сапожным мастером, получил права гражданина в Орхусе⁵²⁹. Несколькими днями спустя он объявляет в городской газете Орхус Стифтстиденде (*Aarhus Stifts-Tidende*) об открытии собственной мастерской и привлекает клиентов объявлением, что обучался сапожному мастерству в Санкт-Петербурге и затем работал там и впоследствии в Копенгагене у лучших мастеров⁵³⁰. Из этого можно заключить, что Йозеф был одним из детей, которого его мать взяла с собой в Санкт-Петербург. Предположительно, Йозеф вместе с семьёй своего брата Христиана (Лазаруса) или, возможно, с матерью Эстер Кантор вернулся в Данию. Вернувшись, Йозеф понял, что конкуренция в Копенгагене слишком высока, и его брату Абрахаму Левису удалось убедить его обосноваться в Орхусе. Анкета переписи населения 1834 года сообщает, что 28-летний холостой мастер поручает ведение хозяйства 18-летней экономке Луизе Марии Бродерсен.⁵³¹ 20 марта 1835 он берёт Луизу Марию в жены; венчание состоялось в кафедральном соборе Орхуса⁵³². Очевидно, что Йозеф принял крещение. Один за другим появляются на свет три дочери и сын. Альбертина Кларисса родилась 3 августа 1835 года. Элина Вильгельмина Августа – 10 ноября 1838 года, Эстер Мария Христина Фредерика – 16 апреля 1842 года и Андерс Георг Ханс – 13 июня 1845 года⁵³³. Похоже, что обувная мастерская процветала. В 1845 году в мастерской работали три подмастерья и две служанки помогали по хозяйству⁵³⁴. Йозеф стал в Орхусе уважаемым гражданином и был в 1848 году избран в городской совет.⁵³⁵ Но уже 20 декабря 1848 года он умирает⁵³⁶. В 1850-м вдова Луиза Мария Людвиг руководит делами, в мастерской работают уже четыре подмастерья; за одного из них, Мартинуса Хьюлера, она 14 октября 1852 года выходит замуж во второй раз⁵³⁷.

⁵²⁹ Ole Degn og Vagn Dybvad. *Borgere i byens råd. Medlemmer af Århus bys borgerrepræsentation og byråd 1838–1968.* (Оле Дегн и Вагн Дюбвад. Граждане городского совета. Члены Орхусского городского гражданского представительства и городского совета 1838–1968.) Århus 1968, с. 142, 143.

⁵³⁰ *Aarhus Stifts-Tidende* (газета Орхус Стифтстиденде) 1832 г., № 124 (2 августа 1832 г.), с. 4.

⁵³¹ Перепись населения в Орхусе Кёбстад (*Aarhus Købstad*), 18 февраля 1834 г. С. 14.

⁵³² Церковная книга в Орхусе. Кафедральный собор (*Domkirke*) 1832–1837. Новое издание. Разворот с. 265.

⁵³³ Церковная книга в Орхусе. Кафедральный собор (*Domkirke*) 1832–1837. Новое издание. Разворот с. 100. – Церковная книга в Орхусе. Кафедральный собор (*Domkirke*) 1838–1843. Новое издание. Разворот с. 130 и 137. – Церковная книга в Орхусе. Кафедральный собор (*Domkirke*) 1844–1851. Новое издание. Разворот страницы 23.

⁵³⁴ Перепись населения в Орхусе Кёбстад (*Aarhus Købstad*), 1 февраля 1845 г. С. 473.

⁵³⁵ Degn og Dybvad (см. примеч. 529), с. 142, 143.

⁵³⁶ Церковная книга в Орхусе. Церковь Богоматери (*Vor Frue Kirke*) 1845–1852. Разворот страницы 343.

⁵³⁷ Перепись населения в Орхусе Кёбстад (*Aarhus Købstad*), 1 февраля 1850 года. Стр. 250. – Церковная книга в Орхусе. Церковь Богоматери (*Vor Frue Kirke*) 1845–1852. Разворот с. 261.

9. Результаты генеалогического исследования.

Георг Вольдемар Кантор, отец математика Георга Кантора, родился 6 мая 1814 года в Копенгагене и был вторым ребёнком в еврейской семье Липмана и Эстер Кантор. Ему было дано имя Хирш. Холостяк Липман Якоб Кантор, торговец чаем и фарфором, и Эстер, вдова мелкого торговца чулками Мозеса Леви и дочь Абрахама Мейера, поженились 31 октября 1811 года. Первый ребёнок от этого брака, сын Якоб Липман, родился в 1812 году и умер в 1813 году, не дожив и до одного года. У Георга Вольдемара Кантора уже были братья и сестры – дети его матери от первого брака с Мозесом Леви. Старший сводный брат Лазарус был крещен в Копенгагене в 1817 году под именем Христиан Людвиг. Свою фамилию Леви он сменил на Людвигс и был известен как торговец в Копенгагене и Санкт-Петербурге. Старшая сводная сестра Ребекка в молодом возрасте вышла замуж. После того как молодая женщина овдовела, она основала собственное дело. Она сохранила принадлежность к иудейской конфессии. Второй сводный брат, Абрахам Левис, стал уважаемым торговцем в Орхусе, но обанкротился и потерял всё своё состояние. Он остался верен иудейскому вероисповеданию. Примерно в 1820 году Эстер Кантор вместе с некоторыми детьми едет в Санкт-Петербург. С ней были Йуда или Бендикс (возможно – оба), а также Йозеф и Хирш; вероятно, Эстер взяла с собой также и дочь Элину. Йозеф, Элина и Хирш были крещены в лютеранскую веру, неизвестно, когда и где именно. Йуда или Бендикс умер в 1825 году в Санкт-Петербурге. Йозеф Леви вернулся в Данию еще до 1834 года. В Санкт-Петербурге он обучился профессии сапожника и открыл в Орхусе собственную мастерскую. Йозеф и Элина, как и их старший брат, взяли фамилию Людвигс. Нет сведений о том, что Йуда или Бендикс Леви были женаты; остальные сводные братья и сёстры Георга Вольдемара Кантора состояли в браке. После своего возвращения не позднее 1834 года в Данию Эстер Кантор жила в Орхусе на средства своих детей. Она умерла там же в 1840 году, не дожив пару месяцев до 66 лет, и похоронена на еврейском кладбище. Липман Кантор умер в нищете в 1852 году в Копенгагене в возрасте 79 лет; он также был погребён по еврейскому обряду.

С помощью патронимов можно попытаться выстроить непрерывную отцовскую линию Георга Вольдемара (Хирша) – сына Липмана Кантора. Отцом Липмана Якоба Кантора предположительно является торговец Якоб Исак Кантор, женившийся 09.11.1761 в Копенгагене и похороненный там же 23.08.1777⁵³⁸. Его отцом может быть Исак Абрахам Кантор, чье проживание в Копенгагене в течение многих лет

⁵³⁸ Fortegnelse over Jøder viede i K[ø]b[en]h[avn] 1735–1810, efter Magistratens Kopulationsbøger. (Списки бракосочетаний евреев Копенгагена 1735–1810 в соответствии с книгами магистрата.) С. [7]. Со списком можно ознакомиться на сайте «Danish Family Search». – Margolinsky, Jødiske Dødsfald (см. примеч. 436), с. 36.

доказано, умерший примерно в 1740 году⁵³⁹. Он был братом упомянутого выше Якоба Абрахама Кантора, а их общий отец – Абрахам Кантор по прозвищу Хильдесхайм по названию места своего происхождения. Умерший в Копенгагене в 1715 году Абрахам Кантор принадлежит к числу первых еврейских жителей Копенгагена, поселившихся там в 1680-х годах. В Хильдесхайме фамилию Кантор можно отследить вплоть до Якоба Кантора, указанного там в охранных грамотах примерно в 1660 году. Даже при некоторой спекулятивности воссозданной отцовской линии можно с уверенностью считать, что иммигрировавшие в Данию Канторы происходят из находившихся под защитой суверена евреев-ашкенази из Германии.

В заключение следует обратить внимание на примечательное совпадение. В 1845 году на свет появились трое мужских отпрысков детей Эстер Мейер, все трое получили при крещении имена Георг: в Копенгагене – Николай Георг Христиан Бёг, в Орхусе – Андерс Георг Ханс Людвигс и в Санкт-Петербурге – Георг Фердинанд Людвиг Филипп Кантор, ставший впоследствии всемирно известным математиком».

*Пер. с нем. Г. Шушкевича.
Альманах «Еврейская Старина». 2020. 104*

---

⁵³⁹ Julius Salomon og Josef Fischer. Mindeskrift i Anledning af Hundredeaarsdagen for Anordningen af 29. Marts 1814 [...] med en Samling Arkivalia. (Юлиус Саломон и Йозеф Фишер. Книга памяти по случаю столетия указа от 29 марта 1814 года [...] с собранными архивными документами.) København 1914. – Здесь упоминается Исак Абрахам Кантор в Arkivalia VIII «Uddrag af Listen over Kop- og Hesteskat [...]» (документ архива VIII «Выписка из налогового реестра уплаты подушной и лошадиной подати») на стр. 130 и в примеч. 2 к нему (с. 131), а также в Arkivalia X «Uddrag af Mandtal af 14. December 1728 [...]» (документ архива X «Выписка из переписи от 14 декабря 1728 г.») на с. 137 и в примеч. 56 к нему (с. 144). В документе архива Arkivalia XIX «En Side i Begravelsesselskabets Protokol» (документ архива XIX «Страница протокола похоронной компании») имеется подпись Якоба Исака Кантора (с. 162); подробности о нём приведены на с. 171.

Примечания Георга Зингера к книге Г. И. Синкевич «Георг Кантор из Санкт-Петербурга»

В настоящем издании примечания Г. Зингера представлены затекстовыми сносками с нумерацией i–iii.

Научное наследие математиков собрано в Германии Государственной и университетской библиотекой Нижней Саксонии в Геттингене (SUB Göttingen). Документы из наследия Георга Кантора отмечены надписью Cod. Ms. G. Cantor, Codex of manuscripts (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете).

i Георг Зингер нашёл запись о крещении Георга Кантора в Книге рождений Лютеранской церкви св. Екатерины Санкт-Петербурга за 1845 г., с. 171, запись под номером 123: рождён 19 февраля в час после полуночи, крещён 20 мая. Имя ребёнка: Георг Фердинанд Людвиг Филипп Кантор. Родители. Отец: Георг Кантор, купец, лютеранин. Мать: Мария, урождённая Бём, католичка. Где и когда крестился: дома, 20 мая, в час пополудни. Свидетели: г-н Людвиг Бём, капельмейстер, дед новорождённого [здесь ошибка: Людвиг Бём был дядей новорождённого, а Франц Бём был дедом новорождённого. Возможно, на крестинах присутствовали они оба, и регистратор напутал в записи], г-н Фердинанд Шиллер [пианист], г-жа А. Гиделло [тётя новорождённого], г-жа Натали Гримм [Настасья Гримм была тётей Георга Вольдемара Кантора, в их семье не было никого с именем Наталья. Вероятно, опять ошибка регистратора].

ii Запись о крещении Луи (Людвига) Густафа пока не найдена. В реестре Реального училища в Дармштадте, которое Людвиг посещал с 1859 по 1861 год, дата рождения указана 29 апреля 1846 года (источник: Городские архивы Дармштадта). Предположительно это дата по григорианскому календарю. Луи Кантор тоже обладал музыкальным талантом. В начале 1863 года его отец писал Георгу в Цюрих: «[...] он [Луи] тоже часами бредит фортепьяно, придумав композицию, непрерывное варьирование которой доставляет ему счастье и веселье. Я поощряю и поддерживаю его в этом, так как я помню, что в его возрасте, а также намного позже, я много дней проводил королевские забавы с подобной „ерундой“. Почему бы не подарить ему это счастье?» (Cantor, Codex of manuscripts (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете.), 35, № 1.) О дальнейшей жизни Луи Кантора известно немного. Судя по всему, брат Георга Кантора, который был на год младше его, был бизнесменом. В 1869 году он поехал в США по делам и к концу года остался в Чикаго. Сообщается, что он погиб в результате несчастного случая в Соединённых Штатах.

iii Болезнь лёгких Георга Вольдемара Кантора проявлялась и диагностировалась по крайней мере с 1846 года. Медицинский отчёт в наследии Канторов (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 36: 2) показывает, что Георг Вольдемар был тщательно обследован и получил терапевтические советы уважаемого врача в Берлине в 1846 году. В справке, написанной на латыни, отмечалось начало лёгочной чахотки. До сих пор болезнь поражала и повреждала в основном верхнюю часть правого лёгкого. Ползучая лихорадка, характерная для болезни, еще не наступила, но её следует ожидать в ближайшее время. Чтобы остановить прогрессирование болезни, врач рекомендовал: 1. Употреблять минеральные воды из Зальцбрунна в Силезии в течение четырёх-пяти недель; 2. Лечиться сывороткой из Кройта в Баварии в течение того же периода времени;

если состояние лёгких улучшится, попробовать там солевые ванны; 3. Обильно потреблять виноград, продолжать до декабря; 4. Провести зимние месяцы на мягком воздухе и сбалансированной погоде – в Пизе или Риме; 5. Зимой регулярно принимать тресковый жир; 6. Неоднократно прижигать моксой [полынной сигарой] грудную клетку справа. Кроме того, показана мягкая диета. Отчёт был выпущен и подписан 15 августа 1846 г. в Берлине доктором А. Бальц, королевским тайным советником. Несомненно, речь идёт о практикующем враче Теодоре Фридрихе Бальце (1785–1859), который во время своей деятельности полковым врачом неоднократно вносил предложения по реформированию прусской военно-медицинской системы и высказывался в нескольких публикациях по холере. Интересно, что побудило Георга Вольдемара обратиться к врачу в далёком Берлине. Был ли доктор Бальц рекомендован ему? Был ли Георг Вольдемар раньше в Берлине и наладил там связи? Мы не можем ответить на эти вопросы, но есть несколько других признаков, указывающих на более тесные отношения между Канторами и Берлином. В декабре 1862 года Георг Вольдемар выразил свою радость в письме своему сыну Георгу, который учился в Цюрихе, «что вы попали в такой круг интеллектуальной аристократии, как круг профессора Любке [...]. В крупных научных центрах Германии нет недостатка в кружках такого рода. Такие кружки собираются в Берлине в домах профессора Лазаруса, а также в домах Левальд, Вирхова и других. В душе я уже счастлив, когда с Божьей помощью в доме семьи Лазаруса вы соприкоснётесь со всем, чем обладает Берлин среди героев науки и искусства». (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 35: 1.) Предположительно, эти имена относятся к психологу Морицу Лазарусу (1824–1903), врачу Рудольфу Вирхову (1821–1902) и писательнице Фанни Левальд (1811–1889). Вскоре после этого, в письме от 31 декабря 1862 г., снова упоминается Лазарус, из чего следует, что именно с ним лучше всего были знакомы Канторы: «Затем я был впечатлён заявлением профессора Кристоффеля об огромной пользе и важности изучения классических языков, что отрадно, поскольку теперь вы, мой дорогой Георг, я надеюсь, полностью уверитесь в том, что профессор Лазарус и я не побуждали вас учиться без надобности или даже без необходимости [...]» (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 35:1). У Георга Вольдемара Кантора были деловые отношения с банком *Mendelssohn & Co* в Берлине, как видно из адресованных ему писем (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 36: 2) с 1859 по 1862 год, может быть менее информативным, поскольку он также вёл дела с банками в Гамбурге и Франкфурте-на-Майне. Однако тот факт, что Мария Кантор покинула Франкфурт с детьми сразу после смерти мужа, но не вернулась к своим ближайшим родственникам в Санкт-Петербург и не выбрала Вену своим местом жительства, где жил её дядя Йозеф Бем, говорит о том, что выбор Берлина как нового центра жизни имел веские аргументы.

^{iv} Запись о крещении Софи пока не найдена. В церковной книжной записи о её браке 15 января 1874 года в Берлине с *Ernst Friedrich Eugen Nobiling* указана дата рождения – 19 августа 1848 года. На тот момент она именуется Софи Анна Кантор. В церковной книге о её смерти 15 апреля 1931 года в Берлине-Шарлоттенбурге в качестве дня её рождения названо 31 августа 1848 года. Таким образом, первая дата – юлианская, вторая – григорианская. Запись о крещении Константина Карла известна. Он родился 13 декабря 1849 года (юлианская дата) и крестился 25 февраля 1850 года (юлианская дата) в евангелической церкви Святой Екатерины в Санкт-Петербурге. Его юлианская дата рождения также указана в документе о его браке 8 июня 1879 года в Дармштадте с Йоханной ван дер Капеллен ван Беркенвоуде.

^v Муж Софи, Ойген Нобилинг (Eugen Nobiling), сын чиновника прусского министерства внутренних дел, был профессиональным коммерсантом. В их браке родилось четверо детей, две девочки и два мальчика. Ойген Нобилинг умер 1 апреля 1891 года, и Софи была вдовой почти 40 лет. Нобилинги недолго жили в Берлине. Здесь родилась их первая дочь. В 1880-х гг. семья несколько лет жила в Готе. В адресной книге Ойген Нобилинг изначально значится как „Lieutenant z. D.“ – по распоряжению (zur Disposition), затем как „Lieutenant a. D.“ (в отставке) и как регистратор (Standesbeamter). Трое младших детей родились в Готе. Семья вновь вернулась в Берлин примерно в 1890 году. Здесь Ойген Нобилинг был совладельцем компании «Deutsche Autocopist Compagnie Nobiling & Co», которая продавала копировальные машины.

^{vi} Константин Кантор принимал участие во франко-германской войне 1870/71 года в качестве младшего лейтенанта 2-го Великого герцогского гессенского драгунского полка № 24. Людовик III, великий герцог Гессенский, наградил его 12 мая 1871 года Крестом за боевые заслуги. В 1875 году он ещё находился на действительной службе. Будучи лейтенантом запаса, 8 июня 1879 года в Дармштадте женился на Йоханне ван дер Капеллен ван Беркенвоуде (Johanna van der Capellen van Berkenwoude), дочери главного конюшего великого герцога. Брак был недолгим, Йоханна умерла 3 февраля 1881 года. Константин какое-то время путешествовал по Востоку, затем поселился на Капри. Там он заключил второй брак с местной уроженкой Марией Ферраче. Немецкий писатель Адольф Шафхейтлин (1852–1917), который в то время тоже жил на острове и дружил с Константином Кантором, охарактеризовал его следующим образом: «Стройная, подтянутая фигура. Узкое, выразительное лицо, бледный цвет и правильные черты. Глубокие чёрные закрученные усы. Носит пенсне. Как бывший офицер, держится очень прямо. Размерен в движениях; редко улыбается». (Adolf Schafheitlin. So ward ich. Tagebuchblätter. Berlin 1903, S. 308.) Константин Кантор умер в январе 1899 года.

^{vii} Семья сначала осталась в Висбадене. В адресной книге Висбадена, 1857 год, стр. 5, есть запись «Cantor, Rentier, Rheinstr. 12». Затем Канторы переехали в квартиру во Франкфурте-на-Майне по адресу: Bleichstrasse, 4. Однако в «Адресном справочнике Франкфурта-на-Майне» нет записи с указанием имени.

^{viii} Запись в церковной книге церкви Святого Духа в Гейдельберге (Heidelberg Heiliggeistkirche) гласит: «№ 52. Георг Кантор, купец из Санкт-Петербурга, около 50 лет, муж Марии Бём, в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году шестого июня утром в половине десятого умер и был с молитвой предан земле пастором Шелленбергом восьмого июня в половине седьмого утра. Никаких дополнительных подробностей о нём получить не удалось. Свидетели: граждане Кунц, практикующий врач, и Карл Кюблер, служитель церкви. Гейдельберг, 8 июня 1863 года. Приходской священник Герман Хербст». (Totenbuch der evangelischen Stadtgemeinde bei H. Geist 1863, S. 679.) Георг Кантор написал в письме от 22 марта 1905 года своему коллеге-математику Филиппу Журдену, что его отец умер «у меня на руках [...] во время поездки, в специально арендованном частном жилье». Однако в Гейдельберге его, очевидно, не допрашивали о личности покойного; в противном случае непонятно оформление записи в церковном реестре. Когда Кантор писал Журдену в 1905 году, могила его отца в Гейдельберге, по-видимому, всё ещё существовала. На Пасху 5 апреля 1863 года Георг должен был быть со своей семьёй во Франкфурте. В начале мая его отец написал ему в Цюрих: «Действительно, по сравнению с тем, что было, когда ты оставил меня, моё состояние значительно лучше!», «Я надеюсь, с Божьей помощью – если

ничего не произойдет, я буду в Баденвайлере 20 мая, а значит, намного ближе к вам! – Мы увидимся в течение трех недель, если вы хотите навестить меня в воскресенье, но вам не нужно спешить, если я в добром здравии. Но если это не так, немедленно поспешите ко мне [...]» (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 35: 1). 30 мая Георг Вольдемар Кантор в хорошем настроении написал своей жене и поручил ей: «Чтобы отпраздновать мое выздоровление [...], пригласи завтра госпожу Симон [...] отвезти всех вас в Forsthaus Шюнемана [ресторан] в половине третьего и выпить там кофе». (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 35: 1). Однако, возможно, его состояние ухудшилось в следующие дни, и Георг должен был приехать в Баденвайлер из Цюриха, чтобы сопровождать своего отца домой во Франкфурт. Затем в пути произошел кризис, и они остановились в Гейдельберге.

^{ix} Мария Кантор ежегодно числится в берлинской адресной книге с 1864 по 1896 год. Именная запись в основном такая: «Кантор, М., урождённая Бём, рантье». В 1864–1865 годах её адрес: Ritterstrasse 81, в 1865–1877 годах: Linkstrasse 33/34 (2-й этаж), с 1878 года – Schellingstrasse 15 (2-й этаж). Мария Кантор всегда жила в арендованных квартирах.

^x В некрологе, опубликованном семьёй, говорится: «Сегодня утром, после долгих страданий, наша добрая мать, свекровь и бабушка, г-жа Мария Кантор, урождённая Бём, почила незадолго до того, как ей исполнилось 77 лет. Берлин, Halle a. S. (Галле на Заале), Капри, 22 октября 1896 г. Профессор д-р Георг Кантор / Софи Нобилинг, урождённая Кантор / Константин Кантор, ротмистр в отставке / Валли Кантор, урождённая Гуттманн / Мария Кантор в девичестве Ферраче / и 10 внуков. Похороны состоятся в воскресенье, 25-го числа, в 4 часа от часовни кладбища Святой Ядвиги на Лизенштрассе».

Валли была женой Георга Кантора. Они поженились 9 августа 1874 года в протестантской Иерусалимской церкви в Берлине. В то время Георг Кантор был доцентом Университета Галле (Заале). Валли, родившаяся 12 марта 1849 года в Рацибже (Ратибор), была осиротевшей дочерью еврейского бизнесмена Игнаца Гуттмана. Она жила в Берлине со своим братом доктором медицины Паулем Гуттманном. Валли Гуттманн крестилась за несколько недель до свадьбы; свидетелями их крещения были мать Георга Мария Кантор и его сестра Софи Нобилинг. Шесть из десяти внуков, а именно Эльза (* 1875), Гертруда (* 1877), Эрих (* 1879), Анн-Мари (* 1882), Маргарет (* 1885) и Рудольф (* 1886) – дети Георга и Валли Кантор, четверо внуков – дети Евгения и Софи Нобилинг. Дочь Карла Константина Кантора и его жены, урожд. Ферраче, Ассунта Мария, о которой Георг Кантор писал в 1899 году в письме графу фон Posadowsky-Wehner [113, с. 380], к тому времени, вероятно, ещё не родилась.

^{xi} В период тяжёлого кризиса Георг Кантор 10 ноября 1899 года написал государственному секретарю германского имперского управления внутренних дел и вице-канцлеру графу Артуру von Posadowsky-Wehner о своём непреклонном и безусловном решении отказать от немецкой профессуры» и попросил его поддержать «мою просьбу о подходящей работе на дипломатической службе его величества короля Пруссии, кайзера Германии Вильгельма II». Он заявил: «У меня нет внешних почестей или наград, к которым я мог бы стремиться; мне больше всего нравилась бы должность простого библиотекаря без выдающегося титула». Кантор объяснил своё намерение окончательно отказаться от статуса профессора на нескольких визитных карточках, предположительно приложенных к этому письму: «Неделю назад я передал подробное объяснение причины своего решения г-ну тайному советнику Гессе (Hesse), начальнику канцелярии Министерства культуры, который

сообщил королевскому министру культуры Пруссии, его превосходительству г-ну фон Штудт (Studt). [...] Покорнейше прошу, если возможно, сегодня или завтра принять решение по моему прошению, так как, я, как урождённый русский, пользуясь присутствием царя Николая II в Потсдаме-Берлине, после сорока трёх лет отсутствия на родине, в моём преклонном возрасте мог бы оказать ему дипломатические услуги» [113, с. 378–380]. Кантор, вероятно, имел в виду визит царя в Потсдам 8 ноября 1899 года, который длился всего несколько часов. Куратора Университета в Галле, Шрадера, попросили высказать его мнение по поводу просьбы Кантора. В письме от 26 ноября 1899 года Шрадер сослался на семейного врача Кантора, который был убеждён, «что состояние возбуждения Кантора на этот раз увеличилось до необычной длительности и продолжительности из-за расторжения помолвки его дочери, что продолжительность этого состояния невозможно рассчитать, но его, вероятно, скоро сменит столь же тяжёлая депрессия». «Поэтому я прошу, – написал Шрадер в заключение, – попытаться отложить ответ на его запрос в рейхс-канцелярию внутренних дел настолько, насколько это возможно. Разумна или нет просьба д-ра Кантора к Кайзеру об освобождении от должности, но она сначала дойдёт до нашего министра, а от него – запрос ко мне, так что у меня будет требуемая возможность для подробного отчета. Отсюда также следует предпринять усилия, чтобы побудить его продолжить свою математическую деятельность. (Walter Purkert und Hans Joachim Ilgauds. Georg Cantor. Biographien hervorragender Naturwissenschaftler, Techniker und Mediziner Band 79. Leipzig 1985, S. 118.)

^{xii} Важным источником информации о кораблях, отправляющихся из Копенгагена, была ежедневная газета *Kiøbenhavns Kongelig alene Privilegerede Adresse-Contoirs Efterretninger*. Под заголовком «*Seilfærdige Skippere*» за несколько дней было объявлено об отправлении «готовых к отплытию шкиперов» для набора груза и пассажиров. Объявления обычно делались несколько раз, в основном без указания конкретной даты поездки, а с гибкой датой, например «через шесть-восемь дней». По маршруту в Санкт-Петербург с мая по осень регулярно курсировало несколько шкиперов (капитанов). Ганс Якоб Тильсен (тж. Тильзен, Hans Jacob Thielsen) был одним из тех капитанов, которые на протяжении многих лет многократно ходили в Петербург. О путешествии, имевшем столь неудачный конец, впервые было сообщено в Копенгагене 24 июля 1799 года: «Капитан Ханс Якоб Тильсен намеревается отправиться в Петербург через 6–8 дней на вedomом им корабле, под названием „Die Frau Maria“; он возит туда грузы и пассажиров. Заинтересованные лица могут связаться с маклером Hindr[ich] Jürgensen». Это объявление снова появилось 26 и 29 июля. В один из следующих дней Тильсен отправился со своим кораблем. Авария в Петербурге произошла 16 августа по юлианскому календарю, то есть 27 августа по григорианскому календарю. В августе, сентябре и октябре 1799 года шкиперы также объявляли поездки из Копенгагена в Петербург. Тильсен снова достиг этой цели только в августе 1800 года. 4 и 6 августа он объявил, что отправится в Санкт-Петербург на своем судне «Frue Maria» и возьмёт с собой грузы и пассажиров. 15 августа он снова повторил объявление о поездке, но теперь специально назвал «следующий вторник» (19-е) днём отъезда. Судя по всему, «Frue Maria» была отремонтирована настолько, что Тильсен смог отправиться в путешествие летом. В 1801 году Ханс Якоб Тильсен четыре раза с 12 по 22 мая объявлял, что он «отплывает в Петербург через 5–6 дней на своём недавно отстроенном галеасе „Peter“». Получил ли капитан компенсацию за аварию 1799 года от датской морской компании или от России? Следующая поездка Тильсена в Петербург несколько раз рекламировалась с 14 по 29 августа 1801 года. Объявление от 15 августа 1801 года гласит, что Тильсен только что прибыл из Петербурга: владелец девяти связок конопля, привезённых по заказу,

должен связаться с маклером. В том же августе 1802 года Тильсен снова отправился в Россию на своём новом галеасе «Peter». Шкипер по имени Ханс Якоб Тильсен из St. Jürgen женился на дочери шкипера Ingeburg Boysen из Фленсбурга 1 февраля 1782 года в Адельби (Adelby, ныне район Фленсбурга). В датской переписи 1803 года пара была зарегистрирована с двумя дочерьми в районе Адельби Norder-St.-Jürgen. В то время в Сент-Юргене поселились многие лодочники и моряки. В районе, известном сейчас как Капитанский квартал (Kapitänsviertel), сохранились многочисленные дома этого периода, которые охраняются как памятники.

^{xiii} Камерный музыкант на пенсии Иоганн Хартвиг Мейер, вдовец, уроженец Копенгагена, умер 26 марта 1867 года в возрасте 85 лет и был похоронен 30 марта. Это можно найти в записи в церковной книге лютеранской евангелической церкви Св. Екатерины в Санкт-Петербурге, под номером 62. Согласно этой записи, он должен был родиться около 1782 года и ему должно было быть около 17 лет, когда он стал придворным музыкантом царя Павла I.

^{xiv} Йозеф Гримм в базе данных Эрика Амбургера числится под идентификатором 55825. Имена жены указаны там как Luise Auguste; она родилась 26 ноября 1751 года в Берлине. Есть некоторые свидетельства того, что год рождения был неверен и что женой Йозефа Гримма была Sophia Augusta Amalia Louisa Agricola, родившаяся 26 ноября 1755 года в Берлине, дочь прусского придворного музыканта и придворного композитора Иоганна Фридриха Агриколы и его жены, итальянской певицы Бенедетты Эмилии Молтени (Benedetta Emilia Molteni). Согласно записи в церковной книге протестантской церкви Святого Петра в Берлине, её крещение произошло 10 декабря 1755 года. Крестными родителями были её величество королева-мать, София Доротея Ганноверская, его высочество принц Фердинанд, брат короля, её высочество принцесса Амалия, аббатиса Кведлинбургская, и её высочество принцесса Луиза, жена принца Фердинанда. Иоганн Фридрих Агрикола был учеником Иоганна Себастьяна Баха в Лейпциге. Богумир Ян Длабач (Dlabáč, Allgemeines historisches Künstler-Lexikon für Böhmen und zum Theil auch für Mähren und Schlesien. Sp. 495) писал о Йозефе: «Гримм, первый кларнетист в царском русском придворном оркестре в Санкт-Петербурге, по происхождению богемец. До этого он состоял на службе у графа Хартига (Hartig) в Праге, где обучался виртуозному мастерству. По свидетельству г-на Игнаца Фойта (Ignaz Foyta), этот уважаемый человек с большим успехом выступал в Капелле в 1798 году». Длабач, вероятно, имел в виду Людвига графа фон Хартига, который сам был кларнетистом и большим любителем искусства, умершего в Праге в 1813 году.

^{xv} Француз Поль Таннери (1843–1904) в свое время занимал ведущее международное положение как историк математики и естествознания. Его работы были опубликованы под названием «Mémoires scientifiques» между 1912 и 1950 годом. Тома с 13 по 16 содержат научную переписку. Переписку Поля Таннери и Георга Кантора можно найти в томе 13 на страницах с 295 по 308. Цитируемый здесь отрывок из письма Кантора к Таннери от 6 января 1896 года напечатан на страницах с 305 по 307, относится к приложению, озаглавленному «Исправление», которое начинается со слов: «Утверждение в новой французской энциклопедии о том, что я принадлежал к той же семье, что и мой тёзка г-н Мориц Кантор из Гейдельберга, неверно, по крайней мере, никаких доказательств этому нет. Единственный факт: [...]». Далее следует цитата.

^{xvi} Новые исследования по журналам регистрации еврейских общин в Дании, которые велись с 1810 года для записи дел о гражданском состоянии, а также источники

из других датских архивов позволяют прояснить некоторые важные вопросы относительно происхождения Георга Вольдемара Кантора (см. Г. Зингер «Новые сведения о происхождении Георга Кантора»). Самая важная находка: Георг Вольдемар Кантор родился 6 мая 1814 года в Копенгагене. Его еврейские родители, супружеская пара Липман и Эстер Кантор, дали ему имя Хирш. Родители поженились 31 октября 1811 года. Хирш был вторым ребёнком в их браке; Якоб, их первый ребёнок, умер в 1813 году в возрасте 11 месяцев. Липману Якобу Кантору (Якоб был отчеством Липмана, то есть именем его отца) было уже 38 лет, но он всё ещё был холостяком, когда женился на овдовевшей Эстер Леви. В возрасте 15 или 16 лет Эстер, урождённая Мейер, была замужем за торговцем чулками Моисеем Леви (около 1790 года) и в последующие годы родила пятерых сыновей и двух дочерей. После смерти мужа 21 марта 1807 года Эстер пришлось ухаживать за шестью несовершеннолетними детьми; сын умер. Когда в 1813 году еврейские жители Копенгагена были зарегистрированы, семья Липмана Кантора состояла из пяти человек – вероятно, это супруги Кантор и младшие дети Моисея и Эстер Леви: Бендикс, Элина и Йозеф. Старшая дочь Леви Ребекка уже была замужем; два сына, Лазарь и Авраам, учились вне дома: Лазарь – штурманскому делу, Авраам – торговле.

Второй муж Эстер, Липман Кантор, также был купцом. Между 1810 и 1820 годами он торговал чаем и фарфором, но, похоже, не имел большого коммерческого успеха. За это время рабочий адрес Липмана менялся пять раз. В начале 1813 года против Липмана Кантора было возбуждено дело о банкротстве, которое затянулось на целый год. Очевидно, он мог равнять себя со своими кредиторами, потому что в то время был ещё активным коммерсантом. Но после 1821 года Липман Кантор не появлялся в адресной книге Копенгагена более десяти лет.

Где-то в первой половине 1820-х годов Эстер Кантор отправилась в Санкт-Петербург со своими четырьмя младшими детьми Бендиксом, Элиной, Йозефом и Хиршем. Есть архивные свидетельства её пребывания в городе на Неве с 1825 года, которые показывают, что Бендикс с тех пор умер. Изучив ремесло сапожника, Йозеф вернулся в Данию. С 1834 года Эстер снова можно найти в Дании. Теперь она жила отдельно от мужа в Орхусе, где её сын Авраам много лет работал купцом. Йозеф и Элин также поселились в Орхусе. Йозеф открыл сапожную мастерскую и женился. Предположительно, вместе со своим младшим сыном Хиршем Эстер окрестила также Элину и Йозефа у евангелических лютеран в Санкт-Петербурге. Когда именно это произошло, пока неизвестно. Старший сын Эстер Лазарь – он обучился штурманскому искусству – в 1817 году крестился в Копенгагене под именем Кристиан Людвиг и вскоре после этого женился на протестантке. Он жил со своей семьёй в Копенгагене примерно до 1820 года, затем некоторое время в Петербурге. Вернувшись из России в конце 1820-х годов, он называл себя купцом. Он был первым, кто отказался от фамилии Леви и называл себя Людвигсом. Позже Йозеф и Элина последовали его примеру. Примерно с 1840 года Кристиан Людвиг, по-видимому, постоянно проживал в Санкт-Петербурге.

Авраам был очень уважаемым и поначалу успешным торговцем, который в начале 1830-х годов хорошо зарабатывал на импорте и экспорте. В торговле с Россией он сотрудничал со своим молодым сводным братом, купцом Георгом (Хиршем) Кантором, проживавшим в Петербурге. Специально для этой цели Георг основал компанию Cantor & Co., однако в ходе международного кризиса денежного рынка Авраам стал неплатежеспособным в 1837 году. Его бизнес закрыли в суде, и он потерял всё своё состояние. Эстер Кантор,

безусловно, пострадала от несчастья своего сына. Она умерла 29 ноября 1840 года после шести месяцев болезни в возрасте от 65 до 66 лет и была похоронена на еврейском кладбище в Орхусе. На слушании дела в суде по наследственным делам в Орхусе среди наследников Эстер был указан её сын от брака с копенгагенским купцом Липманом Кантором, Георг из Санкт-Петербурга.

Между 1830 и 1840 годами Липман Кантор несколько раз упоминался в адресной книге Копенгагена как мелкий торговец. После 1840 года, согласно записям в переписных листах, которые идентифицируют его как вдовца и бывшего купца, он жил со своими незамужними племянницами Ребеккой и Эстер Исраэль, дочерьми своей покойной сестры Беллы. Липман Кантор умер 11 апреля 1852 года в возрасте 79 лет и был похоронен на еврейском кладбище в Копенгагене. Во время переговоров о наследстве Ребекка Исраэль подтвердила, что он пользовался её поддержкой. Короткий список имущества свидетельствует о смерти бедняка.

О сводных братьях и сёстрах Георга Вольдемара Кантора можно кратко сказать следующее: Кристиан Людвиг (Лазарь) умер в 1856 году в Санкт-Петербурге купцом 3-й гильдии. Ребекка, которая с 1811 года была замужем за торговцем чулками по имени Фюрст, вскоре стала вдовой. С тех пор она зарабатывала себе на жизнь торговлей в Копенгагене. Она умерла в 1878 году и похоронена на еврейском кладбище. Авраам и Элина вернулись в Копенгаген после смерти матери. Авраам женился на протестантке, но оставался верным иудейской вере. Он умер в 1853 году. Элина вышла замуж за художника Йенса Кристиана Бега и родила двух детей, вскоре после этого умерев (в начале 1848 года). Йозеф очень преуспел в своей сапожной мастерской в Орхусе. Как уважаемый гражданин, он был избран в городскую совет. Умер в 1848 году. У него осталось четверо детей.

^{xvii} Теодор Эдвард Кантор (Theodor Edvard Cantor) родился в Копенгагене 6 февраля 1809 года. 2 июня 1809 года его еврейские родители крестили его в церкви Holmens Kirke (Копенгагенская церковная книга: Holmens Kirke, Født 1806–1813. Ny udgave. P. 159). У Теодора Эдварда был старший брат Карл Август (1799–1876). Биографию Теодора Эдварда Кантора см. также: Thomas Hansen Erslew: Almindeligt Forfatter-Lexicon for Kongeriget Danmark med tilhørende Vilande. Første Bind: A - J. Копенгаген 1843 г., с. 275.

^{xviii} Исаак Натан Кантор (Isaac Nathan Cantor), родившийся 6 марта 1806 года в Хельсингёре (Helsingør), был незаконнорождённым сыном Израиля Авраама Кантора и его двоюродной сестры Рахили Сары Кантор. 10 октября 1848 года он женился на Мари Аугсбург в Мидельфарте, от которой у него было двое сыновей. Умер 24 февраля 1872 года в Норресундбю (Nørresundby).

^{xix} Три человека – Теодор Эдвард, Исаак Натан и Георг Вольдемар (Хирш) Кантор – связаны друг с другом родственными узами; они прямые потомки Канторов, иммигрировавших в Данию из Хильдесхайма (Hildesheim). Авраам Кантор, умерший в Копенгагене в 1715 году, был прапрадедом Георга Вольдемара и прапрапрадедом Исаака Натана. Брат Авраама Барух, умерший в Хильдесхайме в 1699 году, вероятно, был прапрадедом Теодора Эдварда.

^{xx} Источником даты рождения на надгробии Георга Вольдемара Кантора является экспертное заключение датского специалиста по генеалогии Хаух-Фаусбелля о происхождении Георга Кантора с 1937 года. Оно, вероятно, было создано по инициативе и в сотрудничестве с потомками Георга Кантора в Германии. Машинопись немецкого перевода этой статьи находится в наследии Кантора (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 36: 3). В нем содержится фраза: «На его надгробии в Гейдельберге написано:

«Родился в Копенгагене 24 апреля 1814 года, но эта информация недостоверна». Можно предположить, что эта дата соответствует юлианскому календарю, принятому тогда в России, где Георг Вольдемар Кантор провёл большую часть своей жизни. Тогда она точно соответствует дню 6 мая 1814 года, записанному в регистрационной книге еврейской общины Копенгагена как дата рождения Хирша Кантора по григорианскому календарю.

^{xxi} Grattan-Guinness ссылается на экспертизу директора Датского генеалогического института в Копенгагене Теодора Хаух-Фаусбёлля (Theodor Hauch-Fausbøll, 1879–1948), упомянутого в предыдущем примечании. Немецкий перевод отчёта Хаух-Фаусбёлля (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 36: 3) состоит из пятистраничной компиляции «семейных преданий» и результатов исследований, а также «сертификата», выданного 21.09.1937 и подписанного им самим. Хаух-Фаусбёлль утверждает, что Георг Вальдемар [!] Кантор не фигурирует в регистрационных книгах еврейской общины Копенгагена «и что он, без сомнения, не был евреем». До конца XX века биографы Кантора (Grattan-Guinness 1971, Dauben 1979, Purkert und Ilgauds 1985, 1987) ничтоже сумняшеся использовали эту статью как авторитетный источник семейной истории. В связи с тем что документ был написан в то время, когда евреи в управляемой нацистами Германии уже страдали от массовой дискриминации, следовало с осторожностью оценивать утверждения архивариуса о еврейском происхождении. Трудно переоценить важность основных утверждений Хаух-Фаусбёлля в его исследовании для потомков Георга Кантора, живущих в нацистской Германии. Невозможно скрыть тот факт, что жена Георга Кантора Валли, урождённая Гуттманн, была еврейского происхождения и крестилась незадолго до свадьбы в Берлине. Некоторые из преследований и репрессий, которые пришлось пережить детям и внукам Кантора, известны, но в целом о них можно только догадываться. Эльза (Else, 1875–1954), старшая дочь Георга Кантора, певица и учитель пения, лишилась лицензии на преподавание в 1935 году, была исключена из Государственной музыкальной палаты (Reichsmusikkammer) (Peters, M.: *Lied eines Lebens 1875–1954*. Halle (Saale) 1961, С. 75). Рейнхард Вален (1917–1981), сын дочери Георга Кантора Гертруды (1877–1956), был исключен из университета в 1938 году, потому что его мать была классифицирована как «наполовину еврейка» (H. Eberle: *Die Martin-Luther-Universität während der Zeit des Nationalsozialismus 1933–1945*. Halle (Saale) 2002, S. 356). Если бы в то время не было возможности развеять подозрения в том, что сам Георг Кантор произошёл от евреев, если бы даже было доказано то, что Э.Т. Белл небрежно утверждал в своей статье 1937 года о Георге Канторе, что он «обе стороны чисто еврейского происхождения» (E.T. Bell: *Men of Mathematics*. New York 1937, p. 558.), последствия для его потомков в Германии были бы катастрофическими и опасными для жизни. Лишь в 2007 году Даубен дал правильную оценку экспертизе Хаух-Фаусбёлля: «Однако тот факт, что этот документ был подготовлен для семьи Кантор в разгар преследований евреев Германии перед Второй мировой войной, вызывает серьёзные сомнения в правильности этого свидетельства». (J.W. Dauben: «Cantor, Georg Ferdinand Ludwig Philip». In: Noretta Koertge (Ed.). *New Dictionary of Scientific Biography*. Vol. 2: Cabelo – Eysenck. New York 2007, p. 29.)

^{xxii} Начиная с Липмана Якоба Кантора, отца Георга Вольдемара (Хирша) Кантора и деда Георга Кантора, математика, можно использовать отчества, чтобы построить линию отцов, восходящую к XVII веку и весьма вероятную: Липман Якоб, умер в 1852 году → Якоб Исак, умер в 1777 году → Исак Авраам, умер примерно в 1740 году → Авраам, умер в 1715 году. Авраам Кантор был одним из первых еврейских иммигрантов в Копенгагене около 1680 года.

У него было прозвище Хильдесхайм по месту происхождения. Его брат Барух Якоб умер в Хильдесхайме в 1699 году. В 1662 году вместе с Якобом Кантором он упоминается в охранном письме архиепископа Кельна (выступавшего в качестве епископа Хильдесхайма). Якоб Кантор, вероятно, был отцом Баруха и Авраама. После привилегии, предоставленной ему лично датским королем в 1683 году, Аврааму Кантору было разрешено жить с женой и детьми в Копенгагене, зарабатывать на жизнь торговлей драгоценностями и одеждой и исповедовать свою религию «в молчании». Подобно своему отцу Якобу и брату Баруху, Авраам приобрёл статус еврея-ашкенази, находящегося под покровительством («vergleiteter Jude») государя. [Евреи находились под защитой епископа; его личное право было ежегодно расследовать домашние дела каждой еврейской семьи. Ни один еврей не мог быть принят в качестве резидента, если у него не было грамоты от государя. Для этого требовалось предъявить доказательства наличия не менее 1000 талеров, а также свидетельство хорошего поведения. Затем заявитель должен был дать присягу, что он будет верен епископу и не предпримет ничего, что могло бы нанести ущерб интересам капитула собора. Чтобы находиться под защитой государя, евреи должны были постоянно платить налог («Judensteuer», «Judenzens»). После того, как эти формальности были выполнены, еврей становился «vergleiteter Jude»].

За несколько десятилетий до того, как первым ашкеназам разрешили иммигрировать в Данию, король пригласил сефардских евреев из Амстердама и Гамбурга поселиться в его стране. Поскольку сефарды в среднем были более состоятельными, они были более желанными, более привилегированными и пользовались общей защитой. В конце XVII века в Копенгагене существовала небольшая община ашкеназов, известных как верхненемецкие, «hochdeutsche» евреи, и сефардов, известных как португальские евреи, со своими собственными молитвенными комнатами. Число сефардов в Дании всегда оставалось небольшим, поэтому они вступили в браки с евреями-ашкеназами, что на самом деле совершенно необычно. В последующие десятилетия число «верхненемецких» евреев в Копенгагене постоянно увеличивалось. С другой стороны, «португальская» община к 1730 году так сильно сократилась, что их синагога была закрыта. В 1753 году некоторые высокогерманские евреи прибыли в Копенгаген из Накскова на острове Лолланн, которые подали заявление о признании их «португальцами» и о своих привилегиях со ссылкой на сефардского предка. Они основали новую португальскую общину в Копенгагене. В последующий период «верхненемецкие» евреи, очевидно, могли присоединиться к «португальцам», установив семейные отношения, например, женившись. С 1811 года сохранился список членов «Наксковской португальской конгрегации» (Nakskauer portugiesischen Gemeinde) в Копенгагене. В нём указан ровно один носитель имени Кантор, торговец чаем и фарфором Lipman Jacob Cantor, хотя его отец, дед и прадед были евреями-ашкенази. Как случилось, что Липмана Кантора приняли в португальское сообщество, неизвестно, но это может иметь какое-то отношение к браку его сестры Беллы. Очевидно, из-за особых обстоятельств в Копенгагене членство в сефардской общине не предполагает испано-португальского происхождения. Из 34 домохозяйств, перечисленных в 1811 году, только два на самом деле считаются «настоящими португальцами». Первый муж Эстер Кантор, Моисей Леви, также был евреем-ашкенази, потому что в 1807 году, когда он умер, стал действовать верхненемецкий суд по производству наследственных дел.

^{xxiii} До XVIII века евреи в районе поселения ашкенази обычно не имели фамилий. Имя еврейских мужчин и женщин было полным, когда к имени собственному добавлялось отчество, патроним. Однако иногда уже в XVI веке и с наступлением XVII века в некоторых случаях слово Cantor используется как прозвище или фамилия ашкенази. В то время, однако,

в еврейских общинах еще не было принято назначать лицо, ведущее богослужения в синагоге кантором, что стало обычной практикой с XIX века. Чтобы назвать и обратиться к этому религиозному служителю, в Средние века и в последующие века использовался вариант на местном идишском диалекте еврейского слова «хазан» (хасан, Chasan). Хазан играл очень важную роль в общине, и его служба пользовалась большим уважением. В целом он отвечал за ведение богослужения. Раввин приходил в синагогу только по праздникам или во время проповеди, что бывало изредка. В небольших общинах часто вообще не было своего раввина.

Если в то время суверен или городская администрация разрешали одному или нескольким евреям селиться в каком-либо месте, это разрешение гарантировалось контрактом. В документе, защитном письме, которое регулировало право евреев на поселение, предоставляемое на определённый период времени, помимо указания количества глав семей, имеющих право на проживание, было конкретно указано, какие религиозные служители могут быть также допущены. В 1440 году, например, городской совет Хильдесхайма подписал договор с группой евреев, согласно которому их община могла включать в себя двенадцать домовладельцев с их жёнами, детьми и слугами, а также, кроме того, сангмейстера (Sangmeister) и шульклопфера (Schulklopfer – человек, который призывает еврейскую общину на молитву в местной синагоге). Из этого и аналогичных договоров, заключённых в других городах в XIV и XV веках, можно сделать вывод, что современный юридический язык описывает хазана как «сангмейстера». Сангмейстер в то время было обычным немецким словом для латинского слова *Cantor*. Как показывают данные из среднелатинского словаря, основное внимание в значении слова *Cantor* уделялось певцу в церковной сфере. В частности, кантором называли лицо, ответственное за пение во время богослужения. В этом смысле сангмейстер (нем.) или cantor (лат.) обозначал обязанность в церковной службе и, по-видимому, также церковный титул. Хазан, вероятно, был признан еврейским аналогом сангмейстера.

Поскольку иудейские религиозные служители занимали особое положение в защитных письмах, было необходимо, чтобы они идентифицировали себя на местном уровне в отношении христианского правления или суверена как владельца общинной должности, назначенной им, в соответствии с юридическим языком, например, как сангмейстер. Таким образом, двух- и трёхчастные связи были созданы из имён собственных и должностей, таких как, например, в Хильдесхайме «Isak sangmester» или «Isak de sangmester» (1419–1423), которые затем вошли в городские книги (Richard Doebner (Hrsg.): *Urkundenbuch der Stadt Hildesheim. Band VI: Stadtrechnungen 1416–1450. Hildesheim 1896, S. 109, 111, 138 f., 172 f., 204, 240*). Именные образования с «сангмейстером» известны из разных городов, в которых проживали поселённые туда евреи. В первом налоговом регистре евреев Нюрнберга (*Judenzinnsbuch*) 1381–1433 годов можно встретить «Якоба сангмейстера» (Moritz Stern / Siegmund Salfeld: *Die israelitische Bevölkerung der deutschen Städte. Band 3: Nürnberg im Mittelalter. Kiel 1894–1896. S. 28 f., S. 35*). В 1383 году «Тонидза Исаак сангмейстер» относился к евреям в Зуденбурге, которым аббат монастыря Берге около Магдебурга продал участок земли (M[oritz] G[ü]demann: *Zur Geschichte der Juden in Magdeburg. Breslau 1866. S. 37*). «Smaerlein der sankchmaister» внесён в книгу евреев на Шеффштрассе в Вене (1389–1420).

Когда в течение XV века слово *Cantor* было заимствовано из латинского языка в немецкий язык, а синоним *Sangmeister* начал вытесняться, это было перенесено в наименование хазана еврейских общин христианскими согражданами. С ростом распространения нового использования этого слова хазан теперь должен был идентифицировать себя перед властями как (еврейский) кантор всякий раз, когда это было необходимо. Первоначально

пользуясь тем фактом, что должность хазана нередко передавалась от отца к сыну, «Кантор» превратился в прозвище и, наконец, в фамилию, независимо от выполняемой религиозной должности – в некоторых случаях уже до XVII века. Канторы из Хильдесхайма наглядно показывают, как это имя передавалось от одного поколения к другому с середины XVII века. В этом городе имя его носителей, возможно, даже использовалось с определённой гордостью, потому что городской совет в течение многих лет настойчиво пытался предотвратить создание религиозной общины после вмешательства императора Рудольфа II в 1601 году с целью снова разрешить поселение евреев в городе. Очевидно, семейная гордость, связанная с этим именем, уже вдохновила Исаака Баруха Кантора, который приехал из Хильдесхайма, когда он аргументировал свою просьбу к королю о разрешении поселиться в Дании, ссылаясь на то, что он был «из еврейской семьи по имени Кантор» (Th[eodor] Nauch-Fausbøll. „Jødernes Færd og Ophold i den Danske Stat i det 17de Aarhundrede (Fortsættelse).“ См: Tidsskrift for jødisk historie og literatur [Jahrgang] 1919/21, S. 137–179. Здесь: S. 170). Пример упоминания «Авраама Кантора» по имени в мемуарах Глюккель фон Хамельн, которые она записала между 1691 и 1719 годами, доказывает, что в то время слово «Кантор» уже понималось и использовалось в еврейской общине как имя.

^{xxiv} Граттан-Гиннесс заимствует эти утверждения из уже упомянутого генеалогического отчёта Теодора Хаух-Фаусбёлля («[...] подробное исследование 1937 года датским специалистом по генеалогии, из которого было извлечено большинство следующих деталей»). Граттан-Гиннесс отмечает, что примерно в 1970 году, а именно в то время, когда он проводил исследования для своей работы, наследие Кантора не находилось в государственном архиве, но всё ещё было в разрозненной собственности потомков. Примечания к первому листу перевода/копии отчёта Хауха-Фаусбёлля, который сейчас хранится в Центральном архиве статей немецких математиков (Zentralarchiv deutscher Mathematiker-Nachlässe) в Геттингенской Государственной университетской библиотеке (SUB Göttingen), указывают на то, что Граттан-Гиннесс получил эту статью в 1970 году от Хельги Шнайдер (Helga Schneider), вероятно, потомка дочери Георга Кантора Маргарет, в замужестве Шнайдер. Поэтому возможно, что отчёт Хаух-Фаусбёлля не вошел бы в биографию Кантора, если бы Граттан-Гиннесс не приложил усилий, чтобы найти и получить архивные материалы у потомков Кантора.

^{xxv} Этот документ можно рассматривать как доказательство того, что Эстер, мать Георга Вольдемара Кантора, находилась в Санкт-Петербурге в 1825 году. Сын Эстер от первого брака, 23-летний Бендикс Леви – возможно, в то время он называл себя Левисом, как и его брат Авраам, – был тем человеком, который заложил или продал товары придворному музыканту Дробишу. Бендикс за это время умер, и его мать хотела вернуть залог. Эстер Кантор-Леви-Мейер, возможно, временно осталась в Санкт-Петербурге, где жили её братья и сёстры Анастасия Гримм и Гартвиг Мейер, но между 1790 и 1820 годами она определённо жила преимущественно в Копенгагене. На вопрос, как долго она пробыла в Петербурге около 1825 года, пока нет ответа. В Дании, а именно в Орхусе, пребывание Эстер вновь прослеживается с 1834 года.

^{xxvi} Леопольд Франц Моравек (Leopold Franz Morawek) был крещён 17 апреля 1756 года в церкви Успения Пресвятой Богородицы в небольшой деревне Хроби (Hroby) недалеко от Раденина (Radenín) в южной Чехии. Его отец, Франц Моравек, был охотником у графа Леопольда фон Коловрат-Краковского, ставшего владельцем имения Хроби после брака с Марией Терезой фон Каретто де Миллезимо. Матерью Леопольда Моравека была Анна,

дочь Даниэля Голауссека (HOLAUSSEK), подданного Раденинского владения. У Франца Моравека и его жены Анны было ещё двое детей, которых крестили в Хроби, а именно Мария Терезия (* 1758 г.) и Себастьян (* 1760 г.). Граф Леопольд и его жена были крёстными троих детей Моравека. Семья Моравек жила в доме охотника; место называлось Залеси («за лесом»). Отец семейства Франц Моравек умер 6 апреля 1761 года. Его возраст указан в записи о смерти как 60 лет, он был сыном управляющего поместьем (*officialis oesonomiae*) из Крхлебы (Krchleby). Хотя есть несколько мест под таким названием, нам удалось уточнить: 28 августа 1701 года пара Андреас и Анна Моравек крестили своего сына Франца Игнация в Крхлебах, недалеко от Часлава, в центрально-чешском районе Кутна Гора. В то время в Крхлебу-у-Часлави существовали замок и поместье. Когда 5 ноября 1764 года умерла 28-летняя мать Леопольда и Себастьяна Моравек (девочка умерла в 1759 году), граф и графиня, вероятно, позаботились о сиротах. Это объясняет, как Леопольд получил высококлассное образование в качестве повара, а затем нашёл в Вене достойное место, соответствующее его искусству. Его крёстный отец, Леопольд фон Коловрат-Краковский, сделал карьеру в Вене в качестве государственного служащего на высших должностях.

Первым свидетельством присутствия Леопольда Моравека в Вене является запись о его браке 12 августа 1782 года в реестре церкви «Шотландская богоматерь» („Unsere liebe Frau zu den Schotten“) с Марией Анной Вандер (Wander(er)) из Прессбурга. Отец Марии Анны, Иоганн Михаэль Вандер, был часовщиком в Прессбурге; в 1744 году он женился на Марии Магдалене, дочери браτισлавского часовщика Кристиана Майера. Мария Анна была четвёртым ребёнком в семье, родившимся 23 февраля 1752 года. Супруги Вандер были связаны с высокопоставленными аристократами, о чём говорит то, что граф Йозеф Иллесхази (Illesházy) и его жена Мария Терезия Петронелла фон Абенсперг и Траун были крёстными пятерых старших детей Вандер. Граф Иллесхази был государственным деятелем и носил титул Oberstmundschenk, что делало его имперским бароном. Он пользовался особым доверием императрицы Марии Терезии, она назначила его на высокую судебную должность *Iudex curiae*.

В браке Леопольда Моравека с Анной Вандер родилось по крайней мере трое детей. Первая дочь Элизабета родилась в 1783 году. Ей было чуть больше года, она умерла в 1784 году от «английской болезни». В 1785 году родился сын Леопольд Клеменс, но прожил всего три месяца. Третьего ребенка, сына Людвига, Анна родила 29 марта 1788 года в Санкт-Петербурге. В Вене супруги Моравек жили по разным адресам в центре города. Во всех записях в церковных книгах Леопольд Моравек упоминается как повар в знатных семействах.

^{xxvii} Леопольд Моравек не только реформировал меню при царском дворе и добавил чешско-австрийско-венгерские блюда, но и внёс предложения по улучшению кухонных технологий. Примечательно, что он не ограничился царской кухней, но имел в виду более широкий эффект. Как показывает краткая справка и изображение в 11-м томе (1790 г.) публикаций Вольного экономического общества, Моравек был в контакте с этим научным объединением, которое Екатерина II учредила в 1765 году ради приближения российской экономики к европейскому стандарту. На иллюстрации с надписью показана печь, которую можно топить дровами или углем, с несколькими конфорками для кастрюль и котлов. Моравек также предлагает возможность запекать мясо на вращающемся вертеле, прикрепленном сбоку. Сопроводительный текст гласит: «Кроме того, представлен специальный рисунок другого типа плиты, о модели которой проживающий в Санкт-Петербурге управляющий Её Императорского Величества Леопольд Моравек сообщил Экономическому обществу» (ор. cit., с. 216). Это предложение и иллюстрация прилагаются к статье (ор. cit., с. 211–225) о печи, сберегающей дрова,

изобретённой некоторое время назад в Вене и которую венский слесарь готов производить для заинтересованных заказчиков. Иван Кондратьевич Гергард, статский советник и кавалер ордена Владимира в третьем классе, а также член Экономического общества, изготовил для общества макет этого кухонного прибора и даёт подробные пояснения к рисункам.

^{xxviii} Людвиг, старший из детей Моравека, родился 29 марта 1788 года в первом браке в Санкт-Петербурге. Анна и девочки Шарлотта и Тереза, родившиеся с разницей в 11 месяцев в 1791 году (см. Петербургский некрополь, том 3, с. 164), также, скорее всего, были дочерьми от брака с Анной Вандер, т. к., если возраст Анны Махо на момент смерти был правильно назван, Anne Махо в 1791 году было всего 15 лет. Однако до тех пор, пока неизвестно, когда первая жена Моравека умерла в Петербурге и когда он вступил во второй брак с Анной Махо, остается неопределённость в отношении принадлежности этих трёх дочерей к первому либо второму браку. Для дочерей Элизабет, Марии и Юстины запись о браке показывает, что Анна Махо была их матерью. Это касается и сестры-близнеца Марии – Катарины.

Когда Леопольд Моравек в 1801 году покинул Петербург, ему было 45 лет. Это не тот возраст, когда здоровый мужчина уходит от дел. Он вернулся в Вену со своей большой семьёй и продолжил свою деятельность. 20 мая 1804 года в церкви Св. Рохуса в 3-м районе Вены Ландштрассе на крестинах своего сына Йозефа Клеменса Леопольда Моравек назван метрдротелем князя Эстерхази, указан адрес: Ландштрассе, 45. У главы семьи Эстергази с 1794 года, Николая II Эстерхази, была летняя резиденция Palais Esterházy, построенная на Landstrasser Hauptstrasse в 1785 году.

Мать крещаемого ребёнка записана в церковном реестре как «Анна, урождённая Махо, дочь метрдротеля, родившаяся в России».

Четыре года спустя, 23 мая 1808 года, Леопольд Моравек умер в возрасте 52 лет от грудной водянки (гидроторакса). Причина смерти указывала на сердечную недостаточность или цирроз печени. Протокол городской инспекции подтверждает дату смерти, указанную в церковной книге прихода Святого Петра, и называет адрес проживания как Schwarzbäckerhaus, № 407 Rosmaringasse, в 1-м районе. Похороны состоялись 25 мая. 1 июня 1808 года газета «Oesterreichisch Kaiserliche Privilegirte Wiener-Zeitung» сообщила о смерти на странице 2813: «Умер в Вене. 23 мая. В городе. Господин Леопольд Моравек, бывший барский метрдротель [...]».

Судя по всему, его вдова Анна Моравек осталась с детьми в Вене. Пасынок Людвиг женился в Вене в 1810 году, а своего первого сына он крестил в Бадене, недалеко от Вены. 4 апреля 1812 года Йозеф, сын Анны Моравек, вдовы барского метрдротеля, умер в Вене, не достигнув восьмилетнего возраста. В записи о смерти указан адрес: „Schottenbastey Haus Nr. 115“. В городском справочнике Вены „Verzeichniß aller in der k. k. Haupt- und Residenz-Stadt Wien und sämmtlichen Vorstädten inner den Linien befindlichen numerirten Häuser“ отец Анны Моравек, Йозеф Махо, упоминается как владелец дома. Мария Махо умерла в этом доме в 1815 году. Так что после смерти мужа Анна Моравек с детьми жила вместе с родителями. После смерти Марии Махо дом был продан, Анна Моравек и дети, которые остались с ней и её отцом Йозефом Махо, переехали в арендованную квартиру на Кирхплац в пригороде Видена, дом № 540 (старая нумерация), дом № 180 (новая нумерация). Йозеф Махо умер здесь в 1817 году, это был адрес Юстины Моравек в 1820 году. 24 мая 1818 года в церкви Пауланцев (Paulanerkirche) в Видене Элизабет Моравек вышла замуж за одесского коммерсанта Иоганна Якоба Трюмпи (Johann Jakob Trümpy), который родился в Энненде (Ennenda), в швейцарском кантоне Гларус (Glarus). 16 августа 1819 года «г-жа Анна

Моравек, вдова метрдотеля князя Эстерхази» скончалась в возрасте 43 лет в винодельческой деревне Санкт-Файт (St. Veit) недалеко от Вены. Причина смерти, названная в церковном реестре «чахотка», указывает на туберкулёз. Предположительно, Анна Моравек переехала с места жительства за город ради чистого воздуха. Её похоронили не в Санкт-Файте, а на кладбище в Веринге (Währing), где также нашли последнее пристанище её родители: отставной российский метрдотель Йозеф Махо, умерший в Вене 23 июня 1817 года в возрасте 77 лет, и его жена Мария Махо, умершая в Вене 20 ноября 1815 года в возрасте 62 лет.

С начала XIX века жители Вены, искавшие себе более спокойные места захоронения, чем городское кладбище, выбирали кладбище Веринга. К 1830 году здесь было похоронено 450 иногородних, в основном жителей центра города. Конечно, только богатые могли позволить себе эту роскошь, потому что место для захоронения нужно было выкупить, а в деревенской церкви следовало провести поминки, то есть отпевание, для первого или по крайней мере для второго класса, за что взималась соответствующая плата. Со временем в Веринге были похоронены многие известные личности, например Людвиг ван Бетховен (1827 г.), Франц Шуберт (1828 г.), Иоганн Нестрой (Nestroy, 1862 г.), Франц Грилпарцер (Grillparzer, 1872 г.). На многочисленных надгробных памятниках сохранились надписи, посвящённые умершим, в том числе Марии и Йозефу Махо и их дочери Анне Моравек. Они напечатаны в первом томе серии Chronologische Epigraphik der Friedhöfe Wien's Э.М. Хампейса, Вена, 1833. Мария Махо: „Der Ewige prüfte sie durch schwere Leiden / Sie sprach: Du bist die Liebe, Gnädigster! / Geschehe stets dein Wille, Gott und Herr! / Nun starb die Hülle, doch die Seele lebt; / Die Edle schwebt / Empor zu Gottes ewigen Freuden“. Йозеф Махо: „Er ruht hier neben seiner lieben / Verehrten Gattinn; doch zu Gottes Thron / Stieg auf der Geist, wo er vom Ew'gen schon / Für seine Tugenden den Gnadenlohn / Ersteht – sich freudig kann in Tugend üben“. Anna Morawek: „Schön und edel war ihr Herz, / liebte seit der frühen Jugend / Ohne Schmeichelei die Tugend, / Linderte gern fremden Schmerz“. (Hampeis, op. cit. S. 44, 46, 47.)

Даже после смерти матери дочери Моравека всё ещё жили в Вене. Когда 20 июня 1820 года Юстина Моравек вышла замуж, её адрес в городском районе Виден (Wieden), дом № 180, был записан в церковной книге. Также в 1820 году София Моравек, после смерти своей сестры Марии ставшая второй женой Франца Бёма в 1824 году, принимала участие в художественной выставке в Вене в здании Австрийской императорской академии изящных искусств недалеко от Святой Анны. В печатном каталоге её работа находится на 17-й странице под номером 104: «Женский портрет. Автор Софи Моравек» (всего был 251 номер). Вероятно, картина была продана, потому что в 1924 году в каталоге аукциона 17–19 октября в Доротеуме в Вене она упомянута под номером 125a: «Девушка в красном платье сидит с корзиной для шитья. Холст, подпись: «Peint par Sophie Moraweck 1820» – 77:59 [размеры в сантиметрах], 1 200 000 [оценка в кронах]». Разумеется, в данной оценке необходимо учитывать инфляцию тех лет.

^{xxix} Из записей о смерти Марии Махо 20 ноября 1815 года (церковь „Unsere Liebe Frau zu den Schotten“) и Йозефа Махо 23 июня 1817 года (Paulanerkirche Wieden) в Вене видно, что Йозеф Махо был мужем Марии Махо, и эта пара Махо – родители второй жены Леопольда Моравека. Йозеф Махо охарактеризован в этих статьях как российский имперский метрдотель в отставке. Возможно, он был предшественником Леопольда Моравека или Моравек и Махо вместе служили при царском дворе. В записи о смерти Йозефа Махо указано, что он родился в Нойбистрице (Neubistritz, ныне Нова Быстрице) в Богемии, недалеко от границы Чехии с Австрией. Указанный возраст показывает, что он родился около 1740 года.

Примерно в это же время более 20 супружеских пар по имени Махо из деревень вокруг Нойбистрица, в основном фермеры, крестили детей в церкви Нойбистрица. Несколько мальчиков получили имя при крещении Йозеф.

Тот факт, что Леопольд Моравек умер в 1807 году, противоречит записи о смерти в приходской книге церкви Святого Петра в Вене, согласно которой «г-н Леопольд Моравек, бывший метрдотель» умер 23 мая 1808 года.

^{xxx} Эта запись в журнале регистрации смерти 1818–1830 годов Римско-католической церкви Святой Екатерины в Санкт-Петербурге не относится ко второй жене Леопольда Моравека, Анне, урождённой Махо. Пока неизвестно, есть ли связь между зарегистрированным здесь умершим и семьёй Леопольда Моравека.

^{xxxі} Жак Пьер Жозеф Роде (1774–1830) был французским скрипачом и композитором, который в качестве солиста путешествовал по многим европейским странам. С 1804 по конец 1807 года Роде работал при дворе царя Александра I в Санкт-Петербурге. В декабре 1812 года Роде познакомился с Бетховеном в Вене и сыграл на частных концертах скрипичную сонату № 10. В январе 1813 года он дал два публичных концерта в Вене.

^{xxxіі} Иоганн Якоб Трюмпи (Trümpy), муж Элизабет Моравек, умер в Одессе в апреле 1823 года, не достигнув 30-летнего возраста, оставив её с двумя маленькими девочками. Спустя всего несколько недель Катарина Моравек приехала на помощь своей внезапно овдовевшей сестре. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, планировалось ли замужество Катаринины давно или это было быстрое решение в непредвиденной ситуации. 27 мая 1823 года в Одессе Катарина Моравек вышла замуж за партнёра своего недавно умершего шурина, 25-летнего Иоганна Мельхиора Енни (Johann Melchior Jenny), также из Энненды в Швейцарии. Мельхиор и два его старших брата, Габриэль и Рудольф Енни, принадлежали к гильдии купцов Житомира. Около 1813 года вместе с Якобом Трюмпи они основали торговую компанию «Jenny, Trümpy & Co» с филиалами в Бердичеве и Одессе. Ещё с 1750 года их деды возили через Вену в Польшу прекрасные швейцарские текстильные товары. Затем их отцы, купцы Бальтазар Енни и Фридолин Трюмпи, открыли магазин в Бердичеве на Волыни и расширили свою деятельность, добавив оптовую продажу сельскохозяйственной продукции и древесины. Их торговая деятельность простиралась на весь юго-запад Российской империи, расширившуюся в результате второго раздела Польши в 1793 году. Компания «Jenny, Trümpy & Co» отправляла из Одессы собственные парусные суда, гружённые зерном и другой сельскохозяйственной продукцией, в порты Средиземного моря, Голландию и Англию, а обратными рейсами привозили железо и колониальные товары. Их штаб-квартира была в Бердичеве, торговом и деловом центре, известном своими многочисленными ежегодными ярмарками. Город был частным владением, в то время он принадлежал польскому князю Радзивиллу. В начале 1820-х годов компания «Jenny, Trümpy & Co» выкупила у разорившегося князя город Бердичев, не составив представления о размере его долгов (Ernst Jenny / Adolf Jenny. *Alt-Rußland und die Rußland-Glarner*. Glarus, 1932. S. 55–61). Семья Енни и Трюмпи принадлежали к швейцарской протестантской реформатской конфессии. В Восточной Европе они участвовали в жизни лютеранской церкви. С 1818 по 1820 годы Якоб Трюмпи был членом церковного совета и казначеем лютеранской общины в Одессе. Овдовевшая фрау Банкир Трюмпи пожертвовала 6000 рублей на строительство евангелическо-лютеранской церкви Святого Павла в Одессе в 1820-х годах.

В Одессе у Мельхиора и Катаринины Енни родились пять сыновей и две дочери: Габриэль (* 1824), Иоганн Фридрих (* 1826), Луи Ричард Генрих (* 1829), Герман Густав (* 1831),

София Юстина Катарина (* 1834), Луиза (* 1836) и Мельхиор Адольф (* 1840). Крёстным отцом Мельхиора Адольфа был Адольф Бём, городской врач Одессы, сын Франца и Марии Бём. Крестной матерью девочки, родившейся в 1834 году, была Юстина Червенка, урождённая Моравек, младшая, но уже овдовевшая сестра Катарины. Мельхиор Энни умер в 1846 году в возрасте 48 лет. Его жена Катарина умерла 28 мая 1845 года.

Материалы Государственного архива прусского культурного наследия в Берлине свидетельствуют о том, что торговая компания «Jenny, Trümpy & Co» столкнулась с серьёзными финансовыми трудностями в конце 1820-х годов. Говорят, что основной причиной шаткого финансового положения компании якобы были финансовые обязательства князей Радзивиллов, принятые при покупке Бердичева. В то же время филиал в Одессе понёс потерю нескольких судов и пострадал от падения цен на пшеницу (Jenny / Jenny, с. 59–64). В ноябре 1836 года газета *Wiener Zeitung* опубликовала сообщение, что Волинский гражданский суд призвал всех кредиторов бывших житомирских торговцев Габриэля и Рудольфа Энни и их супругов зарегистрировать свои требования к названным (*Oesterreichisch-Kaiserliche Privilegierte Wiener Zeitung* 1836, № 257, от ноября 9-е 1836 г., стр. 8). Как можно интерпретировать то, что Мельхиор Энни и его жена Катарина, урождённая Моравек, не были упомянуты в этом объявлении? Может быть, совместной компании в то время уже не существовало? Смог ли Мельхиор выбраться из долгов и заняться самостоятельной деятельностью? Тот факт, что Мельхиор Энни всё ещё был назван купцом в записи о крещении его младшего сына в 1840 году, но его статус не был указан в записи о его смерти в сентябре 1846 года, может быть связан с этими открытыми вопросами. В императорском указе от мая 1846 года о налогах на напитки с владельцев городов упоминается, что житомирский купец Рубинштейн был арендатором города Бердичев и имел претензии на сумму 400 000 рублей серебром к князьям Радзивиллам и банкирам Энни.

Сыновья Мельхиора и Катарины Энни стали известными и уважаемыми в регионе коммерсантами. После учебы в Бреслау (Вроцлав) Иоганн Фридрих Энни работал инженером, а затем директором на различных сахарных заводах. Он успешно заботился как о повышении урожайности свеклы, так и о рационализации промышленного производства сахара. С 1858 года Фриц Энни основал несколько сахарных заводов в Киевской и Херсонской губерниях в форме акционерных обществ. Он также сделал себе имя как пивовар и владелец пивоварен в Киеве и Одессе. На художественно оформленных рекламных щитах одесской пивоварни «F. Jenny & Co» рекламировалось семь различных сортов пива и говорилось, что пиво Энни поставляется во все уголки юга России, Кавказа и Дальнего Востока. Генрих, брат Фридриха, руководил пивоварней Jenny в Киеве. В руководстве сахарными заводами Фридриха также помогал его брат Габриэль. Юрг Даватц (Jürg Davatz, Glarus and Switzerland. Glarus 1991, p. 148) пишет: «Крупнейшей и наиболее важной швейцарской семейной компанией в царской империи была [...] коммерческая империя Jenny на юге России. За 50 лет они почти достигли монополии в производстве сахара». Пищевая компания «Энни Фудз» (Enni Foods), существующая сегодня в Одессе, ведёт свою историю от Мельхиора Энни.

Две дочери Якоба Трюмпи и Элизабет Моравек, Мария Юлия (* 1820) и Катарина Тереза (* 1822), вышли замуж в Одессе.

^{xxxiii} На надгробии Юстины в лютеранской части Смоленского кладбища есть даты её жизни: 6 июня 1800 г. – 14 марта 1881 г. Овдовев в юном возрасте, Юстина служила фрейлиной великих княжон в течение нескольких десятилетий. При уходе со службы она получила в подарок серебряный чайный сервиз с надписью «*Merci de coeur pour 35 années de bon*

services amicaux 1829–1864» (Сердечная благодарность за 35 лет доброй и дружелюбной службы 1829–1864 гг.). Этот сервис сохранила дочь Георга Кантора Эльза (Margarete Peters: „Lied eines Lebens 1875–1954“. Halle/Saale 1961, S. 8).

22 июня 1820 года Юстина Моравек вышла замуж за гобоиста и русского камерного музыканта Франца Иосифа Червенка (1788–1827) в Пауланеркирхе в венском районе Виден. Поскольку мать Юстины умерла 16 августа 1819 года, её опекун, венский оптовый торговец и фабрикант текстиля Габриэль Энни, должен был дать своё согласие на брак. Габриэль Энни (1784–1835) был двоюродным братом Иоганна Мельхиора Энни из Энненды в Швейцарии, замужем за которым с 1823 года была Катарина Моравек. Габриэль Энни жил в Вене примерно с 1800 года. В 1808 году он женился на дочери музыканта из Восточной Богемии Мартина Шлезингера (1754–1818), «который считается „одним из сильнейших виртуозов скрипки“ в дофилармонической музыкальной жизни Вены» (Hedy Svoboda. Der Geiger Martin Schlesinger und seine Fäden zu Ludwig van Beethoven und Franz Schubert. In: Studien zur Musikwissenschaft 47 (1999), S. 215). На заре своей карьеры Шлезингер был концертмейстером графа Антона Грассалковича (Grassalkovič) в Прессбурге. В начале 1790-х годов он поступил на службу к графу Йозефу Эрдеди (Erdödy) в качестве камерного музыканта и дирижёра. Когда граф Эрдеди был назначен королевским вице-канцлером Венгрии и ему пришлось переехать в Вену, Шлезингер переехал вместе с ним. Это было тогда, когда Леопольд Моравек и его семья вернулись в Вену из России. Возможно, Леопольд Моравек и Мартин Шлезингер издавна были знакомы, потому что у них было много общего: они были почти одного возраста, они приехали из Богемии, они служили у аристократов и – что, возможно, важнее всего – первая жена Моравека Анна Вандер и жена Шлезингера были дочерьми ремесленников из Прессбурга. Но, может быть, они впервые познакомились в Вене. Брак Терезии Шлезингер с Габриэлем Энни (Леопольд Моравек тогда был ещё жив) сблизил семьи Моравек и Энни. 24 мая 1818 года в Вене на свадьбе Элизабет Моравек с Иоганном Якобом Трюмпи Габриэль Энни и Мартин Шлезингер были свидетелями. В 1841 году газета Wiener Allgemeine Musik Zeitung напомнила, что Шлезингер был не только прекрасным скрипачом-виртуозом, но и имел неизгладимое педагогическое влияние: «С помощью им самим разработанного метода обучения он воспитал многих подающих надежды учеников [...]» (Svoboda, op. cit. S. 240). Ввиду всего изложенного напрашивается мысль, что Мартин Шлезингер мог сыграть ключевую роль в обучении Марии Моравек как скрипачки.

Франц Йозеф Червенка, муж Юстины Моравек, родился в Сюттере (Süttör). Здесь находилась Эстерхаза (Esterháza), венгерская летняя резиденция князя Николауса I. Эстерхази, где отец Франц Червенка (1745–1801) служил фаготистом. После смерти отца опекуном Франца Йозефа стал его дядя, гобоист Йозеф Червенка (1759–1835). Когда его мать умерла в Вене в 1812 году, Франц Иосиф Червенка был придворным музыкантом в Москве. В 1818 году он приехал в Петербург. В октябре 1818 года газета Allgemeine Musikalische Zeitung писала: «В конце прошлой зимы сюда прибыли скрипач г-н Маурер и гобоист г-н Франц Червенка, оба из Москвы. В ужасное время [имеется в виду война с Наполеоном] они бежали к сибирской границе с г-ном Всеволожским и прожили там пять лет». В апреле 1819 года газета «Allgemeine Musikalische Zeitung» сообщила о концерте Франца Червенка, члена Императорской русской капеллы, в Берлине: «Он исполнил концерт для гобоя Маурера и попури из русских песен Маурера на гобое. Он получил много аплодисментов, равно как и 12-го, когда в антракте в театре он исполнил вариации Маурера, в которых восхищались счастливым преодолением всех написанных композитором исполнительских

трудностей». 21 мая 1821 года (воскресенье Пятидесятницы) Франц Червенка, «только что вернувшийся из России с визитом», сыграл в музыкальном и декламационном вечере представлении в Kärntnertortheater. Седьмой номер программы представлял собой «популярный из русских песен, сочинённых г-ном Маурером и сыгранных на гобое г-ном Францем Червенка, членом царской русской капеллы. Виртуозное исполнение могло бы быть поддержано более яркой композицией, а более громкий инструмент позволил бы ему свободнее выразить исполнительскую мощь. Между тем его исполнение образцово и тонко, и артисты, посвятившие себя этому красивому, но трудному и, к сожалению, все более редкому инструменту, не могут быть выделены в достаточной степени, чтобы публика оценила это своими аплодисментами».

15 марта 1822 года именно Франц Червенка дал большой концерт в Санкт-Петербурге вместе с Францем и Марией Бём, и Людвигом Маурером. Муж Юстины Моравек, вероятно, умер в 1827 году, точная дата его смерти пока не известна. Неизвестно также, родились ли от брака дети.

^{xxxiv} Из подробной записи о браке в церковной книге собора Святого Стефана в Вене, где 23 июня 1810 г. венчался Людвиг Моравек, мы видим, что он происходил от первого брака Леопольда Моравека с Анной, урождённой Вандер, и родился в Санкт-Петербурге 29 марта 1788 году. Указано, что жених является «корреспондентом» оптовой компании Oswald Pacher & Co в Вене. Его отец упомянут как покойный г-н Леопольд Моравек, который был метрдротелем российского императора. Невеста, Терезия Барбара Штайн, указана как уроженка Вены, 22-летняя дочь покойного «городского торговца» Паула Штайна и его жены Кристины, урождённой Пехгарт. Вскоре после этого, 8 сентября 1810 года, супруги Моравек крестили своего сына Густава Людвиг в церкви Святого Стефана в Бадене недалеко от Вены. Здесь Людвиг Моравек, отец ребенка, указан как «бухгалтер в Вене».

^{xxxv} Сложно сказать, какая это была школа в Вене. Во всяком случае, согласно информации из университетских архивов, Людвиг Моравек не был зачислен в Венский университет. Возможно, он окончил Real-Handlungs-Akademie, основанную в 1770 году.

^{xxxvi} «В ночь с 11 на 12 августа бывший казначей района Митау, титулярный советник и кавалер Лонгин фон Моравек, который был заключён в тюрьму, скончался от затяжной болезни в замковой тюрьме в Митау в ту же ночь и час, когда два года назад он был арестован за крупную казённую растрату. Примечательно также, что тот же часовой, которого поставили перед тюрьмой, когда он был арестован, также дежурил в час его смерти» (Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv-, Esth- und Curland's Geschichte, Geographie, Statistik und Litteratur. 3 (1838), Nr. 34, Sp. [столбец] 552).

^{xxxvii} Записи о крещении десяти детей, шести сыновей и четырёх дочерей, супружеской пары Михаэля и Анны Бём (Böhm), урождённой Дорфмейстер (Dorfmeister), можно найти в томе 8 (Крещения 1774–1809 гг.) церковной книги Приходской церкви Успения Пресвятой Богородицы (Pfarrkirche Mariä-Himmelfahrt), расположенной в районе Бельварош в Пеште (Бельварош – центр Пешта). Это римско-католический приход, поэтому Бёмы были католиками. Таким образом, легкомысленное утверждение Эрика Темпл Белла о том, что Георг Кантор был «придерживающимся обеих сторон чисто еврейского происхождения», оказалось ложным. Дети Бёма в порядке их рождения: Иоганн Антон (11 апреля 1784 г.), Анна (20 декабря 1785 г.), Франциска (20 марта 1787 г.), Франц Ксавер (6 сентября 1788 г.), Катарина (23 октября 1789 г.), Стефан (3 мая 1787 г.), Карл

(6 октября 1793 г.), Михаэль Йозеф (4 марта 1795 г.), Карл (8 июня 1796 г.) и Терезия (5 октября 1799 г.). Имя «Бём» пишется „Pehm“ или „Behm“, а девичья фамилия матери иногда «Торфмайстер» („Torfmeister“). Только когда крестится самый младший ребёнок, в церковной записи отец назван музыкантом

^{xxxviii} В книге Constantin von Wurzbach: Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich, Band 2, Wien, 1857, и в третьем томе 18-томной венгерской энциклопедии «A Pallas nagy lexikona», 1893 г.

^{xxxix} Франц Бём был представлен отцом как «музыкальный вундеркинд». Его выступления привлекали внимание общества и были отмечены современной прессой. Из сообщений можно заметить, что Михаэль Бём, по всей видимости, всегда делал своего талантливого сына примерно на два года моложе, чем на самом деле. Самые ранние упоминания о выступлениях можно найти в репертуарных справочниках театров в Офене и Пеште за 1796 и 1797 годы. 22 февраля 1796 года состоялся «концерт и вариации на скрипке Франца Бёма, мальчика пяти с половиной лет, родившегося в Пеште». 4 января 1797 года юный скрипач-виртуоз дал концерт в Музыкальной академии в Пеште. В начале декабря 1797 года в Праге «единственное в своём роде удовольствие – услышать на скрипке семилетнего музыканта Франца Бёма, уроженца Венгрии [...]» (Prager Ober-Postamts-Zeitung от 5 декабря 1797 г.). Пять недель спустя, 10 января 1798 года, Франц отыграл концерт французского скрипача Paul Alday в Венском Бургтеатре во время перерыва в пьесе Коцебу «Граф фон Бургунд». Об этом в своём дневнике писал Йозеф Карл Розенбаум (1770–1829). 5 августа 1798 года Франц Бём дал «виртуозный концерт» на скрипке в рамках мероприятий для «удовольствия публики» на Reichsfriedenskongresses в Раштатте. В выпуске от 4 июня 1800 г. „Allgemeine Musikalische Zeitung“ (№ 36, Col. [столбец] 636) критически отзываясь о концерте в Лейпциге: «Франц Бём, скрипач, девяти лет, родился в Вене. Для своего возраста он быстро и удивительно смело разыгрывает сложные вещи; но обидно, что нежного ребёнка к этому понуждают прежде, чем его интонация станет ясной, а тон сформируется (не говоря уже о прочем). Тем не менее его игру действительно стоит послушать и увидеть».

К этому времени Михаэль Бём, вероятно, уже начал обучать скрипке своего младшего сына Йозефа. В репертуарном справочнике театров в Офене и Пеште за 1805 год объявлено, возможно, не первое совместное выступление двух талантливых братьев: 7 апреля 1805 года в Офене состоялась премьера кантаты «Timotheos» Петра фон Винтера, а в перерыве Франц и Йозеф Бём вместе дали скрипичный концерт.

^{xl} 19 октября 1826 года, в возрасте 31 года, Михаэль Йозеф Бём, член Императорской придворной капеллы и профессор Венской консерватории, обвенчался в соборе Св. Стефана в Вене с 19-летней Franziska Romana Huber, законной дочерью г-на Ferdinand Hubers, управляющего замком Эстерхази в Hacking, и его жены г-жи Йоханны, урождённой Obermeyer (Kirchenbuch Wien: St. Stephan, Trauungen 1825–1827, Doppelseite 66).

^{xli} Есть все основания полагать, что семья Моравек, покинувшая Санкт-Петербург примерно в середине 1801 года, жила в Вене до смерти Леопольда Моравека в мае 1808 года и что впоследствии вдова Моравек и её младшие дети также жили в Вене. Когда и при каких обстоятельствах музыкально одарённая Мария Моравек брала уроки игры на скрипке у Пьера Роде, точно неизвестно.

^{xlii} Петр Петрович Рамазанов (ок. 1800–1846) – русский скрипач. Был камерным музыкантом и солистом оркестра Петербургской императорской оперы.

^{xliii} Обучение Георга Кантора в Дармштадте, сначала в Realschule, затем в Höhere Gewerbschule, продолжалось три года и четыре месяца и было самым продолжительным непрерывным периодом его школьного образования. Согласно информации из Городского архива Дармштадта (Peter Engels), Кантор поступил во второй класс в начале учебного года в октябре 1858 года, но бросил школу 30 октября 1858 года и вернулся в класс на Пасху 1859 года. Поскольку Франкфуртская Gewerbschule посещалась ранее, т. к. упоминается при последующем зачислении, вероятно, Кантор провёл там зиму 1858/59 года. В 1859/60 учебном году он учился в I классе в Дармштадте. В годовом отчёте за 1859/60 год «Цель и создание Realschule» определены следующим образом: «Её главная цель [...] – высшее гуманитарное образование с учётом современных требований к будущей производственной или технической деятельности. Эта школа [...] является подходящей подготовительной школой для тех, кто намеревается однажды поступить в высшее техническое училище. Realschule состоит из шести классов [...] Поступление в шестой или самый низкий класс происходит в возрасте 10 лет [...]». В I и II классах Realschule изучались религия, немецкий язык и история, французский, английский, физика и химия, география, математика, рисование и гимнастика. Также предлагались уроки латинского языка. В годы обучения Георга Кантора директором Realschule Дармштадта был Э. Кюльп. Эдмунд Кюльп (1801–1862) имел степень доктора математики и учительскую квалификацию в математике и физике. Кюльп отредактировал немецкую версию учебника по математике Франкёра (Louis-Benjamin Francœur) и написал учебник по экспериментальной физике для использования при обучении в Höhere Gewerbschule. Сын Кюльпа, Людвиг, в то время ещё кандидат на преподавание, был учителем Кантора по математике и физике в первом классе Realschule. Фридрих Шеффер (Friedrich Schäffer) преподавал немецкий язык, историю и географию в первом классе и был классным руководителем; он же вёл дополнительные уроки латинского языка для продвинутых учеников. Все школьные годы в Дармштадте Георг Кантор жил и питался у доктора Шеффера на Niederramstädter Weg. До школы было недалеко: Realschule и Höhere Gewerbschule располагались в здании на Капельштрассе. Кантор окончил Realschule в августе 1860 года.

Брат Георга, Луи (Людвиг Густав), младше его на год, тоже отучился несколько лет в Realschule Дармштадта. Он поступил одновременно с Георгом 9 мая 1859 года после пасхальных каникул 1858/59 учебного года и жил вместе с ним у доктора Шеффера. Луи посещал IV класс, затем в 1859/60 учебном году учился в III классе и ушел после обучения во II классе в 1860/61 учебном году (Priv. Mitt. [личное сообщение] Peter Engels, Stadtarchiv Darmstadt). Отец навестил Георга и Луи в Дармштадте во время своей железнодорожной поездки в Швейцарию в середине июня 1861 года и написал своей жене, жившей во Франкфурте с двумя младшими детьми: «Я нашёл наших мальчиков красивыми и чистыми; чтобы доставить мне большее удовольствие, им заранее остригли волосы» (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 36: 1, Nr. 5). Не ясно, где предполагалось дальнейшее обучение Луи, но в письме отца к Георгу 21 ноября 1861 года говорится: «[...] мы часто советуем ему [Луи] развлечься и провести время с математическими задачами, как это часто делаешь ты. Да, прежде мы его не уговаривали. Если ты напишешь ему несколько строк, спроси, не присылать ли ему несколько математических формул и задач для решения и развлечения, или иным образом посоветуй ему, какие произведения читать!» (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 35, Nr. 1).

^{xliv} 8 октября 1860 года, после шестинедельных осенних каникул, Георг Кантор поступил в Высшую промышленную школу (Höhere Gewerbschule) Великого герцогства Гессен

в Дармштадте. Это учебное заведение было основано в 1836 году. У её истоков стоял д-р Эдмунд Кюльп, учитель математики и физики, личность, сформировавшая характер школы и её академические стандарты. Вместе с Теодором Шахтом (Theodor Schacht), её первым директором, преемником которого он стал в 1848 году, Кюльп старался вывести школу на академический уровень. В программе на 1860/61 учебный год, стр. 3–4, можно найти следующее описание: «Местное высшее промышленное училище является [...] высшим техническим учебным заведением, как того требует новое образование. Школа – это не просто реальная гимназия (Realgymnasium), [...] скорее настоящая политехническая школа, цель которой – обучать всех тех юношей, которые хотят посвятить себя более высокой промышленности [...] Школа состоит из двух так называемых общих классов и четырёх классов специальных предметов [...] Два общих класса, которые служат общей подготовительной школой для четырёх следующих специальных классов, должны рассматриваться частично как расширение, а частично как прямое продолжение высшего реального класса. В этих двух классах преобладает реальное образование, но не упускается из виду и высшее гуманитарное образование». В общих классах преподавались следующие предметы (в скобках указано количество часов в неделю). Низший общий класс: арифметика и алгебра (4), планиметрия, стереометрия, плоская и сферическая тригонометрия (4), начертательная геометрия (4), рисование от руки (4), введение в химию (3), историю и географию (3), немецкий (4), английский (3), французский (3), религия (2), повторение в математике (4), ботанике и зоологии (4). Высший общий класс: алгебраический анализ по учебнику Эдмунда Кюльпа (2), аналитическая геометрия на плоскости по учебнику Филиппа Фишера (4), начертательная геометрия (4), рисование от руки (4), химия металлов (3), экспериментальная физика по учебнику Эдмунда Кюльпа (4), история (3), немецкий (2), английский (3), французский (3), религия (2), повторение по математике (4). Для того чтобы адекватно выполнить переход от высшего общего класса к специализированным классам и в то же время установить определённую цель подготовки к высшей области реальных занятий в целом, учащиеся высшего общего класса, если они успешно окончили его, должны сдать собственный экзамен на аттестат зрелости. Этот экзамен, известный как «реалистичный экзамен на аттестат зрелости» (realistische Maturitätsprüfung), проводится в конце каждого учебного года штатными учителями высшего общего класса и охватывает следующие предметы: 1. Математика вплоть до алгебраического анализа и аналитической геометрии плоскости; 2. Экспериментальная физика и неорганическая химия; 3. Немецкий, французский и английский языки; 4. Всеобщая всемирная история и история немецкой литературы [...]. Сертификат, выданный после сдачи реалистичного экзамена на аттестат зрелости, даёт его владельцу право без дополнительных экзаменов посещать: 1) строительный и технический классы; 2) химический или механико-технический классы; 3) лесные школы или высшие горные школы; 4) университет, чтобы посвятить себя камералистике или преподаванию математики и естественных наук в Realschule, Gymnasium (Там же, с. 4–5).

Учителями математики Георга Кантора в Höhere Gewerbschule были д-р Рудольф Дрезер (Rudolph Dreser) в нижнем классе и д-р Филипп Фишер (Philipp Fischer) в высшем классе. Они же были классными руководителями. Оба были математиками с докторской степенью, причём Фишер был автором ряда учебников и монографий по различным областям математики. Учитель химии д-р Филипп Бюхнер (Philipp Büchner) был помощником Юстуса фон Либиха (Justus von Liebig) в Гиссене. Надворный советник д-р Генрих Кюнцель (Heinrich Künzel) давал уроки истории, немецкого и английского языков, а также дополнительные

уроки латыни. Кюнцель был другом поэта Генриха Гейне, с которым познакомился в Париже. О прощании с ним Гейне писал в альбом и поддерживал с ним переписку во время пребывания в Лондоне в период 1838–1841 годов. Герхард Мюллер-Швеве (Gerhard Müller-Schwefe) в своей книге „Deutsche erfahren England: Englandbilder der Deutschen im 19. Jahrhundert“. Tübingen 2007, S. 107, придерживается мнения, что Кюнцель занимает «почётное место среди тех немецких личностей, которые приложили значительные усилия к активизации германо-английских отношений».

Сохранились регистрационные книги и журналы оценок 1860/61 и 1861/62 учебных годов, из которых можно получить представление об успехах Георга Кантора в Höhere Gewerbschule. В старших классах (1861/62 учебный год) д-р Филипп Фишер, учитель математики, во время зимних каникул пишет о Канторе такие слова: «Работал с очень хорошими успехами. Вполне удовлетворительно». В пасхальные каникулы: «С лёгкостью досконально усваивает уроки математики. Так что прогресс очень хороший». Генрих Кюнцель обучал Кантора четырём предметам и отметил во время пасхальных каникул: «История: в целом хорошие знания. Вполне удовлетворительное внимание и трудолюбие. Немецкий: Его стилистическое образование вполне достаточное и достигло определённой независимости выражений. Его работа была уверенной. Английский: Хорошие знания и удовлетворительная работа. Латинский: В целом хорошо». В общем, учителя были довольны Георгом Кантором. Учитель французского Георг Фишер, преподававший Кантору в Реальной школе и Высшей промышленной школе, единственный, кто неоднократно жаловался на недостаточное усердие ученика. Имеются черновики выпускного и аттестата зрелости, например, пометка: «Он проявил себя очень талантливым и чрезвычайно амбициозным учеником. Его поведение было хорошим. D[arm]st[adt] d[en] 21. August 1862. Dr. F[ischer].». Вводная: «Ранее посещал Великую герцогскую реальную школу в Дармштадте, а затем 8 октября 1860 года был переведён в нижнее общее отделение Высшей промышленной школы Великого герцога в Дармштадте, которую он посещал в течение всего года; 14 октября 1861 г. он был переведен в высшее общее отделение этого учреждения, в котором оставался до конца годового курса 22 августа 1862 г.». На первой странице классного журнала 1861/62 года отмечены близорукие ученики и те, кто носит очки, кому следует сесть на первую или вторую скамейку. Кантору определена первая парта как близорукому без очков.

Нельзя не упомянуть особую деталь из школьных дней Георга Кантора в Дармштадте, а именно его членство в корпорации, т. е. ученической ассоциации. Кантор присоединился к существующей корпорации Arminia в Высшей промышленной школе Дармштадта, когда он поступил в школу в начале 1860/61 учебного года. Формально ученические ассоциации, подобные университетским, были запрещены властями. Местная школьная администрация и полицейские управления, по-видимому, изначально позволяли студенческой корпорации действовать по своему усмотрению и принимали меры только тогда, когда эта деятельность оскорбляла общественное мнение, вызывала раздражение и, конечно же, когда члены позволяли себе говорить о политике. Тогда деятельность корпорации приостанавливалась, т. е. корпорация бывала распущена или вынуждена была самораспуститься. Как правило, она вскоре возобновляла свою деятельность под другим названием. Корпорация Hassia Darmstadt была основана в 1840 году в Höhere Gewerbschule и была распущена в 1856 году «после резкого вмешательства соответствующих властей» (Lönnecker, Rolantia / Arminia, s. 12). 19 августа 1857 года бывшие члены Хассии основали корпорацию Арминия. Несколько днями ранее, 11 августа 1857 года, была основана Ролантия, которая с июля

1859 года называлась также корпорацией и была переименована в Арминию. Документы корпораций Ролантии и Арминии были найдены в одном частном архиве весной 2012 года и были оценены Харальдом Лённекером (Harald Lönnecker): „*Rolantia/Arminia Darmstadt (1857–1864) – Ein Beitrag zur Frühgeschichte technischer Studentenvereinigungen*“ (Einst und Jetzt. Jahrbuch des Vereins für corpsstudentische Geschichtsforschung 59 (2014), S. 315–382). Вопрос о том, идентичны ли Hassia, продолжавшаяся как Arminia и Rolantia/Arminia, пока остаётся без ответа, потому что других документов, кроме архивных материалов Rolantia/Arminia, не существует. Однако тот факт, что члены корпорации Ролантия/Арминия носили зелёно-бело-красные цвета Хассии, говорит в пользу их идентичности. Согласно найденным документам, Георг Кантор, прозвище которого в корпорации было «Hutchen» (маленькая шляпа), стал «Fuchs» 3 ноября 1860 года и «Bursche» 11 мая 1861 года в корпорации Arminia. До сих пор о членстве Кантора было известно только из писем его отца, который не скрывал своего мнения о внеклассных развлечениях сына. 9 мая 1861 года он написал Георгу: «Пойми же наконец сам и проникнись собственным убеждением в тех огромных недостатках, которые вам должно принести преждевременное потакание повседневному делам этой ленивой жизни обезьяней корпорации [...]» (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 35, Nr. 1). Возможно, родители насторожились только из-за записи в пасхальном аттестате Георга, в которой, особенно по математике, говорится: «Не работает достаточно и не успевает из-за того, что развлекается вне школы». 17 июня 1861 года Георг Вольдемар Кантор писал в дороге из Базеля жене во Франкфурт: «По твоей просьбе я беседовал с директором в Дармштадте. То, что попросила меня увидеть его, было хорошей идеей. [...] В целом он вполне доволен Георгом, только также говорит, что он стал небрежным из-за уроков танцев прошлой зимой, но теперь, похоже, он заметно исправляется. Между прочим, он не хочет, чтобы Георг знал о нашей беседе... и хочет заботиться о нем по-дружески, особенно в будущем!» (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 36: 1, Nr. 5). Вмешательство отца в виде письма к сыну и личная беседа с руководством школы возымели немедленный эффект: 15 июня 1861 года уход Георга из корпорации зафиксирован в актах Ролантии/Арминии. 10 июля 1861 года отец похвалил его: «Поэтому я от всей души поздравляю тебя с твоим твёрдым решением покинуть корпорацию, и я тем более рад этому, потому что я полностью понимаю, как трудно тебе в твоём возрасте принять добровольное мужское решение! И у меня есть ещё больше причин радоваться этому, потому что твоё решение не было вызвано запретом или приказом, исходящим от меня» (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 35, Nr. 1). Во время ухода Кантора из корпорации Ролантия/Арминия уже произошло то, что облегчило его шаг: Ролантия/Арминия была распущена 21 августа 1861 года. Возможно, для родителей Кантора осталось неизвестным, что их сын «участвовал в обновлении Арминии 28 февраля 1862 года и был избран xx-Chargirter (уполномоченным) 29 [sic!] февраля 1862 года и сохранил это звание до 7 марта 1862 года» (Lönnecker, Rolantia/Arminia, s. 37). В записях зарегистрирован один эпизод того периода, который подчеркивает характер Кантора. Летом 1862 года в пивной вечер Георг Кантор отказался снимать фуражку, пока пели строфу «Брат покинул нас» из песни «Братья! Поднимите лезвия!» („Brüder auf! Erhebt die Klingen!“), после чего член корпорации попросил его об этом. На следующем собрании 6 июля 1862 года «это прозвучало, и Кантор заявил, что он не будет обезьяной перед другими и никогда таковой не станет; это вздор. Он не позволил себя отговорить и настоял на своём» (Lönnecker, Rolantia / Arminia, s. 20 и далее). Выход Кантора

из корпорации произошел 23 августа 1862 года с окончанием двухгодичного обучения в Höhere Gewerbschule. Прощаясь, он заявил, что собирается «в Цюрих изучать философию в университете и присоединится к корпорации Балтика (Lönnecker, Rolantia/Arminia, s. 37). Фактически Кантор не числится среди членов «Балтики Цюрих».

Большое значение, которое Кантор придавал своему обучению в двух учебных заведениях Дармштадта, можно увидеть из того факта, что он специально упомянул об этом в биографии к своей диссертации: «Darmstadiæ scholam realem, deinde scholam polytechnicam, quæ rectore beato Pr. Dr. Külp florebant, quatuor per annos frequentavi, ubi anno MDCCCLXII testimonium maturitatis adeptus sum» (В Дармштадте у меня была реальная школа, а затем политехническая школа, процветавшая под руководством своего ректора, благословенного профессора доктора Кюльпа, в течение четырёх лет. Там в 1862 году я получил аттестат зрелости (Georg Cantor. Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts. Herausgegeben von Ernst Zermelo. Berlin 1932, s. 31).

^{xlv} Причиной начала обучения в Цюрихе могло быть то, что сертификат, полученный Георгом Кантором при прохождении реалистичного испытания на зрелость (realistische Maturitätsprüfung) в Höhere Gewerbschule в Дармштадте, не давал права посещать философский факультет немецкого университета без ограничений, например Университет великого герцога Гессенского в Гиссене для изучения математики.

^{xlvi} Этот документ, найденный в архиве дочери Георга Кантора Эльзы, певицы и учителя пения, упоминает Маргарет Петерс в своей биографии Эльзы Кантор «Песня жизни 1875–1954» (Margarete Peters „Lied eines Lebens 1875–1954“ Halle / Saale 1961, стр. 6). По всей видимости, дата не указана, и неизвестно, приложен ли этот документ к письму Георга Вольдемара сыну Георгу или сохранился в силу других обстоятельств. Отец Георга Кантора не является автором этих строк, но он взял их из книги Вольфганга Менцеля «Дух истории» (Wolfgang Menzel: „Geist der Geschichte“. Stuttgart, 1835 г., стр. 34). Тот факт, что Георг Вольдемар скопировал текст отрывка почти дословно, доказывает, что он что-то значил для него, и подчеркивает его чтение и широкий круг его интересов. Вольфганг Менцель (1798–1873) был немецким литературоведом и писателем.

^{xlvii} Теодор Шеффер (Theodor Schäffer, 1839–1914) был сыном доктора Фридриха Шеффера, с которым Георг и Луи Кантор жили в школьные годы в Дармштадте. В то время Теодор уже изучал гражданское строительство и, очевидно, являлся Георгу, который был на шесть лет младше его, образцом для подражания. В 1872 году Теодор Шеффер получил кафедру инженерии в Политехническом университете (Polytechnikum) в Дармштадте, с 1877 по 1879 год он был первым ректором Дармштадтского университета прикладных наук (Technische Hochschule), с 1880 года он отвечал за строительство в Министерстве финансов Великого герцогства Гессен.

^{xlviii} 9 октября 1862 года Георг Кантор поступил на философский факультет Цюрихского университета. В то же время он был также зарегистрированным слушателем в Федеральном политехническом институте (Eidgenössisches Polytechnikum), который открылся в 1855 году. Сохранился «список слушателей» на летний семестр 1863 года. Под порядковым номером 51 «Кантор, Г.; Петербург. Приведены номера выбранных курсов: 18, 19, 13, 14, 61, 125». «Программа федеральной политехнической школы на летний семестр 1863 года. С 13 апреля по 15 августа» позволяет идентифицировать эти курсы. 18 и 19 – лекции по физике профессора д-ра Рудольфа Клаузиуса (Rudolf Clausius): Экспериментальная физика в техническом приложении (4 часа в неделю),

введение в математическую физику и теорию упругости (4 часа в неделю); 13 и 14 – лекции по математике проф. д-ра Элвина Бруно Кристоффеля (Elwin Bruno Christoffel): дифференциальное и интегральное исчисление, продолжение (3 часа в неделю) и аналитическая геометрия в пространстве (3 часа в неделю); 61 – это лекция проф. д-ра Густава Адольфа Кеннготта (Gustav Adolf Kenngott): Кристаллография (2 часа в неделю); 125 – это лекция проф. Густава Цойнера (Gustav Zeuner): Техническая механика (6 часов в неделю). К сожалению, список слушателей на зимний семестр 1862/63 недоступен. В письме Георга Вольдемара Кантора сыну от 31 декабря 1862 года в Цюрих профессор Кристоффель упоминается так, что можно сделать вывод, что Георг рассказал о нём своему отцу. Очевидно, Георг Кантор услышал начала дифференциального и интегрального исчисления от Кристоффеля. Кристоффель в качестве преемника Рихарда Дедекинда появился в Polytechnikum после зимнего семестра 1862/63 года. Но какие курсы Кантор посещал в университете? Поскольку он жил с Карлом Генрихом Греффе (Gräffe), экстраординарным профессором математики (Purkert & Ilgauds, стр. [21]), можно предположить, что он посещал его лекции по крайней мере из соображений приличия. Греффе в течение трёх часов читал в зимнем семестре 1862/63 года. «Метод наименьших квадратов» и летний семестр 1863 года. «Аналитическая геометрия на плоскости». По-видимому, Георг Кантор сообщил своему отцу о своём занятии в октябре 1862 года. 28 октября отец ответил, что «искренне рад видеть, что ты посещал астрономический курс. В любом случае это предмет, который нужно изучать широко и который становится всё более и более увлекательным при более близком знакомстве. Физик и математик, который не занимается также астрономией, кажется мне чем-то немислимым!» (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 35, Nr. 1). Иоганн Рудольф Вольф (Johann Rudolf Wolf) представлял астрономию как в университете, так и в Polytechnikum, и его лекции «Элементы астрономии», которые он продолжил в летнем семестре 1863 года, по-видимому, предназначались для студентов обоих университетов. Физик Клаузиус (Clausius) и минералог Кеннготт (Kenngott) также занимали кафедры в обоих университетах, которые в то время были тесно связаны и с 1864 года находились в недавно построенном здании. Даже не зная, какие лекции Кантор посещал в университете, создается впечатление, что его ранние исследования в Цюрихе ещё не были сосредоточены на математике, но также давали много места физике и, в частности, области применения математики и технике. Было ли это связано с желанием отца или 17–18-летний студент всё ещё искал себя? Помимо этого, из намёков в письмах его отца можно сделать вывод, что Георг Кантор проявлял склонность к изучению общих наук. Он обращается к «лекциям Фишера о Шекспире» или «Ромео и Джульетте» – вероятно, Георг сообщил ему из лекции Фридриха Теодора фон Фишера (Theodor von Vischer) «О драмах Шекспира» (3 часа в неделю). Также можно узнать, что за очень короткое время у Георга Кантора сложились личные отношения с историком искусства Вильгельмом Любке (Wilhelm Lübke), который преподаёт в Polytechnikum. «[...] Ты можешь себе представить, как мы счастливы, что ты попал в круг интеллектуальной аристократии, такой, как круг проф. Любке» (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 35, Nr. 1), – писал отец Георгу в декабре 1862 года. В письме отца Георгу от 1863 года даже говорится о совместном исполнении музыки: «Если твоё исполнение на скрипке было хорошо принято Любке, то я советую тебе спросить его, может быть, он согласится сыграть

с тобой A-dur-сонату [Бетховена?]]» (Собрание рукописей Г. Кантора в Геттингенском университете. 35, Nr. 1). В письме 1863 года можно также прочесть, что Георг Кантор брал частные уроки греческого языка у г-на Томанна – возможно, учителя гимназии Иоганна Конрада Томанна (Johann Conrad Thomann).

После смерти отца Георг Кантор покинул Цюрихский университет с общим отчетом (Generalzeugnis) от 17 июня 1863 года. Общий отчет свидетельствует о прилежании, с которым были посещены лекции, и дает информацию о нравственном поведении.

^{xlix} См. Комментарий к основному тексту. Пребывание Эстер Кантор в Санкт-Петербурге в 1925 году определённо не связано напрямую с кризисом, вызванным морским сражением под Копенгагеном (1801 год) или британской бомбардировкой Копенгагена (1807 год) в датской столице. После смерти своего первого мужа Моисея Леви 21 марта 1807 года и ее второго брака с Липманом Кантором 31 октября 1811 года Эстер еще несколько лет жила в Копенгагене. Неизвестно, когда она и некоторые из её детей отправились в поездку в Санкт-Петербург, предшествовавшую инциденту, задокументированному здесь в 1825 году. Также неизвестна длительность пребывания Эстер в Петербурге.

¹ В литературе часто говорится, что [математик] Генрих Эдуард Гейне является двоюродным братом писателя Генриха Гейне (1797–1856). По мнению Института Генриха Гейне в Дюссельдорфе, это утверждение неверно. Вероятно, именно эта предполагаемая связь, среди прочего, во времена фашизма была причиной проверки арийского происхождения [Эдуарда] Гейне» (<http://disk.mathematik.uni-halle.de/history/heine/index.html>).

Список лиц, упоминаемых в тексте

Агрикола Луиза-Людовика, Agricola, – супруга Йозефа Гримма-старшего, мать Йозефа Гримма.

Адамар Ж. (1865–1963), Hadamard, – французский математик.

Аделунг Ф. (1768–1843), Adelung, – петербургский историк, философ и библиограф.

ДАкоста Ян (Лакоста), d'Acosta, – выходец из Португалии, из семьи евреев (марранов), бежавших от инквизиции. С 1714-го – придворный шут Петра I.

Александр I (1777–1825) – российский император в 1801–1825 годах, сын Павла I.

Александра Павловна (1783–1801) – великая княгиня, дочь Павла I.

Андерсон Ф. М., Anderson, – в середине XIX века агент торгового дома Сарептского общества.

Андерсон М., Anderson, – петербургский купец.

Анна Иоановна (1693–1740) – российская императрица в 1730–1740 годах.

Антреп И. Р. (1798–1860) – российский генерал-адъютант.

Апраксин (инициалы неизвестны).

Аракчеев А. А. (1769–1834) – государственный и военный деятель Российской империи.

Арнольд И. В. (1900–1948) – российский математик.

Арто А. (1815–1845), Artot, – бельгийский скрипач и композитор. Выступал в России в 1836–1842 годах.

Ауэр Л. С. (1845–1930), Auer, – скрипач, педагог, дирижёр. В 1868–1917 годах преподавал в Петербургской консерватории.

Барлх (Barlh) – венский вокалист XIX века.

Банах С. (1892–1945), Banach, – польский математик, основатель львовской школы, создатель функционального анализа.

Банзе Г. – датская подданная.

Баранов – петербургский купец.

Барсов Н. Г. – инспектор Петербургского университета.

Бартенева П. (1811–1872) – русская певица, камер-фрейлина двора.

Батов Иван А. (1767–1841) – русский мастер музыкальных инструментов.

Бахман Д. (ум. 1811) – петербургский камер-музыкант, виолончелист.

Бахметев Н. И. (1807–1891) – генерал-майор, музыкант-любитель, скрипач и композитор, ученик Франца Бёма, директор Придворной певческой капеллы с 1861 по 1883 год.

Бахрих С. (1841–1913), Bachrich, – австрийский композитор, скрипач, альтист.

Белинский В. Г. (1811–1848) – российский литературный критик.

Белл Э. Т. (1883–1960), Bell, – американский математик, историк математики, писатель-фантаст.

Бенбек – петербургский врач.

Бендер Ф. и В. (1801–1873), Bender, – бельгийские кларнетисты, выступали в Петербурге в 1825 году.

Бенкендорф А. Х. (1781–1844) – российский военачальник, генерал от кавалерии, шеф жандармов и главный начальник III отделения собственной его императорского величества канцелярии.

Бенуа Луи Жюль (1772–1822), Benois, – метрдотель.

Бенуа Н. Л. (1813–1898) – российский архитектор.

Берендхоф (Берендгоф) Р. И. (род. в 1827), Berendgof, – петербургский график.

Берио Ш. О. (1802–1870), Berio, – бельгийский скрипач и композитор.

Берлиоз Г. (1803–1869), Berlioz, – французский композитор и дирижёр. Выступал в России в 1847, 1867–1868 годах.

Бернгард А. Р. (1852–1908) – петербургский музыкальный деятель. С 1898 по 1905 год директор консерватории.

Бернулли Даниил I (1700–1782), Bernoulli, – физик, математик. Работал в Санкт-Петербурге в 1725–1733 годах.

Бернулли Николай II (1695–1726), Bernoulli, – математик и механик. С 1725 года работал в Санкт-Петербурге. Академик Петербургской академии наук.

Бернулли Якоб II (1759–1789), Bernoulli, – математик и механик, с 1786 по 1788 год в Санкт-Петербурге. Академик Петербургской академии наук.

Бернштейн С. Н. (1880–1968) – российский математик.

Берс А. А. (1844–1921) – сын А. Е. Берса.

Берс А. Е. (1807–1871) – коллежский асессор, штаб-лекарь, петербургский театральный доктор.

Бетховен Людвиг ван (1770–1827), Beethoven, – великий немецкий композитор, представитель венской классической школы.

Бём Адольф – сын Франца и Марии, служил врачом в Одессе.

Бём Александр – петербургский скрипач начала XIX века.

Бём Анна, урождённая Дорфмейстер, – мать Франца и Йозефа Бём, прабабушка Георга Кантора.

Бём Анна (Аннетта; ок. 1815–1903), в замужестве Вейс (Weiss), – дочь Франца Бёма и Марии Моравек; камер-юнгфера (младшая фрейлина) при дворе великой княгини Марии Николаевны.

Бём Елизавета (Барсова) (род. 1868) – дочь Людвиг Бёма и Елизаветы Бём (Эндауровой).

Бём Елизавета Меркурьевна (1843–1914), урожд. Эндаурова (Эндаурова), – художница, жена Людвиг Бёма.

Бём Иван – московский скрипач XVIII века.

Бём Йозеф (1795–1876), Böhm, Boehm, – скрипач и композитор, основатель венской скрипичной школы, профессор Венской консерватории, брат Франца Бёма.

Бём Людвиг (1825–1904) – сын Франца Бёма и его второй жены, Софии Моравек, дядя Георга Кантора; скрипач и профессор Санкт-Петербургской консерватории.

Бём Максимилиан – сын Франца Бёма и Софии Бём (Моравек).

Бём Михаэль – венгерский скрипач, капельмейстер, отец Франца и Йозефа Бём, прадед Георга Кантора.

Бём София-младшая (род. между 1821 и 1823) – дочь Франца Бёма и Марии Бём (Моравек).

Бём София-старшая, урожд. Моравек, – см. Моравек София.

Бём Франц, Böhm, Boehm (1788–1846), – скрипач и композитор, с 1816 по 1846 год первый концертист (солист) Императорских театров в Санкт-Петербурге, отец Марии Бём, дед Георга Кантора.

Бём Юлия – дочь Франца Бёма и Софии Бём (Моравек).

Бёме Яков (1575–1624), Böhme, – немецкий христианский мистик, теософ.

Биддүльф Петер (Peter Biddulph) – реставратор и мировой дилер струнных инструментов.

Бирон Екатерина (1793–1813) – первая жена Михаила Виельгорского.

Бирон Луиза (1791–1853) – вторая жена Михаила Виельгорского.

Бирюков П. И. (1860–1931) – публицист и общественный деятель, биограф Л. Толстого.

Бичурин (отец Иакинф; 1777–1853) – архимандрит Русской православной церкви, дипломат, востоковед, путешественник.

Блюдов Д. Н. (1785–1864) – граф.

Больцано Б. (1781–1848), Bolzano, – чешский математик и теолог.

Борель Э. (1871–1956) – французский математик.

Бороздина А. Н. (1809/10–1877) – фрейлина императорского двора.

Бортнянский Д. С. (1751–1825) – русский композитор и дирижёр, с 1796-го директор Придворной певческой капеллы.

Брандер Э. Ф. – финский сенатор.

Брандт (Брант) Вильгельм-младший (1802–1857) – петербургский купец, торговый партнёр Сарептского дома.

Брандт Г. (Brandt) – исследователь XX века из Галле.

Брем Готгард Альберт – датский чиновник XVIII века.

Бренна В. (1745–1820), Brenna, – итальянский архитектор. Работал в России в 1783–1802 годах.

Брод Г. (1801–1839), Brod H., – французский гобоист.

Брокгауз Ф. А. (1772–1823), Brockhaus, – немецкий издатель, основатель фирмы энциклопедических словарей.

Брюлов К. П. (1799–1852) – русский художник.

Буальдьё А. (1775–1843), Boieldieu, – французский композитор и педагог. В 1804–1810 годах работал в Санкт-Петербурге.

Букреев Б. Я. (1859–1962) – математик, работал в Киеве.

Булант А. (1750–1821), Bulant, – петербургский камер-музыкант, фэготист, композитор.

Булахов П. А. (1793–1835) – русский певец (тенор), автор романсов. В 1821–1832-м пел в Москве, концертировал в Санкт-Петербурге.

Булгаков М. А. (1891–1940) – русский писатель.

Булгарин Фаддей (1789–1859) – петербургский писатель и журналист.

- Булль Уле* (1810–1880), Буль, Bull, – норвежский скрипач и композитор. Гастролировал в России в 1838, 1841, 1866 и 1867 годах.
- Бурали-Форти Ч.* (1861–1931) Burali Forti, – итальянский математик.
- Буше Ф.* – адъюнкт математики Педагогического института.
- Бьёркстен Б. У.* – финский сенатор.
- Бэкон Ф.* (1561–1626), Bacon, – английский философ и историк.
- Бэр Р.* (1874–1932) – французский математик.
- Вайс, Weis,* – венский скрипач XIX века.
- Валли Мария Софи Гуттманн* (1849–1923), Guttman, – жена Георга Кантора, музыкант.
- Верстовский А. Н.* (1799–1863) – композитор, ученик Франца Бёма.
- Валтер* – пастор лютеранской церкви Св. Екатерины в Санкт-Петербурге.
- Вальберх И. И.* (1766–1819) – петербургский балетмейстер.
- Вальгейм И.* – финский сенатор.
- Васильев А. В.* (1953–1929) – русский математик, издатель.
- Васильчиков И. В.* (1776–1847) – князь, генерал от кавалерии, председатель Комитета министров и Государственного совета в 1838–1847 годах.
- Вебер Вильгельм* (1804–1891), Weber, – немецкий физик.
- Вебер Карл Мария фон* (1786–1826), Weber, – немецкий композитор и дирижёр.
- Вейерштрасс К.* (1815–1897), Weierstrass, – немецкий математик, создатель современного математического анализа.
- Венивитинов М. А.* (1844–1901) – русский писатель и композитор, внук Михаила Виельгорского.
- Венявский Г.* (1835–1880), Wieniawski, – польский скрипач, педагог и композитор. В 1860–1872-м придворный солист в Санкт-Петербурге. В 1862–1868 годах профессор Петербургской консерватории.
- Венявский Ю.* (1837–1912), Wieniawski, – польский пианист, композитор, педагог. С 1848 года выступал в дуэте с братом Генриком, в том числе в России.
- Верстовский А. Н.* (1799–1863) – русский композитор, ученик Ф. Бёма.
- Виардо Гарсиа Полина* (1821–1910), Viardot-García, – французская певица, педагог, композитор. Выступала в России с 1843-го.
- Виванти, Vivanti,* – корреспондент Кантора.
- Вигант* – агент Сарептского общества в начале XIX века.
- Виельгорский Юрий (Ежи)* (1753–1807) – польский шляхтич, посол Речи Посполитой в России, с 1794 года на службе у Екатерины II, сенатор.
- Виельгорский Матвей Юрьевич* (1787–1863) – граф, виолончелист-любитель, ученик Ромберга, устраивал у себя квартетные вечера. Член дирекции Императорских театров.
- Виельгорский Михаил Юрьевич* (1788–1856) – граф, музыкант-любитель (альт и фортепиано), композитор-любитель, в разные годы шталмейстер великой княгини Елены Павловны, гофмейстер великой княгини Марии Николаевны, член дирекции Императорских театров.

Вильде Густав – статский советник, альтист-любитель. Был домашним учителем Лермонтова.

Виоти (Виотти) Дж. Б. (1755–1824), Viotti, – итальянский скрипач и композитор, учитель Роде. В 1781-м концертировал в России.

Вирд – надворный советник, в 1799 году директор Кронштадтской таможни.

Вистингаузен Э. Ф. – преподаватель английского в классе Георга Кантора в Петришуле. Закончил Итонский колледж.

Витте Генрих – преподаватель географии, всеобщей и естественной истории в Петришуле в классе Георга Кантора.

Волконский Г. П. (1880–1882) – светлейший князь, дипломат. Владелец красивого баса.

Враницкий (Вроницкий) Антонин (1761–1820), Wranitzky, – чешский композитор, скрипач, брат П. Враницкого.

Враницкий (Вроницкий) Павел (1756–1808), Wranitzky, – австро-чешский скрипач и композитор.

Вульф Шарлотта – жена Гартвига Мейера и мать Дм. Мейера. Происходила из семьи немецких купцов в Санкт-Петербурге. Умерла после 1851 года.

Вьетан (Вьётан) Анри (Генрих) (1820–1881), Vieuxtemps, – бельгийский скрипач и композитор. В 1838–1840-м гастролировал в России, в 1845–1852-м – первый концертист Санкт-Петербурга.

Вяземский П. А. (1792–1878) – князь, поэт, литературный критик, друг Пушкина.

Габлиц Карл Иоганн (1752–1821) – натуралист.

Гаврушкевич И. И. – виолончелист-любитель.

Гайдн Й. (1732–1809), Haydn, – австрийский композитор.

Гамель И. Х. (1788–1862) – русский химик, технолог, механик. Академик Петербургской АН. Разрабатывал основы фотографии.

Ганкель Герман (1839–1873), Hankel, – немецкий математик.

Гаусс К. (1777–1855), Gauss, – немецкий математик.

Гваданини (Гваданьини), Guadanini, – семья итальянских мастеров смычковых инструментов XVIII–XX веков.

Гибгард А. – певица.

Геймонат Л., Geumonat, – биограф Кантора.

Гейне Э. (1821–1881), Heine, – немецкий математик, работал в Галле.

Гензельт А. Л. (1814–1889), Henselt, – русский пианист, педагог, композитор. С 1838-го преподавал в Санкт-Петербурге.

Гердес Г. – санкт-петербургский садовник (кон. XVIII – нач. XIX века).

Герцен А. И. (1812–1870) – российский писатель, публицист.

Герке А. А. (1812–1870) – российский пианист, педагог, музыкальный деятель. С 1832-го концертировал в Санкт-Петербурге.

Герман К. Ф. (1767–1838) – экономист, профессор истории, географии, статистики. С 1795 года на службе в России.

- Герман Эмиль* (Herrmann Emil; 1888–1965) – продавец и реставратор скрипок, Нью-Йорк.
- Геслер (Хеслер) И. В.* (1747–1822), Haessler, Hasler, Hassler, – немецкий композитор, органист, клавесинист, пианист. С 1792 года придворный музыкант в Санкт-Петербурге.
- Гесс Г. И.* (1802–1850), Hess, – химик, академик Петербургской АН.
- Гессе Роберт* – пастор лютеранской церкви Св. Анны.
- Гёдель К.* (1906–1978) – немецкий математик и логик.
- Гёте И. В.* (1749–1832), Goethe, – немецкий поэт.
- Гиделло (урожд. Моравек) Анна* – жена Ф. Гиделло.
- Гиделло Катарина* (род. 1810) – дочь Фердинанда и Анны Гиделло.
- Гиделло Каролина* (род. 1810) – дочь Фердинанда и Анны Гиделло.
- Гиделло (Гиделли) Фердинанд*, Gidello, – петербургский купец.
- Гизико* – петербургский купец.
- Гийю (Гийо) Ж.* (1784–1853), Guillou, – французский флейтист, композитор, педагог. С 1831-го служил в России.
- Гильберт Д.* (1862–1943), Hilbert, – немецкий математик.
- Гладкий А. В.* (1928–2018) – математик, лингвист.
- Глинка М. И.* (1804–1857) – русский композитор, ученик Франца Бёма.
- Глинка Ф. Н.* (1786–1880) – русский поэт.
- Глич Иван* – сарептский поселенец, владелец горчичного производства.
- Глюк К. В.* (1714–1787), Gluck, – австрийский композитор.
- Гоголь Н. В.* (1809–1852) – русский писатель.
- Голицын А. Н.* (1773–1844) – князь, государственный деятель, руководитель библейского общества.
- Голицын Д. М.* (1721–1793) – генерал-лейтенант, дипломат, посол в Вене.
- Голицын Н. Б.* (1794–1866) – виолончелист, почитатель и пропагандист музыки Бетховена.
- Голлидей Г.* – домовладелец в Петербурге.
- Гольденвейзер А. Б.* (1875–1961) – пианист, композитор.
- Гольдман, Генри* (Goldman, Henry, 1857–1937) – американский банкир, филантроп и коллекционер произведений искусства.
- Гончаров И. А.* (1812–1891) – русский писатель.
- Гордины А. М. и М. А.* – историки, авторы книг о Петербурге XIX века.
- Граттан-Гиннесс А.* (род. 1941), Grattan-Guinness, – английский историк математики и логики.
- Гримм Анастасия* (Настасья; ум. в Санкт-Петербурге между 1851 и 1855 годами) – дочь Абрама Мейера, тётя Георга Вольдемара Кантора, жена скрипача Осипа Гримма.
- Гримм Йозеф-старший* – музыкант Императорских театров в Санкт-Петербурге, кларнетист.
- Гримм Осип (Йозеф)* (1785–1855) – скрипач и дирижёр чешского происхождения, муж Анастасии Гримм.

- Гросс И.* (1809–1848), Gross, – немецкий виолончелист, с 1835 года в Петербурге.
- Гурвиц А.* (1859–1919), Hurwitz, – немецкий математик.
- Гурьев Д. А.* (1758–1825) – граф, гофмейстер двора, сенатор, с 1810 по 1825 год министр финансов.
- Гус Ян* (1369–1415), Hus, – чешский проповедник и реформатор.
- Грюн Якоб* (1837–1916), Grün, – австрийский скрипач, ученик Йозефа Бёма.
- Давид Фердинанд* (1810–1873), David, – немецкий скрипач, ученик Л. Шпора. Выступал в Санкт-Петербурге с 1829 по 1835 год.
- Далтон Сара* – супруга пастора.
- Дарбу Ж.* (1842–1917), Darboux, – французский математик.
- Даргомыжский А. С.* (1813–1869) – русский композитор.
- Даубен Й. В.*, Dauben J. W., – американский историк науки.
- Девьер Антуан* (1682–1745) – денщик Петра I, с 1718 года генерал-полицмейстер Петербурга.
- Дедекиннд Р.* (1831–1916), Dedekind, – немецкий математик.
- Декайот А.-М.*, Décaillot, – французский историк математики, автор книги о Канторе.
- Дельвиц А. А.* (1798–1831) – российский поэт, издатель.
- Демидов С. С.* – российский историк математики.
- Демут Ф. Я.* (ум. в 1802) – французский купец. В 1765-м построил в Петербурге на Большой Конюшенной улице гостиницу с трактиром.
- Державин Г. Р.* (1743– 1816) – российский поэт и государственный деятель.
- Джефффри* – изобретатель ингалятора.
- Ди Джон* (1527–1609), Dee, – английский математик и герметрист.
- Дидло Ш.* (1767– 1837), Didelot, – балетмейстер, в Санкт-Петербурге с 1801 по 1831 год.
- Дини Улисс* (1845–1918) – итальянский математик.
- Дирихле Лежен П.* (Лежен-Дирихле) (1805–1859), Lejeune Dirichlet, – немецкий математик.
- Донт Якоб* (1815–1888), Dont, – австрийский скрипач, композитор, педагог; ученик Й. Бёма.
- Дорфмейстер (Бём) Анна* – мать Франца и Йозефа Бёмов, прабабушка Георга Кантора.
- Дрейшок Александр* (1818–1869), Drayschöc, – чешский пианист и композитор. Концертировал в Санкт-Петербурге с 1840 года. В 1862–1868-м – профессор Санкт-Петербургской консерватории.
- Дробиш Василий* – представитель семьи музыкантов в Санкт-Петербурге.
- Дробиш Фёдор* – представитель семьи музыкантов в Санкт-Петербурге, тенор.
- Друскин М. С.* (1905–1991) – российский музыковед, пианист, педагог.
- Дюмон Э.* (1759–1829), Dumont, – публицист и реформатский проповедник. Родом из Женевы, неоднократно бывал в Петербурге.
- Егоров Д. Ф.* (1869–1931) – русский математик. Учитель Лузина.

Екатерина I (1684–1727) – супруга Петра I, с 1724 по 1727 год российская императрица.

Екатерина II (1729–1796) – российская императрица с 1762 по 1796 год.

Екатерина Михайловна (1827–1894) – великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича.

Елена Павловна (урожд. Фредерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская; 1806–1873) – великая княгиня, супруга великого князя Михаила Павловича.

Ерне Г. – финский сенатор.

Ершова – дочь Л. П. или А. Л. Ершова, скрипачка в Петербурге.

Ершovy Л. П. и А. Л. – скрипачи в Петербурге.

Жадимировский И. А. – Санкт-Петербургский купец и домовладелец.

Жегалкин И. И. (1869–1947) – российский математик.

Житовецкий – музыкальный сочинитель.

Жуан III (1502–1557), Жоао, – король Португалии с 1521 по 1557 год.

Жуковский В. А. (1783–1882) – русский поэт.

Журден Ф. (1879–1919) – английский математик и логик.

Заветнов – купец и домовладелец в Петербурге.

Зарнов В. Ф. – учитель математики в третьем классе, где учился Георг Кантор.

Здраевский – скрипач, ученик Ф. Бёма.

Зенон Элейский (V в. до н. э.) – греческий философ, автор апорий о бесконечности.

Зингер Георг, Singer, – немецкий исследователь в области истории физико-математических наук, комментатор и переводчик этой книги на немецкий язык.

Зингер Эдмунд (1831–1912), *Singer*, – скрипач.

Зундштрём Лаура, Sundström, – гувернантка в семье Канторов, шведская подданная.

О. Иакинф – см. *Бичурин*.

Ильгаудс И., Pgauds, – немецкий исследователь творчества Кантора.

Иоахим Й. (1831–1907) – венгерский скрипач, педагог, композитор, дирижёр. Ученик Й. Бёма.

Иосиф II (1741–1790), *Joseph II*, – император Священной Римской империи с 1765 по 1790 год.

Иосиф (Иосиф) Захария – Петербургский купец.

Кавайес Ж. (1903–1944), *Cavailles*, – французский философ математики.

Кавос К. (1775–1840), *Cavos*, – композитор, дирижёр, главный капельмейстер русской и итальянской трупп в Петербурге.

Каган В. Ф. (1869–1953) – российский математик.

Калинин Мила – урождённая Мейер Гелена-Эмилия.

Канкрин Е. (1774–1845) – министр финансов Российской империи с 1823 по 1844 год.

Кантер, иностранка, – см. Эстер Кантор.

Кантор Анна-Мария (1881–1920) – дочь Георга Кантора.

Кантор Валли Мария София, урождённая Гуттманн (1849–1923), – жена Георга Кантора; см. Валли.

Кантор Георг Вольдемар (1814–1863) – отец Георга Кантора, маклер и купец.

- Кантор Георг Фердинанд Луи (Людвиг) Филипп* (1845, Санкт-Петербург, – 1918, Галле) – математик, создатель теории множеств.
- Кантор Гертруда* (1877–1956), Gertrud, – дочь Георга Кантора.
- Кантор Исаак Натан* (1806–1872) – сын купца Исааки Кантора, датский медик.
- Кантор Карл* – петербургский слесарь.
- Кантор Карл Константин* (1849–1899) – брат Георга Кантора.
- Кантор Луи (Людвиг) Густав* (1846–1870) – брат Георга Кантора.
- Кантор Маргрета Фредерика* (1885–1956) – дочь Георга Кантора.
- Кантор (Бём) Мария* (1819–1896) – мать Георга Кантора, жена Георга Вольдемара Кантора, дочь Франца Бёма.
- Кантор Мориц* (1829–1920) – немецкий математик, историк математики.
- Кантор Рудольф* (1886–1899) – сын Георга Кантора.
- Кантор София* (1848–1931) – сестра Георга Кантора.
- Кантор Теодор Эдвард* (1809–1860 или 1854) – сын купца Левина Исаака Кантора, медик и ботаник.
- Кантор Эльза* (1875–1954) – дочь Георга Кантора.
- Кантор Эрих* (1879–1962) – сын Георга Кантора.
- Кантор Эстер* (ок. 1775–1840) – жена Липмана (Якоба) Кантора, мать Георга Вольдемара Кантора, бабушка математика Георга Кантора.
- Кантор Якоб* (ок. 1773–1852) Липман – отец Георга Вольдемара Кантора, дед математика Георга Кантора.
- Карем М.-А.* (1784–1833), Carême, – известный повар и метрдотель.
- Карлесон Л.* (*1928) – шведский математик.
- Кастеллан Ж. А.* (1819–1858), Castellan, – французская певица.
- Каталани А.* (1780–1849), Catalani, – итальянская певица. В 1820-х годах гастролировала в России.
- Кателди Чулиани* – флейтистка, выступала в Санкт-Петербурге в 1785 году.
- Кейли Г. (Кэли)*, Cayley, – петербургский купец, отец математика Артура Кэли.
- Керстен И.* – пастор.
- Кёлер Ф.* (ум. 1768) – военный хирург, надворный советник в Санкт-Петербурге.
- Кёниг Д.* (1849–1913), König, – венгерский математик.
- Кёртеш А.*, Kertész, – преподаватель университета в Галле, автор книги о Канторе.
- Киприан* – см. Ромберг Киприан.
- Кирхгеснер М.* (1769–1808), Kirchgessner, – гастролирующая исполнительница на стеклянной гармонике.
- Кисслинг (Кислинг) Готлиб* (1790–1849), Kissling, – гравёр резцом, адъюнкт гравировального искусства при Виленском университете. Бывал в Петербурге в 1836, 1845 годах.
- Клейн Ф.* (1849–1925), Klein, – немецкий математик.
- Клементи Муцио* (1752–1832), Clementi, – пианист, композитор, педагог. С 1766 года работал в Англии, был в России в 1802 и 1806 годах.

- Кнехт Ф.* (1818 – после 1860), Knecht, – немецкий виолончелист, в Петербурге с 1833 года.
- Ковалевская С. В.* (1850–1891) – русский математик, ученица К. Вейерштрасса. Преподавала в Стокгольме.
- Козловская Л. Д.* – княжна, жена Густава Моравека.
- Колмогоров А. Н.* (1903–1987) – российский математик.
- Кони А. Ф.* (1844–1927) – Санкт-Петербургский юрист, литератор.
- Костюшко Т.* (1746–1817) – военный и политический деятель Польши, организатор восстания в Речи Посполитой 1794 года.
- Котен Казимир фон* (1807–1880) – генерал-лейтенант, сенатор, губернатор Выборгской губернии.
- Коши Огюстен* (1789–1857), Cauchy, – французский математик.
- Креббс* – домовладелец в Петербурге.
- Крейцер Родольф* (1766–1831), Kreutzer, – французский скрипач, композитор, дирижёр, педагог.
- Крелле А. Л.* (1780–1855), Crelle, – немецкий математик и инженер, основатель «Журнала чистой и прикладной математики» (1826).
- Крихубер Й.* (1800–1876), Kriehuber, – венский портретист.
- Крыжановский Д. А.* (1883–1939) – российский математик, преподавал в Новороссийском университете.
- Кронекер Л.* (1823–1891), Kronecker, – немецкий математик, профессор Берлинского университета.
- Крылов И. А.* (1769–1844) – русский поэт, баснописец.
- Крюгер Ф.* (1797–1857), Krüger, – немецкий художник, портретист. Работал в России.
- Крюденер В. Ю. фон* (1764–1824) – писательница, проповедница мистического христианства.
- Крюйс К.* (1655–1727), Crøys, Cruïjs, – адмирал на службе Петра I.
- Кузьмин* – домовладелец.
- Кукольник Нестор Васильевич* (1809–1868) – русский драматург, поэт, музыкант-любитель.
- Куммер Эрнст* (1810–1893), Kummer, – немецкий математик, в 1856–1883 годах профессор Берлинского университета.
- Кушелев* – домовладелец в Петербурге.
- Кэли (Кейли) Артур* (1821–1895) – английский математик.
- Кюльп Э.* (1800–1862), Külpr, – математик, учитель Кантора в школе Дармштадта.
- Лаваль И. С.* (1761–1846), Laval, – граф, приехал в Россию из Франции в начале Французской революции. Служил в Министерстве иностранных дел и при дворе.
- Лаврентьева С.* – подруга Е. М. Бём. Оставила воспоминания.
- Лагузен И. И.* – преподаватель чистописания в классе Георга Кантора в Петришуле.
- Лаланс Г. Ф.* – преподаватель французского в Петришуле в классе Георга Кантора.
- Лауб Фердинанд* (1832–1875), Laub, – чешский скрипач, педагог, композитор.

Лафон Шарль Ф. (1771–1839), Lafon, Lafont, – французский композитор и скрипач, работал в Санкт-Петербурге в 1808–1815 годах.

Лебег А. (1875–1941), Lebesgue, – французский математик.

Левенфельд Р. (1854–1911), Löwenfeld, – немецкий писатель, биограф Л. Толстого.

Лейбниц Готфрид (1646–1716), Leibniz, – немецкий математик, физик, философ.

Лемуэн Э. (Лемуан) (1840–1912), Lemoine, – французский инженер, математик, издатель, профессор Политехнической школы, корреспондент Кантора.

Ленуэн – лейтенант.

Ленц Вильгельм (Василий Фёдорович; 1809–1883) – русский музыкальный критик, пианист.

Ленц Иван – первый скрипач Петербурга до 1803 года.

Лермонтов – домовладелец.

Лермонтов М. Ю. (1814–1841) – русский поэт и прозаик.

Лесков Н. С. (1831–1895) – русский писатель.

Ливен К. А. (1767–1844) – российский военный и государственный деятель, министр народного просвещения с 1828 по 1833 год.

Лиммерих К. К. – преподаватель географии в классе Георга Кантора в Петришуле. Закончил университеты Иены и Киля.

Линке Йозеф (1783–1837), Lincke, – австрийский виолончелист. В 1808–1816-м выступал в составе квартета И. Шуппанцига.

Литинский К. (1790–1861) – польский скрипач и композитор. Концертировал в Санкт-Петербурге в 1820–1830 годах.

Лист Ференц (1811–1886) – венгерский композитор, пианист, дирижёр, педагог. Гастролировал в России в 1842, 1843 и 1847 годах.

Литке – действительный статский советник.

Лобачевский Н. И. (1792–1856) – русский математик.

Ломан – финский сенатор.

Лоренц – агент Сарептского общества в начале XIX века.

Лоренц Фридрих (1803–1861) – историк, директор Петришуле с 1840 по 1856 год, профессор Педагогического института, доктор философии. Закончил университеты в Гейдельберге и Берлине.

Лосев А. Ф. (1893–1988) – российский философ.

Лотце Р. Г. (1817–1881), Lotze, – преподаватель философии Геттингенского университета.

Лузин Н. Н. (1883–1950) – российский математик.

Львов А. Ф. (1798–1870) – скрипач-любитель, композитор, дирижёр, ученик Франца Бёма. Автор гимна «Боже, царя храни». В 1837–1861-м директор Придворной певческой капеллы.

Львов Ф. П. (1766–1836) – поэт, музыкант, с 1826-го директор Придворной певческой капеллы. Отец А. Ф. Львова.

Люстерник Л. А. (1899–1981) – российский математик.

- Ляцкая В. А.* (1864–1930) – художница, дочь А. Н. Пыпина.
- Маевский С. И.* (1779–1848) – русский генерал.
- Мазнер И.* – петербургский скрипач, первый директор Филармонического общества.
- Майер Ш.* (1799–1862), Мейер, Мауер, – немецкий пианист, композитор, педагог. С 1819-го жил в Петербурге.
- Майков Аполлон Александрович* (1761–1838) – дед поэта Аполлона Николаевича Майкова. Директор Императорских театров.
- Максимов И. М.* (1889–1976) – российский математик.
- Малкин И. Д.* (1865–1953) – преподаватель скрипки в музыкальном училище при Виленском ИРМО.
- Мария Николаевна* (1819–1876) – великая княжна, дочь Николая I.
- Мария Фёдоровна* – российская императрица, жена Павла I.
- Матюшкина С. Д.* (1755–1796) – графиня, первая жена Ю. Виельгорского, мать Михаила и Матвея Виельгорских.
- Маурер Алексей (Александр)* – петербургский виолончелист, сын Людвиг Маурера.
- Маурер Всеволод* (1819–1892) – петербургский скрипач, сын Людвиг Маурера.
- Маурер Людвиг Вильгельм* (1789–1878), Maurer, – скрипач, дирижёр и композитор, друг Франца Бёма. Инспектор Императорских театров.
- Махо Анна* (ок. 1776–1819, ум. в Вене), Mascho, – дочь Йозефа и Марии Махо, вторая жена Леопольда Моравека, мать Марии Моравек.
- Махо Йозеф*, Mascho (ок. 1740–1817, ум. в Вене) – российский метрдотель, родом из Вены, служил в доме Виельгорских.
- Махо Мария*, Mascho (ум. 1815 в Вене) – супруга Йозефа Махо.
- Медведев Ф. А.* (1923–1993) – историк математики, переводчик работ Кантора на русский язык.
- Мейендорф Е. К.* (1794–1863) – российский офицер, полковник Генерального штаба, член Географического общества, путешественник.
- Мейер* – датский консул.
- Мейер* – лекарь.
- Мейер Абрам* (ум. 1801) – копенгагенский купец, прадед Георга Кантора, отец его бабушки Эстер, матери Георга Вольдемара Кантора.
- Мейер Август* – кораблестроитель Петра I.
- Мейер Адольф* (род. 1826) – сын Гартвига Мейера.
- Мейер Александр* (род. 1824) – сын Гартвига Мейера.
- Мейер Анна Лаврентьевна* – вдова датского консула в Петербурге.
- Мейер Гартвиг Иоганн* (ок. 1782–1867) – придворный музыкант с 1799 года, скрипач Императорских театров. Сын копенгагенского купца Абрама Мейера, отец Д. И. Мейера.
- Мейер Гелена Эмилия* (род. 1815) – дочь Гартвига Мейера, в замужестве Калинина (Мила Калинин).
- Мейер Герман* – купец и банкир Петра I.

- Мейер Дмитрий Иосиф* (Дмитрий Иванович) (1819–1856) – профессор права, сын Гартвига Мейера, дядя Георга Кантора.
- Мейер Е.* – держатель пансиона в Санкт-Петербурге.
- Мейер Иоганн* – купец I гильдии из Вильманстранда.
- Мейер К. А.* (1795–1855) – ботаник, академик Санкт-Петербургской АН в 1839–1855 годах.
- Мейер Карл* – см. Майер Шарль.
- Мейер Карл Фридрих* – ректор Дерптского университета в начале XIX века, профессор права.
- Мейер Л. фон* (1816–1883) – австрийский пианист.
- Мейер Лют* – купец и банкир XVIII века в Петербурге.
- Мейер Наталья Мария* (род в 1818) – дочь Гартвига Мейера, в замужестве Моллериус.
- Мейер Осип* (ум. 1803 в Санкт-Петербурге) – придворный музыкант, сын купца Абрама Мейера.
- Мейер Христиан* – мебельный мастер.
- Мейер Шарлотта*, урождённая Вольф (Вульф), – жена Гартвига Мейера; см. Вульф Шарлотта.
- Мейер Эдуард М.* – купец из Вильманстранда.
- Мейер (Кантор) Эстер* – жена Липмана (Якоба) Кантора, мать Георга Вольдемара Кантора, бабушка математика Георга Кантора.
- Мейер Юстус* – датский столяр при дворе Екатерины II.
- Мелин Генрих* – преподаватель географии в Петришуле в классе Георга Кантора. Закончил Университет Упсала.
- Мендельсон-Бартольди Феликс* (1809–1847) – немецкий композитор, пианист, органист, дирижёр.
- Менухин Иегуди* (1916–1999) – американский скрипач и дирижёр.
- Менишков А. С.* (1787–1869) – генерал-адъютант, с 1830 года финляндский генерал-губернатор.
- Мертенс Ф.* (1840–1927), Mertens, – математик. Учился в Берлине. Сокурсник и приятель Георга Кантора. Преподавал в Краковском университете.
- Мешковский Г.* (1909–1990), Meschkowski, – немецкий математик и историк математики. Автор книги о Канторе.
- Миллер Ф. И.* – метрдотель и повар при Александре I и Николае I.
- Минкина Н. Ф.* – фаворитка Аракчеева. В 1825 году убита своими крестьянами.
- Минковский Герман* (1864–1909), Minkowski, – немецкий математик и физик.
- Минкус Людвиг* (1826–1917), Minkus, – чешский и австрийский композитор, скрипач. Ученик Й. Бёма. Работал в России.
- Миттаг-Леффлер М. Г.* (1846–1927), Mittag Leffler, – шведский математик, издатель.
- Михель Ф.* (ум. 1815) – петербургский флейтист начала XIX века, один из первых директоров Филармонического общества.

Млодзеевский Б. К. (Млодзиевский) (1858–1923) – российский математик, работал в Московском университете.

Млынарский Эмиль (1870–1935) – польский скрипач, дирижёр, композитор, педагог. Ученик Л. Бёма и Л. Ауэра. Один из основателей и главный дирижёр Варшавской филармонии в 1901–1905 годах.

Моберли Томас – маклер в Санкт-Петербурге.

Моберли Чарльз (Карл Дмитриевич) (возм., 1802–1870) – маклер на Санкт-Петербургской бирже.

Моллериус Мария – урождённая Мейер Наталия-Мария.

Монтескье Ш.-Л. (1689-1755), Montesquieu, – французский мыслитель, правовед, историк.

Моравек Анна (1752 – ок. 1792), урождённая Мария Анна Вандер, первая жена Леопольда Моравека, мать Людвиг, Анны, Шарлотты и Терезы Моравек.

Моравек Анна (ок. 1776–1819, ум. в Вене), урождённая Махо, – вторая жена Леопольда Моравека, мать Марии, Катарины, Элизабеты, Софии и Юстины Моравек, прабабушка Георга Кантора.

Моравек Анна, в замужестве Гиделло, – дочь Леопольда Моравека. Состояла в переписке с М. И. Глинкой.

Моравек Виктор (1829–1894) – сын Людвиг Моравека, внук Леопольда Моравека. В 1850 году был принят в Петербургский университет по протекции М. Виельгорского, после окончания служил в Придворной конторе великой княгини Екатерины Михайловны.

Моравек Густав Людвиг (род. 1810 в Вене) – сын Людвиг Моравека, внук Леопольда Моравека, женат на Л. Д. Козловской. Медик Костромской уездной конторы. Отец слависта П. Л. Моравека.

Моравек Елизабета (род. ок. 1798) – дочь Леопольда Моравека.

Моравек Йозефа (София?) – дочь Леопольда Моравека.

Моравек Катарина (Катерина; 1795–1845) – дочь Леопольда Моравека.

Моравек Леопольд (1756–1808) – прадед Георга Кантора, отец Марии и Софии Моравек. Придворный метрдотель при Екатерине II и Павле I.

Моравек Людвиг (Лудвиг, Логин Иванов) – старший сын Леопольда Моравека. Умер в 1838 году.

Моравек Мария (1795–1823) – дочь Леопольда Моравека, первая жена Франца Бёма, мать Марии Бём (Кантор), бабушка Георга Кантора. Скрипачка, давала концерты в Петербурге.

Моравек Тереза (1791–1836) – дочь Леопольда Моравека.

Моравек Павел Густавович (1856–1904) – сын Густава Моравека и Л. Козловской, внук Леопольда Моравека. Славист.

Моравек София (1798–1866) – дочь Леопольда Моравека, вторая жена Франца Бёма, мать Людвиг Бёма.

Моравек Шарлотта (1791–1854) – дочь Леопольда Моравека.

- Моравек Юстина* (1800–1881) – дочь Леопольда Моравека, замужем за музыкантом Ф. Червенка, с 1829 года камер-юнгфера (младшая фрейлина) при дворе великой княгини Марии Николаевны.
- Моравекова Анна* – родство не установлено.
- Мораиш П.* – домовладелец в Петербурге.
- Мориц Р. Е.*, Moritz, – автор Memorabilia Mathematica (1914).
- Моцарт Вольфганг Амадей* (1756–1791) – великий австрийский композитор.
- Муравьёв М. Н.* (1757–1807) – академик, сенатор, с 1801 года секретарь кабинета Александра I по принятию прошений.
- Мюллеры*, братья – квартет, основанный в 1831 году в Брауншвейге и существовавший до 1873 года.
- Мятлев И. П.* (1796–1844) – русский поэт-юморист.
- Назарьев В. Н.* (1830–1902) – соученик Л. Толстого по Казанскому университету.
- Найц Конрад* – один из первых переселенцев Сарепты, переводчик на калмыцкий язык Евангелия, селекционер.
- Наполеон Бонапарт* (1769–1821), Napoléon I, – император Франции с 1804 по 1815 год.
- Направник Э. Ф.* (1839–1916) – дирижёр и композитор родом из Чехии, с 1861 года жил и работал в Петербурге.
- Нарышкин А. Л.* (1760–1826) – оберкамергер, с 1799 по 1819 год директор Императорских театров.
- Некрасов В. Л.* (1864–1922) – русский математик.
- Нессельроде К. В.* (1780–1862) – граф, российский государственный деятель, канцлер, министр иностранных дел.
- Нётер Э.* (1882–1935), – Noether, – немецкий математик.
- Николай I* (1796–1855) – российский император с 1825 по 1855 год.
- Ньютон И.* (1643–1727) – великий английский математик.
- Одоевский В. Ф.* (1803–1869) – князь, писатель, философ, музыкальный критик.
- ОКоннор, O'Connor*, – шотландский математик и историк математики.
- Оленин А. Н.* (1763–1843) – российский государственный деятель, историк.
- Орбинский А. Р.* (1867–1921) – российский астроном.
- Орлов Г. Г.* (1734–1783) – приближённый Екатерины II, президент Канцелярии опекунства иностранных колонистов.
- Павел I* (1754–1801) – российский император с 1796 по 1801 год.
- Паганини Никколо* (1782–1840), Paganini, – итальянский скрипач и композитор.
- Пане В. И.* – учитель рисования в классе Георга Кантора в Петришуле.
- Паста Джудита* (1797– 1865), Pasta, – итальянская певица, сопрано. Выступала в России в 1840–1841 годах.
- Патти Аделина* (1843–1919), Patti, и *Карлотта* (1835–1889) – итальянские певицы, сёстры. Выступали в России.
- Пекарский П. П.* (1827–1872) – историк, литературовед. Окончил юридический факультет Казанского университета.

- Петр I* (1672–1825) – царь всея Руси с 1682 года, император всероссийский с 1721 года.
- Петрова Агафья* – актриса или музыкант в Петербурге XVIII века.
- Петрова Л. П.* – супруга А. И. Фета.
- Пиксис Иоганн П.* (1788–1874), Pixis, – немецкий пианист.
- Плейель М. Ф.* (Камилла; 1811–1875), Pleyel, – французская пианистка, педагог. Выступала в России в конце 1830-х годов.
- Плещеев А. Н.* (1825–1893) – русский поэт, писатель, переводчик.
- Половцов А. А.* (1832–1909) – государственный и общественный деятель, издатель биографического словаря.
- Поморский Н. Г.* (1747–1804) – русский скрипач, композитор, дирижёр, педагог.
- Понтрягин Л. С.* (1908–1988) – российский математик.
- Попов А. И.* – петербургский купец XIX века.
- Попов В. М.* (1879–1965) – московский скрипач.
- Прюм Ф.-Ю.* (1816–1849), Prume, – французский скрипач.
- Пуанкаре А.* (1854–1912), Poincaré, – французский математик и физик.
- Пуркерт В.*, Purkert, – немецкий историк математики, профессор Университета в Бонне. Автор книги о Канторе.
- Пушкин А. С.* (1799–1837) – великий русский поэт.
- Пыляев М. И.* (1842–1899) – русский писатель, журналист, историк.
- Пытин А. Н.* (1833–1904) – литературовед.
- Раупах Э.* (1784–1852), Raupach, – немецкий писатель и историк. С 1814 года профессор Петербургского педагогического института, потом университета.
- Разумовский А. К.* (1752–1836) – российский посол в Вене, скрипач-любитель, меценат.
- Раль А. фон* (1756–1833), Rahl, – немецкий купец, в Петербурге с 1788 года, придворный банкир, меценат, музыкант-любитель.
- Рассел Б.* (1872–1970), Russel, – английский логик и философ математики.
- Рамазанов П. П.* (ок. 1800–1846) – петербургский скрипач, ученик Ф. Бёма.
- Рамсай (Рамзай) А.* (1791–1855), Ramsay, – финский государственный деятель, сенатор.
- Раппольди Эд.* (1831–1903), Rappoldi, – венский скрипач, ученик Й. Бёма.
- Рассел Б.* (1872–1970), Russell, – английский математик. Работы в области философских вопросов математики.
- Рашет* – петербургская домовладелица.
- Рейхарт* – петербургский купец.
- Ременьи Э.* (1828–1898), Remenői, – венгерский скрипач, композитор. Ученик Й. Бёма.
- Риман Б.* (1826–1866) – немецкий математик.
- Рифсталь* – музыкант.
- Рихтер Ф. Ф.* – преподаватель Закона Божьего в классе Георга Кантора в Петришуле.
- Роде (Род) Ж. П. Ж.* (1774–1830), Rode, – французский скрипач и педагог. Ученик Дж. Виоти. Учитель Ф. и Й. Бёмов, М. Моравек. Работал в Петербурге в 1804–1807 годах.

- Ромберг Б. Г.* (1767–1841) – виолончелист-виртуоз, учитель Матвея Виельгорского.
- Ромберг Карл* (1811–1897) – сын Б. Ромберга, виолончелист. Работал в оркестре немецкой оперы в Петербурге в 1830–1842 годах.
- Ромберг Киприан Ф.* (1807–1865) – виолончелист, племянник Б. Ромберга, в 1835–1845 годах работал в оркестре Немецкой оперы в Санкт-Петербурге.
- Ронко Иоганн* – свидетель на венчании Марии Моравек и Франца Бёма.
- Рорбах* – художник, график.
- Росси К.* (1775–1849), Rossi, – русский архитектор итальянского происхождения. В России с 1787 года.
- Россини Джоакино* (Иоахим, 1792–1868), Rossini, – итальянский композитор.
- Ростопчина Е. П.* (1811–1858) – графиня, русская поэтесса, переводчица, писательница.
- Рубини Джованни Б.* (1794–1854), Rubini, – итальянский певец, тенор. Выступал в России в 1843–1845 и 1847 годах.
- Рубинштейн А. Г.* (1829–1894) – русский пианист, композитор, дирижёр, музыкально-общественный деятель, основатель Петербургской консерватории.
- Савенко Е. Н.* – историк, библиограф.
- Саклен Л.* – финский сенатор.
- Сальери Антонио* (1750–1825), Salieri, – итальянский композитор, дирижёр, педагог. С 1766 года жил в Вене.
- Самойлов Александр* – сын Анастасии Гримм от первого брака.
- Самойлов В. М.* (1782–1839) – русский певец, драматический тенор. С 1803 года солист Каменного (Большого) театра в Петербурге.
- Сарти Джузеппе* (1729–1801), Sarti, – итальянский композитор, работал в России с 1784 по 1801 год.
- Сахаров И. П.* (1807–1863) – российский этнограф, фольклорист и палеограф.
- Серве А. Ф.* (1807–1866), Servais, – бельгийский виолончелист, композитор, педагог. Гастролировал в России в 1839 и 1840-х годах.
- Серпинский В.* (W. Sierpiński, 1882–1969) – польский математик.
- Сиверс Е. С.* (1753–1797), урождённая Снарская, – вторая жена Ю. Виельгорского.
- Сивори Э. К.* (1815–1894), Sivori, – итальянский скрипач.
- Симонсен Асмус* (1756–1812) – датский купец; с 1801 года торговый агент Сарептского общества в Санкт-Петербурге.
- Сирмен* (урожд. Ломбардини) *М.* (1745–1818), Sirmen (Lombardini), – итальянская скрипачка, композитор, ученица Тартини.
- Слешинский И. В.* (1854–1931) – российский математик, профессор Новороссийского университета.
- Смирнова-Россет А. О.* (1809–1882) – фрейлина российского императорского двора.
- Соколовский Н.* – выпускник Казанского университета (1855).
- Соллогуб В. А.* (Сологуб) (1813–1882) – граф, зять Михаила Виельгорского, писатель.
- Соловьёв В. С.* (1853–1900) – русский религиозный мыслитель, поэт и публицист.

- Сомов О. И.* (1815–1876) – русский математик и механик, академик.
- Сперанский М. М.* (1772–1839) – русский общественный и государственный деятель.
- Страдивари Антонио* (1644–1737) – итальянский мастер скрипичных инструментов.
- Строганов А. Г.* (1795–1891) – граф, с 1834 года генерал-адъютант, соученик А. Ф. Львова по Институту путей сообщения.
- Стучка П. И.* (1865–1932) – юрист и государственный деятель.
- Тальберг С.* (1812–1871), Thalberg, – австрийский пианист-виртуоз. Гастролировал в России в 1839 году.
- Тамбурины А.* (1800–1876), Tamburini, – итальянский певец, баритон. В 1843–1852 годах выступал в Петербурге.
- Таннери Ж.* (1848–1910), Tannery, – французский математик и философ, брат Поля Таннери.
- Таннери (Тантри) Поль* (1843–1904), Tannery, – французский математик и историк математики. Корреспондент Кантора. Основные работы в области истории математики.
- Тане Дитрих* – учитель русского языка в Петришуле.
- Теслев А. П.* (1778–1847) – помощник финляндского генерал-губернатора по гражданской части, генерал от инфантерии.
- Тец* – музыкант оркестра Императорской румынской оперы.
- Тильзен Г.* – шкипер (капитан) датского галеота «Ди Фрау Мария».
- Тимченко И. Ю.* (1863–1939) – математик, астроном, историк математики, переводчик. Профессор Новороссийского университета.
- Този Доменико* – солист итальянской оперы, бас. Пел в Москве и Петербурге.
- Толстой Л. Н.* (1828–1910) – русский писатель. В 1844–1846 годах был студентом Казанского университета.
- Толстой Н. А.* (1765–1816) – тайный советник, обер-гофмаршал, президент Придворной канцелярии.
- Томе И.* (1840–1921), Thomae K. J., – немецкий математик, друг Георга Кантора.
- Томсон* – английский купец в Петербурге.
- Траншель Ф. И.* – Санкт-Петербургский купец, владелец дома на 11-й линии Васильевского острова, где жила семья Канторов.
- Третьяков* – домовладелец в Петербурге.
- Уайтхед А.* (1861–1947), Whitehead, – английский математик, философ и логик.
- Ульянов Д. И.* – преподаватель русского языка в классе Георга Кантора в Петришуле.
- Умлауф Михаэль* (1781–1842), Umlauf, – австрийский скрипач, дирижёр, композитор. Выступал с Бетховеном.
- Фейхтнер Ф. К.* – первый учитель математики Георга Кантора в Петришуле.
- Фет А. И.* (1924–2007) – российский математик, публицист и переводчик.
- Фильд (Филд) Джон* (1782–1837), Field, – ирландский пианист, композитор, педагог. С 1802 года жил в России, концертировал и преподавал. Учитель М. И. Глинки.
- Фикельмон Д. Ф.* (1804–1863), Ficquelmont, – супруга Карла Фикельмона, хозяйка петербургского салона.

- Фикельмон К. Л.* (1777–1857), Ficquelmont, – австрийский государственный деятель, австрийский посол в Петербурге с 1829 по 1839 год.
- Фихтенгольц Г. М.* (1888–1959) – российский математик.
- Фицтум фон Экштедт (Экстедт) А. И.* – инспектор студентов университета.
- Фишер Й.*, Fischer, – датский библиотекарь и архивариус.
- Фишер О. И.* – петербургский музыкант-любитель.
- Фишер Фридрих Теодор фон* (1807–1887), Vischer, – литературовед, исследователь Шекспира.
- Флоренский П. А.* (1882–1937) – православный священник, богослов, учёный. В 1904 году закончил физико-математический факультет Московского университета.
- Фома Аквинский* (1225–1274), Thomas Aquinas, – итальянский учёный и богослов.
- Френкель* – петербургский скрипач, ученик Л. Бёма.
- Френкель А.* (1891–1965), Fraenkel, – ученик и первый биограф Кантора.
- Фриз П. К.* – агент Сарептского общества при Екатерине II.
- Фукс И. Й.* (1660–1741), Fux, – австрийский композитор, теоретик, органист.
- Фурье Ж. Б. Ж.* (1768–1830), Fourier, – французский математик, основоположник математической физики.
- Хандошкин И. Е.* (1747–1804) – русский скрипач-виртуоз, композитор, дирижёр, педагог. С 1762-го играл в придворном оркестре в Петербурге.
- Хвостов А. С.* (1753–1820) – русский писатель, государственный военный и финансовый деятель, академик Петербургской АН.
- Хевенхюллер Иоганн Фридрих Зигмунд* (1666–1742), Johann Friedrich Siegmund Khevenhüller, – австрийский князь.
- Хейфец Я.* (1901–1987) – американский скрипач, ученик Л. Ауэра.
- Хельмесбергер-отец Георг* (1800–1873), Hellmesberger, – австрийский скрипач, композитор, педагог. Ученик Й. Бёма, учитель Л. Ауэра.
- Хмельницкий Н. И.* (1789–1845) – российский драматург и переводчик.
- Хольц К.* (1799–1858), Holz, – венский скрипач, выступал с Й. Бёмом и И. Шуппанцигом.
- Хофер Я. К.* (1813–1880) – Санкт-Петербургский архитектор. Перестраивал дом Сарептского общества, дом Траншеля. Построил здание Бестужевских курсов на 10-й линии Васильевского острова.
- Хубай Енё* (1858–1937), Hubay, – венгерский скрипач, композитор, педагог. Ученик Й. Бёма и Й. Иоахима.
- Хубарт Э. И.* – англичанин в Петербурге.
- Церацци Р.* (1821–1839?), Ceracchi, – австрийский художник-портретист, работал в Вене.
- Цермело Э.* (1871–1953), Zermelo, – немецкий математик, ученик Кантора.
- Цинцендорф Л. фон* (1700–1760), Zinzendorf, – граф, богослов, епископ и реформатор Моравской церкви.
- Чебышёв П. Л.* (1821–1894) – русский математик и механик, основатель петербургской математической школы, академик.

Червенко (Червенка) Франц Иосиф, Czerwenka, – московский и петербургский го-
боист XIX века, родом из Венгрии.

Чернецов Г. Г. (1802–1865) – русский художник.

Чернецов Н. Г. (1805–1879) – русский художник.

Чернышевский Н. Г. (1828–1889) – русский писатель и литературный критик.

Шатуновский С. И. (1859–1929) – российский математик.

Шафаревич И. Р. (1923–2017) – российский математик.

Шафиров П. П. (1669–1739) – вице-канцлер Петра I.

Шаховской А. А. (1777–1846) – русский драматург и театральный деятель.

Шванке – музыкант.

Шварц Г. (1843–1921), Schwarz, – немецкий математик, ученик Вейерштрасса,
друг Г. Кантора.

Швачкин – петербургский скрипач, ученик Л. Бёма, участник квартетов Музыкаль-
ного общества.

Шевченко Тарас (1814–1861) – украинский поэт.

Шейнин Мишель (Scheinen, Michel) – один из владельцев скрипки Страдивари.

Шекспир В. (1564–1616) – английский поэт и драматург.

Шереметев А. В. – владелец частного театра.

Шереметева Е. В. (урожд. Голицына; 1770–1852) – жена А. В. Шереметева.

Шершеничев Г. Ф. (1863–1912) – юрист, профессор Казанского и Московского уни-
верситетов.

Шеффер Т. – школьный учитель Кантора в его последней гимназии.

Шёнлайн – петербургский знакомый семьи Канторов.

Шиллер Фердинанд – немецкий пианист и композитор. Гастролировал в Петер-
бурге, упомянут в дневнике Роберта Шумана (Robert Schumann Tagebücher, p. 288,
338). Присутствовал на крестинах Георга Кантора.

Шиллинг П. Л. (1786–1837), Schilling von Cannstatt, – барон, русский дипломат,
историк-востоковед, криптограф, изобретатель-электротехник.

Шимановская Мария (1789–1831), Szymanowska, – польская пианистка, компози-
тор, педагог. С 1828 года жила в Петербурге.

Шишков А. С. (1754–1841) – русский писатель, военный и государственный деятель,
министр просвещения, учредитель общества «Беседы любителей русского слова».

Шлиман Г. (1822–1890), Schliemann, – с 1846 по 1860 год купец в Санкт-Петер-
бурге. Археолог-любитель, открывший Трою.

Шмидт Я. И. (1779–1847), Schmidt, – русский и немецкий учёный-востоковед.

Шмит К. – надворный советник, театральный деятель.

Шоберлехнер Ф. (1797–1843), Schoberlechner, – немецкий композитор и пианист.
Многочратно выступал в Петербурге.

Шпенцер М. Ф. (1860–1927) – одесский издатель.

Шпор Людвиг (1784–1859), Spohr, – немецкий композитор, скрипач, дирижёр, пе-
дагог. Выступал в России.

Шрейцер – музыкант.

Штейбельт Даниэль (1765–1823), Steibelt, – немецкий пианист, дирижёр, композитор. С 1810 года капельмейстер придворной Французской оперы в Петербурге. Автор семи опер.

Штейн Тереза – жена Людвиг Моравека-старшего.

Штелин Я. (1709–1785), von Staehlin, – деятель Российской академии наук, меуарист.

Штиглиц Людвиг (1766–1843) – с 1803 года в Санкт-Петербурге, банкир и купец.

Штраус Людвиг (1835–1899), Straus, – австрийский скрипач. Был первым солистом Лондонского королевского оркестра.

Штунде В. – начальница лютеранского приюта.

Шуберт Карл Богданович (1811–1863) – немецкий и русский виолончелист. С 1835 года жил в Петербурге.

Шуберт Ф. Ф. (1789–1865), Schubert, – русский математик, геодезист, генерал от инфантерии, директор Военно-топографического и гидрографического депо. Издатель плана Петербурга. Дед С. Ковалевской.

Шуберт Франц (1797–1828), Schubert, – австрийский композитор-романтик.

Шульце Р. В. – преподаватель немецкой грамматики в классе Георга Кантора в Петришуле.

Шуман Клара (1819–1896), Schumann, – немецкая пианистка, композитор, педагог, супруга Роберта Шумана.

Шуман Роберт (1810–1856), Schumann, – немецкий композитор-романтик. Гастролировал с Кларой в России в 1844 и 1864 годах.

Шуппанциг Игнац (1776–1830), Schuppanzigh, – венский скрипач, организовал струнный квартет, которому покровительствовал А. К. Разумовский. Обучал Бетховена игре на скрипке. Один из первых исполнителей его музыки.

Эйлер Леонард (1707–1783), Euler, – великий математик, академик Петербургской академии наук.

Эйнштейн А. (1879–1955) – немецкий и американский физик, создатель теории относительности.

Эйхсгорн – семья музыкантов.

Энгельгардт В. В. – владелец дома на Невском проспекте в Петербурге. Этот дом арендовало Филармоническое общество для концертов.

Энестрём Г. Я. (1852–1923), Eneström, – шведский математик, историк математики, издатель.

Эрваст Г. – финский сенатор от судебного департамента.

Эрнст Г. В. (1814–1865), Ernst, – моравский скрипач.

Эстергази, Естергази, Esterhazy, – семья венгерских князей-меценатов.

Югер (Jüger) – венский вокалист XIX века.

Юнг В. (Янг, W. H. Young; 1863–1942) – английский математик.

Юшкевич А. П. (1906–1993) – историк математики, сын П. С. Юшкевича.

Список лиц, упоминаемых в тексте

Юшкевич П. С. (1873–1945) – философ, политический деятель, первый переводчик работ Кантора на русский язык.

Юшков П. И. – действительный тайный советник, помещик, меценат.

Яновский Н. М. – надворный советник.

Ярошенко С. П. (1846/47–1917) – математик, профессор и ректор Новороссийского университета.

Оглавление

Вступительное слово	3
Благодарности	5
Принятые сокращения	6
Глава I. Детство в Петербурге	7
Глава II. Происхождение.....	17
2.1. Линия отца. Купцы из Копенгагена.....	17
2.1.1. Петербург к началу XIX века.....	17
2.1.2. Датчане в Петербурге	19
2.1.3. Немцы в Петербурге. Сарептское общество	23
2.1.4. Гернгутеры	24
2.1.5. 1799 год. Крушение датского галеота «Ди Фрау Мария»	36
2.1.6. Семья купца Мейера.....	41
2.1.7. Гартвиг Иоганн Мейер, придворный музыкант.....	45
2.1.8. Дмитрий Иванович Мейер (1819–1856), профессор права.....	49
2.1.9. Скрипач и капельмейстер Йозеф Гримм	58
2.1.10. Великое княжество Финляндское. Купечество	66
2.1.11. Торговая жизнь Петербурга. Биржа	71
2.1.12. Георг Вольдемар Кантор, отец Георга Кантора	82
2.1.13. Женильба и семья	97
2.2. Линия матери.....	101
2.2.1. Леопольд Моравек, метрдотель Екатерины II и Павла I, и его семья	101
2.2.2. Театрально-музыкальная жизнь столицы.....	112
2.2.3. Ученик Франца Бёма А. Ф. Львов. Служба у Аракчеева	138
2.2.4. Ученик Франца Бёма Н. И. Бахметев	144
2.2.5. Семья Бём. Братья Франц и Йозеф	147
2.2.6. Скрипач Йозеф Бём. Музыкальная жизнь Вены.....	148
2.2.7. Франц Бём, дед математика Георга Кантора	155
2.2.8. Людвиг Бём, профессор консерватории	176
2.2.9. Женильба и работа в консерватории. Художница Елизавета Бём	178
Глава III. Юность. Отец и сын	184
3.1. Отец.....	185
3.2. Сын.....	187
3.3. Письма.....	189
Глава IV. Галле. Теория множеств	195
Глава V. Теория множеств: пути в Россию.....	213

5.1. Одесса. 1892 год. И. Ю. Тимченко	213
5.2. Одесса. 1896 год. С. О. Шатуновский	215
5.3. Москва. 1900 год. Б. К. Млодзеевский	216
5.4. Москва. 1904 год. П. А. Флоренский	218
5.5. Казань. 1904–1908 годы. А. В. Васильев	220
5.6. Москва – Томск. 1907 год. В. Л. Некрасов	221
5.7. Москва. 1907 год. И. И. Жегалкин	223
5.8. Московская школа теории функций и множеств	225
5.9. Петербург – Одесса. 1914 год. П. С. Юшкевич	226
5.10. Москва – Новосибирск. 1968 год. А. И. Фет. Драматическая судьба первого полного перевода Кантора на русский язык	226
5.11. Л. С. Понтягин	227
5.12. Москва – Ленинград. 1985 год. Ф. А. Медведев	229
Заключение	230
Библиографический список	231
Приложения	239
<i>Приложение 1. Письмо Георга Вольдемара Кантора его кузену Дмитрию Ивановичу Мейеру в Казань .....</i>	239
<i>Приложение 2. Письмо Георга Вольдемара Кантора (оригинал) .....</i>	248
<i>Приложение 3. Указы Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I о гернгутерах .....</i>	251
<i>Приложение 4. Рапорт надворного советника Вирда, директора Кронштадтской таможни (август 1799 года) .....</i>	256
<i>Приложение 5. Сообщение кабинета о братьях Мейерах (1801 год) .....</i>	257
<i>Приложение 6. Переписка по прошению Гартвига Мейера 1806–1808 годов .....</i>	258
<i>Приложение 7. Завещание Осипа Гримма и расписка Георга Вольдемара Кантора .....</i>	261
<i>Приложение 8. Права купцов Великого княжества Финляндского, 1838 год .....</i>	262
<i>Приложение 9. Жалоба иностранки Кантер. 1825 год .....</i>	265
<i>Приложение 10. Литература о Канторе .....</i>	266
Примечания Георга Зингера к книге Г. И. Синкевич «Георг Кантор из Санкт-Петербурга»	320
Список лиц, упоминаемых в тексте	347

Научное издание

Синкевич Галина Ивановна

**ГЕОРГ КАНТОР ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
(с комментариями Георга Зингера)**

Монография

Редактор *Е. Г. Терскова*

Корректор *Е. Н. Апринцева*

Компьютерная верстка *М. В. Смирновой*

Подписано к печати 03.03.2023. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 30,2. Тираж 500 экз. Заказ 22. «С» 15.

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.
190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4.

Отпечатано на МФУ. 198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 32, лит. А.

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

